

Волга

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

1-2 (514)

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Владимир Аристов. Течение ночи. <i>Стихи</i>	3
Михаил Токарев. Приключения фрезеровщика в стране Оз. <i>Роман</i>	8
Ирма Гендернис. Смешанные мишени. <i>Стихи</i>	119
Сергей Попов. Мама. <i>Околонаучные записки</i>	127
Дмитрий Волковой. Угасание. <i>Стихи</i>	131
Иван Макаров. Русский язык для иностранцев. <i>Рассказы, сказки, стихи, анекдоты и прочее из Новой Русской Азбуки</i>	136
Янина Бальтаз. «Пока ты по лестнице вверх, смахивая чердачную паутину...» <i>и др. стихи</i>	150
Игорь Малышев. <i>Tombe la neige и др. рассказы</i>	157
Андрей Торопов. «Просыпаются астры, осыпаются астры...» <i>и др. стихи</i>	165
Владимир Тренин. Разговоры о любви на Янтарном берегу. <i>Рассказ</i>	172
Андрей Жданов. «Позднее утро какого-то года» <i>и др. стихи</i>	177

ИСТОРИЯ. ПЕРСОНАЖИ И СЮЖЕТЫ

Сергей Солоух. Спасибо не скажет никто.....	184
--	-----

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ

Николай Аржанов. Записка Николая Гущина – Михаилу Аржанову.....	209
--	-----

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Валерий Горюнов. Скелет воды <i>О кн.: Гала Узрютова. Выбор воды</i>	212
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр Москвин. Убийственная сладость <i>О кн.: Алексей Колмогоров. Сахар</i>	215
Алексей Мошков. За «Черным квадратом» Малевича, или Что будет после конца истории <i>О кн.: Евгений Волков. Натюрморт</i>	216
Илья Склярский. Что позволено Нептуну, не позволено быку <i>О кн.: Антон Секисов. Курорт</i>	218

Владимир АРИСТОВ

ТЕЧЕНИЕ НОЧИ

Книга устало раскинула крылья
В темноте ты нащупал чуть выпуклый шрифт
В эту ночь можно было бы и свет включить
Но там где искал ты источник был только сток

Он внезапно возник
В наших опытах
Неожиданно
Как неземной результат
В изношенных кедах
И с горлом больным
В камуфляже слинялом
Явно с чужого плеча
Он сказал, а верней, прохрипел
Что рассказать ничего не сможет
Потому что это нельзя передать
Да мы его и не просили
Мы видели больше
В его разных глазах – разных осколках озер
Лишь больное желание
Оттолкнувшись, уйти от земли
Но наверное даже на это сил уже не хватало
Он шатался, но земная тяга
Вниз тянула каждый его неуверенный шаг
«Запишите», – прошептал он
указав неразжимаемым кулаком
в давно запекшейся крови
в светлый компьютерный экран
(словно откуда-то знал про наш лабораторный журнал дневник наблюдений)
Что прошу одного, чтобы меня поместили
В зеркальный шкаф

Владимир Аристов родился и живет в Москве. Окончил МФТИ, доктор физико-математических наук. Публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Комментарии», «Иностранная литература», «Арион», «Воздух», «НЛО» и др. Автор двадцати одной книги поэзии и прозы. Литературные премии: им. Алексея Крученых (1993), Андрея Белого (2008), «Различие» (2016). Предыдущая публикация в «Волге» – «Встречное движение» (интервью, 2023, № 1-2).

Чтобы меня не видели, не зрили
Но знали, что я там – здесь
А я бы видел всех
И дальше, дальше, дальше
Напоследок взглянуть на долины, долины, долины
То, что я видел тогда, думал в последний раз
Мы уверили, что теперь не в последний
Что его опыт теперь нескончаем
А он просил его прекратить
Погасить экраны
И еще раз – прозрачными сделать все зеркала
Раз уж не в наших силах все окончить, закончить
И мы уверили его, что сделаем все, что можем

Серебряная седина

Ты кухонный увидел нож
Нет, ты его увидишь
И мирную его мирскую сталь ты видишь

Снежные корабли

Я думал снега сошлись
А это целый флот
Детских смятых кораблей
Смятых снежных кораблей

Слеза протаяла весну
И горький ключ забил
Забвеньем будет ли
Или новым сладостным снегом

То трюм, а не тюрьма
Забвенье, а не тьма
Мы будем рядом все стоять
Любить, а не
Не забывать, нет, да, не забывать

Связной – из сна твоего тянется бинт

Кругосветное свадебное путешествие

Головокружение шара земного
Рыбы и подлодки и смена кают

Все смешалось у вас дорогие
Рубашка смята на дне рундука
И новенький день звенит как деньги
Видите вы лишь профили друг друга
На фоне вулкана безжизненного
На фоне воды прозрачной до дна веков
Фрегат «Паллада» и «Бигль» на дне зеленой бутылки
Зеркальное небо вокруг
А за зеркалом счастье всеобщее
Доступнее чем вы друг для друга

Течение ночи

В течение ночи вторгается день
Мгновенным лицом окрыленным
И сразу бледнеет с глаз отведенной помехой
До призрачности до прозрачности влажного знака
Темнота останется
И все же неполная тишина
Улиц
Откуда может быть раковинами ушными подобран
Едва различимый назойливый зуд или телефон
И беженец-слух понарошку в ночи погибает

С неясной миссией
Наш черно-белый кот Маркиз
Отправлялся по гранитному карнизу
К дипломатическим квартирам
От нашей коммуналки
Над не столь высокой бездной
Над улицей Горького
На третьем этаже
И возвращался отпробовав домашних
возможно иноземных цветов
Слегка отравленный
С открытыми на мир огромными глазами
На паркете следы той тошноты
Недолго сохранялись
Кошмар кошае-человечий
Примирила всё вода
Сырая ткань паркета проступала
И древесина взгляд влекла – ее погладить светом

Non-fiction. Гостиный двор

О, я хочу безумно жить
А. Блок

Мир не без умных людей
Безымянная сентенция

Люди в гостях у книги. Книги в гостях у людей.

Здесь книги есть как драгоценные вина
А несколькими ступенями ниже
Коллекционный винил

Не любите книгу в себе (как вещь)
А себя в книге
Автору это не скажешь

Медленно я ходил по рядам
И качал головой
А потом той же кивал головою

От отчаяния
Потому что даже названия всех
книг не охватишь
И всех – хотя бы тут – всех людей
не прочтешь
Но одного в толпе я узнал
И воскликнул: «Стетсон!»
Он обернулся, я воскликнул:
«Чейгин!»

Но вновь обознался
И все же
Сам он меня узнал

И мы стояли, говоря друг с другом глазами
и словами

И вдруг через него одного
и люди другие раскрылись
И я незаметно взял в левую руку
какую-то книгу
И зрением боковым ее раскрыл
В простой оранжевой оболочке
на странице я школу свою узнал
И рядом увидел образ церкви
где школа потом возникла
Там где венчалась Цветаева
И я эту книгу закрыл

Но другие книги вдруг незаметно открылись
Чтобы войти во все достаточно лишь одной
Чтобы войти в людей достаточно одного

И мой приятель после того, как я это ему
сказал
Улыбнуться хотел или качнуть головой
Но тут его узнал один, затем другой и
все по цепочке
А я остался один среди книг, не узнаваем никем

Свет и в ночи
Вместе со всеми
Очнуться, когда еще зимняя темнота
И миновал одиночку войти

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФРЕЗЕРОВЩИКА В СТРАНЕ ОЗ

Роман

Глава 1

Отвоюйте уже кто-нибудь Марину у всех земель, у всех небес

Отче наш, сущий на небесах, да святится имя твое, в самом деле отец, а не отчим, люди братья и сестры, сестры и братья, лесные, городские, единокровные. И потерянные точки над буквой Е, очевидно, созвучны отчасти поступку некой Марины Ивановны. Прекрати, слышишь, не надо паясничать, Леонид, Лео, Леонидище, в конце-то концов. По-видимому, твои двенадцать классов церковно-приходской школы, увы, выглядят несколько нелепо, если не сказать симптоматично. И тотчас, перебивая магистральную линию, вспоминается сорванец, нарушивший ход вещей, съевший тарелку щей в крайне блокадном положении, впрочем, лишения не столько чувствуются, сколько подразумеваются, когда ты всего лишь родился в пылу *par excellence* скандала. Он вспоминается, мальчишка-то вспоминается. Почему же вы себя ведете так, то есть ты себя так ведешь недостойно, Леонид, впрочем, когда в следующий раз вздумашь сделать нечто хорошее, не знаю, показывать людям, сколь не постыдно жить с душевными недугами, ты попроси заранее у всех прощения, с тебя не убудет. Да придёт царствие твое, да будет воля твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день. Меж тем, лишившись тока, сеть водоснабжения оставила нас в дураках, сделалось очень уж холодно, несмотря на конец апреля. Насосы, определенно, насосы, фильтры, их живая связь, нарушившаяся, да оборвавшаяся, не дает нам покоя, но постойте, список виновных у нас имеется, каждый ответит по строгости горгоны. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо твое царство и сила и слава вовеки, аминь.

Отец Алексей, весьма истончившийся, в черных брюках, красной олимпийке, желтой ризе с вышитыми алыми цветками, крестами. Отец Алексей, мужчина, жертвующий последнюю пайку хлеба, мужчина с блеклыми губами, благолепною бородою, элегично читал молитвы. Серебряная икона богородицы с тремя руками на месте игумена. У нее не три руки, это не третья рука, что вы, просто как-то раз в Византии, когда велась борьба с иконами. Когда император Лев Третий учинил различные непотребства, один из церковных отцов Иоанн Дамаскин посмел возразить строптивому руководителю. После чего Иоанну отрубили кисть правой руки. Дамаскин с этой кистью в уединении молился пред образом Богородицы, потом уснул, потом проснулся, рука чудесным образом восстановилась. В благодарность тот сделал серебряную кисть и прикрепил к иконе. Наш священник говорит о милосердии божьем, говорит, милосердие подобно морю, сколь много грехов-камней не бросай, не заполнишь пучину морскую. Линялые граждане, граждане, потерявшие ярость красок, внемлют. Младенец исполняет песнь кита, сколь удивительный речевой аппарат. – Тише ты, тише, – шикает матушка, девушка с голубоватым лицом, светлыми

Михаил Токарев родился в 1996 году в Иркутске, переехал в Москву, окончил институт журналистики и литературного творчества в 2018 году, в 2020 году окончил магистратуру РГУ. В «Волге» опубликованы рассказ, пять романов, повесть (2022–2024).

волосами, в черном платке с маками. – Ты в порядке, начальник? – спрашивает у ребятенка шепотом гражданин, брезгливо поморщившись. У гражданина с лобачевским угрюмым взглядом, каштановыми волосами, торчащими в разные стороны, кончается терпение, однако я вижу, с каким трудом он себя укрощает, поразительно. В его воспаленных глазах читается явственная тоска. Священник издает протяжный стон, говорит о том, что Бог создал неподъемный для себя камень и этот камень есть человек с его свободной волей. – Истинно так, – соглашаются с ним истощенные прихожане.

Но среди нас встречаются и небесные карьеристы, впрочем, столь далеко лежащие выводы спорны с точки зрения некоторой ситуации, в которой мы все очухались буквально позавчера. Хотя блокада длилась где-то с полгода, но смысл стал доходить существенно позже. Когда в городе пропали домашние животные, стали прилетать зажигательные и фугасные бомбы, а также ввели карточную систему, кто-то безбожно глупил, пытаясь отоваривать контурные карты, такому сразу же говорили, что ж ты, Федор Александрович, путаешь теплое с холодным. И привидение супа с пампушками чрезмерно волновало моих дорогих сограждан. А еще внезапно не болевшие звуки принялись помирать, к слову сказать. Жизнь это крик, полагали мы, поэтому, начиная с детского садика, на нас отчаянно кричали тетеньки, потом иные тетеньки кричали в гастрономе, собесе, военкомате, на следственных мероприятиях, дома, в конторе, где мы служили. Двужильные, непоколебимые в своем стремлении сдохнуть, пардон, выстоять. Мы безропотно переносили те крики, подобно тому как маленькие человеческие леопарды безропотно переносят зеленые пятна на своих мордашках.

Церковь на улице рабочих-анархистов Сакко и Ванцетти, церковь пятидесятников. Уютное место, уютное, как дальний путь в плацкартном вагоне, времени четыре вечера, до комендантского часа успеется домой возвратиться. Вы, несомненно, помните, где много слов, там неизбежный грех, и я говорю увлеченно, как будто боюсь не успеть сказать нечто важное, поэтому будьте добры, послушайте, послушайте, я вам говорю. Выпускаю эти слова, так паук выпускает свою паутину, ваши глазки слипаются, страшное дело, липкая паутина. Прихожане, словно пьяный корабль Верлена, бесшумно покачивались на волнах, от голода. Но я решил досказать о том, насколько мне важно просто говорить, пока голос не стих, голод не стих, ничто не стих, кроме хорошенькой порции Уолта Уитмена на завтрак, Ольги Седаковой на обед, Боба Кауфмана на полдник. И пока еще кавалькады нужных буковок несутся с необходимой скоростью. И мое пенсионное удостоверение оказывает положительный эффект на впечатлительных девчонок. Охотно треплюсь по поводу и без повода. Постой, теперь и меня подмывает сказать тебе, Леня, за нами правда, перед нами вон стоит прекрасная маленькая женщина. Будь любезен, опиши ее нам, по всей видимости, ей немногим за двадцать, она лилипутка. Ладно, ладно, я опишу, но ты не сквернословь, паршивый троцкист.

Ее белая блузка была созвучна чайке, ее красная кожаная юбка отчасти рифмовалась с комнатой, что некогда изобразил Анри Матисс. Она занимает всего ничего, полтора метра высоты, ширины сантиметров, ну, сколько, пятнадцать-двадцать. Вокруг нас бытовала страстная пятница. Голос отца Алексея, густой, словно алтайский мед, тянется, переливается в лучах воскового солнышка. Ладаном веет, ладан сильнее запаха нужды, перебивает, знаете ли, голод. В глазах мельтешат мошки. Промыть глаза проточным светом абсолютно нету возможности. Прищуриваюсь. А зовут ее Лизавета. Лизавета напоминает покинутые гражданами галлюциногенные шестидесятые, граждане, получившие дополнительные инструкции, решили не вступать в полемику и просто покинули те замечательные шестидесятые. Она являлась человеком вежливым и очаровательным, служила на полставки бухгалтершей в единственной ныне работающей столовой, имеющей название «Полпервого», жутко комично, не правда ли. Столовая и впрямь работала до полпервого ночи. У вежливой и очаровательной лилипутки вовсе не было нужды служить на полставки бухгалтершей в этом общепитовском заведении, прозванном иронично народом: самый мерзкий день закончится в полночь. Ее отец, мужчина с фамилией Кротов, подслеповатый

спекулянт-забияка с недюжинным аппетитом, по слухам, он помещал в людей пули, если те отказывались возвращать долги. Пламя свечи в красной лампадке дрожит, в синей лампадке потухло.

У меня когда-то была подружка, точно-точно, подружка, ее звали Полина, и она уродилась поэтессой, ее мать работала на вредном предприятии, отец много пил. Да вы что, у меня же была еще одна подружка, память старательно подсовывает Нину, страдающую от невозможности бросить своего мужа, совестливого, в сущности, человека, директора птицефабрики, потекающего капризам жены, собственно говоря, мы так и жили, Нина, муж и я. А следом, следом возникает образ Вероники, Вероники-психиатра. Все они уходили первыми, я желал сберечь их от себя, в быту совершенно несносен, понимаете ли. Мне нравилось в них сокрытое где-то в междуречье, в долине двух рек, в долине Тигра и Евфрата, грубо говоря, основание их женственности. Фу, вернее, фи, зачем ты, скажи-ка, зачем ты об этом, об этом не надо. Тогда и вправду не будем. На церковном крыльце стоят братья Павлики Мычалкины. Дверь, обитая зеленой искусственной кожей, приоткрыта. Пополнив ряды ночных, как бы выразиться точнее, хулиганов, Павлики совершали набеги на квартиры, хозяев которых давненько не видели в продовольственных очередях. Не оскорбленная часть души могла оскорбиться, однако не оскорблялась, и я не могу осуждать ночных, скажем прямо, хулиганов за желание выжить. Желтые пакеты на их головах, им несколько стыдно за собственные прегрешения. Мужчины долговязы, разрушены тяжелым преступным трудом, на них коричневые куртки летчиков. Они проиграли в войне за внимание женщины, женщины, что взгромоздилась сейчас на голубого школьного козла, заменяющего скамью.

Эту женщину зовут Верба Николаевна, от нее в самом деле пахнет вербой, некогда барышня приносила в подоле замечательные мысли, весь город, затаив дыхание, слушал, как она читала по радио собственные фантастические рассказы. Нервный тик так искажил черты ее лица, что те стали почти уродливыми, но не уродливей лучших черт, виденных мною когда-либо. Я отвлекаюсь на ее ноги в капроновых колготках, мой взгляд ощупывает морковные туфли-лодочки, поднимается выше. Поразившись наличествуящему во мне либидо, у меня даже возраст не определим. То ли ребенок во взрослом теле, то ли дефективный мужчина, по крайней мере, не злой, что не может не радовать девчонок, склонных учинять скандалчики. Я чувствую страсть плотскую и греховную к этим ножкам. А еще мне вспоминается, Верба Ивановна бьет изящные апперкоты, словно Артуро Гатти; была когда-то, теперь ей уж за шестьдесят, ее сыновья Павлики личная трагедия, крест. Женщина появлялась на полях, что называется, жизни многих мужчин нашего города. Изразцовая белая плитка с голубыми цветками на стенах и полу в алтарном приделе, всматриваюсь в нее, слипаются глаза, тысячи ресничек прихожан летят в мои глаза, совершенно безобразно чихаю. – Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах, – произносит священник, покачнувшись.

Леонид, упершись глазами в потолок, разглядывал дамочек с птичьими телами, что восседали на ветках раскидистого древа. Их звали Сирин и Алконост, на их головах красные кокошники, на их лицах блуждали томные улыбки. Черные перья одной и белые перья другой изумительным образом сообщали о чем-то. Леонид отличался от сверстников цепким взглядом, взгляд его был подобен взгляду Анри Картье-Брессона, поэтому цвет оперений вызвал у молодого человека приступ схоластических размышлений. Леня помыслил с некоторым сожалением, да, молиться надобно по изъявлению сердца, но никак не из-за похмельного стыда. Откуда-то послышалось верешение, как будто верешавший чрезмерно разволновался оттого, что узнал наверняка, девчонки подобны редуктору в нашей жизни, они понижают обороты и повышают силу тяги. Поэтому с девчонками придется все же связаться. Отец Алексей шурит глаза, пот выступает на его желтоватом, сырном лбу. Позади, у самых царских ворот, где архангел Гавриил и Дева Мария благую весть несли, произошел прелюбопытнейший инцидент. Гражданин по имени Толик Порядок, слесарь горбатый, точно коленчатый вал. Поймал за ухо лупоглазого парня в джинсовом костюмчике, затрудняющегося ответить, важны ли птичьи права в контексте, знаете ли, сверхчеловече-

ских обязанностей дворника с рогаткой. Храбрость отчаяния была явлена нам: мальчишка, чьи волосы лебяжий пух, схватившись за кожаный ремень Толика, должно быть, желал сварить чужой ремень, после и сожрать. – Дядька, пусти, – бился он камбалой в руках Толика. Отец Алексий поглядел на нас, неразумных и напуганных безмерными потрясениями. Видится мне, социум не успел разбить его сердце, точно ненужную утварь, сердце священника вмещало многое. Вы думаете, это все шуточки-уточка, однако это не шуточки-уточка, мы серьезны, бросьте острить там, на задней парте. В самом деле, священнослужитель сказал великое: довольно. Это крошечный моветон, вязаться к детям со своими советами не жрать ремень, крошечный моветон, точно похотливая геометрия, что ластится к женатому семикласснику. Легкое, словно наволочка, дыхание той геометрии является причиной нашего возбуждения сейчас. Плачет по нам Колыма, смеются от наших шуток любящие высокую литературу люди. Мы взглянули на это все дело, лихорадочный полусумрак блуждал по нашим лицам. Анатолий имел механические тормоза, в определенном значении он являлся трактором. Поэтому способность остановиться в нужный момент, в момент, когда остановки требует сердобольное общество, была нам продемонстрирована. Толик прошептал, заплакав: прости, пацан.

Сокровище благ и податель жизни, приди и поселись в нас, в твоих, не ведающих, что творят, людях-хрущевках. Вдруг чувствую женские руки на себе. Скользкие, улиточные ползки этих красивых рук по моим карманам. Помнится, малолетняя дочь владелицы рук строила финансовые пирамидки, бывший муж присылал заграничные пирамидки, они стоили целые состояния, теперь от мужа нет вестей, какие тут вести, полнейшая белиберда, даже интернет отключают временами, электричество подают дважды в сутки на три часа, педанты. Разные мужчины желали поискать в декольте владелицы рук жемчуг, а также обуздать ее целиком, ох, они вились вокруг нее, что карельская мошкара. На узловатых, длинных пальцах нету колец, заложила. Карманы моих лазерových брюк пусты, женские пальчики грустно вздыхают, поднимаются выше. Наши пальчики устали подобно тому, как немецкий военнопленный Рейнхард Кунце устал сидеть в тюрьме пятьдесят пять лет. Она шепчет что-то извинительное, но пальцы продолжают ощупывать. В кармане пиджака завалялся сухарь, посыпанный сахаром, я намеренно его положил перед службой, желая порадовать ее дочурку. Пальцы впиваются мне в бок, я думаю, что они впиваются благодарственно, то есть когда они нашли сухарик, они несказанно обрадовались. Может быть, как-нибудь переживем все это. «Может быть, переживаем» крадется за нею, крадется за всеми нами. Ее серые руки напоминают расстояния между строчками в книгах, в книгах читанных-перечитанных, в книгах, где важна интонация, неважны буквы. Очисти нас от всякого греха и спаси наши души, пожалуйста.

По окончании таинства, когда корпулентное тело карнавала перестало устраивать Бахтина и он предложил карнавалу схуднуть. Когда последний, что там, единственный, сухарик из Лениного кармана перекочевал в обнищавший карман. Когда на улице, в этом скромном городке, гордящимся присутствием на карте, случился вечер. Леонид, инкорпорированный в залитый сумраком пейзаж, раскурил свою трубку из кукурузы. Молодой человек не спеша направился через дворы, в сторону роддома, помнится, сегодня рожала видная оперная певица. И всем чрезвычайно хотелось послушать, как она справится с такой задачей, петь и рожать, всем хотелось отвлечься, знаете ли. Мероприятие анонсировали еще на прошлой неделе. И несмотря на комендантский час, вечер обещал быть весьма интересным. Отводя от лица белье, что сушилось на веревках, он задумался, пожалуй, одичанье очистит нас от скверны, быть может, мы стремимся к этому самому одичанию, и в этом нет ничего злого. Вился синий туман в тихой долине, мешаясь с дымом костров. Туман был нехороший, химический, граждане из него возвращались другими, если вообще возвращались. Он стлался по земле прямо навстречу, и пришлось давать солидного крюка. И тут мы вынуждены пояснить, ситуация с туманом похожа на обрыв линии электропередач. Если подобная ситуация произошла, необходимо в срочном порядке выйти из активной зоны, это примерно восемь метров. Помните, выходите гусиным шагом, то есть не отрывая ступни от земли,

правая пятка соприкоснулась с левым носком, левая пятка с правым и так далее. Как поплавки в этом тумане плывут черепа лошадей, прислушайся, прохожий, услышишь шепот космодрома. До самого Пскова нонче болота, в селе Новоселье поселились кикиморы, в Печорах, а фиг его знает, что там в Печорах, блокада. Интернет правды не говорит, а слова, слова. А в начале-то было слово хлеб или слово пацана, который смутился, его уличили во лжи, и никакая девчонка прошлой ночью с ним не куролесила вовсе. И кто разберет, где свои, где чужие слова.

По доске, перекинутой через глубочайшую лужу, идет мужик, качается. Его ноги в кремовых туфлях саламандра заплетаются, мозг с аппетитом пожирает мышцы. Однажды, то есть на прошлой неделе, он получил скверное письмецо, возвращался так же домой, а письмецо, представьте, ожидало на коврике. Уважаемый Аркадий Илларионович, прошу простить меня за то, что я разбил ваш автомобиль ВАЗ, а также за то, что сплю с вашей бывшей женой Аделаидой. Мне очень жаль и в свете последних событий хочется быть с вами откровенным, кто знает, где мы окажемся все завтра. И многое стало понятным ему, Аркадию Илларионовичу, о природе баб, о цене дружбы. Он заработался до колик в сердце в этой связи. Речь это другие, помнил он, поэтому экономил слова, чтобы сосредоточиться полностью на себе и своих потребностях. Перестав разговаривать с коллегами, соседями, сделался эдаким человеком не от мира сего, что идет, понимаешь, качается. Вводил в искушение собак, пока они еще были. Не понимали собаки, отчего такой видный мужичка не боится их лая. Забавный этот Аркадий Илларионович. Забавный, как тот случай, тот удивительный случай, когда Осип Мандельштам чрезвычайно возбудился оттого, что написал новое стихотворение. И бросившись через дорогу от дома к городскому автомату, кому-то позвонил. И там ему ответили, а поэт гневно закричал, мол, ему некому больше читать. А звонил он следователю НКВД, к которому был прикреплен. Захотелось их догнать, Мандельштама и Аркадия, но зачем, просто захотелось и все. Леонид ускорился, гражданин принялся озираться, тоже ускорился, потом решительно так побежал.

Отыграл закат, зарумянился восток. Верхушки сосняка в движение пришли. На проспекте пятидесятилетия ВЛКСМ повстречался с Танюшкой, единственной соседкой, что наличествовала в нашем исхудавшем доме, прочие жильцы пребывали в эвакуации. Иные прочие примкнули к уличным бандам. Таня походила на Юлию Друнину, мне отчего-то казалось, соседке не хватает надежного тыла, ее засасывал житейский омут, впрочем, в своей квартире она громко пела и, кажется, старалась показать присутствующему за стенкой мне: все не так плохо, глазастик. Барышня служила в медсанчасти. Будучи родом не из детства, из войны, она ценила радость тишины и каждый новый день, что ею прожит. – Да эта женщина форменный дебил! – деловито заметила она без предисловий, наморщив свое личико. Разумеется, Татьяна имела в виду свою давнюю соперницу Монику, известную проститутку и карьеристку, что крутила романы с высшим руководством их медсанчасти. – Милочка, есть такое суждение, что наука применима лишь к повторяемым феноменам, но все самое интересное в жизни не повторяется, и я, знаете, согласен с этой дефиницией чудесного, – говорю ей, неистово шутя. Мы с нею беседуем, идем под ручку. Она старшая по подъезду, говорю: Тань, у нас кто-то на лестничной клетке гадит. Жеманная игривость моего тона несколько развеселила Лыткину. Зная с определенностью, что гажу в нашем подъезде я, она предпочла мне подыграть. – Как ты догадываешься, я отношусь к твоим делам философически, – отвечает соседка. И целует меня в шею секунд пять, громохание артерии оглушает прекрасную деву. Когда она перестала это делать, мы безмолвно перешли пустынную дорогу. И только ее фонарик-жучок освещал нам путь. У родильного дома из красного кирпича она робко спросила: ты пойдешь на концерт Людмилы Каонаси? А мне внезапно расхотелось туда идти. Подумалось отчего-то с грустинкой о недавнем недуге, перенесенном не с той легкостью, с которой хотелось бы. – Нет, – сообщаю, – пожалуй, прогуляюсь перед сном. Танюша в своем черном платье, обшитом венецианским гипюром. Она в данном платье, надетом по случаю родов талантливой Людмилы Каонаси, чрезвычайно изысканна, в этом бабушкином платье. Прямо в нем бабка Лыткиной отправилась к Петру за яблоками. В этом платьишке, мне кажется, есть какая-то

недосказанность. Быть может, все дело в оторванном рукаве. Помните, ненадеванные платье, не говоренные речи, нераскрытые объятия, не свершившиеся встречи, как метко заметила Елена Аксельрод. Нечто подобное я углядел в том платье. Тем не менее, делиться соображениями на этот счет на спешил, чтобы не расстраивать понапрасну Таню. Ограничившись комплиментом: ты изящна, Лыткина, словно собака малинуа. Удалился.

По сумеречной улке валяжно ехала «Нива» цвета кувшинной икры. В ней сидели дружинники. Пришлось свернуть во дворы. Но если бы я просто свернул во дворы, никоим образом не сообщив дружинникам о том, куда направляюсь. Тогда читатель, ставший свидетелем той встречи, закричал бы: не ври, падла, ты кивнул им головой. И будет совершенно прав. По договоренности с дружинниками я направлялся ловить нарушителя. То есть не нарушителя вовсе, то есть я шел подставлять человека, дабы скрыть собственное противоправное действие. Во дворе едва слышный свет, доносящийся из окна первого этажа, выявил человека. Человеку доверяли, но не проверяли, но доверяли сто процентов опрошенных граждан. Он бросил свое чахоточное тело на скамейку, подобно тому как боксер бросает свое прелое тело на канаты ринга. Завидный жених, у него спецпак, трудится на оборонном заводе до некоторой степени секретном. К нему подошли двое. – Его надо бы обыскать, – говорит Кейн, главный редактор газеты «Первая смена». – Вот сам и обыскивай, умник, – отвечает Линч, разводя руками, словно цыгане, разводящие на вокзале доверчивых людей. Линч, мужчина с наружностью труженика, с усами такими нормальными. Синие мешки под глазами, лицо что плод изюма, зато усы мировые. У них отсутствуют денежки на еду, это понятно. – Привет, детектив, – обратился ко мне Кейн, оглушая светом своего железнодорожного фонаря. В седых пирамидах его волос завалилась хорошенькая мумия. В городе случилась эпидемия вшей, сознательные граждане старались стричься покороче, немногие позволяли себе расхаживать с такой шевелюрой. Консистенция его лица была смутно знакома, взглядевшись, вспомнил, это ж редактор газеты «Первая смена», ненавистник вставать спозаранку, кроткий и чрезвычайно конфузливый мужчина. – А что это вы тут делаете противоправное? – задал дежурный вопрос я. И мысль, знаете ли, посетила голову, сдать их обоих тем дружинникам, с которыми у меня была договоренность.

Сейчас Линч скажет: я же говорил, детектив сейчас будет возвращаться из церкви. – Ну, собственно, я же говорил, детектив сейчас будет возвращаться из церкви, – говорит он. Линч входит в команду лучших крысоловов. Они расхаживали тройками в длинных кожаных плащах, за плечами носили ранцевые огнеметы РОКС-3. Этикет для них важнее всего на свете, они бородастую мать в цирк продадут, но немодные брюки ни за что не наденут. Припоминаю, как он приручал несколько месяцев одну белую крысу, та ему однажды заметила: ты делаешь успехи, дружок. После столь высокой оценки собственного труда Линч решил сделаться серьезным гражданином, остепениться, жениться, нарожать детишек. Для этих целей нашел где-то девушку-киноведа. Хорошая, словно хлебушек с маслом, посыпанный сахаром, говоря откровенно, эта девушка-киновед. Какое счастье над ними стряслось, не знали даже средства ПВО. Но сильные, будто псковские десантники, чувства, вспыхнувшие между Линчем и девушкой-киноведом, не давали покоя завистникам. Ух, думаю, Линч не заслуживает моего предательства. И Кейн тоже не заслуживает, однако надо выбирать. Считалочкой, что ли, впрочем, детский сад, впрочем, тут судьбы решаются, какая считалочка. – Леонид, можно мы оберем его как липу? – перебивает размышления главный редактор «Смены».

Думаю, думаю, думаю, ду. Кейн сожрал всех соседских кошек, по нынешним временам высокая мера. Я же сдам его в качественно иной роли, в роли, за которую дают иную премию, не расстрел. Где-то стучали значительно молотком, точно пытались повторить крымское землетрясение, в результате землетрясения, замечу, потерялся предмет мебели, искомый Остапом. Подул ветерок, любой войне была уготована участь утопнуть в чернильнице писателя, и нам всем за компанию с войною утопнуть. Стоял один из тех вечеров, что действуют положительно на человеческую душу. Однако этот вечер с высоким, задумчивым лбом показался мне совершенно

паршивым. – Линч, Кейн, – говорю, – пошли-ка вы, знаете, куда? – А сам решительно зашагал в сторону автомобиля с дружинниками. Они припарковались на выезде со двора, не глуша мотор. Из салона вышел Натан Уткин, младший брат шерифа нашего города, весь педагогический состав, пардон, все милиционеры, военные вынужденно покинули свои дома. Теперь уж они рискуют жизнями не здесь. Вместо них молодые, но добрые. Подростокое поколение неуловимых мстителей блюдет порядок. Натан высок, скуласт, брюнет. Бирюзовая рубашка, рукава закатаны до локтей, в наплечной кобуре импульсный пистолет-пулемет. Штука не опасная для человека, так, сознание потеряешь на пять минуточек. Зато страшный урон для техники, короткие замыкания, повреждения трансформаторов. Щетина на его лице серебрилась, он глухо спросил у Леонида: который? – Седой и патлатый, – буркнул сыщик. И поспешил оставить позади этот чудовищный факт своей биографии.

Как было сказано небезызвестным писателем, в жизни, знаешь ли ты, он и впрямь так сказал: знаешь ли ты. Так вот он сказал помимо прочего, дескать, в жизни всегда есть место подвигам. В свою очередь, школьники особенно прозорливы в собственных сочинениях. Теперь уже приведем слова школьников касательно данной фразы: нельзя не согласиться с этим высказыванием, однако для начала следовало бы разобраться, что же такое подвиг человека. Разберитесь, будьте любезны, и они разбираются, въедливые ребята. И сообщают нам: ответ не прост, как видится многим, в любом случае, подвиг это важное и сложное деяние, никогда не теряющее своей актуальности, и поэтому подвиг всегда уместен. О, до чего низко я пал, словно распоследняя падаль, словно Митюша, что повесился на шее Катерины Измайловой, которая истово топится в бездонных глазах Сергея Полякова, который превышает допустимую дозировку лекарства, которое погубило не одно поколение, между прочим. Довольствоваться своим жалованием и никого не обижать выходило не очень-то сносно, я был человеком безнравственным и порочным. Какой уж тут подвиг, увольте всех, оставьте лишь бюджетников. Земля гудела от избыточной кислотности, скушала что-то не то. На карусели-лошадке сидела моя совесть, она вырядилась распутно, колготки в сеточку, растянутая белая майка, пурпурная помада, тушь потекла, она смотрела с осуждением. Тем временем закончился апрель, вы будете продлевать?

Глава 2

Одна ножка у меня короче второй, поэтому я и не пляшу под вашу дудку

Беспечный смех еще в зиготе, не высохший черный лак на ногтях вашей юности. И прочие, прочие глупости, способные развратить юное дарование. И хлопотливые муравьи норуют за ползти в нос, пунктиром ползут. Рогатая ель, густо обвешанная старыми шишками. Черемухи кудри, пережжешь локоны, а, нет, бигуди, тогда не пережжешь, ваши локоны бесподобны. Стрекоты вонзаются в воздух, застревают, орут что полоумные, задыхаясь от собственного бессилия. А еще ухают зенитные орудия, обмершие дома гадают на ромашках, кто сложится первым. Уханье стихло. Ромашки спрятались, поникли лютики, один литератор отправился обучаться на оператора фрезерного станка с числовым программным управлением, да, да, Токарев. Пузатый темно-синий аэростат, напоминающий кашалота, плыл над панельными домами. Расстегнутый корсет коры, красная водонапорная башня-ладья шагнула по диагонали, заработала взыскание. Розовеющая блузка яблоны порвана в двух местах, заявление писать не намерена, говорит, по любви. Необычайной тоскою полнилась земля, мельчал, мелел досуг, да голову терзали думы ни о чем. Растаял снег, имевший цвет корней, отросших у блондинки, но брюнетки. Пахло креозотом и пахло великосветской весной. И ничего совсем непонятно было, порою так непонятно, что за примета, если черная беременная кошка перебегает дорогу, быть может, она беременна белым котенком, тогда не теряя ли силу примета.

Они прошли по самой кромке обстоятельного кратера, растрескавшаяся кожа асфальта, совершенно пурпурный чертополох, эти звезды с острыми концами, эти брызги северной зари; чертополох рос у сарайчика. Преждевременный тополиный пух, тучи белых мух летели в сторону малосемейного общежития, из окон которого торчали бритые головы медичек, они с интересом следили за передвижениями телевизионщиков. А вдоль покосившегося гнилого забора бежала крыса, тварина такая прекрасная, вероятно, направлялась на макаронную фабрику, кажется, утром в чьем-то сновидении взорвался цех, всю округу оросило макаронами. Мужчина и женщина подошли к дому призрения, каменному желтому особняку с лепниной на фасаде. В подобной манере выполнен иной особняк, принадлежащий некогда московскому булочнику Филиппову, ныне там администрация спортбазы подольского района, но это не относится к делу, поэтому вздор, не обращайтесь внимания. Барышня, можно сказать, авантажна, с лицом, похожим на мятую пятитысячную купюру, столь желанным кем-то, столь уставшим. На ней бордовый фланелевый блейзер, на груди агатовая брошь, на шее повязан сиреневый платочек. Обвислые моржовые усы несколько старят ее спутника, мальчишку лет двадцати пяти, кудрявого и рыжего гражданина с видеокамерой. Дамочка облизывает брусничные губы, сливовые тени для глаз говорят нам о некоем созвучии, веки барышни созвучны с крылышками бабочки Морфо Пелеида, туды твою растуды. – Славик, давай я так встану, а ты снимай, чтобы в кадр попал череп собаки, – говорит она своему компаньону. Тот вскидывает камеру двенадцатого калибра, берет на прицел эту внеземную дичь, а также череп собаки, притаившийся в кустах акации.

– Его появление на свет явилось результатом, вернее сказать, – женщина осеклась на полуслове, – нет, Слава, давай переснимем. – Бледный товарищ в коричневой куртке с овчинной подкладкой, с телекамерой, улынулся сухими, словно пустыня Мохаве, тонкими губами. – Наш сегодняшний герой есть плод любви, созревший в результате международных отношений, папа бурятский комиссар, мама пленная немка. – Красивая девчонка, точно лето в поселке Рабочеостровск, эта корреспондентка, заметит кто-то и будет прав. Она зеваёт, в образовавшееся отверстие с легкостью поместятся книжки по философии, яблоко, блистер антидепрессантов, лекции по сопромату, фуражки храбрых мальчишек, с которыми она крутила интрижки. Барышню посетил кризис, как бы выразиться попроще, средневекового возраста, однако журналистка пока этого не знала. Немногим за тридцать пять, стремительно тают надежды, будто кисель под небной костью, тают надежды повстречать свою Пулитцеровскую премию. Она продолжает разглагольствовать пред видеокамерой двенадцатого калибра: сегодняшний герой нашей передачи, человек поистине героической профессии, детектив, не бросивший свою работу даже в минуту полнейшей катастрофы, дорогие зрители, сегодня мне бы хотелось вас познакомить с Леонидом Валентайном. И торопливые ручки журчат. Две малиновки с апельсиновыми брошками поют, сидя на гнилом заборе. В прохладе утренней разлит миндальный аромат повилики. Девушка кривит губы, глядя пространно на спонтанно загоревшийся кустик ослепительно желтой, тощей форзиции, что рос у синего ларька, где ремонтировали некогда телефоны. Оператор горячо зашептал: сумевшим раскрыть преступную сеть подонков, орудующих в доме престарелых на улице Люксембург, сумевшим раскрыть.

В Братске улица Наймушина в Энергетике стала зеленее, представьте себе. Апелляционный суд признал законным приговор террористке Треповой. Мужчина из Магнитогорска выпил со знакомым и остался без кота. Криминальный авторитет Шишкан получил внушительный срок. Серебренников представил фильм о Лимонове в Каннах. А Леонид Валентайн, вышедший в нужный момент из нужной кованой черной двери, припомнил с улыбкой, как месяца три тому в общественном туалете он растекался, словно нефтяная лужа в источнике, женском источнике. Попонятней, пожалуйста, что за источник, тип нефти, парафиновая, циклановая. Да нет же, случилась близость с девушкой, а девушки особенно милы ранней весной, в солнечную погоду, в них наличествует какая-то пьянящая прелесть. И Леня, повстречав такую мадмуазель в детском садике, предался с нею любви в клозете. Позади у него лежало великолепное будущее, впереди маячили

неясные перспективы, поэтому с воспитательницей он и вступил в связь. По великой случайности из заднего кармана джинсов выпала визитная карточка. Она с недоумением прочитала вслух: Леонид Валентайн, частный детектив, Леня, ты что, легавый? Сколь милая простота, не легавый, дорогая Женя, но пес, исполняющий на ксилофоне ребер мелодию ночи. А ты преступница, учившая в своей группе показательные инквизиторские суды понарошку, страдали рыжие дети. Собственно, я вышел на тебя, Женя, потому, что родители ко мне обратились, когда не на шутку озадачились наличием у своих отпрысков испанского башмачка, иголок, щипцов для вырывания сосков.

Мужчина видит этих телевизионщиков, на нем старомодный плащ оттенка желтой лихорадки, оливковые слаксы, пестрая рубашка с клубничками. – А вот и наш герой, расскажите, как вам удалось вообще? – воскликнула очнувшаяся корреспондентка, не давая пространства для маневра. Хотелось пылко сообщить, ради чего физическая равнина, понимаешь ли, не столь удаленной губернии превращается в метафизическую равнину души. Или, к примеру, отчего мы так прикипели к литературе тогда, в юности, ведь можно было в конце школы пойти в хабзайку и стать выдающимися специалистами. А не заниматься поганой литературой.

Журналистка показалась мне в определенном значении овечкой, нарисованной глазастым французом. Сколько же травы ей необходимо для жизнедеятельности, подумалось, стоило взглянуть в ее воспаленные глаза. Я не удостоил парочку ответом. По-верблюжьей глубоко стибал колени при ходьбе, желая продемонстрировать, быть может, собственную важность. – Слышите рабочий гвалт в стенах дома призрения? – спросил мимоходом, споткнувшись на предпоследней ступени, ступени самой подлой. Оператор опрометчиво бросился мне на выручку, едва не разбив свою дорожную камеру. – Я полагала, вы анахорет, то есть избегаете контактов, признаюсь, нам стоило больших трудов связаться с вами, – звенела, как десять и десять и десять копеек в кармане, корреспондентка. Потом она болезненно рассмеялась, вероятно, нервно. Ее смех, казалось, отрицал существование, скажем, этики и морали. Тяжелая, словно вопрос экономического неравенства, дверь открылась, мне помог спутник девчонки. Переступив порог, мы были сражены наповал, но не бесноватыми творениями Босха, воню. Стоит ли говорить, старики щелкали ампулы с цианидом вместо семок, оттого растеряли последние зубы, теперь дышат своими оскудевшими ртами. Мне видится, старики были удавами в каком-то смысле, успешно проглотив кролика своей молодости, в полудреме и безмятежности они переваривали его до самой кончины. На подоконнике стояли в литровой банке георгины, мускулы цветков, пришедшие в негодность, вызвали сочувственный вздох у кого-то за моей спиной. – Меня зовут Дейзи, я представляю, – договорить милочка не успела. Мы очутились в просторном помещении, холле с мутно-зелеными стенами. Холле, объединенном со смотровой комнатой. Комната казалась шкурой бенгальского тигра, обставлена весьма недурно. Два черных льва сидели подле камина, их железные лица покрылись испариной. Персидский, какой же еще, персидский красный ковер с фракталами. – А по отчеству? – спросил наивно я. – Можно без отчества, – ответила дева, отца не помнящая.

– Бог ты мой, они же все того, – вскрикнула испуганно журналистка, как будто запуталась в собственном бюстгальтере на чужой свадьбе. Мы подошли к глубоким креслам, красным в белую крапинку, в них сидели престарелые люди, представьте, десять престарелых людей в креслах-мухоморах, зрелище удивительное. Дейзи поднесла свои пальчики с черными ноготками к щекам, будто щеки являлись ойкуменой, будто девчонка их решила исследовать только сейчас. Леонид поморщился, слишком впечатлительная, врачам и журналистам не стоит быть такими впечатлительными, вредно для кожи. – Они что, в анабиозе, разве их можно в таком состоянии оставлять? – спросил прозорливый человек с камерой. – Что вы, они же не в зиндане каком сидят, они что цветки в оранжеее, – произнес красноречиво Леня, усевшись на лиловую софу. Хотя и желал бестактно спросить: вам что, больше всех надо? – Отчего тут пахнет мужским естеством и мочевиной? – поинтересовалась девчонка, осматривая придиричиво предметы на черном лакиро-

ванном столе у окна. Осматривая лампу керосиновую, свечку стеариновую, коромысло с ведром и чернильницу с пером. – Это не от меня, не надо тут, – стал оправдываться детектив, осознав, что его раскрыли.

Татьяна Соловьева, чья голова запрокинута, из ее премилых ноздрей бегут неуклюжие ручейки. Бабулька издала чувственный полустон. Она из книгопечатников, работала рачительно, потом на предприятии произошел форменный беспредел, новые авторы потребовали у главных редакторов души в качестве гонораров. А ведь не последнее издательство, даже выпускали Мамлеева. Вон она сидит в белом, ландышевом чепчике. И одолевают ее сны, должно быть, благостные, улыбается, дергает ножкой в коричневом шерстяном чулке, бежит куда-то, бежит куда-то по лугу, бежит куда-то по лугу за майским жуком-автором, свежее испеченным Андреем Битовым, не меньше.

В соседнем кресле пожилой господин, на лице у него пластыри, он гладко выбрит, на нем военная форма образца гражданской войны. На кремовом круглом столике газета «Огонек» тридцать шестого года. Там тест на культурного человека. Прочтите на память полностью хотя бы одно стихотворение Пушкина. Назовите и охарактеризуйте пять пьес Шекспира. Перечислите хотя бы четыре реки, протекающие в Африке. Назовите своего любимого композитора и три его крупных произведения. Назовите пять марок советских автомобилей. Переведите простую дробь три восьмых в десятичную. Расскажите о трех картинах, больше всего вам понравившихся. Читали ли вы Стендаля «Красное и черное», Тургенева «Отцы и дети», охарактеризуйте героев. Расскажите подробней, почему стало возможным стахановское движение в нашей стране. – Что это за мужик в пилотке и серой шинели, он дышит? – спросила журналистка, растеряв хорошие манеры. – Это не просто мужик в пилотке и серой шинели, это, понимаете ли, как бы сказать понятней, нежный, будто родничок у младенца, господин с тонкой душевной организацией, – говорю оскорбленно. Журналисты смотрят на меня непонимающе, впрочем, уважительно. Еще бы, мужик в пилотке и сером пальто видный служащий конструкторского бюро, где изобрели русский рэп. И зовут его Павел Ивлев.

– У меня был первый вопрос, что бы вы себе посоветовали, вы из будущего себе настоящему, но теперь я даже не знаю, с чего начать, – задумалась безотцовщина. От зноя дурнеем. Но чем жарче день, разумеется, тем сладостней в бору дышать сухим смолистым ароматом. – Если бы я вернулся к себе из прошлого, я бы однозначно посоветовал как можно быстрее продавать ваучеры, – пошутил Валентин, подойдя к нежно-каштановой этажерке. Зараженный городом воздух, ладная задница Дейзи. В какой-то блудняк ты попала с этой своей журналистикой, нелепое стечение обстоятельств, честное слово. – Слава, снимай, – показала корреспондентка пальчиком на коробку, что стояла между ног у поэтессы Евгении Сусловой. Женщине, сумевшей во времена никогда не существовавшие сочинить: монетка, забытая бабушкой очень давно в шерстяной варежке еще теплая, еще липкая, лежащая для чужих поминовений. – А это целая коробка обручальных колец, Евгения освобождала концлагерь, знаете ли, там вот нашла, сохранила, – дает пространственные комментарии Леонид. Рысье лицо Евгении покойно, ее тонкие, сероватые руки лежат на подлокотниках, она в белом льняном платье, на ее грудь присела божья коровка. – И всю свою жизнь посвятила тому, что искала потомков этих заключенных, желая вернуть кольца, – рассказывал детектив, вышагивая по комнате.

В помещение влетела оса. Неприятно-интимные прикосновения воздуха напоминали прикосновения чужой мохнатой ноги к твоей ноге в бассейне. Впрочем, кому-то нравится, о вкусах спорят специалисты. – Как видите, они совсем ручные, можно прямо кормить из рук, они спокойны, что якудзы, – призывал детектив погладить стариков. Дейзи с некоторым опасением потрепала за щеку статного безымянного старика с большущей лиловой бородавкой на лбу. – Они расплавляются до сих пор по старинке советскими рублями, между прочим, – как бы невзначай заметил сыщик, остервенело расчесывая шею. – Как это расплавляются, они что, не всегда в таком состоянии? – это спросил оператор с моржовыми усами. – Именно, у них сейчас тихий

час, – подсказал Валентайн, прикусив кончик языка. Телевизионщики уставились на него как на рыбный дождь. Иными словами, были ошеломлены.

– Единственное, вот мы выяснили, кто все-таки пил у стариков кровь, этот человек по фамилии Кейн уже задержан, – опустив глаза, произнес я. Вина Леонида была безгранична, словно вина интеллигенции перед народом. И пакостное такое чувство не давало право поднять глаза, да рассказать в подробностях, как все происходило на самом деле. Как он, Леонид, вовсе не Кейн, проникал в ночные часы в дом престарелых. Когда деятели былых имен предавались крепкому сну, когда они были наиболее беззащитны, точно клиническая депрессия перед ромашковым чаем.

А началось все весьма прозаично, детектив подхватил сезонную порфириновую болезнь, иными словами, вампиризм. И вынужден был попить кровь у стариков, потому что самые социально незащищенные, потому что никому не нужны и дать отпор не в состоянии. И чтобы скрыть свой недуг, Ленчик решился на подлог. И чтобы скрыть свой недуг, решился на подлог, как распоследний малолетний преступник, чья тень много короче тени его преступления. Представьте себе, стал ужасен, повышенная чувствительность к ультрафиолету, отступление десен, зубы похожи на клыки, острая неприязнь к чесноку. Однако все в прошлом, удалось справиться. И эта чудовищная шалость с домом призрения, полагал сыщик, останется незамеченной. Камера зажужжала, ловила фокус-покус, Леонид глядел на свои чешские коричневые ботинки. – Мы наблюдаем самую настоящую скромность, она продемонстрирована нам с целью показать, сколь важны человеческие отношения, – шептала Дейзи в свой микрофон, комментируя. Вдруг Елена Фанайлова лет восьмидесяти выкрикнула, не открывая глаз: пока карандашом, пока карандашом! А ведь некогда ее дискантовый голос звенел на партсобраниях. Она была из реабилитированных. Рецидивистка бесконечно повторяла эту фразу, пытаясь устроить коллег, лучшее нападение это безрассудное перечисление собственных ментальных травм, полагала она. Пятнышки лопнувших капилляров на ее руках весьма удачно сложились в картину Василия Голубева «Хотим позировать».

Вячеслав был несказанно напуган репликой, прозвучавшей так вдруг. Отшатнувшись, налетел на капельницу, камера больно стукнулась о голову железного льва, издала протяжный писк. Дейзи бросилась на Елену Файналову, желая, должно быть, растерзать бедняжку. И если бы не вмешательство Леонида, дело неминуемо закончилось бы окончанием войны Юаня и переходом к династии Мин, а также к невероятному числу погибших, по разным оценкам, к тридцати миллионам. – Понимаете, зеркало не врет, возможно, вы уже подошли обманутыми, – дерзновенно постановил детектив. А потом совершенно некстати вспомнил свой тревожный сон прошедшей ночью.

А сон такой. Угря целое море, лежим с кем-то, угольки сверкают, звездное небо прямо-таки, стало быть, на звездном, ночном небе лежим. Где лежим. А лежим в открытом полувагоне, стучат колеса. Ситуация крайне беспокойная, слышатся близкие выстрелы, вдалеке взрывы, касетными долбят, как будто попкорн готовится. Мой позывной Черная мамба, рядом лежит сослуживец, его позывного не помню, ему позывной уж не нужен. Это страшнее Дебальцевского котла или коллективного ура на выдохе, вырывающегося из тысячи глоток. Проезжаем Гусь-Хрустальный. Какая-то слепота мира, в самом деле, око забрали у одного, второго, третьего, страсть. А ведь все потому, что кто-то кому-то позавидовал. Не завидуй, не завидуй, говорю тебе, дурья башка. Следует заметить, от зависти Леонид верил хорошему, что говорят о себе граждане, верил, пугался, конечно, но верил. Потому что смутно догадывался, в нем-то этого хорошего кот наплакал.

– Слава, снимай, – прошептала Дейзи, тыча своим пальчиком в задумавшегося сыщика. Тот, стремительно вернувшись из сновиденческой командировки, печально сказал: кончайте это шашито, ребята. – Послушайте, не дарите успевшей женщине доверие, – посоветовала заносчиво журналистка. – А вы успели, да, просто я подумал, что еще не успели, – огрызнулся Леонид. –

Представьте себе, успела, – что там она успела, не столь важно, важно, каким образом женщины успевают погубить целые поколения.

В комнату, торопливо спустившись по белой мраморной лестнице, впорхнула медсестра, женщина азиатской наружности Ада Вонг. Ее синее хлопковое платье до колен, ее посттравматическое расстройство, полученное в душевой дома престарелых, и даже Коламбия Пикчерз не представляла, скольких мужичков она совратила. Разведка не дремала, разведка просто притомилась на солнце. И Ада Вонг не была человеком в том строгом смысле, в котором является человеком, скажем, тот, кого Владимир Маяковский назвал так-то и так-то. Служащая скорбного заведения принялась промакивать уголки ртов постояльцев белой хлопковой салфеткой с уточкой. Знаете, дорогие читатели, у меня возникло желание рассказать поподробней о Вонг, однако я слишком устал, уж простите.

– Каждый из них без исключения в душе молод, словно государство Израиль, – детектив не шутил, он всего лишь не терял бодрости духа. Славик удалился на перекур. Ада, она же досада, как ласково прозвали ее старики, совершенно не обращала внимания на съёмочную труппу. – И куда их теперь? – выказала интерес журналистка. – Опишут и передадут в музей, не волнуйтесь, – сыщик желал поскорее завершить данное торжественное мероприятие, впрочем, ничего торжественного в нем не было, лишь обман, созвучный обманутым ожиданиям Агамемнона от супружеской жизни с Клитемнестрой. – А как же эвтаназия, я слышала, теперь можно? – Дейзи достала из сумочки духи «Тет-а-тет», ими тотчас опрыскалась. Поваяло пряностями, анисом, сельдереем, розой и мхом. – Вот вы манная-гуманная какая, все хорошо будет, – покачал головой Леонид.

И вдруг отчетливо услышал истинный запах телес корреспондентки. Говоря проще, аромат рыбы на базаре в летний день, несколько испорченной рыбы, несколько залежалой. И тут же подумал, все могли лежать у ее ног, но для этого необходимо, по крайней мере, мыться, по крайней мере, каждый день, иначе запах, раздражение на коже, ослабленный иммунитет. Я разбирался в людях, Дейзи была излишне герметична, она была герметичным сосудом, а вот проверять сосуды раз в год это наша прямая обязанность. И даже если не все в порядке, довольствуйтесь тем, что есть, но с лицом победителя. Валентина неужели потянуло к вам, ему захотелось прикоснуться к вашим чреслам, ведь вы достигли возраста согласия, а это дорогого стоит в условиях экономического кризиса. – Все, до свидания, ушел, – произнес детектив, направляясь к выходу, он стал путаться в собственных мыслях, ему вспомнилась какая-то вы, какой-то возраст согласия, ужас.

На улице количественно не хватало наливных яблок, не хватало Милки, изнывающей от зноя у своей будки. На крылечке корзины с черной смородиной не хватало. Институт, в частности, Лидии Чарской, довольно-таки привлекательной, судя по фотоснимкам, не хватало недавно. Фиу-фиу-фиу. Шух-шух-шух. Клац-клац. Брр. Хлабысь. Кап-кап. Хи-хи. Кап-кап. Хи-хи. Звуковое оформление улицы, словно пестрый дембельский альбом, вызывало неуместный, неумный восторг. Совсем скоро нас хорошенько отоварят магнитофоном «Весна», наступит лето. Мы попадем под амнистию пятьдесят третьего года, и тревожные, творожные настроения перестанут заботить. Все станет легко и просто, просто и легко. Выпирающий, словно Вологодская О, животик профурсетки в короткой юбке. Чей-то звонкий смех, еще холодное пиво в ларьке. Выйдя на улицу, явственно ощутил голод. Не увидев малышни, вообще никого не увидев, существенно погрустнел. Пот стекал по моему лицу, тяжелые капли падали на крылечко. Почва, устланная сосновыми иголками, запах смолы. Две красные сосны. Наш город не спешил просыпаться, были неслышны предупредительные окрики мамаш, то есть всем нам позволялось тащить в рот всякую дрянь. Не слышался многометровый метроном, установленный с тем, чтобы сообщать о приближении вражеских истребителей. Не слышались призывы голосовать за прошлогоднего кандидата в мэры Хидэо Кодзиму. И не было резиновой Зины, чтобы умерить великий пыл подростков, снedaемых гормонами. Поэтому-то Кодзима и не стал мэром, электорат, состоящий в основном из подростков, к сожалению, повелся на провокацию другого кандидата. Подросткам что, припод-

ними краешек платья, обнажи окорок в чулке, престарелая Брунгильда, они отвлекутся, никуда не денутся. Каждому выдали по искусственной женщине, они отказались выбирать Хидэо. И мэром остался Викентий Вальц, предок того самого Карла Федоровича Вальца, театрального декоратора и машиниста сцены Большого театра. Знатный пройдоха, ретроград и прочее, прочее.

В подземном переходе, пребывая в кататоническом ступоре, на полу сидела, притулившись в уголке, у желтой клетчатой стены она, Беатриса Резник. Учительница математики умудрилась вывести на стене черным фломастером: привет моим ученикам от училки, что смогла безупречно вызубрить ваши некрасивые имена. Приближаться к женщине я не спешил, по моим данным, она принадлежала к той породе людей, как бы выразиться точнее, прокаженным. И не брезговала питаться детскими страхами. Мутировавший гриб-паразит, кордицепс, поселившийся в ее утомленной всякими Перельманами голове, нашептывал ей страшные вещи. Вынуждая Резник оправдывать звание самой злой учительницы. Кордицепс она подхватила во время вакцинации. Помнится, когда женщина только приехала в наш город, стремглав пошла преподавать в школу, снимала комнату, все честь по чести. А школа находилась по нелепому стечению обстоятельств близ скотомогильника. А там сибирская, мать ее за ногу, язва. Дети, понятно, привыкшие, но Беатриса ничуть не привыкла, иммунитет ослаб. Поэтому дама преподавала свою дисциплину исключительно в клетке, вырвалась, надо же. Она чего-то бубнит, едва различаю: сосиски школьные, горошек, горошек, сосиски. Жалко ее, право, не знаю, чем помочь. Порой учителя сами себя загоняют в такую ловушку, портя отношения с родными, подопечными, даже с РОНО, представьте себе. А потом их находят спустя лет семьдесят в квартире с тридцатью кошками.

Вообще-то, я направляюсь в столовую «Полпервого», но перед столовой у меня запланирована встреча. Давайте-ка я вам расскажу, как обстоят дела с провизией, самое время. Провизию сбрасывают дважды в неделю союзные области, но попробуйте накормить двадцать тысяч людей, это вам не это, распределение продуктов происходит крайне плохо. Вы помните, я рассказывал о месье Кротове, так вот, он откровенный узурпатор и его узурпаторство носит характер систематический, именно сегодня я намерен остановить его и положить конец существованию Кротова. Отставной депутат Сергей Шаргунов, человек, неистово грустящий по прошедшей юности, обратился ко мне с весьма деликатной просьбой: разрушить империю Кротова. Подвергнувшись гонением за собственное происхождение, мужчина оказался разумным киборгом, Шаргунов был вынужден уйти в тень. При этом продолжая делать все возможное, чтобы улучшить наш город. – Сережа, – сказал я, – не волнуйтесь, все будет просто замечательно. – И была у меня кое-какая мыслишка на этот счет.

На иной стороне улицы солнце грело с особенным остервенением. По мнению большинства очевидцев, светило было разлито на всех поровну, вернее, по справедливости. На синем жестяном заборе надпись белой краской: труба тебе, Аденауэр! Я иду напрямик через перекресток, мой путь не имеет цели, только путь и остался, за него и держись, похотливый мерзавец, читающий с упоением настоящие строки. Проржавевшая до корней волос ракета на детской площадке. Мой информатор, Леон Кеннеди, помешанный на зонтиках малый. Приняв некогда жену и детей за зонтики, он едва не утопил собственное семейство в Западной Двине. Стоит в серой хлопчатобумажной рубашке с короткими рукавами, синих джинсах, блондинчик с прической каре. Выхолощенный, его лупцевали соседи, подозревая в шпионаже, а также в совращении жен рабочих металлообрабатывающего завода «Ударник», где он в качестве прикрытия служил инспектором по труду. Встречаться на конспиративной квартире не было нужды, у домика на курьих ножках, все на той же детской площадке, оторвали крышу. Должно быть, ребятишкам важно деконструировать, казалось бы, нерушимые вещи, пусть. Леон переминается с ноги на ногу, озирается по сторонам. В лесопарке метрах в двухстах мельтешат оранжевые мастерки падальщиков, их возглавляет Николай Белик, уроженец Могилева, однако это совершенно не относится к делу. В неподвижном воздухе пыльная дымка, медведки, кузнечики скрипуче поют. Бурьян, дикая конопля, омытые росой и обласканные солнцем. Истомленные деревья, сквозь дубняк бежала тропинка прямо к

студеному пруду. Я не был в полном смысле этого слова певцом природы, но даже мне, прожженному цинику, желалось порадовать своих читателей, всех этих Мурок, Милашек Су, жителей Владимирского центра, братвы, что стреляет друг в друга. Хотелось для них не сфальшивить, спеть подобающе.

– Паника растет, – доверительно сообщает информатор, шумно вдыхая воздух своим утонченным носом. – Куда растет, выросла, – говорю, – что там по нашему делу, будь так любезен, доложи. – С ним только так, «будь так любезен» это не просто оборот речи, это кодовая фраза, если хотите. Леон машина, даже не сомневайтесь, его программное обеспечение настроено таким образом. Он и сам не в курсе о своей принадлежности к станкам с числовым программным управлением. У меня детективные, длинные, загребущие руки, многое известно. Касательно Кеннеди скажу, однажды я воспрепятствовал его казни. Сограждане излишне помешались на тесте господина Тьюринга, определяли с остервенением, кто вычислительная железка, кто человек. Доопределялись, случаев гибели натуральных граждан от рук своих же супругов, родственников и учителей стало существенно больше, нежели случаев гибели от неразделенной любви. Кибернетические дополнения, деепричастные обороты, конденсаторы и эпитеты. Наш лексикон невообразимо подрос, проскочив класс коррекции, его сразу же зачислили в ремесленный колледж. Правда, нашему лексикону, как и всем вундеркиндам, была уготована участь неопалимой купины. Но мы вместе со своим лексиконом верили в лучшее. Хотя и знали наверняка, завтра станем вчерашними, не сможем попасть ногою в штанину, а там и присвоят шестой разряд, что несказанно поправит наше финансовое положение.

Все чаще граждан заботила мысль, кто они, тела или сознания. За последние годы синты познали эвристический метод обучения, они делали выводы. Приобретая бесценный человеческий опыт, синтетическим людям удалось весьма удачно ассимилироваться. Одна особенность, следует о ней рассказать, расскажи. Синты не знали, что они синты. Ложные воспоминания о первом крике в роддоме, запаха украденных трусиков из женской раздевалки, подаренный велосипед на восьмилетие, подгорелая курица на рождество. Все являлось ложным, не твоим. Людям сделалось страшненько, а вдруг все понарошку, отсюда ненависть, от недопонимания, полагаю.

Мой информатор принадлежал к числу новых моделей. Его кровь не содержала машинного масла, в его теле совсем не было титановых деталей. Чистый полимер, чистая органика. Побеседовав на темы исключительно профессиональные, стало известно о закрытии НИИ «Лабиринта» по причине нехватки сотрудников, а также распухлости высшего руководства. Кеннеди вручил черный пакет-майку, я принял его с честью. Предмет, содержащийся в пакете, добыт по моему поручению, будьте уверены. В пакете том одна штучка, стянутая завербованным Леоном со своего предприятия. Шпион потрудился на славу, шпион, выйди вон, как говорится в народе. – Леонид, – обратился ко мне информатор, – ты бы не ходил в столовую один. – Старик, меня звали на войне Черная мамба, я же опасен, что спайс, – небрежно замечаю. Кеннеди безмолвно дает краба, от него пахнет кальмарами, он женат на женщине-креветке, вовсе не на зонтике. На стволе корявого дуба муравьиное шоссе, шоссе Большевиков запружено пустыми автомобилями. Хрустел битым стеклом, был убежден, пребываю в первом дне творенья. Оскалившееся, как дикарь, солнышко, воздух близорук, предметов контуры загадочны. Снимаю плащ, теперь он висит на сгибе локтя. Лавирую между пустых автомобилей. Устремился к столовой.

Считаю не лишним пояснить. Да будет вам известно, столовая, как много в этом слове для сердца русского слилось, а дальше несколько сдержанней, как много в нем, то есть в сердце, отозвалось. Столовая «Полпервого», шли годы, а все полпервого, но это я так заметил, не обращаю внимания. После полуночи много чего произошло, к примеру, в час двадцать три, в три часа и шесть минут, или же в пять часов утра. Однако вы говорите, вкусная пища есть буржуазные предрассудки, в пище важны калории. Что ж, ваше право, замечу лишь, движущееся, что живет, будет нам в пищу, как зелень травная; правда, с оговорками. Общепитовское заведение обладало чертами ар-деко, представьте себе, смелые геометрические линии, этнические узоры, полутона.

Жральня, по выражению утонченного Эмиля Золя, помните, как он сказал в своем «Чреве Парижа»? Жральня занимала два этажа дома на Лубянском проспекте. То было здание, в котором во времена советского приличия проходили пышные балы. И били морды там с особенной изощренностью, не кулаком, но ладошкой, а то и половой тряпкой.

Постучавшись условным стуком, услышал шаркающие шаги, звякнула цепочка, ключ провернулся в замке. Место и впрямь недоступное рядовым гражданам, ах, скромное обаяние буржуазии, так отзывалась о столовой соседка Танюша. Войдя, был удостоен лишь нотами протеста. Легавых тут не жаловали баловливые граждане. Вздывавшийся пузырями линолеум. Чешская хрустальная люстра «Шапка Мономаха» чахоточно светила. В оформлении столовой превалировали барельефы, а также, знаете, горельефы. Хитросплетения растительных узоров, торжественная белоснежность в сочетании с кичем. На раздаточном столе высилась пирамидка, состоящая из белых банок с голубыми надписями: снатка. То крабы в собственном соку, то крабы камчатские. Замечу, банка с крабами особенно вкусна, если жрешь ее не один. Людей было немного, их взгляды нацелены на меня, все представители важных родителей, спекулянты, мошенники, литераторы. Они все тут любили перегибать батарею о грудь, нравы драконовские. Особенно навязчивые идеи о том, что синтетические люди среди нас, не давали покоя даже им, власть имущим. В каждом встречном виделось числовое программное управление. Эдик Домбровский, упитанный господин в тельняшке, открывший мне дверь, презрительно сплюнул, попав себе на грудь. Его ноги напоминали букву икс, в своих стоптанных синих кроссовках он проследовал к высокому стулу. Снял свою афганскую панамку со звездой, бросил на прилавок. И принялся размеренно поедать морковный супчик. Красная жалобная книга была прибита длинным гвоздем к двери клозета за плохое поведение, в частности, ябедничество.

– Хреново выглядишь, – не очень-то доброжелательно сказала Линор Бобо. Женщине лет сорок, зеленоглазка, воронные волосы, на ней синий комбинезон зайчика с оторванным ухом. Она проводила до столика. Сказала: сейчас он спустится, такой-то, говорю, спустится.

На коралловом подносе водянистое пюре из какой-то зеленушки, стружки свеклы со сметаной, сверчки в кляре, в граненом стакане компот из чернослива. Они решили умаслить детектива, и это им удалось. Присев за дальним столиком у панно с изображением сталеваров и человека с молнией, закурил. Осторожно посматривая в сторону закрытой каштановой двери на втором этаже, приготовился стучать в метафоричный жестяной барабан, я был готов к чему угодно, такая работа. Багряная ковровая дорожка напоминала драконий язык, на котором уж почти не говорят. Пистолет Гаусса, штуковина, стреляющая мощным импульсом тока, причем зарядить можно и пульку, сто пятьдесят джоулей скорость, но предпочтительней работать с током, чтоб наверняка, такая работа. Пистолет Гаусса в пакете, переданном Леоном, лежал на сверхмалом расстоянии. Мне стоило немалых усилий добиться аудиенции с Кротовым. Пришлось пойти на хитрость, пришлось прислать ему угрожающее письмо, составленное методом аппликации. В письме изложил пространные намеки, в письме дал понять о знании, кем на самом деле он является.

Дверь на втором этаже стыдливо приоткрылась, на лестничном пролете показался вульгарный, как латынь, мужичище. Съевший Гаргантюа и Пантагрюэля, Кротов являлся вместилищем, допустим, пяти фунтов отборной ветчины, персиков, сливок, яичницы из семи яиц. Стандартный завтрак, об этом сообщила Линор Бобо, лучший информатор в городе, тут каждый второй мой информатор. Но вот глаза у Линор какие-то стеклянные. Вроде смотрит на тебя, а неуютно, эффект зловещей долины, в самом деле. Я-то осведомлен, Бобо робот предыдущего поколения, поражаюсь, как ее не раскрыли граждане, глаза ведь не спрячешь. Видится мне, потому не раскрыли, что люди сейчас заняты поисками сердец, мозгов, храбрости, песиков. На ногах Кротова белые парусиновые туфли с черными вставками, темно-синие джинсы из индийской ткани, шьют у нас такие джинсы братья портные Григорий, Давид и Роберт. Он меня сразу приметил своими маленькими водянистыми глазами, в своей желтой рубашке с пальмами, весь такой деловой и лысеющий со лба, принялся тяжело спускаться.

– Допустим, вы идете по пустыне, как вдруг, – произнес я вместо приветствия, откусывая голову сверчка. – Что за пустыня, детектив, – насторожился он, усаживаясь напротив. – Предполагим, вы идете по пустыне, а там, – придерживаюсь своей партийной линии. – Послушай, мне тесты никакие не надо задавать, – заводится Кротов-Москвич. – Мне важно быть уверенным в вашей сознательности, так вот, вы шагаете по пустыне. – Как я туда попал? – Вероятно, вы невеликоустали, решили отдохнуть, мало ли, – отпиваю компот. – Детектив, ты играешь с огнем, – предостерегает собеседник. – С бледным огнем, – невозмутимо уточняю. – Мне ничего не стоит позвать Эдика, он тебе башку прострелит, у него обреза, он афганец, – запугивает мужчина. – Это понятно, но в пустыне вы увидели черепаху, вы когда-нибудь видели черепах? – сверчок напоминает креветку, нет, семечки. – А вообще, знаешь, я сам тебе башку проломлю, – размышляет Кротов, ковыряясь в зубах своим неприлично длинным ногтем на мизинце. – И данная черепаха по случайности, не знаю, об камешек споткнулась, или чего, переворачивается на спину, а солнце, доложу я вам, жарит просто невероятно, почему вы ей не помогаете? – давлую компотом, кашляя, как собака, роняю ложку, потом, наверное, придет гостья. – Как это не помогаю, – месье узурпатор начинает о чем-то догадываться, посетители столовой обступили наш столик, заинтересованные шумом. – Не помогаете-то почему черепахе? – подталкиваю его к неправильному ответу. Щеки его пунцовые, сопит, глядя исподлобья. – Хорошо, вы интерн в больнице, к вам пришел человек с фурункулом на ноге, все плохо, доктора нет, что вы сделаете? – Слышу луковое дыхание, от кого-то разит гвоздичным одеколоном. – В пещере вы встретили голодного, напуганного мальчика, похоже, что у него краденое имущество, как вы поступите, – продолжаю насаждать. И тут же, не дожидаясь ответа, следующий вопрос: бабушка пригласила вас на чай, но к вашему удивлению выдала вам пистолет и попросила застрелить человека, ваши действия? Окружающие перешептываются: то-то я смотрю бидон отожрал; буржуй недорезанный; на доску позора его. Мой финальный вопрос есть финальный аккорд, формальность: а если, скажем, вы решили подшутить над своим отцом, проникли в его ванную, а затем?

Он блестяще провалил тест на эмпатию, расписавшись в собственной синтетичности. – Это что же, ты робот, – ужаснулся Эдик. Угрожающе зашумели граждане липы. – Чушь, какая чушь! – закричал Кротов, нелепо поднялся из-за стола, принялся спиной отступать к окну, занавешенному инклюзивной шторой, что бы это ни значило. На шторе вы можете видеть читающих детей при свете лучины, лучина в руках живой бабушки, главное, не обожгись, бабушка, не стань бывшей. Пюре отличалось особым щавелевым вкусом, неторопливо поедал, смаковал. Подобным образом некогда я поедал губную помаду прямо с губ моей возлюбленной поэтессы Полины. Послышались приглушенные крики терзаемого Кротова, не в меру озлобленные люди дали волю собственным кулакам, ногам, зубам, парам-пам-пам. Значительный, словно БАМ, плевков, еще плевков. Позади меня плещется мятежное море. Невнятно лопочет захлебывающийся Кротов, однако спасения нет. Впрочем, какие бы грехи не отягощали твою душу, тебя еще можно спасти, ты здесь, и это не случайность, дружок, хочется сказать своему дорогому читателю. Тем временем за стеною из мутно-зеленых стеклоблоков стояла дочь Кротова Лизавета, она развела излишнюю слякоть в собственных глазенках. То были слезы, можно сказать, радости, наконец-то, думала она, граждане разглядели ненормальность родителя. И теперь никто не запретит ей выйти замуж за талантливого фрезеровщика.

Глава 3

Сделай мне больно, если осмелишься

Утративший путь в дремоте чудной, по всей видимости, на полдороге жизни трудной дворник Федор Александрович Терентьев заносит колун с красным топорщиком над поленом. Рядом с ним

несколько расколотых бревен, трава зелена, по краю слежавшегося снега желтеет мать-и-мачеха. Федор определенно знал: все, о чем говорил Ницше – правда, но как-то раз дворник увидел лицо ребенка, играющего в песочнице, и оно было прекрасно. В электрическом дереве по имени ЛЭП жестяные термиты вгрызаются в ржавую древесину. В сложившейся обстановке кому-то желалось, чтоб закат с ленцой полоскал в лужицах свое золотистое казенное белишко, шито-е-перешитое, однако этого не происходило. Неукротимый туман ринулся на редких прохожих, принявшись обглаживать их милые, изможденные лица. Белый кокон на саночках у кулинарии, витрины которой ослеплены фанерными листами, недвижим и тих. Вздыхался и опадал вздох, полный печали, в подворотне. Изнемогали от духоты, свежему воздуху подрезали сухожилия на ногах неизвестные бандиты. Неприятно, как оскомины на зубах, стучали вдалеке металлом о металл, на дальних постах извещали о приближении синтетических людей. Или же о приближении первой любви, не знаю, как это происходит у призраков. На трамвайном круге горсточка ребят в драповых пальто, широкополых шляпах меняли пластинки с песнями зарубежных групп на хлеб. Зарядил дождь, разрядился электронный физкультурник, он сидел на трибуне стадиона «Труд», его никелевый череп в клетчатой кепке-восьмиклинке был обращен к небу, затянутому тучами.

У ателея «Престиж» собирали лебеду две индианки, студенточки, не успевшие отчалить в свою Калькутту до начала блокады. Совсем недавно грызли ланиты науки, теперь собирают лебеду. Красная точка у одной на лбу, голубое пальто со всеми этими мудреными узорами, бордовый палантин, белые пакеты. Ее товарка в собачьей шубе, у нее точки на лбу нету, на медной коже, на шее млечный шрам-транссибирская магистраль, вероятно, связалась с ревенцем, тут водятся и такие. Барельеф Прометея. Католическая стоянка для тел, памятники-пометки. Дама медленно проезжала мимо мыслителя Родена, притаившегося в тени памятника Дзержинскому, который в свою очередь притаился в тени трехметровой Новеллы Матвеевой. В салоне изысканного ЗИС-101 стелился дым желтого верблюда. Вспоминала, на вазе с прахом отца было написано: если жить довольно-таки долго, то случится нечто подобное. Порой он так же сидел в туалете, подперев голову кулаком, его лампасы на брюках были шире экватора, до чего же он там додумался перед тем, как выстрелить себе в сердце. Затем ей вспомнился муж, впрочем, она о нем и не забывала никогда. Страшная ненадежность внутреннего бытия супруга частенько являлась причиной его женских истерик. Но вот сейчас она едет в своей семиместной машине представительного класса, доставшейся по наследству. И мысли о нем, сумевшем отгородиться от людей и от себя сумевшем отгородиться. Пропавшем, не найденном. Эти мысли о нем заставляют ехать на другой конец города в такое беспокойное время. И далее совершенно женские мысли: кто вернет ей годы недосмотренных снов, кто передаст ей привет, если окажется на телевидении. Дама прятала поцелуй, как хомяки еду, за щеку, на всякий случай, на случай голода. Как же она изголодалась по его этому самому неповторимому уму, который не скрыть ни одной шапкой с помпоном. А вы говорите, оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Все всякого сомнения, вы правы.

Графиня проезжает мимо комиссионки, мимо авиационного училища, парикмахерской мимо. Теперь чрезвычайно мало людей ездят на своих автомобилях, теперь бензин перегоняют в иные жидкости, например, в апельсиновый сок. Женщина недурна собою, полагаю, кем-то вожделенна, словно корзиночка, эклеры. Ее глаза испускают приятное голубоватое свечение, эффект Вавилова – Черенкова, возникающий в прозрачных жидкостях в результате облучения гамма-лучами, стоит заметить. Барачные дома напоминают старческие челюсти. Желтеет вдали портовый кран. И все вокруг чрезвычайно похоже на кадры из кинофильмов документалиста Александра Расторгуева. Она сворачивает на улицу Партизанок, будучи уверенной в собственной правоте, однако Ульяна Громова, Зинаида Портнова ни в жизнь не позволили бы себе усомниться в богоизбранности собственной страны. Графиня укатила в Ригу в прошлом году, отмежевываясь от неудачливых на ее взгляд родственников. Когда паранойя переросла в немыслимое, мыслимое

в неистовое, и не совсем было известно, начнется ли война, она уехала. У нее было все, и даже плазменный телевизор здесь, а там кому она нужна, там и своих графинь хватает. На чужбине она ощущала себя латышом, ведь, как известно, у латыша только ум и душа, ко всему прочему, там развилась чудовищная бессонница. Воротилась иззябшая, с мокрыми ногами на родину, только здесь смогла наконец уснуть. Разговоры с психологом не принесли той легкости, на которую она рассчитывала, быть может, разговор с другим человеком поможет, неуверенно думала, психолог, вроде как, не совсем человек. По крыше барабанил дождь, в лобовое стекло прилетали куриные яйца, к сожалению, в яйцах не было живых птенцов. У дома на улице Ганса Гигера графиня умерила пыл своего транспортного средства. Взглянула на окна предпоследнего этажа, что раньше чувствует крошечную тьму, чем окрестный пейзаж, это, думаю, понятно.

Теперь перенесемся в квартиру на предпоследнем этаже. Окно заклеено крест-накрест желтым скотчем, помогает ли от обширного чихания, вот уж не знаем. Но разбитое сердце любимой женщины в твоём кулаке определенно помогает в уличной драке, стоит заметить. На шербаatom подоконнике высокий стакан с красной зубной щеткой, связка ключей, фиолетовая пепельница-осьминог с окурками, миленький бюст комиссара Мегрэ. Синие усы часов показывали, но влюбленные не наблюдали, что те показывали. Лакированный каштановый сервант в комнате с розоватыми стенами без обоев, круглая жестяная коробка монпансье с гвоздями, бутылка клея ПВА, деревянная посуда, расписанная под хохлому, красно-белая пачка пищевой соды. Сосновый паркет потемнел местами. Машинки из Таллинна за стеклом серванта, дорогие, импортные. Он сидит за столом в кресле-кровати, повесив голову на гвоздь и на грудь. Внезапно рассмеялся, чем несказанно вспугнул читателя, выученного мыслить отвлеченными понятиями, но не образами. Леня подумал: жучки да микрофоны в стенах отеля, пройдет лет сто, найдут археологи прошлого, выставят в музей, скажут, дескать, останки доисторических насекомых в скальной породе. Подсолнух-торшер, фисташковый абажур, электрические семечки рассыпаны по полу. И полный писем секретер. Досье, досье и на месье, убившего салатом оливье с мышьяком целое семейство в качестве профилактики. Словом, досье там хранились на добрую половину города, словом, Леонид был посвящен в тайны венского леса по праву своего рождения. А сейчас он восседал в своем кресле-кровати, раздумывая над жучками в стенах отеля, в котором недавно расследовал исчезновение Артемия Буреха, доктора, причастного к пандемии коронавируса.

Уродливый, словно внутренний мир некоего Петера Йенсена, звонок растерзал тишину. Валентайн в песочной рубашке, расстегнутой на груди, в малахитовых тренировочных штанах поднялся из-за стола. Мужчина сделал глоток напитка из белой кружки с красной надписью Atari. «Салют космонавтам» назывался напиток. Паршивая смесь сгущенки, воды и водочки. Детектив, терзаемый чувством вины, заглушал муки совести подручными средствами. И, в порядке кокетства и упоения собственным падением, саморазрушался на совесть. Тут следует описание, начинающееся словом стыд мнимый, конец ознакомительного фрагмента. На журнальном кремовом столике кипа газет. Заголовки такие: мужчина из Фрязино раскрыл преступный ковен, состоящий из жены и тещи; ароматный букет свежих георгин, такой же лежал рядом с отрубленной головой жертвы; застенчивые промзоны, что скрывают некогда облагоустроенные территории, наш корреспондент провел инвентаризацию. Леонид вертит головою, хрустят позвонки, жирная муха, карликовый слон, словом, насекомое между рамами окна с прошлого года лежало, ни с того ни с сего воспряло. По чердаку гулял сквозняк, сквозняк гулял по чердаку. И улица Ганса Гигера, и содержащиеся на ней итальянцы, а также их невероятные приключения, а также инфраструктура, разбомбленная. И улица Ганса Гигера, проигранная в нарды мужчине со звучным именем Ксеноморф, была в забыты.

В дверном проеме стоит бывшая бабушка Шура. Мы с нею учиняли эпохальные боины за номером шесть, семь, восемь и так далее. У нее тысячи имен, склонность к лицедейству, а еще к полноте. Сейчас ее зовут Ирма, Ирма с детства испытывала трудности, помогала с тринадцати лет отцу, обрусевшему немцу, добывать вольфрам в рудниках. Ее губы напоминают кусочки семги,

автоген ее слов играючи разрезал сейф, где лежат милые сердцу безделушки, такой она являлась проницательной и матерщинницей. Перстами легкими, как сон, она чинила проводку, и ничего сложного тут не было, знал Валентин, рабочая фаза и два нуля, что тут сложного-то. А еще она превосходно читала жизнь, как передовицу читала. На бабушке серый плащ и синяки, она весьма задиристая особа. Подобно детскому поэту, когда родственница выходит на улицу, всегда берет сучковатую, толстую палку, чтобы колотить ею детей, подворачивающихся по пути. Я всецело поддерживаю данную традицию, однако замечу, дети сейчас крайне сильны и агрессивны, необходимо держать ухо востро. У бабушки Ирмы приблизительно два сына, как у Виктора Черномырдина. Один из них мой отец, какой именно, не помню. Я люблю говаривать на этот счет: будет зайка, будет и лужайка, но покормите волков, пожалуйста, заранее самым некрасивым зайцем. Родственница скрестила руки на груди, глядит вопросительно. Когда будет глядеть восклицательно, тогда придется разыскивать ружье и держать оборону. Сыщик выходит в коридор, открывает входную дверь, звенит цепочка, новгородского распопа Игнатия Иванова казнят по указу Петра за недонесение слышанных им от других непристойных слов.

Я несколько теряюсь в чуйской долине гостеприимности. Продукты внешней секреции незнакомки едва могли вскружить голову, однако глаза, чуйская долина, уши – барашковые гайки, щеки-нектарины. – Что-то вы не того, плохо выглядите, – сказала она. – А кого вы ожидали увидеть, великолепного Гэтсби? – буркнул ей. – Вы знаете, вы похожи на бывшего интеллигентного человека, не поймите меня неправильно. – Ее речь была быстра, словно шампанское, хлынувшее из бутылки, открытой по-гусарски. На лестничной клетке, где некогда, во времена безмятежные, детсадовцы плясали пасодобль, ветер гонял по коричневой плитке окурки. – Какого лешего вам надо? – поинтересовался у ней. – Не выражайтесь, – настоятельно посоветовала она. – Меня зовут графиня Драглайн Эйхман, позвольте войти? – Драглайн, мысленно повторил я, значит, однокошковый экскаватор с канатно-блочным оборудованием, хорошенькое дело. – Так уж Драглайн? – говорю. Лицо частное, честное ли, обратившееся ко мне, обладало манто леопардовой расцветки, зелеными тяжелыми ботинками, ежиком сизых волос. – Хотите, покажу паспорт? – спрашивает. Ну, думаю, раз уж такая запредельная степень доверия, чего ж не пригласить, пригласил. Тем более, прошла столько этажей, миражей, лифт у нас не работает, сами понимаете.

За моей спиной хлопнула дверь, мы прошли в кабинет. Мебель, стоило включить свет, оцепенела от удивления. Венские черные стулья, изящные, как доберманы, склонив головы набок, устались недоверчиво. Темно-коричневый комод-бегемот надулся. Красное знамя, засеянное значками: аэрофлот Ил-76, Динамо, город Витебск, адмирал Спиридонов, всевозможные паровозы, автобусы, деятели, деятели, паровозы, автобусы. Бордовое кресло-кровать с торчащей пружиной. На мгновение мне почудилось, эта квартира, эта мебель есть реквизит, реквизит к танцу, к танцу макабр. И я танцую, танцую бездарно, этакая улитка со своим домиком, улитка-стриптизерша. Вынужденная обнажаться, объясняя всем этим читателям, что автор хотел сказать. Стильная, точно бетонный забор с ромбами, он же ограда ОП-2, графиня убрала со стула газету, присела, послышался скрип. Где-то пристрелили банкира, но мы ничего об этом не знаем, нам важно просто говорить.

Я принялся изучать глубочайшую трещину-аппендикс в стене толщиной с палец, в соседней квартире на кровати спала супружеская пара. Укутанные в желтые одеяла мужчина и женщина не подавали никаких признаков. Помню, как этот Яков частенько говорил своей жене: Мария, выйди из сумрака и зайди нормально. Та ему перечила, у них вообще отношения испортились с тех самых пор, как супруг возвратился из командировки в Безмолвные холмы и заявил о непричастности к систематическим изменам. Частенько из их квартиры звучали женские крики-сирены, доносился дух столярного клея. Мужчина плохо переносил скандалы, прикладывался к пакету со столярным клеем. Бедняжки, помню, как они поженились, буквально позавчера, эти молодые геологи. Нынче вот, обнявшись, лежат, словно две очаровательные мумии, вынутые из торфяного болота.

Тем временем посетительница зачем-то стала рассказывать, как любит своего пропавшего мужа-ученого. Любит подобно тому, как великие писатели любят рождаться в тысяча восемьсот девяносто девятом году, в частности, Владимир Набоков, Юрий Олеша, Леонид Леонов, Константин Вагинов, Андрей Платонов, Эрнест Хемингуэй, Хорхе Луис Борхес. На бесстыжую курву она не походила. Да, времена безоговорочно переменились, мы упали в нокдаун и были не в силах перенести каверзные вопросы судьбы. Мы научились не доверять людям, считывать их биографии по лицам, не прибегая к услугам рентгенологов. Еще она рассказала, как супруг назвал одно из своих изобретений в честь жены Драглайн, Верочкой. Колоритно описала среду научных работников, террариум, жабы и гадюки, палец по колено откусят.

Обрывки разговоров на улице перебивали речи женщины: Саша, ты странный, конечно; чего это я странный; живешь возле кладбища, а к чаю ничего нету. – Мы перейдем к делу, или будем прозябать? – спрашиваю нетерпеливо, а сам открываю свой блокнот в кожаном переплете. – Мы, кажется, с вами не перешли на мы, – задумчиво сказала она. Внезапно кто-то закричал прямо под окнами: Шойгу, Герасимов, где постмодернизм! – Вы очень бледны, вас уколол камфорой? – внезапно поинтересовалась графиня. Ее челюсти пришли в движение. – Обедаете? – спрашиваю, решив, дескать, завалилась за щекою крошка, обедает. – Новый вкус жвачки «Орбит» со вкусом людей, – высокомерно ответила клиентка. Смотрит, выжидает, потом не выдержала, прыснула со смеху. – Послушайте, давайте без этого, вы пришли ко мне по делу, между нами недоверие, это понятно, но я профессионал, – говорю. И тут началось нечто невообразимое. Ее взъерошенный голос, комплименты непонятного характера, такое она произнесла: я доверяю вам как свидетелям, которые дали себя зарезать. Женщина остра на язык, словно Рой Медведев, мысленно подмечаю. Желая поддержать беседу, приглаживаю усы, раздумываю над ответом.

– Вы тронули меня до глубины души своей историей, меня так не трогали на выпускной, когда мы заканчивали четвертый класс, помнится, нам разрешили попить лимонада с печеньем, девочка, которая нравилась, тронулась умом, она плакала и не хотела взрослеть, – говорю вдохновенно, ерничаю по существу дела. – Хамло, – бросает Эйхман в меня салфетку, пропитанную машинным маслом. Одна из моих синтетических подружек попала впросак, у нее начались критические дни, отсюда салфетка, вероятно. Драглайн показывала свои белые клыки, а также лондонские замашки. К чему нам этот флирт, к чему нам великий китайский голод, к чему нам эти сорок три миллиона жертв; размышляю. – Не все так однозначно, – говорю. И понимаю, пришла, значит, ко мне тетенька, на все у нее свое мнение, она знает лучше, как мне, значит, детективствовать. Меж тем, бывает, у тебя имеется свое мнение, но ты с ним категорически не согласен, твой страх, одушевляя тьму, не дает покоя твоим рукам.

Быть может, предложить ей перекусить. Салат «Змейка», извилистая полоска майонеза, напоминающая змеиное тело, две черные перчинки-глаза. Кажется, салат все еще стоит в холодильнике «Бирюса». В красных жестяных банках в белый горох, помнится, была кое-какая крупа. Бескрайняя плоть тумана, что за бескрайняя плоть, бросай-ка пороть чушь, нет, она все-таки бескрайняя. Проникнув сюда через распахнутую форточку, туман окутал каучуковых солдатиков, индейцев, автомобильчики, детали металлического конструктора. Игрушки лежали вдоль плинтуса, готовые к возвращению моего сыночка, пребывающего в эвакуации со своей синтетической мамашей. – Что ж, – говорю, – значит, бороться да искать, найти да перепятать. – Драглайн прищурила глазки, медленно произнесла: вы же ничего обо мне не знаете. – Кое-что о вас я уже знаю, у вас точно были отец и мать, остальное приложится, – заносчиво произнес я.

Дама встала, стул упал на паркет. Она подошла, провела дерзновенно своим пальцем по моей щеке. Отвернувшись, я шумно слотнул. Протягиваю неизвестно откуда взявшуюся ириску «Золотой ключик». Галантным образом, двумя пальчиками, беру подношение, кушаю, фантик аккуратно складываю в карман рубашки. Позолоченная, тонкая зажигалка «Дюпон», синий язычок пламени, клиентка уселась на мой стол, закурила. Прикрыла глаза, на веках наколоты две черные мухи. Стала рассказывать об особых стволовых клетках, производимых морским слизнем. Рас-

сказывала, как супруг с их помощью исправлял косметические недостатки граждан, излечивал увечья и недуги. Однако, так нередко случается в среде докторов Менгеле, постепенно мутагенные клетки стали разрушать клетки родные. В результате чего все эти буржуа, польстившиеся на очередное дорожное и престижное зелье, принялись безудержно глупеть, кидаться на всех вокруг и даже кусаться. Процесс оказался необратим, проект закрыли. Родственники буржуа, попавших в пучину безумия, вывезли тех на отдаленный остров, там они стали проживать, проживать по ту сторону забора от цивилизованного общества. И никаких тебе магазинов «Березка», лишь водка за четыре двенадцать, не за рубль пятьдесят, да бесконечные очереди, в которых рождаются, получают образование, женятся и все такое прочее. Ученому погрозили пальцем, отчего тот даже поседел с висков. Но имея красивое имя, а также являясь ценным научным работником, не лишился лицензии, просто занялся изысканиями в области кибернетики. Стране особенно нужны изыскания в данной области, ведь по большому счету, как говаривал некогда Лубинин: что тебе надо, гнида; не стреляйте, я муха Лида, я вас люблю, инвалида. Нам кибернетика нужна, у нас ракеты на угле работают, у нас война завершается каким-то фарсом. Предложение Эйхман показалось мне экстравагантным, безбашенным, в определенном значении грандиозным, как молочный комбинат.

– Мой супруг пропал в научном поселке имени Шубиной, вам следует прибыть туда инкогнито, – поставила меня в неловкое положение своими речами Драглайн. Видавший некоторых япончиков на своем веку, признаться, был крайне удивлен. Научный поселок считался людьми непосвященными вымыслом, красивой легендой. По долгу службы моя осведомленность в вопросах секретных объектов, понастроенных еще во времена правления Оксаны Витальевны Бибигон, моя эта осведомленность не знала границ. Однако даже Валентайну были неведомы последствия, следующие за опозданием на контрольную. Поселок находился за чертой города, поэтому сложности, возникающие в связи с блокадой, могли помешать. К тому же путь туда в мирное время занимал порядка пяти часов на поезде. Секретная железнодорожная ветка, поезд, идущий по нечетным пятницам месяца ровно в полночь. Места там гиблые, деревни со странными жителями.

Кажется, детское, лесное поселение граничило с поселком Шубиной. Детишки ни крошечки не соблюдали правила войны. Быть может, вы помните дело: эстетика детского ультранасилия нулевых? Я очень хорошо его помню, ребятишки в школе провели столько же лет, сколько Нельсон Мандела чалился в лагерях. Они в совершенстве освоили уроки Антона Лавая, Алистера Кроули, проживали в домиках на деревьях, а также совершали набеги на города, а руководил ими некто Давид Кореш, учитель и наставник, что предпочел оставить преподавание в элитной гимназии, одичать, а также связаться с малолетними преступниками. За этими размышлениями совсем не заметил, куда подевалась Эйхман. В моем кабинете была только родина, а еще в слесарных голубых тисках из набора «Юный техник» зажато металлическое сердце моей любимой Полины. – Детектив, – позвала женщина из прихожей. Влекомый зовом, вышел в прихожую.

Графиня обнажилась внезапно и бесповоротно, снаружи сделалась голенькая, внутри осталась, что эскимос, одетая. Достославная какая выискалась, совращает, думаю. В создавшейся ситуации я мог предложить ей расписать пульку на двоих, однако близость не мог предложить. Создавалось впечатление, некое впечатление неоднозначного характера. Скажу как есть, мне совершенно не хотелось приватизировать графиню, мне хватало метров собственной жилплощади. К тому же Драглайн походила на ветреную девушку. Как метко выразилась Анна Яблонская о подобных Драглайн: я любила одиннадцать гордых мужчин, обливалась восторженно-горькой слюной, я нашла бы одиннадцать тысяч причин объяснить, почему только хватит одной. С другой стороны пламенело утро над Багдадом, колеблемое персиковым ветром. Поэтому вовсе отказать от флирта было бы кощунственно с моей стороны. – Сколько вам лет, вы выглядите болезненно красиво, – произнесла, видя мое смущение. – Десять лет уж восемнадцать, – этак ребячливо даю ответ. И скоростижно улыбаюсь, неловко улыбаюсь, мужчинам, когда делают

комплименты их внешности, вероятно, не очень-то комфортно, комфортно лишь в случае смен по двенадцать часов, да в кузнечном цеху, да при наличии жены-психопатки. – Что вы, не надо, скорее одевайтесь, между нами ничего не может быть, – именно так ей сказал. И подумал, быть может, показать ей свои потешные абсцессы в форме зверят, быть может, не показывать. Все-таки, ежели покажу, нафантазирует себе разного. А ведь Эйхман совсем немного надо, как сказал Аркадий Кутилов, пудра, крем, духи, помада, лак бордовый на ногтях, а еще кусочек лета, яркий зайчик на стене, а еще чтоб кто-то где-то увидел ее во сне. Все мои сны были расписаны на годы вперед, местечко для Драглайн там отсутствовало.

Графиня оскорбленно произнесла, надевая свои шмотки: не очень-то и хотелось, я плачу фамильным нижним бельем. Обжегшись однажды о подобную причудливую оплату, помнится, за дело, порученное директором лагеря Виктором Резновым, я получил аж семерых пионеров. По существу, пионеры были мне совершенно ни к чему. Тогда пропал целый пятьсот двадцать шестой поезд, в нем ехали ребятишки на море. Представьте, удалось их отыскать в игровом клубе, организованном в подвале на улице Дыбенко. Впрочем, возвращаюсь к посетительнице. Женщина со своим фамильным нижним бельем крайне нежелательна, размышляю, такса у меня стандартная, можно сказать, далматинец, но ближе дворняга. Меня ошибочно принимали за волшебника, не совершившего за свою жизнь ни одного чуда, однако я совершил великое множество чудес, посему был обыкновенным человеком. Ну, какое нижнее фамильное белье, в каком веке мы живем, напоминаю, в двадцать первом веке мы живем-поживаем, а страдающее средневековье, обернувшись, глядит на нас, хитренько лыбится, знает чегой-то, чего мы не знаем.

– Милочка, мне бы детали, деталей маловато, к тому же я невыездной, как и все мы, – говорю, почесывая шетинистый подбородок. Она молча достает из своей желтой кожаной сумочки технический рисунок на коричневой бумаге. – Это инструкция, я обо всем позаботилась, сегодня в двенадцать на станцию прибывает поезд, вы уж оправдайте мое доверие, – сказала Драглайн. – Никакого фамильного нижнего белья, – вырвалось у меня. И посетительница горячо заверила: никакого фамильного нижнего белья. А после дунула мне в лицо сквернейшим порошком, вынудив разразиться грубейшей бранью. Хлопнула входная дверь. Детектив согнулся пополам, в глазах нестерпимая резь, в сердце тоска. Полагаю, у вас тоже на сердце тоска, кто вы, не знаю, но тоска у вас имеется, мы же одной крови, мы же знаем, как из клея БФ-2 получить спирт, значит, посещали одно учебное заведение, значит, воспитаны на одних идеалах, читатели.

Подойдя к окну, приметил графиню, стремительно удаляющуюся от моего подъезда. Она бы хорошо смотрелась в частной лепидоптерологической коллекции, зажиточная куртизанка. Разулыбался, давненько со мною не поступали по-хулигански, давненько. Муха между рамами окончательно сдохла, желтая вата, вырванная из бороды Деда Мороза, показала скверной настолько, что улыбка на моем лице сменилась очередными слезами. В результате нехитрых размышлений, решил посетить баню с тем, чтоб утопиться. Да-да, направиться в городскую баню, чтобы помыться, ведь Дмитрий Самозванец никогда не ходил туда, поэтому жители заключили: не русский. В свою очередь, по роду службы мне необходимо казаться русским, однако скажу по большому секрету, мой прадедушка поляк, а еще в роду имеются прекрасные якуты. Словом, отсутствие бани в жизни добропорядочного гражданина подобно телу без души, что тело, а что душа, решайте сами, усатые дети. Но прежде я углубился в изучение инструкции, выданной Драглайн.

Номер мотеля: двадцать два. Заселиться до двенадцати ночи. Спуститься в бар «Вещи и уши». Поприветствовать Червячка Джимми фразой: Алла Горбунова исчезает в полночь. Дождаться ответной реплики: Алла Горбунова по этическим причинам недоступна. Пистолет Гаусса прислонен к моему виску, чудесный день, палец дрожит на спусковом крючке, рука напряжена. Шумно выдохнув, убираю пистолетик. Я верил, полагаясь на так называемую логику, что мой персонаж, этот вот детектив, является пупком земли, но, развязавшись, он, я, мы пришли к неутешитель-

ным выводом. Выводам относительно страстной недели, плавно перетекающей в страстной год, страстное тридцатилетие. Подойдя к шкафу с одеждой, принялся собирать вещички. Затем отменил совещание, не посоветовавшись со своими внутренними политиками, потом вышел в полдень двадцать первого века.

Шел косой дождь, косоглазие, развитое в результате тренировок, никоим образом не мешало заметить вопиющий бардак, царивший вокруг. Великий Лондонский смог, айсберг-убийца, голодомор, Циклон-Б, ужасные события происходили в мире. На плече висела лазоревая дорожная сумка «Спутник», в нагрудном кармане вельветовой рубашки травянистой расцветки губная гармошка. За сараями встретился Федор Александрович с топором. Слезы на его глазах, слезы на цветках, он не придет, лунный, лунный кот, свет из лужи пьет и пьет, все темней в моем окне. Две фиолетовые вены проступили на шее дворника, мужчина тяжело дышал, возможно, даже страдал. Лицом похожий на князя Феликса Юсупова, делами добрыми похожий на князя Феликса Юсупова.

– Должно быть, уж без десяти десять, – грустно сказал он. Федор всегда так говорил, когда возникало неловкое молчание, в девять пятьдесят представился национальный лидер, вроде как принято молчать, когда заканчивается национальный лидер. На тополе ржавчина и кровь густая, что смола, капает. – Я убил ее, – заключил дворник. На нем синий халатик трудовика, красные кеды «Два мяча». – А кто не убил, весь город убил, и не единожды, – успокаиваю хорошего человека. Он про свою жену-баварку, Ли Туровну Терру. Она изводила женщин, мужчин, детей, всех изводила. Она подходила на улице и говорила: читай по губам. И ты читал по губам, хорошо если обычный рассказ, временами мы читали нескончаемые романы, знаете ли, готику, триллеры, словом, не оторваться. Ли Туровна в это самое время тебя очищает, потом уходит в закат. Странная барышня, поговаривали, проходила практику в горячих точках, где повредила рассудком. Терентьев стоял подле зеленого мотоцикла «Ява», его пшеничные усы шевелились, норовя убежать. – Леня, – сказал он, кивая на свой топор, – ты можешь? – Не буду я тебя кончать, Федор Александрович, я спешу, – говорю ему. И, пробираясь сквозь кусты акации, поспешно выхожу на проселочную дорогу, где расцветают лекции по русской литературе. Иволги кричат в широких кленах, их ничем до ночи не унять. И только думаешь, ну, какие иволги, милый человек, всех иволг уж съели. В таком случае, верба, верба зацвела, это значит, верно, что весна пришла. Тут согласимся, тут не поспоришь.

Воробушки-запятые, понаставленные в объяснительной записке, почему я опоздал. Воробушки сидят на проводах. У воробьев глаза красные, воробьи механические, шпионят по указке. По чьей указке, не знаю, если б мы знали, но мы не знаем, с кем вообще воюем, ничего непонятно. Нынче люди переживают, как бы их за синтетических не приняли. До смешного доходит, мать своей дочери мозжечок пыталась вырезать. Умная тетка подсказала, в мозжечке микросхема, хочешь докопаться до истины, бери кухонный нож, а иначе никак. В тесном смысле слова они дуры. А дни все топочут, как пьяные слоны, топочут.

Я иду по пустырю, вон там в овраге среди металлических буковок Ш, Е, среди полосатых пижамных брюк, надтреснутых алых шаров для боулинга, плюшевого медведя с глазами-пуговицами и прочего хлама сидит в черном кресле Денис Драгунский. У Дениса Драгунского выпали молочные зубы, он ест манную кашу из желтой чашки. На нем коричневый костюм-тройка, усы цвета вороного крыла, прямоугольные очки в черной оправе. Пляжный сиренево-желтый зонтик обособил Дениса Драгунского, дождик не в силах подмочить его репутацию, а также блестящую лысую голову. Все тайное когда-нибудь станет явным, думаю, а потом жалею, что не взял пистолет Гаусса для безопасности, все-таки дальняя дорога. Гляжу с некоторым сожалением на пролетающий голубенький электровоз ВЛ22М по небу. Отчего еще сожалею, неясно, быть может, общее какое-то психологическое состояние, апатия, мать ее. Как мы знаем, Денис Драгунский утром ничего не мог есть, только пил две чашки чаю с хлебом и маслом, с картошкой, сосиской, потом направлялся в пенсионный фонд, там просил каких-то сысок, его не понимали. До чего

замечательно, что мне встретился Денис, это к хорошим новостям. Слезы выступили на глазах. Я порадовался, что не захватил из дома пистолет Гаусса, суицидальные мысли не шутка.

Впрочем, не самое время умирать, поэтому, хлюпая, пошел по лужам в сторону бани. На улице Шарикоподшипниковой шарахались шепелявые, в шитых-перешитых шубках шалавы. Их никуда не приглашали, разве что на казнь, на казнь они не желали. Почему ты называешь этих уважаемых членов союза писателей шалавами, объяснись. Ну, полагаю, дело в их сотрудничестве с интуристами, а еще в паскудном поведении, в союз писателей можно попасть только через их постели. Мне вспоминается отчего-то, когда вся эта карусель только начала свой разбег, а сердце замерло в груди у доброй половины моих сограждан, а наш город заволокло химическим туманом. И летним утром, не предвещающим, с автостанции автобус повез пассажиров на дачи, растворившись в мороке. Мы услышали скрип тормозов и людские крики, полные отчаяния и тоски. Сразу стало понятно, кто же получит Нобелевскую премию по литературе. Получит ее Уильям Голдинг повторно, ведь третья мировая имеет тенденцию повторяться. А еще Уильям Голдинг, видится мне, был вынужден переспать со всеми тетюшками из союза писателей.

Дамочки, шарахающиеся по Шарикоподшипниковой улке, накрашены точно артистки бурлеска, а также вызывающе настырны. Я вторгся в район инфракрасных фонарей. Собственно, тут находилась баня. Стоит заметить, меня никоим образом не интересовали экзальтированные особы, ибо в последнее время чрезвычайно расклеился. Каждая букашечка, простите мою сентиментальность, вызывала во мне такую жалость, хоть стой, хоть падай. И я падал, участились обмороки. Наказание мое без показаний, как говорила обо мне Ирина Дмитриевна, директор института изучения НЛО, было времечко, искал для них всякие НЛО, мотался по городам и весям. Вообще, с инопланетянами меня многое связывает. Матушка уроженка Юпитера, папа уроженец Урана, поэтому искать зеленых человечков было несложно, свои. Я шел вдоль желтых, красных, серых трехэтажных сталинок. Меня окликнула дама, язык у ней заплетался: эй, детектив, знаешь, сколько я могу проглотить суверенитета? Не боясь быть превратно понятым, сказал: ах, беспочвенные вы мои бабоньки. Одна из них зашла ко мне за спину, другие обступили с флангов. Гляжу, а у них лица Бориса Николаевича, что ты будешь делать. – Зачем же вы так, – говорю грустно. А потом засандалил самой ближней в ухо, та крикнула, осела наземь. Липким потом еще покрылся нехстати, духота страшная, туман, благо лягушки не квакают, сами понимаете, стели.

В апреле всегда так, земля прееет, баня парит. Она у нас построена по заказу братьев Туляковых в девятнадцатом веке, в ней моются и женщины и мужчины. Вошел с черного входа, пахнуло скипидаром и оливой. Коммуникации тянутся-потянутся, кой-где ржавые, желтая плитка на стенах и полу. Слышится, тазик упал, мочалкой трутся. Потом слышится: стой прямо, не вертись, а то будем звать Вертинским. Передо мной футбольные бутсы с шипами, лодочки, всевозможная обувь. Синяя дверь приоткрывается, не успеваю дойти до раздевалки. За руку хватает мужчина, затаскивает в помещение. Сослуживец Андрюша Речной, банщик и замечательный вымышленный друг, которого мне никогда не хватало. Черные глаза точно мокрая смородина. Тонкие усики, как у мексикашки, набриолиненные волосы, зачесаны назад. У него на животе шрамы, следы от подшивок блокаторов опиатов. Он натягивает на жилистое тело белую футболку с голубой надписью: Sega. И становится неотличим от Исаака Шниперсона, элегантного подростка, пропавшего в виртуальной реальности на прошлых выходных. Мальчишеские портреты, развешанные на столбах и остановках, изрядно нервировали, нервировали, ведь тут мои полномочия ничтожны, виртуальная реальность не мой профиль, учился у детективов советской школы.

Андрюша закапал в нос какие-то ядренные капли, чудовищный насморк, насморк чудовищный казнил его долгие годы. Временами сослуживец Андрей чувствовал вину за то, что другие не пришли с войны, а он пришел. Да, война закончилась давненько, когда же она там закончилась, когда я возвратился, когда я возвратился и в то же самое время не возвратился. Десять лет назад. Надо же, не так-то давно, а девочек сейчас рождается много, перед войной рождались сплошь мальчишки, но я отвлекся. – Старик, – обращаюсь к нему, – накрыло? – Речной подошел к серому

железному шкафу, достал синюю канистру бензина. В комнате на стене висели постеры с культуристами. В убежище Речного в единственном числе наличествовала штанга, четыре гантели, шведская стенка, одна штука. Комнатка-спортивный зал, комнатка, которую я только что выдумал. – У всего должно быть свое предназначение, и у дырявых карманов, они для звезд, и у старого солдата, – говорит он шутливо. Крышку отвинтил, думаю, приплыли, спиной вперед шагаю, к выходу. Андрюшка принялся себя поливать, приговаривая: все хорошо, все чудесно.

Психоделическая встреча однополчан вызовет у случайного читателя ужас. Вот Эдгар Алан По говорил: лучший друг мог бы оказать мне одну-единственную услугу, пустить пулю в мою несчастную голову. Мы с вами несогласны, Эдгар Алан По, не надо так, оно, кому легче станет, никому не станет. – Речной, брось чудить, пойдем, помоемся, – отвлекаю его. Тот ни в какую, спрашивает спички. Ну, какие спички ему, в самом деле. – Хорошо, давай-ка выпьем, а потом это самое, – говорю. Под этим самым скрывается бездна смыслов, это самое в определенном значении наша цель и задача. По всему вероятно, это самое дано мне предками с тем, чтобы я передал его собственным деткам. В сторону лирику, драматичный Андрей бросает канистру. Организовывает нам эпичный коктейль, прозванный нашим старлеем «Три единства». Валерьянка, боярышник и пустырник, как говорил старлей: пить от настырных мыслей за час перед сном, когда автомат почищен, а все приличные дамы удалились в кишлак.

Попариться мне было не суждено. Мы восседали на венгерских стульях, пурпурных и бархатных. Беседовали о том и не беседовали об этом. Разговор выдался обстоятельный и пьяный. Разговор был интересней талантливых решений задачек с лыжниками, пунктами А и Б. Или, к примеру, задачи, на которую я, будучи пацаненком, так и не смог найти ответ. Приведу ее вам, а вы уж сами решайте, кого любите больше, маму или папу. *Похищенного рэкетирами ребенка везут в автомобиле. Сквозь щель в кузове ребенок замечает, что расстояние между двумя соседними километровыми столбами автомобиль проезжает за сорок ударов пульса. С какой скоростью едет автомобиль?* Мы шутили, иногда матерились, но больше грустили.

Речной вспоминал, как противник жарил баранину, пока мы прятались без провизии в траншеях, страшно изголодавшие и разозлившиеся на льва по имени Шрам, что порешил короля льва Муфасу. Они врубали усилители запахов, а пацаны давились слюной, паршивое времечко. Припомнили девчонок радисток, их полеты на телефонных трубках, они взмывали к самой луне, чтобы поднять нам настроение. Андрей посетовал на условия труда в бане, прикрыв глаза, перечислял порядковые номера на руках бывших сослуживцев. – А знаешь, где мне нравилось работать? – неожиданно спросил он, открутив собственную голову с некоторым усилием. Тем самым обнажил стыковочный модуль на шее. – И где же? – это уже спросил я, хотя задушевные разговорчики не входили в мою компетенцию. И устраивать потеху я был способен лишь в извращенной форме, то есть исключительно в романах, да повестях. – В зоопарке, правда, там начальница мегера и квадербер, мы с ней спали, но она не признавала во мне силу, все время вылизывалась и по-кошачьи мяукала, – произнесла голова собеседника, подсоединенная к зарядке, напоминающую подставку для электрического чайника.

Валентин тяжело вздохнул, взглянув на плакат Франко Коломбо. Тот в красных плавках, загорелый и чрезвычайно рельефный позировал на пляже. Детектив пространно заговорил: отчего-то у нас принято, если мужчина входит в горящую избу, чтобы, понимаешь, допить остывающий кофе, а потом на скаку останавливает, понимаешь, коня, чтобы добраться к семи тридцати на завод, он в чых-то глазах становится бабой. Головушка сослуживца поддержала: так точно, когда-нибудь мы сможем делать все, что взбредет нам в головы, но мы будем выбирать оставаться дома и полюбим кабачки, обзаведемся пенсионными удостоверениями и кошками. Леня про себя добавил: и разлюбим Екатерину Мизулину, фотографии которой хранили многие солдаты, шерше ля фам, как говорится.

Суматошный день окончился внезапно. Внезапно же наступил поздний вечер, похожий на мою бабушку, и пусть эта метафора останется нерасшифрованной. Помню, излишне успокоен-

ный выпитым, сообщил о предстоящей поездке Речному. Андрей благородно довез меня до вокзала на своем велосипеде «Турист», кажется, благополучно посадил на поезд, погрузил в поезд. Погрузил, точно золотую рыбку в литровую банку на кухне, но в поезд. И пористая подушка, точно морская губка, запах лапши, точно запах лапши, чего ж тут добавишь, ничего не добавишь, не присочинишь. Приснился один фильм целиком, от самых титров до самых тигров. Если желаете, тоже можете подглядеть. Там о будущем времени речь, там об одиноких людях, которых арестовывают и отправляют в специальный отель и не выпускают целых сорок пять дней. За сорок пять дней одинокие люди обязаны разыскать себе пару, а тех, кто не разыскал себе пару, превращают в животных и отпускают в лес. Подумайте об этом, превращают в животных и отпускают в лес, надо же.

Глава 4

Обосранное дитя Рубикона

Ужель бежала полночная прохлада, а первый луч затрепетал в кустах, а месяца неугасимая лампада дымилась в травянистых облаках, все так, все так, дорогие. Он сделал двенадцать шагов, а на тринадцатый у него не хватило силенок. Всю свою жизнь он прислушивался к советам, булькающим в чужих глотках. Ко всему прочему, с последней парты подсказывал международный опыт, я прекрасно все слышу, перестань, международный опыт, у тебя самого выходит не очень-то прилично, рывкал он. На его руке красная повязка, он подавился косточкой ночи, закашлявшись. На первый и на второй взгляд он совершенно не реализовался. Совсем недавно он понял, сколь тяжела доля простых работяг. Вклиниваясь в чужие разговоры мужиков, едущих с вахты, он частенько слышал нецензурную лексику в свой адрес, а сейчас он обстукивал молоточком поезд, а лексику нецензурную не слышал.

Тем временем Леонид ощупывал языком сколовшийся зуб, то был не зуб вовсе, но зубчик торцевой фрезы. Не слышен чух-чух, не слышен звон подстаканников. Лишь обеспокоенные голоса немногих сотрудников научного поселка имени Шубиной, возвращающихся на работу. Высунувшись в окно поезда, Леня сконфузился, точно философ Мишель Фуко, что любил списывать со счетов человека, сконфузился, точно Мишель пред учебником обществознания под редакцией Боборыкина, Красина, Суходеева. Выйдя в коридор, едва не был сражен овладевшим чувством, паршивым каким-то чувством, а чувство такое, как бы попонятней выразиться, инквизиция души, не иначе. Железнодорожный состав казался безлюдным, лишь в тамбуре вспыхивали зажигалки, клубился дым. Красный засаленный половик, двери ближайшего купе открыты, в купе разбросаны вещи, в ином купе тоже. Полусонный детектив, пошатываясь, бредет. Навстречу шагает вагоновожатая, на голове у ней отчего-то чулок. Выйдя в тамбур, повстречал седовласых дяденек, чьи лица пугали. Они пучили глаза, их мышцы смеха, большие скуловые мышцы, щечные и прочие, прочие мышцы сокращались. Нервические тики-таки. Валентайн поспешил сойти на брег, он брезговал обществом этих печеных мужей.

Тьма, бытовавшая вокруг, имела все шансы на поступление в институт кинематографии. Мы остановились метрах в пяти от лесного массива. И голубые деревья, насколько их освещал фонарик телефона, оказались не такими уж голубыми. Солгу или не солгу, сообщив, что ухала сова, пожалуй, не солгу. Стоило сделать неосторожный шаг от железнодорожной колеи, как под ногами захлопало, торфяная почва. Там вдали, за полем лубяные избушки, черные силуэты избушек. И звездочки на запотевшем небе. Из города не выезжал года полтора, выезжал с девчонкой, она являлась ведуньей, вот совместно с нею выезжали, она по работе, искала в лесах пропавших детей, а я исключительно в отпуск. Чего там вспоминать, мы оказались слишком разными с этой девчонкой, словно токарный станок и фрезерный, впрочем, вы понимаете, что разница-то невелика,

разница в способе срезания слоя металла. Она продала сами знаете что, сами знаете кому, поступив на службу в мировой суд прокурором. Предавшийся романтическим воспоминаниям Леонид пошел к головному вагону. Выяснять причины остановки мужчины привлек у специалистов, кардиологи в этом смысле были предпочтительней, ведь они не боялись говорить правду и ничего, кроме правды. Кривда, звучащая из уст бывших любовниц, с возрастом перестала увлекать.

Ленчик, оставивший стихосложение в прошлом, вдруг сочинил: детства чистые глазенки, поцелуев грязные пеленки. Сыщик увидел гражданина, методично стучащего молоточком по колесной паре. Многозначительное, словно свернувшаяся кровь на песке, молчание-вакуум, царившее вокруг человечка, вызывало желание воскричать: между прочим, Гагарин стал первым проходимцем в космосе, ты не он, прекрати множить это молчание-вакуум!

Детектив именно так и воскричал бы, однако не воскричал, боясь быть обнаруженным. Иностранные агенты всюду совали свои острые носы, никому нельзя доверять, человечество опутано сетями гельминтной паутины. К тому же не хотелось шуметь. Произошло нечто занятное, Леня узнал работника поезда. Алексей Варламов, сухонький мужичок семидесяти лет. Вынужденный из раза в раз повторять одно и то же, блюсти порядок в тайном поезде, что вез в определенные часы привилегированных граждан в научный поселок, а также работяг с вахты. На мозолистом теле господина брюки цвета хаки, белая футболка, пальто. На его челе гербовая печать.

– Что у вас на лице, вы где-то запачкались, у вас вот синенькое что-то? – поинтересовался Валентайн. В смущенном свете буферных фонарей лицо Алексея казалось болезненно аристократичным, ах, не кровосмешение, быть может, борода-эспаньолка. – Экслибрис, мой мальчик, экслибрис потек, попробуйте как я походить, потливая это работа, – говорит он, вздрогнув от неожиданности. – Что еще за экслибрис такой? – задался вопросом Леня, поживившись от ночной прохлады. – Ну, знаете, книжная печать, удостоверяющая владельца книги, мой владелец библиотека такая-то. Варламов извлек из кармана своего коверкотового серого пальто бутылочку. Хлопнул чекушку «Кубанской» залпом, сделался словоохотлив. – А чего мы остановились, собственно? – спросил наивный чукотский детектив. – А в мыслях я волк, сынок, а на деле, на деле, – задумчиво произнес мужчина с красной повязкой на руке. Из вагонов повылезали граждане, важные такие, как будто бы они перевели Пушкина на язык эгофутуристов. Как будто бы: зима, крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь. Именно научные работники поселка Шубиной перевели: зима, пейзаин, экстазуя, ренувелирует шоссе, и лошадь, снежность ренифлуя, ягуарный делает эссе.

Пассажиры сновали вокруг, шушукались, хлестали чай из чаги и мха, храбрились. Детектив слышал обрывки разговоров: Мариночка, рядовая ситуация, не бойтесь, у меня имеется кадык, я вас защищу. Кто-то рассказывал о навыке крутить козью ножку. Весьма полезный навык, полагаю, в условиях, когда молодежь сбита с пути, когда молодежь по скудоумию выбирает канибализм вместо земледелия. Они боялись Давида Кореша и его воспитанников, сразу догадался детектив, боялись влюбляться, боялись себя, боялись чудовищ, рожденных сном разума. Алексей принял за что-то вытаскивать из-под колес поезда, пыхтя.

– Помоги-ка, – захрипел он. Сыщик взялся за жилистую, мохнатую руку черного существа. Туша была тяжела, точно решение обманываться, когда не готов к обману. Работник поезда, тяжело дыша, произнес: вот и все, можно ехать, обезьянка попала. Точно, точно, усмехнулся про себя Леня, тут же заповедник, приматы весьма удачно мутировали, сочинили демократию, капитализм, пристрастились к опиуму, потом соскочили, увлеклись вегетарианством, научились бороздить пространства вселенной, осознали необходимость проживать на улице М. Стало в высшей степени тоскливо, когда Варламов начал конструктивный монолог, пока они шли вдоль вагонов. По видимому, он был душевным человеком, как Отелло. Вспоминал нематод, поселившихся в сосне, которую в юности считал своим другом, вспоминал большущую книгу, упавшую с верхней полки, да прямо по голове, с тех пор он ощущает потребность в чтении, читает все подряд, в том числе, линии на руках прохожих. Ночь стала крошечной, слышался рев триллиона мух, визг неве-

домого животного в лесу, то мухи утащили несчастного в свое гнездо – сельский туалет. Алексей неожиданно вручил книжечку, свистнул в свой блестящий свисток, извещая научных сотрудников об окончании остановки. Леня элегично подумал, можно часами наблюдать за закатом, слушать свист милицейского свистка, лежать в горячей ванной, а также слушать Варламова.

Леонид возвратился в купе, вскарабкался на верхнюю полку. Повертел в руках, подаренную книжку. И вопреки распространенному мнению, что каждый Алексей Варламов является несносным занудой, был приятно удивлен занятому названию настоящего издания. Странненький поэтический сборник, желтая бумага, представьте себе. Мягкая обложка, на обложке детишки в белых майках и плавках, черных очках, стоят вокруг розовой кварцевой лампы, напоминающей кристалл. Их зигзагообразные тени жутко застыли на голубоватых стенах. Книга потрепана, мелькает мысль, самая потрепанная книга, самая умная, с мыслью не согласен. А по названию сборник такой: любовь, похожая на укол оланзапина погожим субботним утром, когда моя страна вернула себе былое величие. Открыв на случайной странице, наткнулся на текст следующего содержания: токарь-универсал и его Марта. Хм, подумалось, вычурность и еще раз вычурность, вымученность. Закралось даже подозрение, автор пишет вечными перьями гусиные мысли, но никак не наоборот. До чего любопытно, несмотря на отсутствие нецензурной лексики, впрочем, давайте прочтем стихотворение вслух.

Вот, собственно, и даже постольку,
Коллоквиум сердца
Место имеет в цеху,
Когда сквозняком сбитый,
Пикирую, но не манкирую
Должностною инструкцией.
А в прочих сугубо любовных делах
Себе позволяю писульки,
Помнится, из недавнего:
В каком-то неопознанном пальто,
С карниза губ сорвавшийся любовник.
Замечу, первоначально
Там значился некий полковник,
Но это неважно, ведь я
Влюбился в токарный станок,
Немецкий, трофейный станок
По имени Марта,
Фрау девятый десяток,
Она по-европейски фригидна,
Чопорна и порочна.
И ты фасонишь пред нею,
Повеса второго разряда,
В синей спецовке,
В туфлях из крокодиловой кожи.
О, трофейные фрау,
Говорить стоит учтиво,
И я говорю, быть может, поспешно,
Однако сами, должно быть,
Спешили похлеще,
Когда сдавали экзамен
По обращению с электроприбором.

И даже не только
 Поспешность поллюции,
 Но столько выпуклый голос,
 Переставший звучать,
 Напряжение не убивает,
 Но ток убивает,
 Осведомляю, уведомляю,
 Можете записать,
 Пятнадцать миллиампер,
 Судорога языка,
 Судорога голосовых связок.
 Скольжение рук,
 Жидкость для охлаждения,
 Девяносто процентов воды,
 Масла десять процентов.
 Оставляя свои отпечатки подобно
 Пернатым, оставляющим в небе
 Отпечатки собственных крыльев,
 На корпусе голубом, голубом,
 Довожу до иступления фрау.
 Плод нашей любви,
 Шпоночный паз,
 Дитя удрученных времен,
 Впрочем, без отклонений.
 Пробитие фазы на корпус,
 Она крайне ворчлива,
 Учужла шнапс,
 Зззз ззз ззз.

– Вот сколько вы получаете за смену? – услышал сыщик мужской голос за пределами купе. – Смех один, – рассмеялась грустно барышня. – Вот столько за пятнадцать минут получите, надо только рассказать о всех, кто причастен к этому гнусному стихотворению, написанному без рифмы, к тому же порочащему честь многих. Слышится звонкая оплеуха, глухие, быстрые шаги. Трогнувшийся поезд был созвучен Эрику Харрису и Дилану Клиболду, что некогда тронулись умами, учинили бойню в собственной школе. Следующий текст назывался: кошки.

Прочитав его, я ощутил себя тем школьником, что, записавшись на секцию плавания, едва не утоп в бассейне. Хлорированная водица запуталась в моих волосах, исцарапала щеки, выстудила нутро. И одна тетенька предложила мне кой-чего совершенно невообразимое. Шагая на цыпочках, я ненароком уткнулся головой в кого-то дебелого, можно сказать, в кого-то упитанного. Зажмурившись, ощутил, как сильные пальцы больно вцепились в шею, отчего я вынужден был начать тонуть. В глазах вспыхнули звездочки. От подобной иллюминации пришел в некоторое смятение. Однажды, задолго до событий с бассейном, еще на утреннике в детсаду, одна воспитательница существенно расстроилась, видя мою дегенеративность, и принялась душить меня включенной в сеть гирляндой. Тогда тоже была иллюминация. Однако нынешняя иллюминация в бассейне отличалась той особенной интимностью, свойственной речам тетенек, обделенных мужским вниманием. – Хочешь потрогать мою норушку, хочешь? – спросила тетка. Наше внешне вспыхнувшее чувство-пуповину необходимо было в срочном порядке разорвать. Полусон, овладевающий моим сознанием, старательно подсовывал вредные, как зеленая картошка, советы.

Совет за номером один, извлечь свой мозжечок, поглядеть, кто я такой, не синтетический ли человек. Данная навязчивая мысль была для меня что канифоль для паяльника. Неясно волнующей была для меня та мысль. Однако я прогнал ее, проступив к чтению следующего стихотворения.

Не далее, чем сегодня
Родина выдала звезды, носи же,
Сравнительно несравненный мальчишка,
Мы едва ли, нежели в полном объеме,
То есть, скорее, не знаем, что делать.
Второстепенны дела наши, господа,
Наши лица красны,
Словно раны твои,
Параграфы наших учебников
Определят силуэты костров,
Тетради с конспектами
Предъявляются по запросу,
Иными формами речи
Пользуйтесь в меру.
Лето, жара, печеный картофель
Во дни моих треволнений
Вопиюще желанны,
Валентные связи директора
С завучем странны,
Особенно поразительны птицы
На школьном дворе,
Белые фазтоны,
Чье присутствие очень волнует.
Отсутствует или присутствует
Дело третьестепенное,
Ученики, забывшие
Сменную обувь,
Склонны к самоубийству.
Доносятся дежурные замечания,
Впрочем, нюансы,
Впрочем, нюансы, нюансы,
Еще раз, белые фазтоны,
Последняя четверть,
Кружение головы, мятые деньги.
Куда ведут эти руки,
Ведут эти руки, руки такие
Корректные, очень корректные,
Где ты забыл свой циклодол,
Где ты забыл свой корректор,
Застрелен в затылок ракетой,
А корректор не принял.
Мама, я познакомился с девочкой,
У нее десять котов,
Тридцать три золотых зуба,
Поэтому я забыл купить хлеба.

Леонид был свидетелем удивительных метаморфоз, он видел, например, как академическая среда становится ураганской пятницей. Поезд сбавил ход. Детективу снилось, как сослуживец Мангуст отчаянно кричит: сайонара, ушлепки! Поливая длинными пулеметными очередями сынов с отчествами отличными от наших. На его предплечье красный дракон, точно такой же на предплечье Николая Второго. На другом предплечье наколот мотылек, веточка папоротника, контуры листьев. Мотылек скрывает укус жены Эльвиры, укусила в пылу страсти. По возвращении на гражданку Мангусту часто мерещилась супруга в странном виде, ее красное платье в обтяжку, напитавшееся кровью. А еще, заслышав гром, он падал на пол, прятался под кровать, такие дела. Выдвинув нижнюю челюсть вперед, словно ящик из комода, сослуживец уничтожал вьетнамцев. Нет-нет, не вьетнамцев, в кого же, в кого же мы стреляли. Словоохотливый Печенег плевался словами в афганцев. За пределами сна что-то произошло, выяснять не очень хотелось причины, побудившие что-то произойти. Однако знакомый металлический запах развеял мифы, так пахнет нержавеющей, когда ее режешь на низких оборотах шпинделя резцом, а она подывает. В сторону шутки, тот запах я слышал великое множество раз, тот запах сводил с ума еще Калигулу, Чингисхана и Цепеша. Кровью запахло.

Открыв глаза, обнаружил себя в неведомом гостиничном номере. Прямо посреди комнаты на шерстяном коричневом коврике с причудливыми фракталами возлежала недвижная женская тушка. На ней черное платье с белым воротничком. Лежит словно ежик резиновый с дырочкой в правом боку. Возможно, криминал, постановил я с некоторым безразличием. На зеленой тумбочке пузатый телевизор «Шарп», экран весь в пыли. Стены номера обшиты светло-каштановыми досками, лиственница, что ли. Скрипнула кровать с желтым покрывалом, переступил тетеньку, подошел к окну, белый короткий тюль будто истлел, с усилием поднял растрескавшуюся бежевую раму. Оглянувшись на незнакомку, попал в ужаснейшую ситуацию. Тяжеленная рама подлым образом опустилась, больно ударив запястье. А жизнь не слаще конфеты коровки, подумалось. Безобразно заныла рука, вспухла, посинела. Схватил фиолетовое вафельное полотенце со спинки стула, перевязал запястье. В ванной горел голубоватый свет, дверь распахнута, на полу кафель, белые, черные шахматные клетки. Я упустил нечто важное, поэтому вернулся к изучению чуждого тела. Пробуждение не в поезде, а в незнакомом номере пока не пугало.

Круглый значок у нее на груди, красные буквы: значок, что ты дурачок. Быть может, она закричала, а мне пришлось стукнуть ее, прибрав громкость, размышляю. Возле нее бежевая коробочка, на ней надпись синим фломастером: душа. Открыл, там другая надпись: вот и улетела! Да за такое, полагаю, местные меня растерзают. Я же теперь, по меньшей мере, Фаддей Булгарин. И скажут обо мне наверняка: Россию продает Фаддей, и уж не в первый раз, злодей. Обязательно скажут, граждане злопамятны и нетерпимы к чудачкам, оступившимся и не извинившимся пред убитой хорошенькой курочкой. На всякий случай я обхватил губами ее указательный палец, средний, мизинец, чрезвычайно соленые. Соленые пальцы вызвали во мне желание курить, но мне было совершенно неведомо, где сигареты, пропала дорожная сумка. Ощущал себя ничейным Курилами, хотел курить, попал в неприятную историю, чего тут рассусоливать.

Скверное происшествие в некоторой степени напоминало случай, произошедший с Иваном Озолиным, начальником станции, к нему ни с того ни с сего заявился Лев Толстой, лег на кровать Ивана, через несколько дней преставился. Представьте себе, до чего Озолину сделалось не по себе, начальник станции после инцидента стал толстовцем, а потом и вовсе, застрелился. Мой взор упал на предполагаемое орудие убийства, не одобренное Женевской конвенцией, шило. У девушки прическа гаврош, пепельные волосы, провел рукою по голове, парик. Откуда-то из вентиляции послышался, приглушенный коллективный смех, соразмерный смеху в ситкоммах. Пе-

ревернул дамочку на спину, точно котлету на сковородке. Узнал в ней свою клиентку, Драглайн Эйхман, веки полуприкрыты, распахнутый рот, заходи, кто хочет, калиткой не хлопайте. Я не знал наверняка, где именно находится мотель, в поселке ли Шубиной, в другом измерении, впрочем, незнание пока не пугало.

Увидал себя в прямоугольном зеркале, висящем над темно-бордовой тумбочкой, под ножкой которой подложена бумажка для устойчивости. На мне кофейный клетчатый пиджак с искусственной розой в кармашке на груди, голову венчает черная бескозырка с двумя ленточками, джинсовые шорты, остроносые черные туфли. В кармане красное удостоверение, фотография моя, имя какое-то не мое, Генрих Дюбуа, частный детектив третьего разряда. Внезапно в дверь постучали, шагов я не слышал, но в дверь постучали костяшками, а после ударили кулаком. Пребывая в ситуации, когда плотность населения составляет два синтетических человека на квадратный метр. Пребывая в ситуации, когда не вполне посвящен в тайны женского туалета. Я стал прикидывать в уме варианты развития событий. Да, сейчас времена неспокойные, порешить могут за какой-то пустяк, а тут совсем не пустяк, тут место преступление, тут я обвиняемый.

Взял в руку длинное шило с деревянной бочкообразной ручкой, стало поспокойней. На цыпочках подошел к двери, прислушался. Следовало поглядеть вокруг приметливыми, непонимающими глазами ребенка, или кота, чтобы окружающая действительность вновь превратилась в одну сплошную нелепость смехотворного свойства, я что-то упускал. Детектив поглядел подобным образом, однако ничегошеньки не изменилось. Гостиничный номер ни разу не потешный. Видны засохшие капельки брусничного варенья на картине с лисами. Вероятно, разорившийся банкир пришел сюда со своим пистолетом, сидел в кресле, плакал, потом совершил роковой выстрел. Виден бирюзовый бюстгальтер, он лежит прямо в горшке с папоротником, другой бюстгальтер, белый, торчит из-под кровати. Вероятно, сюда заходил женоненавистник, приводил проституток, душил. А вон молочные пятна по всему полу ванной, страшно подумать, что же это такое. В замке ключ, проворачиваю его на три оборота, открываю и выхожу в коридор, залитый бледно-желтым светом.

– Дяденька, купи сигаретку! – озадачил парнишка. Так озадачил некогда Глубоковский Борис, наш интендант, что вам выдать перед штыковой атакой, горячий чай или порошок, я выбрал чай, опился этого чаю, а затем не смог пойти в штыковую, бегал в туалет, в штыковую не успел. Служивцы обиделись, являлись потом, когда все померли, предлагали махнуть сто грамм фронтовых, я не мог сто грамм фронтовых, лежал на вязках. До встречи в сказках бурятских народов, мои дорогие, говорил сослуживцам, они пропадали. Мальчишка в коридоре мотеля в самом деле продавал поштучно сигареты. А мы когда-то курили «Космос», хотели стать летчиками, а стали какими-то пончиками, право слово.

– Как тебя зовут, сынок? – вопрошаю, озираясь по сторонам, длинный коридор, в конце него лифт, высокие белые вазы. Паренек одет в темно-лиловый вельветовый пиджачок, голубенькие джинсы. На его сервировочной телеге круглые банки нюхательного табака, кисеты с махоркой, сигары, вскрытые пачки папирос. – Шаолинь, мистер, – отвечает, – вас тут искали, они ждут внизу, будьте осторожней. – Слова мальчугана встревожили, этим словам, пожалуй, созвучны слова любимой женщины: Леня, у меня остыло сердце, и теперь мы вынуждены оплатить ЖКХ, ибо мы замерзнем этой зимой без отопления. Внезапно затретькало, парень невозмутимо передал телефонную трубку, сказав: кажется, это вас. – Алло, – вкрадчиво говорю. – Слушайте и не перебивайте, вам надо оставаться в номере, за вами придут, – шепчет женский голос. – Что происходит? – спрашивает сыщик. – Не поворачивайтесь спиной к ребенку, просто вернитесь в номер, за вами придут и доставят в безопасное место.

Слышатся гудки, гудочки, будто высокоточные ракеты, прилетающие в опасной близости. Вспоминается прошлая жизнь, вспоминается хижина, пацаны, шипящая рация. Вспоминается ее голос: я капитулирую перед тобой, мой фрезеровщик. Детектив, пресыщенный символами и знаками, нисколько не удивился превращению паренька в иракскую голубоглазую смуглую девчонку в беленьком трикотажном платице с зелеными кочанами капусты. Маленькая женщина не умела краситься, на щеках помада, однако умела пугать похлеще хиджаба. Глядя на плюшевую обезьянку, обмотанную тротильными шашками, глядя на эту засаленную обезьянку в руках малышки, понял, как просчитался. Надо было прислушаться к сержанту Ковальски, стрельнуть тогда кумулятивным по той хибаре. Мальчишка, превратившийся в девчонку, чиркает синенькой зажигалкой, пламя никак не загорается, искорки, искорки. Повинуясь инстинктам, вскидываю руку с орудием убийства своей клиентки. Мгновение, все кончено, девчонка оседает на пол, из ее рта вырывается болезненный стон.

Бочкообразная рукоятка скользка, с кончика шила капает. Паркет скрипит, лифт куда-то едет, иду, думаю над словами радистки той августовской ночью в траншее, она говорила, что не посылала меня туда. Куда? В себя? Слева открывается дверь, на пороге, ошеломленная, должно быть, моим экспрессивным поведением дамочка в лосинах с тонкой сигареткой, щеки красные, пшеничные волосы взерошены, макияж какой-то вызывающий. Галантно двумя пальчиками взял сигаретку, закурил и, усмехнувшись, подумал: полосатое трико ее на зебру делало похожей. В кабине лифта жму на кнопку первого этажа. Спустившись в фойе, оказываюсь в баре.

– Пойдите, ваше благородие! – крикнул один из высоких мужчинок с бледным лицом, точно школьная доска. Его детские комплексы империализма не знали границ. Его морщинистый двубортный плащ изыщен. Я слышу отчетливо песнь, что скрывается с губ Нетопыря, его дружочка. – Нам надо поговорить! – Они вдвоем одновременно поднимаются из-за стола, высокие кавалеры. Осока была так же высока в Приднестровье, там как-то сумбурно получилось, однако стреляли по-настоящему. Я перешел на спортивную ходьбу. Приметил, на сцене Михаил Елизаров лабаёт на гитаре, а также достойно поет. Бард представлял из себя статный астероид, что летит с довольно-таки высокой скоростью к земле. Длинные волосы забраны в хвост, виски выбриты, штаны цвета хаки, берцы, широкоплеч и обстоятелен. Он преобладал над филологическими девами, вне всякого сомнения, преобладал. Иными словами, Михаил мог побороть хоть целый полк филологических дев на шахматном поле. Подле сцены топчутся субтильные девчонки с цветными волосами. Рты пораскрывали, слушают: небывалая сыплет тоска и мои отступают войска, их колонны бредут сквозь туман, в репродукторе всем Левитан рассказал, что за сука похерила нежный наш план, артиллерия выбита в хлам, мы ползем по недавним тылам, на полуторках стылых трясясь, под колесами хлюпает грязь, господин главный ветер, я вышел на связь!

Вдруг откуда-то с изнанки тьмы поступил приказ: Алик, отводи ребят! Не знаю, что на меня нашло, просто послышалось приказание такое в голове. Зеленоватый, как авокадо, ковер под ногами пружинит. Граждан в заведении не много, за барной стойкой, точно кошки на теплотрассе, мужчины, по виду клерки, с осунувшимися лицами. И принципиальные такие два господина в одинаковых кожаных плащах, шляпах, не отстают, идут по пятам. А у меня, понимаете ли, инстинкты, навыки крошечного убийцы, для меня время идет чрезвычайно медленно. То есть успеваю отметить и мужчин за барной стойкой. и этих одинаковых с ларца, для меня проходят минуты, для человека обычного доли секунд. К тому же успеваю вспомнить зачем-то, Александр Куприн писал собственные произведения голеньким. Глаза моих гонителей были серо-голубыми, на лицах их страшные рубцы, будто швы от электросварки.

Михаил Елизаров и не думает останавливаться, его оперное пение действует особенно уми-

ротворяюще, талантище. И поет он: выйду на крыльцо, золотая рожь, в голубую даль улетают Байрактары, гром, точно сладкий сон, а со всех сторон километры и гектары и гектары! Приметил дверь клозета, направился к ней. Сам себе в тот момент я напоминал клоуна в цирке, увидавшим пожар за кулисами. И вышедшим к зрителям, сказавшим: ребята, горим! И что же те зрители. Подумали, шутка, начали аплодировать. И мир наш совсем скоро подобным образом завершится под аплодисменты тех зрителей, полагающих, шутка. Ой, чувствую, завершится, неспроста у меня такие провалы в памяти, засыпал в поезде, проснулся в незнакомом номере мотеля с жертвой на руках.

Укрылся в туалете за черной дверкою, нестерпимо разило, мягко говоря, органической жизнью. Сколь интересная тема, развитие одноклеточного, да прямо в философа, чем не органическая жизнь. На стене кабинки прелюбопытнейшие надписи: Пьер был светский человек и поэтому мочился духами. В помещении послышались голоса преследователей. Леонид забрался с ногами на унитаз, продолжил изучение наскальной живописи. Мыслей не было никаких, он читал: сыновья приехали к Тарасу и стали с ним знакомиться. Вкрадчивые шаги, удар ноги в соседнюю дверь. Лёне надо отвлечься, читает: на балах он ухаживал за дамами, но скоро ему эти прибаутки надоели, Анна сошлась с Вронским совсем новым, неприемлемым для страны способом.

– Леонид, выходите, вам некуда бежать, – слышу безэмоциональный, ровный, словно пульс Георгия Маленкова, голос. В руке по-прежнему шило, не надо, Леонид, окстись, ну, куда ты пошел, Лео! Детектив, ты ж великодушный, у тебя ж великая душа, способная вместить что угодно, не дрогнув! Ах, к чему ты, прямо в живую плоть, неужели изобилие запретов когда-то в юности привело к тому, что ты оформился в такого душегуба, способного причинять боль. Способного искромсать всех и вся этим шилом. Валентайн-Дюбуа находит себя на вонючем полу. Мужчины встают, рядом лежат они, с кончика шила капает. Сыщик медленно подходит к двери, пение стихло, истеричные возгласы филологических дев не слышны. Он толкает дверь, идет к выходу, обыватели провожают его растерянными взглядами. Неприятно зудит в грудной области. Интересно, что там в родной иркутской области, амурской области, Алтае, Тыве нынче происходит, добрался ли туман. Но интересней, конечно, что же происходит в иркутской области, где Леонид провел свое детство, юность. Мужчина выходит в душный май, где сексуальная, как Татьяна Толстая в двухтысячном году, где сексуальная жизнь цвела, цвела.

Детектив совершенно не узнавал места, ошибка 0x80080008, повреждены системные файлы. Он услышал за спиной брезгливое: убийца. Какой же я убийца, думайте, что говорите. На улице не горят фонари, полная луна близко-близко, видны силуэты одноэтажных домов. Деревья, подсвеченные зеленоватым, булькающим киселем неясной этимологии, что разлит на дороге. Каблуки Лео стучали по асфальту, звук шагов множился невообразимо. Все было каким-то неправильным, точно Михаил Круг, ставший квадратом, точно люди, любящие животных, но пожирающие мясо животных, или ты, сказавшая, что любишь меня, а я чего-то боюсь тебя, убери, пожалуйста, нож.

Вокруг не научный поселок, сыщик здесь никогда не бывал. Собственные ложные воспоминания о войне, не мог я быть на стольких войнах, пугают. Скорее всего, о моих проделках уже знают все местные жители. Скорее всего, жители попробуют отобрать мои честь и достоинство, чего там достоинство, детективный значок. Как в кошмаре на улице Вязов, длинная улка. Невкусная булка, из которой кто-то прямо сейчас выковыривает весь изюм, лишая вас замечательной прозы. Во внутреннем кармане пиджака завибрировал телефон, отданный пацаном с сигаретами. Валентайн принял вызов, номер был незнаком: 5702511. И старческий голос бабушки Ирмы попросил: скажи ей, что в роднике глаз ее ты видишь виселицу и остальные подробности. – Бабуль,

я на задании, – поморщившись, проговорил мужчина. Подул ветер, зашумели деревья, сыщик прикрыл глаза, послышались помехи на том конце провода, на том конце света.

И когда молодой человек открыл свои глазенки, впереди возникла она. То ли видение, то ли огромная девочка, из одежды на ней шкура. Леонид отчетливо понял, вот и все, теперь он подвергнется люстрации. Не получится просто извиниться, списав свое шкодливое поведение на особенности характера. Придется отвечать. И за прекрасное далеко. И за поступки, что не совершал. Хотелось крикнуть: ошибка, чудовищная ошибка! Но вопреки логике Леня испытал какое-то возбуждение. Она шла к нему навстречу, тетенька из времен кроманьонцев. Даже Леонид, рожденный, любить таких неотесанных барышень, не на шутку перепугался, но и возбудился, само собой. Ее босые ноги, подсвеченные зеленоватым киселем, она бубнит утробно: ууууу. Кажется, улыбалась. Она была удивительна. Не как эти двадцатилетние старики и старухи, блуждающие по свету, они блуждают и наивно рассуждают о пользе жизни, исследуют пороки, насмеваются над чувствами. Лео не побегал, дух захватило, затряслись поджилки, фатализм порождает бездействие, безволие. Их разделяло метров десять, когда у детектива возникло желание умчаться подальше от своего счастья. И это казалось кокетством, пусть кажется. Он развернулся и понесся прочь от преследовательницы. В ушах пульсировало, екало сердечко. И эти одноэтажные дома, не подававшие признаков жизни, нигде не скрыться, ах, нигде.

Я слышал ее хрипы, почти ощущал крепкие, долгожданные объятия. Во мне боролись два желания, желание отдаться незнакомке и желание не отдаваться. Свернул с дороги, ветки хлестали по лицу, стебли крапивы жалили ноги. Склонен верить, что в жизни бывает и не такое, мои дорогие, каждой вороне по сыру. Я увидел синее крыльцо кирпичного здания в самой чаще. Взошел по ступеням и оказался в своей сибирской школе. В длинном, узком коридоре по обе стороны металлических шкафы. Красное аварийное освещение. Дюбуа подумал, прямо как в детстве, когда меня притесняли старшеклассницы, а я прятался в туалете. Что ж, и повторится все, как встарь. И даже тот букварь, в страницы которого мы заворачивали табачок с этими порочными старшеклассницами. И даже тот букварь где-то здесь, в моей замечательной школе. Так не могло продолжаться вечно, кошки-мышки с первой встречной, но такой настойчивой, поневоле думаешь, наверно, судьба. Сильный удар в спину, лечу, потом скольжу по лакированному полу. Резкий рывок. Ее дыхание обожгло щеку, сырое мясо, почувствовал молодой человек. Ручищи прижали к шкафчику, ноги Леонида не касались пола, какова экспрессия, сколь необузданная страсть содержится в этой женщине. Крепкие зубы впились в шею. Впились не так, чтобы насмерть, скорее, незнакомка пробовала, какой я на вкус. И что за кровь течет в моих жилах, кровь каких народов.

Мадмуазель обладала крупными чертами лица, моими любимыми, стоит заметить. Губы, данные ей для поцелуев, шептали неразборчивые, похожие на заклинания, слова. Сыщик невольно улыбнулся, собственная жизнь показалась ему комичной, он понял шутку, однако решил ее не объяснять этой дикой тетеньке. Последовал долгий поцелуй, вскруживший голову детектива. Рыжие волосы дамочки шелковисты, должно быть, она придумала щелочное мыло, иначе объяснить их шелковистость Леня не мог. Он заметил в нагрудном кармане своего пиджака искусственную розу. Прищуренные голубые глаза дикарки, ее широкая улыбка. Она по-прежнему удерживала Лео на весу, точно любимую игрушку. На ее бордовых сосках выступили желтоватые капли молока, Ленчик улыбнулся в ответ. Дескать, что же поделаешь, вот мы и встретились. И дамочка поставила его на пол. Заулюкала смущенно, точно неразумному ребенку. И незамедлительно была одарена той самой розой. Тем временем в кустах крапивы на стареньком рояле «Элегия» неизвестный поспешно наиграл собачий вальс. И Валентайн обрел возлюбленную, подобную винному морю, более мужчина не желал иметь жену, подобную бутылке из-под вина, к чему мелочиться. В руке у детектива шило, с шила чего-то капает, кровь, чья же она, народа?

Глава 5

Что делать, если твоя фамилия Эйхман

Воздух и сырость, точно две страницы, склеились. Вредная, как фентаниловый пластырь, муха-слон ползала по щеке. Ее лапки вонзались в мою кожу. До чего нелепо, до чего комично влюбиться в доисторическую женщину. Симпатии, как и времена, не выбирают, поверьте старому ловеласу на слово. И бедняжка Беляев Александр Романович тоже не выбирал быть закованным в гипс и лежать три года с ползающей мухой по лицу. До последнего я не открывал глаза, они у меня дедушкины. Чрезвычайная духота, холодный пот. Слышен работающий кондиционер. Шелест воды. Леонид был подобен рису, что плохо растет. И австралийские аборигены тетеньки, сидя на корточках в поле, рассказывали ему миф о происхождении риса, тот узнавал о своем предназначении, однако не начинал расти, являясь, по сути дела, врединой. Запястья перетянуты чем-то, квинченто еще не наступил, холодная война уже закончилась. В кончиках пальцев покалывание. Леонид готов не открывать глаза до талого снега, которому суждено стать лужей, а в луже пу-скай пропадает бабка, троллейбус, люди с остановки, люди с боеголовками, ловкие кондукторы. К чему это я вспомнил о снеге? Сыщик думал, совершенно не используя знаков препинания, хо-лодная расчетливость, никаких тебе словесных кружев. Поясница чего-то ныла, во рту сухость, как будто скушал апельсин прямо с кожурой. Внезапно припомнился грибной дождь, что стучал по жестяному подоконнику, тогда хотелось солянку с маслинами, хотелось длинные задушевные разговоры на кухне. Но жена была в чемодане, да, какие странные игрища она любила. Мы сиде-ли на даче родителей Полины, Полина в чемодане, грибной дождь, Бишкек.

– Извращога, я же вижу, что вы не спите, давайте-ка, открываем глазки, – прервал размыш-ления вкрадчивый мужской голос. Но я не пошел на поводу, знаете, сколько металлургических комбинатов однажды пошло на поводу у бандитов, сами знаете, что из этого вышло. – Я Питер, – сообщил мужик. – Петр, – говорю, не открывая глаз. – Питер, – поправляет он. – Да, да, Петр, прекратите меня тискать, ваш язык мешает моему слуху, выньте свой язык из моего уха, – прошу. – А ведь я уже дедушка, знаешь, как в детстве я добирался до школы? – спросил Питер. Испы-тывая завистливое любопытство нищенки, подглядывающей за незнакомцами в окне, спросил: и как ты добирался туда, Петр? – Леонид Захарович, прекратите валять дурочку на снегу, – го-ворит так называемый Питер тоном качественно иным, тоном университетского преподавателя, имеющего право измерить мой череп в аршинах. И если вдруг выявится какое-то несоответствие с нормами, он обязательно исключит из университета. Открываю свои чудесные, дедушкины глазки.

Человек, разбудивший меня, бородат, слегка лысоват, в квадратных очках, глаза увеличены, глаза зеленые, коричневый пиджак, что-то записывает в тетрадочку. Леонид привязан к огром-ному стулу на колесиках. Они сидят в кафе-аквариуме, за стеною плавают две маленькие серые акулы, стайка желтых рыбок, фиолетовые водоросли, обломки корабля. Дымчато-голубой свет, круглые столики, пустой зал. – Очень рад вашему возвращению из гипноза, – говорит собесед-ник. Доносится терпкий запах гвоздичного одеколона. – Что происходит, вы по какому праву меня привязали, – интересуется Лень. – Леонид Захарович, а вы нашили, нашили по-крупно-му, – грустно говорит крендель. – Мне двадцать семь лет, могу себе позволить, – дерзко замечает сыщик.

Незнакомый Петр кладет свою тетрадь на столик, снимает очки, массирует глаза. – Двадцать восемь, уже двадцать восемь, – поправляет с видом знатока Федора Двинятина гражданин. – Вы у нас преступник, так уж вышло, – продолжает, надевая очки. – Ну, знаете, вы в двух словах три ошибки сделали, я заслуженный детектив, – запальчиво говорит Леонид, кивая головой, будто соглашается со своими словами. – Вообще-то, вы фрезеровщик с тяжелым посттравматическим

расстройством, – объясняет Питер. – Я правильно понимаю, вы копались в моих мозгах? – правильно понимал фрезеровщик. – Это, извините меня, майн либе, работа, копать в ваших мозгах, – заметил мужчина, поднимаясь со стула. Лео несколько расстроился, что ему под тридцать, однако стремительно поборол грусть и обрадовался благополучному наступлению маниакальной фазы.

Величавый леопардовый скат неторопливо плыл в сторону оранжевого морского конька. Розовый аксолотль премило пожирал сверчка, держа того в своих лапках. Леня перевел взгляд на собственное одеяние, синий хлопковый комбинезон, бирка на груди: склонен к фантазированию, не поворачиваться спиной. Запах мокрой шерсти, скрип сиреневых резиновых тапок на ногах Петра. История, в которой очутился Леонид была любопытна, точно сериал Валерии Германики.

– Мы с вами в институте поведенческих аномалий, вы пробывали под гипнозом продолжительное время, – сообщил ученый муж. Две золотые рыбки с красными губешками поцеловались. Ужель я такое чудовище, что меня необходимо поместить в институт поведенческих аномалий. Ужель я такое чудовище, жилец вершин, схвативший несшую кувшин барышню с прелестным взглядом. И эта барышня с прелестным взглядом качается, как плод, в моих косматых руках. – Вам по-прежнему снится ваш товарищ Василий Кейн, которого вы были вынуждены оставить в степи? – спрашивает очевидную ерунду Петр. Леня не спешит отвечать, ему важно прояснить ситуацию, насколько это возможно. Большое количество вопросов до добра еще никого не довели. Большое количество вопросов, терзающие наших сограждан, являются причиной седины. Вот лишь малая часть вопросов, как я полагаю, вызывающих сдину. *Скажите, надо ли платить контрибуцию, если не надо, тогда надо ли платить алименты, кто замазал все ответы в конце учебника, а тот, кто избрал календарь, как он понял, с какого дня вести отсчет.* В свою очередь, Леонида терзала невозможность свернуть шею очередному докторишке, пусть и метафорически. И кто же ты, Леня, после этого. Я так себе отвечаю, очень просто отвечаю: я часть силы, что творит добро, желая некоторым вреда.

Путем энергично принятых мер удалось побороть панические настроения. Попросту говоря, принялся повторять, повышая голос: меня подставили, меня подставили. Сыщик решил надавить на жалость, стратегия, в общем-то, ничего. Поверить в нечто столь необычайное, как собственная невиновность, чтобы потомки воскликнули на внеклассном часе: а мой прадед репрессирован по ошибке! В столовой-аквариуме сделалось прохладней, повеяло жареной курочкой, запеченными овощами. Леонид тяжело слотнул слюну. Проснувшийся аппетит мог существенно повлиять на показания, которые от меня пытается получить Петр. Впрочем, это не имеет никакого значения, сколько я здесь уже под гипнозом, наверное, выболтал все, наверное, уподобился некому Алексею Швабину. Последние воспоминания, древняя женщина, наш скоротечный союз, мое длинное шило, кровь. Последние воспоминания вызвали улыбку. Тем временем, размышлял детектив, от миллиметра до килограмма один шаг, а до половой распушенности от первого поцелуя со школьным хулиганом и того меньше. Почитайте на этот счет Александра Никитина, он пишет о вредных последствиях рукоблудия, его гигиенические замечания о грязненьких, тайных привычках детей будут полезны родителям и наставникам.

– Ваша любовница Драглайн Эйхман, жена полковника Эйхмана, найдена в номере мотеля, – опустив глаза, сказал мозгоправ. Фрезеровщик ощутил стыд, неужели он с нею, с этой женой полковника, совершил эту низость. И вовремя не прекратил их болезненные отношения, довел до подобной дикости. Мужчина помнил их ночные разговорчики в каптерке, их разговоры были, ох, какие же они были. Вы и сами понимаете, о чем говорят влюбленные, чья влюбленность неправомерна. Они говорят о генофонде, о том, что котята в подвале вон того дома с выбитыми окнами

не готовы к зиме, о врагах, что приучили наши сердца к ненависти. Только жена полковника и дождалась из армии, честь и хвала таким женам.

– Ваши родители, папа бурятский комиссар Леон Кеннеди, мама пленная немка Ада Вонг в данный момент находятся за границей, они осуждают ваши поступки, – привлёк внимание к себе Питер. Он снял пиджак и в бледно-желтой рубашке с короткими рукавами стал похож на фило-софа Мераба Мамардашвили. – Как же они могут осуждать, если они за границей? – спрашивает детектив, ругая себя за то, что проговорился, а ведь хотел молчать до ослиной пасхи, воспользо-ваться пятьдесят первой статьей и не наговорить лишнего. – О, в газетах только и пишут о ваших похождениях, представьте себе, газеты доходят до Монголии, – охотно пояснил собеседник. – И что же совсем не получится быть условно осужденным? – спрашивает простодушно сыщик-фре-зеровщик. – А вы знаете, как вас называют в интернете, вас называют черный фрезеровщик, пу-гают вами детей, – ответил не по теме Питер.

Мы не были друзьями с Петром, тысячу галлонов чая мы с ним не выпили, не съели пятьсот печений, о чем речь. Но что-то подсказывало, собеседнику можно довериться. – Есть ли возмож-ность порешать все полюбовно? – поинтересовался детектив. – Это исключено, но есть возмож-ность искупить свою вину в составе частной научной компании, – гражданин присел на стол. – Что же, вы предлагаете мне исследовать туман, а как же блокада, кстати, где находится ваш институт? – стал задавать наводящие вопросы сыщик. – Бедняжка, вы совсем ничего не помните, никакой блокады нет, блокаду и туман вы нафантазировали, – покачал головой мужчина. Кажет-ся, доктор впервые за весь разговор проявил интерес, он покусывал губу, приподнял брови. Во-царилось молчание, Леонид примерно догадывался, все-таки посттравматическое расстройство не делало из него кромешного кретина. Догадывался, шалости совершаются, но совершаются, прежде всего, не им, но обществом потребления. Он всего лишь инструмент, он всего лишь труба, на которой играет Борис Виан. Единственное, что вызывало беспокойство, это фантастические события последних недель. Что из этого вымысел, а что нет. По всему вероятно, я предал свою доисторическую женщину, очнувшись от гипноза, оставил ее там, в причудливых закоулках со-знания. Кого еще ты предал, скажи-ка, Ленья? Не знаю, у меня даже мечты нет, чтобы вставать по утрам, о чем вообще речь, мои дорогие.

– Все началось с господина Кротова, мэра вашего города Колумбия, он выпустил указ о при-остановке выплат участникам пунической войны, – сказал мозгоправ и не сказал более ничего, ждал, какая последует реакция, лупоглазый интриган. А я вспомнил месье Кротова. Вспомнил его перепуганный взгляд. Из него, как из шарика, стал выходить воздух, с дырочкой в правом боку он казался не таким грозным, ему бы не понравилось в Грозном, Йемене, Корее. Сколь бесславная кончина в туалете ресторана была уготована ему. – Телес на земле больше, чем душ, – задумчиво произнес Ленья. Петр шумно вздохнул, сказав: а потом были другие, в сущности, подлецы, но вы их обнулили, кажется, так говорят. Собеседник элегично вздохнул.

И мы, Питер и я, частный детектив немаленького разряда, в этом ресторане-аквариуме про-должили страдать о том, что нас не станет после кончины и о том, что нас не было до рождения. И о всякой ерунде мы там страдали, как мне кажется. Мое сердце перестало трепетать, впрочем, я нисколько не чувствовал себя в ответе за мокрухи, которые на меня вешали. – Вижу, вы начинаете вспоминать, по нынешним временам для вас предусмотрена ссылка в гепатогенную зону, – ска-зал он. Сидеть в гепатогенной зоне не очень-то и хотелось, список преступных деяний был не-вообразим, это стало известно из дальнейшего рассказа Питера. Леонид Захарович в самом деле являлся фрезеровщиком, однако в связи с участием в театре боевых действий, за что даже полу-чил золотую маску и несколько других престижных наград. Участие в театре боевых действий не прошло незаметно, поплавился мозг, с кем не бывает, со всеми случается, что вы.

– Проветренных людей, то есть, конечно, проверенных, мало, понимаете, обстановка неспокойная, граждане попросту напуганы, – говорил Петр Аркадьевич, когда развязал сыщика.

Сумрачное состояние разума, как сообщил ученый, было связано с несправедливостью, встречаемой Леонидом. На минус пятом этаже института поведенческих аномалий несправедливостей вроде бы не наблюдалось. Пятнадцать жмуrow на совести Лени, оказывается, крайне возмутили общественность. Тем не менее, стоило общественности прознать, кем является Ленчик и кого он превращал в жмуrow, отношение к нему несколько переменялось. А ведь он так нуждался в коллективе, как-то раз его выгнали из одной секты, сказав: о, как ты нас достал, мы натурально сходим с ума от общения с тобой. В сторону сопли, кто, в каком коллективе нуждался, страна нуждалась в спасителе, однако ничего нового. Туман и блокада оказались враками, подобными снам, что видит хромая собака, замлевшая на солнышке во дворе. В поселке имени Шубиной случился форменный беспредел, ученые Степнова, Водолазкин и другие в очередной раз учудили. Закон для них был вовсе не тайга, закон для них был совершеннейший зефир, подверженный деформации в теплых ладошках. Некая падала организовала машину, что создавала фантомы великих и трагичных событий, имевших место в истории нашего мира. И эти фантомы повторялись в самых разных уголках страны, нанося невиданный ущерб психике, здоровью и деловой репутации наших сограждан. Хиросима и Нагасаки, Титаник, Верденская мясорубка, бегство ряда интеллектуалов, землетрясение в Армении, эпидемия чумы на Дальнем Востоке, наводнение в Бостоне, Лондонский смог. Все повторялось и никоим образом нельзя было предугадать, где завтра, например, случится армянское землетрясение, может быть, в Люберцах, может быть, в Калининграде.

Завербовали Леонида великолепно, комар носу не подточит, а если подточит, что ж подедаешь, это не комар, это, как минимум, инсулиновый шприц. С проворностью суслика молодой человек согласился пожертвовать собственной жизнью. – Вы многое забыли, вам предстоит долго гнать велосипед, – сказал Петр Аркадьевич. Леня с превеликим аппетитом поедал выданные миловидной девчонкой бутерброды с вареной колбасой и листьями салата. Граненый стакан как-то навевал приятные воспоминания о детской колонии. Я знал страшный секрет, внутри своего красного платья в белый горох девчонка голая. Бордовое родимое пятнышко у нее на щеке. Барышня близка луне. Как и луна, она спутница какого-нибудь парнишки. Неопределенность ее ответов на вопросы личного характера, ее власть над приливами, отливами. Черные волосы, прядь седых волос. – У нас через полчаса повар приготовит жаркое, это я вам так, перекусить, – говорит она своими малиновыми губами. – Очень вкусные бутерброды, – зевает Леня. Девушка уходит в сторону аквариумной двери, теряется за нею. – Парились с одним прокурором в бане, прокурор сообщил по секрету, на вас возлагаются большие надежды, – страшил ученый. – А почему мы под землей, я никак не могу понять, отчего не построили институт на земле? – спрашивает Лео. – Вы знаете, последние четыре месяца мы все вынуждены ютиться в бомбоубежищах, участвовали падения тунгусских метеоритов, не угадаешь, где в следующий раз шмякнется, – охотно пояснил Петр.

В трактуре-аквариуме заиграла едва слышно советская композиция, Кристаллинская пела: опустела без тебя земля, как мне несколько часов прожить. – А что же вы хотите от меня? – Леня допил какао. Ученый достал из пиджака, висящего на спинке стула, синий железный портсигар, протянул сигарету детективу, закурил сам. Сбрасывая пепел в блюдечко, Питер ответил: ваши навыки, они, к счастью, не пропиты, вы прирожденный убийца, в доме, где, по нашим данным, находится машина, вызывающая пространственно-временные искажения, в общем, вам необходимо ее уничтожить, а также полковника Эйхмана, с которым вы прекрасно знакомы со времен службы в горячих точках. Говоря откровенно, Леониду был неведом политический строй за окном, закончились ли акции в Дикси, кого теперь слушает молодежь, кто из политиков стал нерукопожатным, каким тиражом напечатался роман школьного приятеля. Сигарета с гвоздикой потрескивала. Молодой человек вспомнил свой цех, станки, кажется, последние годы он провел удивительно. – С кем я пойду на задание? – спросил он. Аркадьевич вытер вспотевший лоб серым

платком, в его животе заурчало. – В этом деле один уже много, – заметил он. Ленчик припомнил ребят, с которыми служил, они теперь на радуге, как и его кошка Тишь, страшно подумать, сколько там дорогих сердцу существ, не сваятся ли. Питер несильно хлопнул своими пухлыми ладошками по столу, поднявшись, сказал: со своей стороны обещаю полную амнистию, а также восстановление в правах. Потом ученый, моченый проводил сыщика в жилой отсек, жаркое Лео так и не дождался. Мужчины прошли к голубой двери с дельфином, Петр приложил свою карточку к магнитному замку, тот истерично пискнул. На шее научного сотрудника заметил выцветшую наколочку, надпись: Кабул. Свои, сухо улыбнулся Леня.

Войдя в казарму, малость опешил, все внимание на меня, столько народу. Двухъярусные кровати, темно-зеленые покрывала, парни с бритыми головами. Изучающие взгляды, они будто ощупывали мое детективное тело. Кто-то бросает безупречно симметричные кости, они прыгают по доске для нардов, клац-клац-клац. Шорох листьев бубновых, червонных, это играют в карты. Речь парней тяжела, не тонна, конечно, но килограмм, догадываюсь я, не мальчики, но подростки. – Леонид Захарович, вы пока располагайтесь, инструктаж проведем с вами позже, – отвлек от размышлений Петр Аркадьевич. И быстренько вышел из казармы. И был таков. И я остался в компании не людей, но завода по производству гвоздей, такими крепкими парни казались. Их разговоры вновь разгорелись в лесу Аокигахара, на меня не обращали никакого внимания. У сербистой, точно ругтное озеро под Алтаем, дверки стоял долговязый гражданин, он сказал мне: старичок, тут душевые, можешь искупаться. Отвечаю ему: а у меня полотенца даже нету. Детектив стоял в нерешительности, мыться хотелось невообразимо. – Да там одноразовый комплект мыльно-рыльного, не стесняйся! – крикнул какой-то джентльмен с книжкой Томаса Харриса «Красный дракон», повествующей о серийном убийце по прозвищу Зубная фея.

И у меня вот о маньяках, представьте себе, тоже имеется представление, тема-то животрепеющая во все времена. Было у меня одно дело, смешно вспоминать. Следил за девчонкой-медсестричкой, оказалась маньяком, к старикам на вызовы ездила, усыпляла. Помнится, августовским днем в городской библиотеке объект изучал справочник ядов. И тут я обратил внимание, библиотекаря проявляет излишнюю заинтересованность, остекленевший взгляд, все внимание на медсестричку, облизывается. Взял в разработку библиотекаршу, тоже маньяк, молодых девочек на работе высмотрит, потом их кровью пишет стихи. Дальше интересней, вокруг библиотекарши крутился один милиционер, представьте себе, любитель мозгов филологинь, пирожки, рагу, салатики. Дело-то не рядовое, однако все как-то банально складывается, медсестричка ввечеру по безлюдной аллее каблучками цок-цок, за нею библиотекарша с молоточком в рукаве пальто, а позади милиционер с пистолетом. Как бы покрасивей сказать, милиционер нес на руках, точно грудного ребенка, воздух, пропахший одеколоном «Карпаты». Не знаю, можно так сказать, нельзя ли, вероятно, звучит ничего: нес, как младенца, свой, значит, запах. Совсем я заговорился, сморозил чушь. Ладно, не буду томить, окончание истории весьма прозаично. Папа медсестры использовал дочь как приманку, он был профессиональным шахматистом. Так вот, он охотился на милиционеров, повинных в каком-то замесе, произошедшем еще в девяностых.

В душевой Леонид совершенно потерял самообладание. Впечатлившись, точно соседский алкоголик страной Лемурией в собственной квартире, впечатлившись чистой водой. Молодой человек сбросил свой комбинезон, словно удав Каа, что сбросил кожу. На животе зажившие шрамы, широкая грудь с пятью родинками, соедини, получится звезда. Тепленькая вода, пена, больше ничего и не надо для того, чтобы реализоваться и стать уважаемым человеком. Из казармы доносились возбужденные крики, коллеги Леонида неистово, тыфу ты, какое словечко, коллеги чему-то радовались. Стали петь под гитару: я сижу шестые сутки дома в соло, скукота, все, что греет меня ночью, тело моего кота. Собственное тело пахло луком, луковый мальчик Леня и салатная

мочалка, луковый мальчик Леня и ромашковое мыло, продолжать можно до бесконечности. Продолжать придумывать причудливые названия для будущей эпопеи, в которой не останется места вымыслу, ведь вымышленные Леониды имеют свойство теряться среди Миш Поляковых, Алексеев Пантелеевых, Иванов Солнцевых. Наклейки на стенах душевой, розовые фламинго и зеленые слоники. Вода кипятков, потом ледяная, молодой человек попеременно крутит вентили, радуется. Пора прекращать купание, однако не мылся целый век, хочется тут задержаться, пустить корни. Кто-то заходит, пар, пар, не видать ничего. – Отец, ты чего разошелся, тут вода не казенная, – говорит кто-то весело. – Я, я, натюрлих, – соглашается сыщик, – а где у вас полотенца висят? – В лицо прилетает полотенце пушистое. Кто-то хохочет: а вообще, не вздумай раскисать, прорвемся.

Ни разу не раскисший Леонид обтирается фиолетовым полотенцем с вульгарной русалкой. Тут же на полочке аккуратно сложена чистая одежда, серые спортивные штаны, белая футболка, тапочки. В казарме пусто, детектив бредет к ближайшей кровати, падает на первом ярусе. Хрустит пальцами. Задремав, смотрит чей-то сон. Салон самолета. От земли ничего не осталось, там яркие вспышки. Самолет судного дня, наверное, неделю может летать, от всего защищен, здания падают в тартарары. Ему хоть бы что, летает, говорю, неделю. – Ъ, – говорят встревоженные советники, консультанты, генералы, а сказать: господин президент, мы славно повеселились на этом корабле дураков. Не могут. – Эй, детектив, – слышит женский голос Леня, открывает глаза. Стоит девица из аквариума-ресторана. Говорит: пойдем, покурим. Сыщик зевает, поднимается, кровать скрипит. Идет за нею, писк электронного замка. В помещении зябко, кирпичные стены, кресла желтое, зеленое, красное, пузатый телевизор на тумбочке. – Меня зовут София, туда многих отправляли, только никто не вернулся, – сказала барышня. Она встала у пальмы в глиняном горшке, чиркнула спичкой. – Совсем никто не вернулся? – спрашивает Леонид. Молчит. Сыщик подошел к ней, прядь седых волос чрезвычайно нравилась, все остальное тоже. Он целует ее в макушку, она не сопротивляется, сопротивление бесполезно, бросайте оружие, не ропщите.

Я знаю тебя, София, мы с тобою женаты пять лет, у нас интересный сын Федор, творческий, как его называют наши родители. Наваждение, ложные воспоминания, как ложноножки, Леня увидел их семейную жизнь, бывшую некогда. Сиюминутное желание овладеть девушкой в знак признательности за то, что вылечила израненную душу солдата. Терпим, Леонид, ты мог ошибиться. И никакая София с тобою не жила, овладеешь ты ею, испугается еще, козочка. Нам было неплохо вдвоем в наших двух комнатах коммунальной квартиры на улице Ганса Гигера. Будто мальчишка, спрашивающий: а можно я у вас тут чего-нибудь посмотрю. Я спрашивал: а можно я у вас тут чего-нибудь посмотрю. Бестактно снимая с тебя трусики. Наш сынок вопил: долой буржуазию! Наш сынок первым озвучил проблемы этого, с позволения сказать, общества потребления. – Что мы будем делать, мои дорогие паразиты, когда закончатся доноры? – четко и по делу сказал он, Феденька. Да, перестань, не было у нас никаких детей, опять ложноножки какие-то. Мы лежали с тобой, София, на старинном диване в коммуналке на улице Ганса Гигера. Глядели сериал «Ранетки», в нас бытовала химия, выписанная нашими психиатрами. То есть мы были довольно-таки веселенькими, иррационально спокойными, словно футбольные хулиганы в Химках. Я тебя захватил точно рейдеры ларек на рынке, весьма напористый молодой человек был, это да.

– Когда тебя заморозили, синтетических людей боялись, сейчас даже и не поймешь сразу, кто твой начальник, какие у него конденсаторы в голове, – вслух размышляла девушка. Леонид спросил: а как мы жили до моей заморозки? – До тунгусских метеоритов полгода были фантомы ядерных испытаний, специалисты говорят, как на невадском полигоне. – София погладила Леню по щеке, присела в красное кресло. – Насколько я знаю, борщевик Сосновского захватил центральную Европу, туда даже полные отморозки не суются, там поселения людей-борщевиков, – произнесла дама. – А мы с тобой не были женаты? – спросил молодой человек. – Все может быть, – ответила предположительно ты. – А сколько людей сейчас живут в бомбоубежищах? – нудил

сыщик. – Миллионов пятьдесят, кажется, еще миллионов двести электрические люди, – передала сведения София. Лео подумал, надо было не дожидаться коробочки, уходить дворами, когда по нам прилетали снаряды, тогда бы не пришлось врать маме, дескать, поцарапался в результате драки с хулиганистами пацанами на станции Моссельмаш. Вот сидит София в красном кресле, она приблизительно моя жена, я приблизительно фрезеровщик. Все получается какое-то приблизительное. Меня загипнотизировали, заморозили, как на самом деле все было-то. А те граждане, которые после встречи со мной сделались бывшими гражданами, они существовали в природе или их выдумал? Отчего-то такая уверенность, могу задать всего один вопрос, надо задать хороший, как творожная запеканка, вопрос. – Вы тут все с ума посходили? – вопрошаю. – Почему же с ума, ты просто долго спал, и никто не смог дозвониться, ни по домофону, ни с помощью позвонка, – произнесла она кокетливо.

Последние танки покинули мою голову, наверное, они сейчас в Париже катят себе, а буржуа кричат: пожалуйста, остановитесь, мы же не резиновые, мы под гусеницами, плющимся невообразимо. Мои руки отвыкли держать ППШ, но ППШ это то небольшое, что приятно держать в руках, помимо своего ребенка, тарелки с вареной брокколи, ключей от библиотеки. Детектив на мгновение задумался, красиво получилось, о руках. Писательский талант, это всего лишь крайняя степень искренности, кажется, именно так говаривал сослуживец с позывным Сапковский. Леня встречал за свою жизнь всяких непризнанных, точно государство Родезия, литераторов. Он их встречал на группах анонимных алкоголиков. Один постоянно ныл, что вынужден довольствоваться миссионерской позой со своей женой, мы, само собой, уточнили социальный статус жены, ее политические взгляды, оказалось, она известный критик. И подобна она Альберту Пирпойнту, английскому палачу, повесившему шестьсот военных преступников. Иными словами, пишет разгромные рецензии на кинофильмы, на прозаические произведения, после таких рецензий нередко творцы вынуждены не на шутку занемочь.

– Стартуем, – сказала внезапно девица. И в ее руке блеснул кухонный топорик. София, как мы помним, сидела в красном кресле, справа пустое зеленое кресло, слева желтое кресло. Кухонный топорик она держала в левой руке, правая лежала на подлокотнике. Фальшивая жена принялась медленно, с ужасающим спокойствием отделять собственную кисть. Структура ее тела была несколько необычна. Вопреки расхожему мнению, никакая кровь не брызнула, Леонид с удивлением отметил, торт медовик в разрезе, истинно так. Запахло сладеньким, да, девчонка безжалостна к себе. В былые времена моих коллег здорово нашинковало винтами желтой субмарины у берегов Кубы, Софа не была из их числа, однако ее поступок произвел на меня подобное впечатление. Кремовая прослойка, чудный, медовый аромат, все прекрасно в моей предположительной супруге. Однако ситуация кажется крайне своеобразной. Ко всему прочему, замечая, топорик прорезал подлокотник, барышня замечает, что я замечая, загадочно лыбится. И невозмутимо, значит, режет уже подлокотник. Оказавшийся, как нетрудно догадаться, тортом красный бархат. Дева встает вся такая не цельная, подходит к телевизору, пилит с легкостью экран, телевизор – яблочная шарлотка. – Деточка, – говорю ошеломленно, – чего ж ты. – София не слушает, продолжает кромсать комнату, пальму, стены, внутри пирожное «Прага», пирожное «Мечта», пирожное «Натали», тортик «Гирамису», в общем-то, аппетитно. Но я не знаю, к чему столько сладкого, впрочем, диавол не пугает, как не испугал в свое время накачанный стимуляторами камикадзе, чьи безумные глаза увидел, стоя на палубе авианосца в небезызвестном заливе.

Моя бравада могла показаться неуместной, однако ничего более сносного у меня не было, лишь эта бравада да сновидения. Все в комнате надрезано, со стен стекает карамель. София подносит топорик к собственному горлу. И мне совершенно не нужен от нее трах-тибидох, у меня только бравада да сновидения. И не надо делать меня депутатом Балтики, не надо печатать книжечек с

моими рассказами, даже присылать свои голые фотоснимки дамочкам-читательницам не надо. Я просто наблюдаю, как девушка наносит непоправимую рану, как сочится творожно-клюквенный мусс. Все начинает дрожать, трестись, побелка-сахарная пудра кружится, прорывает шоколадную трубу. Оттуда хлынула липкая газировка Байкал, она неумолимо затопляет комнату. Софа стоит на коленях, склонила голову, потом и вовсе завалилась. Исключительно вредный напиток омывал мои ступни. Подошёл к неудавшейся жене, дотронулся до ее лица, которое сделалось бесформенной массой, зубки из белого шоколада, надо же, не мармеладные. Ах, не моя ты Венера с отбитыми руками, ты покидаешь меня. Тем временем газировка дошла до бедер, прохладная и по-прежнему вредная. Мне предстояло метафорическое утопление, готов ли я к нему, пожалуй. Лег на спину, попробовал поплыть баттерфляем, ничего не вышло. С треском опадали бисквитные стены. Блюм, блюм, блюм, зверобой, корень солодки, анис. Байкала излишне много для одного детектива, торчит лишь мой нос, да и он вскоре уходит под воду, простите, газировку.

Вынырнул, нахожусь в какой-то чугунной ванне, наполненной ледяной водой с кубиками льда, весь облеплен тонюсенькими, металлическими проводками, на голове резиновая шапочка-сетка для электроэнцефалографии. Фиолетовый холодный свет флуоресцентных ламп, чувствую, в правом глазу лопнул капилляр. За прозрачной шторкой силуэт. Из рта вылетает слюна, кожа покрыта мурашками, такое случается, если прогуливать лекции господина ихтиандра. Шахматная плитка на полу, белый квадратик, черный. По левую руку заметил консоль с кнопочками, монитор с показателями, все пищит, шипит. Шторку одернули. Женщина, слегка за пятьдесят, высокий лоб, русые волосы, большие очки в овальной леопардовой оправе. Из-под белого халата выглядывает черное трикотажное платье. Прищурился темно-голубые глаза, глядит на экранчик, там красные циферки. – Неужели опять? – спрашивает детектив, ложно восприняв ситуацию, как выразится лягушатники, le situation. Ложно восприняв ситуацию за очередное выпадение в другую реальность, страсть как надоело выпадать, мужчина произносит, завывая кашалотом: я непомерно устал, довольно!

– Да вы же Леонид Эйхман, – говорит она, – вы должны понимать всю ответственность. – Я-то Леонид, а вы не Леонид, но кто? – спросил сыщик-фрезеровщик. Гражданка недоверчиво улыбнулась, сказав: Шубина Елена, вы после перемещений такой эпикуреец, просто ужас. Молодой человек принялся оттирать от своей трудовой кожи присоски, с грехом пополам поднялся, перелез через бортик ванной, его, как говорят глупые девки, достоинство от ледяной воды напоминало испуганную улитку. В глазах потемнело, поскользнувшись, ухватился за штору, повалился на пол. Ойкнула испуганно Елена. Обширное помещение напоминало теплицу, виднелись грядки с лиловыми плодами, гидропонная система, иные ванны с людьми. И тут раз, будто вспышка в мозгах, ага, вспомнил. Я был в месте, где средняя продолжительность жизни человека двадцать четыре часа. Кажется, пробыл месяц. Люди знакомятся, женятся, рожают ребенка за три часа, ускоренная программа. Город в запустении, ничего не успевают, рук не хватает. Они воспринимали меня как старейшину и обращались за советами. У них была только гордость и предубеждения, от сыщика, то есть от меня, они получали еще и предупреждения, туда не ходи, об этом не думай, цигель ай лю-лю. Шубина истерично позвала коллег, два парня в горчичных комбинезонах помогли усадить меня на кушетку. – Эйхман, – произнесла тетушка, светя маленьким фонариком в глаза, – куда тебя забросило? Мой рассказ о сомнамбулических приключениях в блокадном городе не на шутку озадачил гражданку.

В следующие часы сослуживцы были откровенны со мною, точно жена-проститутка, содержащая целую общину. Я самый настоящий Эйхман, придумавший способ перемещаться в другие миры, в этом даже нет сомнений. Однако меня терзают смутные сомнения, рассказать ли вам, как я придумал перемещаться в другие миры, наверно, не стоит, читать могут дети, которым завтра

вставать спозаранку. Скажу лишь, мое цифровое сознание кочевало, подобно Гаврошу Тенардье, к счастью, оно не погибло на баррикадах. Цифровое сознание бессчетное количество раз оказывалось в телах иных Леонидов. Страшно представить, каких женщин облапали мои руки, сколько детей я успел нахамить, как часто я сказал неискренне: старик, твои стихи великие. Алгоритмы, коды, потоки данных, весьма сложно не спалить себе мозг, особенно если женишься в восемнадцать, рожашь подряд роту солдат, а сам, к тому же, не самый успешный писатель. По всей видимости, крайнее путешествие изрядно подкосило детектива. Дешевая фантастика, воскликнут Владиславы Крапивины, мы вас очень любим и чтим, Владиславы Крапивины, ваше время пока не пришло, тут немаленькие Веры читают романы о перверсиях и куртизанках, потому мы потеряли очередное поколение. Читали бы вас, Владислав Крапивин, не потеряли бы, я вас уверяю.

Сыщик лежит на пурпурном диване, вопреки расхожему мнению, воспоминание о странствии в городок, окутанный туманом, вовсе не забылось, будто сон поутру. Имена тех, с кем служил, ночные прилеты, песня Децла Кто ты, звучащая из динамиков кассетного плеера в окопе, ничто не забыто. В комнатухе благостно пахнет еловым дымом от греющегося чайника, чайник стоит на письменном столе в окружении чернильницы, статуэтки льва, бумаг.

– И что, Леонид, вы думаете, больше не сможете участвовать в эксперименте? – спрашивает Шубина. Она у чучела-манекена в костюме-тройке с головою лося, ее руки скрещены на груди. На полке корешки книг: фиолетовая – земля, голубая – мир небесных тел, темно-зеленая – растения и животные, салатная – техника и производство, желтая – человек, ярко-красная – наша Советская родина, темно-красная – зарубежные страны, черная – искусство. Необходимо ответить, но Леня чрезвычайно пассивен, немощен. Вдруг мужчина нащупал в складках дивана бочкообразную рукоять, знакомую рукоять. А потом он услышал не чужой для него голос в собственной голове: Леонид Захарович, вы достигли цели, к несчастью, я могу общаться с вами только телепатически, сами понимаете, иной сценарий, другие совершенно частоты. Это был Питер, куратор Леонида. И он продолжал: послушайте, комната с машиной, создающей фантомы, находится совсем близко, не доверяйте никому, вы слышите, особенно Шубиной?

Детектив прекрасно все слышал, он вовсе не олигофрен. Он приподнимается на локте. Освещение в комнатке скудное, новогодние гирлянды на стенах, в окне-иллюминаторе темень. В очках дамочки мерцают огоньки, ее силуэт, ее молчание могут испугать неопитов, однако не обладателя пурпурного сердца. Леня думает, отчего вредный Петр не провел инструктаж, быть может, провел, а я и забыл. Зачем он выпустил меня в этот мир без инструктажа, как здесь оплачивать ЖКХ, рис опускать в кипящую воду или не в кипящую, если незнакомка в твоём подвале упала в приступе падучей, нужно разжимать ей челюсть и вставлять ложку, может быть, стоит отстегнуть незнакомку от батареи, откуда у меня вообще взялись наручники? О, как же не хватало инструктажа, крайне некрасиво со стороны Петра не ознакомить меня с инструктажем. – О чем вы сейчас думаете? – спрашивает важная тетенька. – Пора с этим кончать, в самом деле, – бурчит Леонид, стремглав поднимаясь с дивана. Он крепко сжимает рукоять шила, что случится потом, в смысле, вообще потом, когда уже отправишься к Петру за яблоками, не скажет, полагаю, даже Анатолий Москвин.

Глава 6

Непорочности надлежало погибнуть, она и погибла

И престарелые деревья неумоимо подавали малоимущему ветру собственные семена. И семена те падали в благодатную почву за многие километры от пенсионных деревьев. И пахнущий

жженой резиной воздух тревожил не более чем пахнущая солярккой пассифлора на окне. Малярйно знобило. Лелея амфибрахий, продавщица кваса изъяснялась попроче, хореем. И трением добывали мальчишки у гаражей-ракушек девочку, но получали дурацкий огонь. Собаки на тоненьких ножках гордо вели хозяйина вдоль теплотрассы. И праздно шатающиеся мысли вызывали сочувственные вздохи престарелой учительницы литературы, она у подъезда грелась на солнышке. А истошные крики, доносящиеся из окон общежития, не значили, что в прямоугольном треугольнике квадрат длины гипотенузы равен сумме квадратов катетов. На крыше девятиэтажки блистательные полуголые девицы загорали на желтых пледах. Среду объявили самым жарким днем. А потом призвали пить больше воды, меньше ходить, верить маме с папой, докладывать о случаях жесткого обращения с кошками. Потому что понарошку быть человеком не катит, это же скучно, когда понарошку. И все-таки тебе вот говорят, например, эти напыщенные все: будь мужчиной, поезжай в Тегеран, где непрестанно подростки клацают автоматами. А ты скажи: извините, я у мамы один. И довольно об этом.

Проснувшийся Леонид являл собою торжество жизни, победу над всем, над «Спартакoм» и «Динамо», над японцами, Фредди Крюгером, заставкой телекомпаний ВИД. Приснится же такое, подумал мальчик. На сизой ширме, за которой проживал подросток, сидела муха. Была среда и разгар лета, была примерная середина школьного пути, неубедительно наступили каникулы. Соседи запекли грибы, запах не нравился. Леня не любил грибы, отравился однажды, не любил покемонов, не любил быть младшим барабанщиком отставной козы. А что же он любил, так многое любил, пингвинов из шоколадных яиц, приставку Gameboy, фильм «Сияние», витаминки «Ревит». Конфискованный у бабушки Шуры, Леня в определенной степени был озадачен условиями быта. Мама с отчимом проживали в общежитии для педагогов и студентов авиастроительного колледжа, попали они туда по знакомству. Утешительный приз в виде плеера и возможности произносить целых два матерных слова за месяц не мог заменить сибирских просторов и бабушки. Ситуация была поистине странной. Живя с бабулей, хотел поскорее воссоединиться с матушкой, а как воссоединился, не чувствую, понимаешь, удовлетворения. Отчим еще непонятный. Новый трудовой коллектив, проучился год, уже хорошо, живы будем, не помрем, а помрем, так для кого будет лучше, разве что для человеконенавистника Луиса Гаравито.

Леонид слышит, как в общем коридоре кто-то чудовищным образом завалился, зазвенела посуда. – Бортовой элемент мне в зад, – это выражается научным языком Люда, она, когда падает, вспоминает о своем сопромате, преподает сопромат и никак не может сыскать жениха. Родители, кстати, уехали в командировку, Леня должен идти на летние занятия с отстающими. Солнце нагрело линолеум, желтый линолеум подобен сердцу любимой женщины, настолько горяч. Кресло-кровать поскрипывает. Зеленый родительский диван, телевизор Hitachi, под ним система звукоусиления, две большие колонки стоят в углах. Купейный, светло-коричневый шкаф с зеркалом. Подросток отражается в нем, длинные волосы, тощее тело, большие кулаки, плохая кожа. Радовало, что окружающие не воспринимали Леонида буквально, считали его крайне опасным и загадочным человеком. Способным навести шороха в любой школе, даже в случае, когда государство пошлет его в спецшколу, там он тоже весьма удачно сможет навести шорох. Нравом он обладал крутым, точно мальчишки из группы Black sabbath. Подростку жизненно необходимо выпить литр кофе, часы над входной дверью показывают девять утра. Тут же у двери плакат со сценой из кинофильма «Эффект бабочки»: Эштон Кутчер глядит пронзительно на зрителя. Лео последнее время частенько размышляет о бабочке и взмахах ее крыльев. Она взмахнула крылышками в джунглях, а Дмитрий Билан победил, понимаешь, на Евровидении. Меж тем зной невероятный, плавки липнут к телу, пот струится по лицу, барабанит по линолеуму. На разложенном столе-книжке стеклянная бутылка боржоми, Леня не преминул воспользоваться содержимым

янтарной бутылочки. Залпом выпил, изумительные пузырьки приятно взрывались в носовой полости, блямс, блямс.

Леонид не успел убить в себе государство, полагал, успеется. Следует для начала приспособиться, выделить главное, во что одеться на встречу выпускников спустя двадцать лет, как лучше соединить в себе сильную волю, страсть, чувственность, инстинкт войны и завоевания, иными словами, накопить денежные средства на покупку компьютера. На улице щебетали птицы, в открытом окне виднелись почерневшие избушки с голубыми, красными, белыми ставнями, целая россыпь. Если же вам взбредет в голову пройти вдоль трамвайных путей на юг, то вам обязательно встретятся пурпурный дворец культуры, исчерпывающие хрущевки, а также кинотеатр Чайка, одноименная остановка тоже к вашим услугам, там еще чудный видеопрокат. Леня достает из навесного салатого шкафчика целлофановый пакет, в нем белая зубная щетка, травянистая паста, синий бритвенный станок, лезвие совсем затупилось, пена с ароматом бананов. Бурый таракан замер в нерешительности у коробики пищевой соды. Мальчик проворачивает на два оборота вставленный в хлипкую, терракотовую дверь ключ. Таракан в шкафу бежит по своим тараканьим делишкам. В коридоре Ленчик замечает на зеленом коврике с медвежатами, что куражатся в лесу, приспособив сосну в качестве качели, мельчайшие осколки посуды. Из дальней комнаты, в самом конце коридора, высунулась мордочка черной собаки, в сущности, нарушение правил проживания в общежитии, однако четырехлетняя Вероника, дочь преподавательницы технологий машиностроения, разведенной, рыженькой тетеньки. Та самая дочь таскает домой разных животных с целью любить. Любовь побеждает любой токсоплазмоз. Леня в плавках, на его ногах черные шлепанцы, он идет на кухню, а шлепанцы чавкают. Хочется арбуз и поскорее посмотреть, что там ожидает после средней школы.

Общая кухня, стол, желтая скатерть с подсолнухами, два электрических чайника, плита, на подоконнике герань, еще одна герань, кактус. Обаятельная, словно травести-актриса Валентина Сперантова, солонка-морж на кремовом холодильнике. Именно в подобных местечках ощущаешь, сколь ты близок с народом, близок настолько, что слышишь биение сердца любимой женщины в пасти леопарда. С подветренной стороны плохо чувствуется жизнь, она хорошо чувствуется, когда видишь две увесистые груди одноклассницы в раздевалке. В мужской раздевалке, стоит заметить, в стене отверстие, так и подсматривают. В мужской раздевалке стены выкрашены синей краской, отверстие миллиметров пять в диаметре почти не заметно. И не всегда, подсматривая, ты видел сиреневые плавки с рыбками, белые стринги, малиновые бюстгальтеры, кружевные панталоны. Бывало, перед юным исследователем возникала песчаная степь, медные бурханы. В самом деле, предугадать сложно, кого разглядишь в следующий раз. Умник из десятого как-то раз догадался засунуть указательный палец в отверстие. Представьте, перст у него стал как у столетнего дядьки, даже волоски поседели. Ходил потом со своим крючковатым, немощным пальчиком, пугал уборщиц. Леня наливает в щербатый красный чайник воду из-под крана, на кране благородная патина. Щелкает кнопкой, будто взводит курок, не любит, когда одноклассники говорят: ок. Не любит вечно демонстрирующих свою франтоватость ровесников, то есть к чему трепаться о фантастическом сексе в самом центре круга на поле, круга, оставленного якобы инопланетянами в Пивоварихе. Что же любит Леня, Леня любит музыку коллектива Burzum, книги братьев Стругацких, девочку Леру К.

Мальчик умывался, солоноватая вода с привкусом водорослей ни разу не ошеломила отрока. Тут у нас, понимаете ли, Васюганские болота, самые крупные болота на планете. Три розовые эмалированные раковины, предбанник. Дальше начинается туалет, зашел в туалет, туалет у нас подиум, не хватает Оксаны Федоровой. Ступеньки, дверка, в полу овальное отверстие, говорят, называется очко, мы еще уточним, кто же так называет, а пока пусть будет очко. Желтая струя весело журчит. В открытую форточку влетела стрекоза, села на подоконник, облупившаяся краска напоминает льдины, стрекоза излишне голуба. Есть такие сведения, мы все когда-нибудь бу-

дем старыми, Леня в том возрасте, когда мысли о небытии наряду с мыслями о девчонках очень заботят. Правда, непонятно, как относиться к этим вопросам. Подросток еще не догадывается, какой он персонаж, комичный или драматичный, как Гомер Симпсон артистичный или как Амали Пулен аутичный. Сплошные противоречия. Ленчик потянул за цепочку, хлынула вода. И скажут знатоки на этот счет: вода благоволила литься, она блистала столь чиста, что ни напиться, ни умыться, и это было неспроста. Подросток прыгает, минуя три ступеньки, кстати сказать, в школе он перепрыгнул один класс. И это ни в коем разе не показатель интеллекта, вовсе нет. Но показатель удивительного дара рассказчика. Учителя заметили в мальчике способность к сочинительству, точно Шахерезада, мальчишка излагал диковинные истории на контрольных. На потеху преподавателям излагал. Те, очарованные фантастической прозой, ставили отроку четверки, в скобочках поясняя, поставили бы пять, однако не поймет общество. Ветки черемухи с черными маслянистыми ягодками покачивались за окном, наполовину окно закрашено белой краской.

Леонид идет на кухню, там вскипел чайник, там проснувшаяся соседка принялась выговаривать претензии, оскорбленная наготой повесы. Мальчик морщит лоб, его тонкие губы, как у отца, скривились в дерзкой улыбке. Аккуратный нос-пуговка, как у матери, шмыгает. И на лице Лени точно встретились отец и мать, а в жизни-то они развелись. Тетенька лет двадцати пяти, растрепанные волосы цвета рябины, потекшая тушь, кофточка цвета жимолости, сетчатые колготки. – У тебя, Леня, есть что-нибудь от головы? – спрашивает охрипшим голосом преподавательница инженерной и компьютерной графики. Оторва несусветная, вчерашняя практикантка кушает йогурт с черникой. – Нету, – буркнул подросток, беря свой чайник, сейчас вернется в комнату, заварит растворимый кофе. Потом достанет из маленького холодильника творог, позавтракает. – А у родителей в аптечке посмотришь? – неймется обольстительнице, не пропускающей ни одной студенческой вечеринки. – Они в командировке, – отвечает. А после покидает общую кухню, а вслед ему доносится: все равно посмотри, котик. Мальчишка думает, вроде умная женщина, чего тусуется с малолетками. В конце коридора из чужой двери высунулась любопытная мордочка белой собаки. Вошел к себе с явным намерением отзавтракать. Духота несусветная, солнечная сторона, мозги просто плавятся, точно сырок «Волна». В плоску наложил творога, залил молоком, плюхнул две ложечки варенья брусничного. Подрубил телевизор, показывали мультипликационный фильм «Котопёс», что в значительной мере подняло настроение. Сколь замечательная история, единое туловище, но с одного конца кошка, с другого собака, подумать только, это вам не стихи Анны Ахматовой, что пахнут морем, устрицами, полынью, виноградом. Это вам сложнейшая поэтика, не сочетаемые кот и собак в одном едином организме.

Нежданно Леонид предался меланхолии, которой, по обыкновению, склонны предаваться подростки тринадцати, восьмидесяти лет. Мальчишка задумчиво пронес ложку мимо рта, зернышки творога упали на стол. Порою такое одиночество чувствуешь, с чем бы сравнить. Когда смотришь на картину Эдварда Хоппера «Полуночники», подобное что-то испытываешь. И ветер селился в кронах деревьев, а этажом ниже кого-то выселяли, кричала кастелянша: ты у меня довыражаешься, Колыма по тебе плачет! Началась реклама, там советовали выпивать утром тибетский чай для похудения. У нас в школе одна девчонка стала чрезвычайно много кушать в прошлом году, жирела, чего уж скрывать. А потом на уроке физкультуры взяла да загорелась. Представьте, жир выступил в роли топлива, любопытный случай. Карантин пришлось объявлять, эпидемия самовозгорания, все дела. Ее звали Агнешка. Учителя потом обстоятельно с нами со всеми беседовали, рассказывали о вреде раннего вступления во взрослую жизнь. Реклама подошла к своему логическому завершению. Зазвучала песенка: его не признали в городе родном, и все его шпыняли и ночью и днем, не стоит смущаться, не стоит робеть, а лучше эту песенку вместе пропеть, Котопёс, Котопёс, единственный в мире малыш Котопёс!

Леонид отпил кофе, неторопливо подошел к распахнутому настежь окну. Китайский ясень, растущий у ателье Светланка, казался благородной пальмой. В белобрсых кустах таволги перед

общезитием притаился малолетний мужчина, он сжимал в руках палку-автомат. Его дружочки с аналогичными палками-автоматами осторожно перешептывались, видно, искали того, первого. С пятого этажа прекрасно был виден шанхайский рынок, близость Китая, челноки, трикотаж, золотые жабы, Брюс Ли. Самое время влюбиться, ненароком подумал мальчишка. Однако интересной, как облик Псеглавца Христофора, дамы сердца Леня пока не повстречал, Лера К. не в счет. И буйные поцелуи хорошенькой девчонки не цвели на его щеках, ах. Июль на исходе, жизнь была ключом, сами понимаете, по какому месту, раз я пишу эти строки, жизнь была ключом не по темечку, скорее, по заднице. Времена были интереснейшие. Выпустили сенсорный телефон с откусанным яблоком на логотипе, седьмая книга о мальчике-волшебнике сводила с ума мамкиных колдунов, проезд в маршрутке стоил восемь рублей, а бутылка «Жигулевского» десять. И было далеко до стрельбы по Дональду Трампу, тогда еще стрелок Томас Мэттью Крукс даже не родился, полагаю, и не планировался. Далеко до ребятишек, ушедших в кругосветное путешествие под Харьков. Далеко до службы фрезеровщиком на машиностроительном заводе. Но гораздо ближе простодушного бормотания сыночка во сне.

На полках стеллажа с толстым огнеупорным стеклом занятные родительские находки. В банках с формальдегидом два серых большеглазых гуманоида, один пятнадцать сантиметров, иной шестнадцать. Малютки зовут Лиза и Барт, не спрашивайте даже, зачем их так зовут. Родители видные, а еще немного завидные уфологи, родители нынче укатили в Ленобласть, исследовать дирижабль с щупальцами, зависший над лабиринтом на острове Крутойяр. Не знаю, следует ли им доверять, а то они могут на себя пуха набросить. Мы в их возрасте были скромнее, понапрасну не трепались, предпочитали интеллектуальное молчание безудержным поболтушкам. И никому не говорили о том, что видели когда-то, не говорили ни птице, ни старухе, но, кажется, все-таки однажды проговорились о детском чернильном пенале, о чернике в лесу, которую никогда не собирали. Потом нас похвалили даже наша наставница по литературе за безукоризненное познание Осипа Мандельштама. Впрочем, довольно лирики. Леонид обратил внимание на свежий экземпляр коллекции. В зеленоватой, ростовой колбе, как в палеонтологическом музее, в колбе хитиновая кожа человека-таракана Эдгара Жука, дружка родителей, он завещал свои останки научному институту, а кожу завещал матушке и отчиму, видным уфологам. Что я завещаю своим детям, подумал без тени иронии Леня. Пожалуй, непоправимо нежное утро, когда родился в ангарском роддоме, нет, многочисленным детям я подарю целый роддом, а также Ангарск, а также стихи собственного сочинения, от которых у коров пропадает молоко. Но щемит в груди тоска у тетешек за двадцать в городской библиотеке.

Подросток достал из-под своего кресла-кровати пачку сигарет. Сигареты кубинские Montecristo, стоят дорого, впрочем, не две тысячи баксов за сигарету, поменьше. Старшеклассник Витя Годдард, путешественник в прошлое, притаскивал разные безделушки, вот кубинские сигареты Ленчик у него часто заказывал. Как и любому бюджетнику, Лео хотелось заработать, но последний бизнес погорел. Они со Степкой ходили по квартирам, вычесывали собак, собачью шерсть забирали, находили бабушек, те вязали носки. Носки в свою очередь продавали на шанхайском рынке. Как-то к ним подошли жители Тайваня, мальчишки-тайванчики, сотня злобных человечков, на них черные кожаные куртки, они стали предъявлять, как, дескать, Степка посмел крутить шашни с их матерью, дамой в самом соку, не растратившей былого величия, представьте миниатюрную гейшу, по-европейски раскрепощенную. В итоге пришлось отдать бесплатно бизнес. А Стефан был раздавлен потерей нашего семейного дела, я считал его братом, однако мои достопочтенные маменька и отчим сумели объяснить, что Степанидзе является воображаемым другом. Ах, сколько теплых воспоминаний у меня о Степане, какой он ловелас, какой сердцеед. Как-то раз мой воображаемый дружок довел школьного директора, представьте себе. – В кого ты влюбился, колись! – кричал ему директор нашей волшебной школы, ох, и странный человек, этот директор. Подозревал собственную жену в изменах, в каждом встречном видел оппонента, дикость. И мой вымышленный брат укололся существенно позже, классе в десятом, прививки

дело добровольное. Это я к чему, про бизнесы какие-то. Денежный вопрос тем неопровержимым утром всецело занимал мысли мальчишки. Леня собрал волосы в хвостик, из кармана черного халата в белый ромбик, висящего на спинке стула, достал пластиковую бирюзовую зажигалку.

По телевизору передавали важные сведения касательно гражданской войны в Сомали. Когда же это, наконец, окончится, подумал подросток, выпуская тонкую струйку дыма в окно. Тем не менее, сраным пацифистом Леня не был, не боялся испачкать руки в крови, прошлым летом он подрабатывал на мясокомбинате недалеко от поселка Листвянка, приходилось делать разное. В телевизионном сюжете мелькнул африканский старик-учитель, он дремал на парте в то время, как стрекотали автоматы в деревне. Старикам обычно снятся львы, пусть и тебе снятся львы, милый учитель, чья постель это парта, подумал подросток. И отправил окурочек в полет вместо Нила Армстронга. Щелкнул пультом в целлофановом пакетице, выключив телевизор. А после принялся одеваться, занятия с отстающими, пусть и казались чем-то из области архаики, были обязательными для получения диплома и тревожной-депрессивного расстройства. Вишневая рубашка с короткими рукавами, шорты цвета морской волны, носки, шлепанцы, в белом пакете с рекламой шампуня общая тетрадка, черная гелиевая ручка. Рассматривая перегоревшую лампочку в мусорном ведре, подросток остался ею доволен. В мусорном ведре помимо прочего лежали куриные косточки, пустая картонная пачка из-под пельменей, стаканчики из-под йогурта. Вероятно, мальчик являлся человеком, подобным Сереге из Ералаша, которого звали друзья погулять с ними, а он постоянно отвлекался на разные ненужные дела. – Серега, выходи, бабу снежную лепить! – кричали ему товарищи со двора. Но Серега не выходил, медленно собирался, вокруг всевозможные игрушки, надо пострелять из пистолетика присоской в мишень, покатать машинки, под кроватью он увидел ксилофон, побренчал на нем. Леонид не горел желанием покидать жилище, перетяся по такой духоте в школу. Однако существовали не только права, обязанности тоже существовали.

Леня открывает хлипкую дверь, тянуть лямку трудного подростка становится все сложнее и сложнее, мелькает мысль. Вульгарные, точно акцент кокни, стоны доносятся из комнаты напротив. Там проживала Нана, полненькая восемнадцатилетняя хохотушка по прозвищу Таня Заичева, институтская секретарша. Жизнь в ее комнатке бурлила и кипела, гегемония гормонов, резвится молодежь. Ее сословные отношения с разными мужиками вызывали недоумение. Она носила персиковое кимоно, была остра на язык, флиртвала со всеми подряд. Казалось, у Наны имеется спортивно-юношеский разряд по флирту. Порой она приходила за солью, Леонид в моменты встреч видел в девушке ананас, который, как известно, если посолить, становится слаще. Меж тем коридор заволочло туманом, как в фильме *Silent Hill*. Совершенно расхотелось куда-либо идти. Кто знает, что там скрывается, тихий ли одноклассник Анатолий Маркин с последней парты, молчаливый такой, увлекающийся зарубежными певицами и другими странными вещами. Семиотически глухой туман близок глубокой тоске по не сданным экзаменам. Искаженный силуэт фикуса напоминал диковинное существо со множеством ушей. Стоны Наночки продолжали нервировать своим страдальческим пафосом. Голая раскованность и произвол девушки были всего лишь ночной стороной свободы. Соседка не вызывала у Леонида ни грамма интереса. Вместе с тем интерес вызывал туман, вспомнился недавний сон о некоем детективе. Ленчик неуверенно думает, кажется, нашелся герой для моей первой повести. Какая звучная фамилия, Валентайн.

Я был нерешителен, точно ирландская республиканская армия. Данный беспробудный синеватый туман внушал некоторые опасения касательно собственного будущего. Буквально в одном чихе от совершеннотлетия, а по-прежнему не гнушаюсь играть в солдатиков, кому расскажешь, не поверят. Послышался сдавленный женский крик, звуки борьбы, чавканье, но не из соседской комнаты, из тумана. Я благоразумно решил провести остаток дня, плескаясь в нашем коллективном и бессознательном душе. Ко всему прочему, мы вынуждены возвращаться туда, где родились, словно танцем бесконечный вальс, возвращаемся в море. Я подозревал о своих наклонностях амфибии, подозревал, что когда-то мне придется отрастить заново очаровательный хвостик, а

также перестать стесняться жабр. Попробуйте тоже не стесняться, вместе мы победим, вместе мы потанцуем в школах, на улице, в пивных, душевых и бассейнах. Будем ловить на себе растерянные взгляды тетенек и дяденек в приемных комиссиях, на заводских проходных, в очередях в универсамах, да где угодно будем ловить удивленные взгляды, ведь мы удивительны.

Малярией знобило. Духота обступила мальчика, схожим образом современного мужчину обступили военкомы. Леонид злостный прогульщик, впрочем, родительская командировка на руку, родственники утратили контроль над пацаном, подобно тому как Нана утратила контроль над собственным телом, раздаривая себя направо и налево. Подросток изредка слышал рыдания соседки, плакса была понятна, словно Лондон из-за экзистенциализма. Вроде неглупая девчонка, изучала русский язык по макаронам-алфавиту в супе, а поддается сиюминутным страстям. Что ж, людям свойственно быть слабыми, свойственно ошибаться. В кармане шорт лежала жвачка Malabar, мелочовка, ключ. Дымка почти спала, Леня несколько испугался, дескать, у него теперь нет достойного повода не пойти на дополнительные занятия по биологии. На самом деле он хотел бы стать фармацевтом, все у него получится, говорит биологичка, надо только перестать умничать и выучить школьную программу. Поменьше самостоятельности, поменьше всех этих производных дифенилметана, бензодиазепинов, фенотиазинов. Лихой, словно пони, двадцать первый век начался вчера. Как бы не закончился сегодня, сострил подросток и рассмеялся. И возвратился сначала в свою комнату за мыльными принадлежностями, а после Лео видели в районе душевой, единственной на этаже.

Захожу в душ с пакетом, в нем розовая мочалка, ромашковое мыло, шампунь с бергамотом. Свет ринулся на предметы, стоило его зажечь. Покалывало в подреберье. Оранжевая плитка на полу, кое-где сколота, сток, овальное зеркало. Барнаульская зеркальная фабрика, написано внизу зеркала. Одолели мысли неясного толка, пока кипяток обжигал юную кожу. Девочка в школе с длинной челкой и розовыми волосами, она постоянно хнычет и рассуждает о нелепости своей жизни, интересно, заразная ли. Стоило ли с ней целоваться на дискотеке, пока совесть терзала тех, кто не виноват. В это самое время лазерной китайской указкой Димка светил в ночи в окна своей возлюбленной, а потом туда прилетели рулоны подожженной туалетной бумаги. Их кинули какие-то отморозки. О той возлюбленной одноклассника Дмитрия ходили грязные сплетни. А ведь мальчишка не мог знать, что такое случится, казалось, обычная лазерная указка. А еще подумалось, каков на ощупь телефон Motorola Razr V3. Просто у меня-то черно-белая Nokia, но там как бы есть змейка, однако на телефоне Motorola Razr V3 присутствуют игры посерьезней, там вообще цветной экран. А еще о Толе с последней парты подумалось, он в школу не ходит второй месяц, решил прожить нулевые годы в шкафу, организовал себе там рабочее место, мать у него бухгалтер, неплохо зарабатывает, купила ему компьютер. На компьютере установлена операционная система Windows XP, я у него на болванки фильмы записываю. Вот об этой фигне размышлял, пока вода из лейки не стала нормальной, всегда так, первые секунд сорок хлещет кипяток, потом температура нормализуется. Густой пар клубился вокруг, зеркало запотело, подозреваю, общественность считала меня аутсайдером. Полагали, не соответствую традициям сего мира.

Однако помимо молочного коктейля «Рыжий Ап» меня интересовали вопросы самого широкого профиля. К примеру, каким образом нашему преподавателю географии удавалось много лет прикалывать любовниц, а потом замечать их тела под ковер. И оставаться не пойманным. И это при действующей жене. Натираясь мочалкой, обратил внимание на свой выпирающий животик. Наша семейная традиция иметь подобный мамон. Казалось бы, при всей худобе, при всей своей юркости, подвижности, мы носили животы, напоминающие глобусы. Излишне волосистые ноги, в раннем детстве имел глупость побрить их, теперь вынужден ходить с такими ногами. На груди длинный белесый шрам, неосторожно фехтовали со своей мировой бабкой, у нее была крестовая

отвертка, у меня шлицевая. Да, она у меня взрывоопасная, как пекарды, так родственница называется петарды. А славный дедушка служил капитаном на корабле, я его не застал, он разбился на мотоцикле в год моего рождения. Намыливаю подмышки, созвездия родинки, думаю, когда смогу пойти в гости к Анатолию и поиграть в недавно вышедшую игру о подводном городе Bioshock. Глаза слезятся, в них попало мыло, колючки на верхней губе, забыл бритву в комнате. Также думаю об отце, он в очередной командировке на Севере, присылал на Новый год шахматы, сделанные из хлебного мякиша. Понятно, в кого я такой креативный, сочиняющий стихи для милых дам на праздники Восьмого марта, юбилеи, Новый год. Прознавшая о моем поэтическом проклятии, завуч зачастила обращаться ко мне: эй, Поль Верлен, сочини-ка что-нибудь для моей сестры ко дню крановщицы, а я тебя послабление сделаю, свидание с любимой, от работы на лесоповале освобожу.

Обтираясь полотенцем, шел по коридору, ослепительно голый и подростковый. Стеснение отсутствовало, желание обнажаться при людях, полагал я, есть артистические наклонности. Воспитанные на перестроечных кинокартинах, мои ровесники, казалось, познали себя просто замечательно. С улицы доносился шум, так шумит, понимаешь ли, трансмиссия у автобуса ЛиАЗ.

Перед общагой на пурпурных коврах подростки плясали брейк-данс, их члены хрустели, точено сухарики «Три корочки». Они дегустировали жизнь под композицию Freestyler. Два самолета «Черный тюльпан» летели низко на юг. Дорогу перебегала девчонка из школы, она бежала на свиданку в колонию. К учителю алгебры, он с ней проходил интегралы, потом у нее родился интегральчик, потом ухажера упекла мамаша этой восьмиклассницы, печально все это. Я сидел на окне, свесив ноги с пятого этажа, дразнилось солнце. Старушка несла сумки, пакет молока выпал, блямс. Она, стоя у белой лужи, качает головой. Летит бумажный самолетик откуда-то, прямо в меня. На тетрадном листочке в клетку написано печатными буквами: если ты это читаешь, значит, не все потеряно, проснись, мы все тебя очень ждем, это всего лишь сон. Хм, подумал я. На подбородке воспалился бобон, а кто-то называет их фурсиками, а кто-то дутиками, но чаще всего говорят: прыщ. Нестерпимо болит, коснулся пальцем, размеры поражают, поразительно, сколь безгранична человеческое несовершенство.

Из маминой косметички достал перламутровую пудреницу с зеркальцем. Гляжу на собственное лицо, изрытое траншеями, пурпурный холм набух прямо на подбородке, в коже-земле гильзы, осколки, не разорвавшиеся ананасы Миллса, ржавые штыки, дзоты, поросшие мхом. Ладошкой массирую не распутившийся бутон. Вдыхаю полной грудью и на выдохе сдавливаю пораженный участок. Свист будто из спущенного мячика, едкая, изумрудная дрянь сочится. Сукровица на зеркальце. Обстоятельства против меня, утомленно прикрываю глаза, страха помереть от кровотечения нет. Я вижу на своем лице, помимо сотни тонн распыленной в городе Ипр хлорки, кое-что интересное. В моем ранении присутствует черное инородное тело. Пинцетом из маминой косметички вытягиваю, вытягиваю. Тончайший эластичный кабель, покрытый моим биологическим материалом. До неприличия длинный, он струится на пол, ощущения, испытываемые в процессе собственного демонтажа, неопределенны. С одной стороны, чувствую странное облегчение, дескать, избавляюсь от чуждого моему обществу элемента. С иной стороны, родственники по приезду изрядно разочаруются, увидев обескровленного сыночка. О, сколь много раз они еще успеют разочароваться в дальнейшем, диспансеры, увлечение аптечными препаратами, аттестат, где сплошные тройки, за исключением литературы и русского языка. Но это все впереди, то есть относительно моей любимой бабушки Александры, которая перестала быть, конечно, позади, вы не путайте меня. Динамик на конце провода зашипел. Я прислонил его к уху, мужской голос произнес: объект Леонид, вы получили наше послание, вам пора возвращаться, ваше время вышло. Подросток, о чем-то задумавшись, отвечает: я вас понял, наверное, понял, наверное, так точно.

Глава 7

От нежности до изнасилования

– Пабло Неруда, ты вот, когда пишешь свою эту повесть о настоящем человеке, ты пишешь для читателя или для себя, потому что, вот, если для читателя, то можешь потерять собственное я, подумай над этим, парнишка, – дельный совет инженера-конструктора вселил некоторую веру в людей. Приятно осознавать, на борьбу с Гулливером невежества брошены лучшие лилипуты страны, от мала до велика. Себя Леонид с некоторой иронией относил к лилипутам, не лилипутам физическим, но лилипутам умственным. Леня писал мелким почерком в своем толстеньком зеленом блокноте историю о детективе по фамилии Валентайн. Округлые буковки напоминали жемчужинки на шее возлюбленной тетеньки. Молодой писатель в сиреневых трико, сиреневой же олимпийке сидел в компании милейших работяг. Заводская курилка, соразмерная старшему брату, что вышел набить морды обидчикам своего родственника, заводская курилка казалась местом уютным и благонадежным. Нежно-голубые деревянные скамейки вдоль стен. Пурпурная плитка в коפותи на полу, побеленный потолок. Распахнутое настежь окошко, за ним футуристический, желтый погрузчик, напоминающий марсоход, он везет алюминиевые болванки, кусты сирени, зелень. Вы знаете, тут сиделось просто замечательно, не как на скамье подсудимых. Или, скажем, на муравейнике в одних трусиках. – Ну, не скажи, последним словом писателя должно быть молчание, – задумался слесарь-сборщик из девятнадцатого цеха. На нем темно-синий халат, четыре пореза на выбритой до синевы щеке, высокий лоб. – Практикант, а ты потом к нам устраиваться думаешь? – спросил у Леонида Юрий Тимофеевич, наставник и фрезеровщик шестого разряда, хитро улыбнувшись.

– А если я не хочу снимать трусы и бегать, мне это претит, – беседовал по телефонному аппарату незнакомый господин с большим носом цвета сливы и в красном берете на голове, он топтался в дверях. В курилке происходил какой-то аншлаг с Региной Дубовицкой, право слово. Столько народу, что яблоку некуда упасть из широкой пасти белого коня, который едва появился в курилке, как тут же растворился в предраассветном тумане. Слышались любопытные обрывки чужих бесед. – Шел как-то из бани, никого не трогал, – рассказывал Николай, мужчина озорной, как фамилия Антона Секисова. – Под утро уже приснилось, как спорю со своей кошкой, она недовольна, что жена купила ей носочки, знаете, такие рождественские, с елочками, но вы бы видели в них кошку, ей они очень идут, – говорит кто-то. Леня и остальные закивали головами, соглашались на всякий случай. – О чем хоть пишешь? – спросил, поморщившись, точно сожрал горькую огуречную попку, токарь Петров. Говорю ему: о любви. – О любви это хорошо, жизнеутверждающее нам нравится, как, например, учитель химии варит синий мед, а мама варит борщ, а премию выплачивают в полном объеме, ведь план перевыполнен по участку, – глубокомысленно изрек Юрий Тимофеевич. Ему лет шестьдесят, а еще он перепутал однажды доброту и слабость, вышла какая-то ерунда, будем откровенны. За время, проведенное тут, здесь и вообще, мне стали известны подробности жизни Юрия Тимофеевича.

Наставник читал природу на языке оригинала, по образованию он биолог, а по призванию вот фрезеровщик. Во времена своей службы в научном институте, гражданин выращивал из стволовых клеток клеточные яблоки. Удивительный процесс выращивания глазных яблок из стволовых клеток заметили на самом верху, специальная комиссия куда-то выехала, пожалуй, подробности мне неизвестны. Однако могу сказать с определенностью, Юрия Тимофеевича предала коллега-возлюбленная. – А я ей говорю, не бойся, мать, я фрезеровщик, – рассмеялся щуплый мужик в черном комбинезоне и зеленых кедах, с поседевшими висками, с лицом Юрия Арапова. Его собеседник глядит растерянно на паутину в углу, выдыхая носом дымок. – Если возьмут к вам

на завод, пойду, – отвечает молодой человек. Тимофеевич в белой футболке, на которой изображено семейство Флинстоун, он погладил огромной ладоншкой свою коротко стриженную голову, на голове сидел ежик, или просто привиделось. Наставник поднялся со скамьи, прихрамывая, удалился.

Лео бросает непотушенный бычок в металлическое ведро, переполненное окурками, пустыми пачками из-под сока, билетами на троллейбус, пеплом. Выходит в общий предбанник. Тут же комнатка с душевыми. Весь пол заставлен черными носками, носки напоминают изящных лебедей. С улицы послышался гром незрячий, и ливень ринулся с небес, значит, самое время пить с веток, бьющих по лицу, подумалось практиканту. А в Пхеньяне всегда солнечно, а в Химках несколько дождливо, иронично отметил молодой человек. Четыре кабинки без дверей, в них моются работяги, кто-то поет поразительно высоким голосом знаменитую песню Джона Скэтмэна. В клубах пара угадываются силуэты обнаженных людей, их Фигаро раскачиваются из стороны в сторону, их жилистые тела должны в срочном порядке изобразить лучшие соцреалисты страны, полагаю. Свежо, слышится аромат лавандового геля для душа, хозяйственного мыла, пикантной плесени, металла. Леонид, минувя предбанник, выходит в свой родной цех механической обработки.

Словом, я подошел к фрезерному станку Шаублин семидесятого года рождения, в этот год наша мама по нелепой причине не смогла надеть брюки-клевш, не смогла поехать на картошку, а также выступить с осуждением конфликта в Камбодже, ведь маме исполнился один годик. Порой мне казалось, Шаублин самый настоящий мыслительный комплекс, несмотря на устаревший ременный привод скоростей, несмотря на возраст. Необходимо, допустим, обработать вал, номинальный размер, скажем, пятнадцать миллиметров, мы должны получить миллиметров двенадцать. И тут возникает вот такая штука, валы от номинального размера обрабатываются в минус несколько соток. Таким образом, у нас диаметр получится не двенадцать, а одиннадцать и девяносто пять, одиннадцать девяносто пять высший пилотаж, тут об этом все знают. Собственно говоря, точность Шаублина две сотки. Порой создается впечатление, станок, если я ошибаюсь, теряя невзначай, скажем, восемь сотых, станок неведомым для меня способом выставляет нужные размеры. За две недели, проведенных на заводе, Ленчик многому обучился. К примеру, пить там, где пьет конь, стелить постель в месте, где укладывается кошка, есть фрукты, которых коснулись червяки, строить дом в месте, где змея греется. А также копать колодец там, где птицы гнездятся в жару, поедать больше зеленого, чтобы иметь сильные ноги, выносливое сердце, точно у зверя. Больше молчать, нежели говорить, Леонид молчал самозабвенно, поэтому в его душе поселилась тишина, а дух сделался мирным и спокойным. Но самое главное, молодой человек сносно нарезал шестигранники, квадраты, делал пазы, лыски. В его лексикон вошли следующие слова: универсальная делительная голова, тиски, нониусы, коробки скоростей. Шаублин, как будто стал продолжением Лениного тела, прелестно.

Из темно-зеленого ящика жестяного комода Ленчик вынимает фрезу с четырьмя перьями, диаметром тринадцать. В комоде конусы Морзе, патроны, микрометр, рядышком с микрометром лежат гаечные ключи, отвертка. В общем, оснастка для Шаублина богатая, не сомневайтесь, то-варищи хорошие. Молодой человек устанавливает болт в головку и принимается нарезать грани. Как же это сделать, вопрошает любознательный читатель. Охотно поясню, ибо совершенно не стеснен обстоятельствами, детей не имею, судимостей тоже. В пластиковом тазике на столе стальные болты с круглыми шляпками, штангенциркуль, листы календаря, на обратной стороне листов календаря расчеты. Лео совершенно точно высчитал, ему надо получить вместо круглой шляпки, которая одиннадцать миллиметров, шляпку шестигранную размером десять, то есть девять девяносто пять. Расчеты каковы, одиннадцать минус девять девяносто пять и поделить на

два равняется ноль целых пятьдесят два. На столько я шагну по высоте, то есть по игрек, по длине шагну на два миллиметра, то есть по икс, длина указана изначально, ее высчитывать не надо. Жму на зеленую кнопку, фреза крутится по часовой стрелке, обороты выставил на триста. А еще у меня бумажка вощеная имеется, а имеется она не просто так. В данный момент я отмечаю ноль, иными словами, касаюсь через бумажку фрезой своим болтиком. Как только произошел контакт, увожу шпиндель в сторонку, чтоб не зацепить деталь. На нониусе выставляю ноль, затем поднимаю стол на высоту ноль целых пятьдесят два. Теперь касаюсь по длине так же через бумажку, коснулся, шагнул на два. Именно так обстоит дело, дорогой читатель. Остается отжимать отверткой в универсальной делительной головке прижимной штырь да обрабатывать грани. Само собой, подчищать, возвращаясь назад, мерить штангенциркулем размер, напильником убирать заусенцы.

Справа от рабочего места Ленчика стояли красные жестяные щитки, они защищали от летящих металлических брызг. Тем не менее на линолеуме множилась фиолетово-голубая стружка, напоминающая смертельно синюющие васильки. Какие тут могут быть выводы, резали титан на малых оборотах, резал профессионал, обученный, не превышать обороты шпинделя, браво. Корпулентный лысый парень с каштановыми усиками по имени Мартын фрезеровал габариты детали. Он позавчера вернулся из армии, сегодня уже возвращаться нет необходимости, из сегодня не возвращаются. Автоматическая подача, простите за каламбур, подается нежно, двумя пальчиками. На Мартыне серая футболка с логотипом завода, карие глазки спрятаны за черными очками. Леонид стоит на деревянном поддоне, техника безопасности, тут каждый стоит подобным образом. Припоминаются подробности жизни детектива Валентайна, частично детектив был списан с философа Александра Пятигорского. В произведении о Валентайне постулируется простая штука, история, она ничья, это мы ее, но не она наша. Первый сделанный шестигранник, теперь главное не сбить высоту, длину. На улице прошел дождь, чудовищная духота в цехе, лицо покрылось испариной, шум станков. Категорически не хотелось прилагать усилий, чтобы быть человеком. Шаублин продолжение моего тела. Я фрезерная машина в мире кожаных человечков. Я мыслящая машина, имеющая вариаторный привод шпинделя с шестеренчатым перебором. Второй шестигранник готов. Повсюду голубоватый свет, в нем все утонуло, можно подумать, мы в Мурманске, где круглые сутки день. Ах, эти длинные, флуоресцентные лампы, торжество операционной чистоты, великие мужчины механически обрабатывают металл.

По цеху на полусогнутых, в белом халате, резиновых тапочках шел технолог, под мышкой и кошкой у него была коричневая папка с маршрутными картами, техническими заданиями. Неизбыточная привычка считать количество выдохов, начиная с роддома и по сей день, сыграла с ним злую шутку. Технологу Альфреду однажды своенравная жена положила в контейнер для обеда живого крокодильчика, бедняга едва не лишился носа. Впрочем, носа он лишился, но это совсем другая история, связанная с техникой безопасности. Седые волосы, торчащие в разные стороны, близоруко щурится, кивает приветственно Лео. Двадцать второй цех напоминал недра отца, слегка пьющего, однако без патологий. Обаятельного такого отца, если довериться в этом вопросе песенке, отцы были сделаны из трехкулачковых патронов, цанг, сверлильных, расточных, шлифовальных станков, а в их венах текло машинное масло. Горланил музыкальный центр: один раз в год сады цветут, весну любви один раз ждут, всего один лишь только раз цветут сады в душе у нас, один лишь раз, один лишь раз. Один, не один, сады цвели в душах коллег Леонида круглогладо. В секции, где молодой человек проходил практику, в секции, где универсальные станочки фрезерной группы выстроились обморозительными истуканами в шеренги. Наличествовал бильярдный стол. Электронные часы, стоящие на стеллаже со скоростными резцами, показывали половину двенадцатого, начинался обеденный перерыв. Мартын убрал со стола розовое шерстяное одеяло, явив окружающим зеленую бархатную лужайку. Мужчины в летах, пританцовывая, подходили к бильярдному полю. Кий в руках гражданина в тельняшке, синих брюках с подтяж-

ками. Полноватый дедушка из отдела контроля накрывает шары треугольником. Что ж, партия начинается. – Сигизмунд, подай мела, голубчик! – просит кто-то.

Леонид подошел к серым шкафчикам для личных вещей. Наклеенные на дверцы морды лисы, льва, медведя, зайца, жирафа, кота. В определенной степени веселили. Обстановка, царившая на предприятии, казалась Лёне похожей на обстановку, что царит в детском лагере. Детский лагерь со всеми этими рассказами о черном пионере, черном фрезеровщике, зеленой пластинке, таинственном пирожке, синих ногтях. Со всеми сальными шуточками, настольным теннисом, бильярдом на обеденном перерыве, зубной пастой после отбоя. Меж тем за голубым токарным станком, произведенном в городе Вильнюс, нарезал резьбу Григорий Валентинович. Весьма неординарный человек, долгое время проживавший в Вермонте. По собственному признанию, он однажды преодолел время, чем несказанно испугал жителей Вермонта. Все-таки Григорий Валентинович шпионил для советского союза, в свою очередь, европейцы еще не умели преодолевать время. Поэтому он и погорел, забывшись на мгновение, показал некой фрау мобильный телефон. Какой-либо интересной информацией о нем я не располагал. Допускаю, когда у меня все сростется с заводом, появится больше возможностей разузнать подробности жизни премилых работяг. В случае успеха попрошу вас, читатели, предоставить мне некоторые денежки для поддержания, так скажем, штанов. А я уж расскажу и повеселю вас, не сомневайтесь. Ширинка на хлопковых рабочих брюках Григория растегнута, ситуация крайне любопытная. Сам неоднократно видел, как Валентинович осознанно растегивает ширинку. Тем самым, думается мне, мужчина привлекает к себе внимание, что-то у него случилось, а просто заплакать или сказать об этом вслух Гриша не может, он же не Майя Плисецкая, засмеют, напоят лишний раз о том, что токарям плакать запаadlo. Существенно позже стало известно, на фронт забрали друга Григория. А на заводе у всех ребят бронь, однако мы готовы туда пойти, не хотелось бы проиграть в войне с наркотиками. Из шкафчика Леонид извлек оранжевый контейнер со своим обедом, картошка в мундирах, огурец, две сосиски.

Подле бильярдного стола произошло Бородинское сражение. На партейку заскочил французский настройщик станков с числовым управлением. Специалист, вызванный специально для этих дел аж из Африки. Его активно поколачивали за невзначай оброненные слова обидного толка. На голубом станке семидесятилетнего Юрия Павловича висели черно-белые фотографии его жены-киноактрисы. И этот француз ляпнул: кель бо шваль! Ребята не вполне поняли, причем здесь шваль, пусть француз и сказал на самом деле: какая прекрасная лошадка. Ребята все равно недопоняли, причем здесь шваль. Возле стеллажа с музыкальным центром, в жестяном шкафу, на второй полке сверху стояла микроволновая печь с удивительным названием «Горение». Леонид разогревал еду, наблюдая с некоторой тоскою за драмой, случившейся у зеленой лужайки. Помнится, Теодор Адорно сказал: позитивизм есть не познавшее себя отчаяние. Мы не знаем, что имел в виду Теодор, поэтому предпочитаем согласиться. Подле бильярдного стола несколько пенсионеров, смеясь, колошматили иностранца. Еда разогрелась, дзынь-дзынь. Леонид проследовал к маленькому столику, огороженному старыми шифоньерами. Наклейки на шифоньерах были в определенной степени куртуазными, сколько теперь этим тетенькам, лет по восемьдесят. Слышался стук теннисного шарика, отскакивающего от стола, далекий гром, потрескивало электричество. Сосиска особенно вкусна, вы могли встречать подобные сосиски в школах в середине нулевых, впрочем, скорее всего, ненужная ностальгия, современные дети могут не оценить сероватые сосиски из туалетной бумаги, фарша. Огурец кисловат, зато выращенный на собственном подоконнике.

Доевший Леонид подобрел, матушка вечно волнуется, дескать, почти не кушаешь, супругам до фонаря, кушаешь, не кушаешь. Так, Леонид, не наговаривай на своих супруг-близняшек, они

у тебя барышни хоть и своеобразные, а все-таки тебя любят. Ладно, ладно, не буду наговаривать на честных женщин. Направился, после того как отобедал, в клозет. За стеною, составленной из стеклянных блоков, у самого ящика с чистой ветошью повстречал Василису Малыгину, инженера высшей категории. От нее пахло селедкой, словно от морского котика. Желтоватый, как ректальные свечи, халатик на ней. В кудрявых сизых волосах металлическая стружка. В фиалковых глазах безумный огонек. На синей тележке она катила дюралюминиевый корпус бомбы, штуку тяжеленную, доложу я вам. И говорит: а, практикант, физкульт-привет, будь любезен, помоги мне в сборочный цех эту дуру отвезти. Голосок у Василисы звонкий, юный, хотя тетеньке лет сорок. И болтают про нее всякое. К примеру, о том, что женщина безнадежно влюблена в своего мужа, директора завода, имеющего связи с энпманами. Соответственно, влюблена в своего мужа, чело-века, имеющего разгульный образ жизни. Тем временем у мужиков из комнаты, где занимались заточкой инструментов, пело радио: oh, mammy, oh, mammy, mammy, blue, oh, mammy, blue.

Леонид, будучи мальчиком неловким, стеснительным и слабовольным, поспешно согласился помочь отвезти пузатую бомбу, куда там нужно. Малыгина курила папиросу, мундштук-гармошка, серое облачко-медуза. Курение в цехе подчеркивало ее статусность, простого работягу обматерило бы начальство, застань оно простого работягу за посещением профсоюза и за курением в неположенном месте. За недолгое время, проведенное на этом душевном предприятии, молодой человек уяснил, знание может быть лишь у того, у кого имеются вопросы. Поэтому он поинтересовался у Василисы: вы не знаете, мне могут присудить четвертый разряд после практики? Женщина вытянула свои бледные губы, будто хотела поцеловать, ответила: видится мне, присвоят, сейчас нехватка молодых людей, вы же молодой. Ленчику было двадцать восемь лет, он решил стать фрезеровщиком, он решил побороть свою неполноценность, а именно перестать считать себя литератором. – Стартуем, дорогой, в сборочный цех, я вас там чаем напою, – обратила на себя внимание тетенька. И мужчина, толкая синюю тележку, направился к воротам.

На улице дождь перестал. Мокрые и жалкие чайки, поникнув, сидели рядом на крыше деревянного ангара, вякали чего-то. Слякотно, на нас кричали всю жизнь большие начальники, мы утопали в их слюнях, слякотно. Василиса сильно раскашлялась, будто подавилась целым яблоневым садом. Говорю ей: докурились, а представьте, каково было сеньорам и сеньоритам в Лиссабоне в тысяча семьсот пятьдесят пятом году. Спутница фыркнула, но промолчала. У клена с красными листьями рабочий в синем халате, с прической «горшок» шумно беседовал по телефону, жестикулировал. Я прилагал немалые усилия, катил впереди себя тележку по главной заводской улице. Хвойные ветки на обочине, серая птичка мухоловка сливается с ветками. Прикручинилась ветла, она росла за сетчатым забором с колючей проволокой, на заборе желтая надпись: под напряжением, вход по пропускам. За этим сетчатым забором большие, белые палатки, в них трудятся господа научные сотрудники. – Пошевеливайся, помощник, – подгоняла дамочка. Минули термический цех, кузницу, столовую. Из приоткрытой двери столовой с какой-то памятной табличкой тянуло соленьями. Вдалеке, метрах в пятистах виднелась железная дорога с вагончиками, вычурная искусственная пальма, два сероватых трехэтажных дома, это центр дополнительного образования, там рабочие повышали квалификацию. Свернув налево, прошли полустанок. Завод и прилегающая к нему территория занимала порядка пятнадцати квадратных километров. Порой заводчанам-пенсионерам было нелегко столько ходить. Поэтому курсировал автобус.

Меж тем я умудрился всерьез повздорить со своим прелестным конвоиром. – Это что, бунт? – воскликнула она, когда мне приспичило по малой нужде. Отошел к трем березам у синего контейнера с металлической стружкой, расстегнул ширинку и летал в облаках, как Люфтваффе. Размышляя о своем без пяти минут, подумать только, тридцатилетии. – Миша, ты скоро? – забыла

мое имя тетенька. Не стал ее поправлять, не ошибается тот, кто ничего не делает. Взялся за ручку тележки, покатыл. Метров через двести остановились у кирпичного здания, на фасаде которого висело панно, традиционный сюжет, краснокожие ученые в лаборатории расщепляют атом. – Пойдемте, – сказала она и бодро поднялась по лестнице. – А как же бомба? – спросил. – Оставьте пока здесь, я сообщу Аркадию Геростратовичу, ее заберут, – ответила. На проходной внимание привлек пожилой мужчина, на нем фетровая зеленая рубашка, обширная лысина, седые кудрявые волосы окаймляют лысину. За стеклами квадратных очков, увеличенные многократно, серо-голубые глаза. Он восседал за столом, читая книжку в мягком переплете, а по его лицу и рукам бестактно ползали муравьишки, совершенно не стесняясь. Дядя Саша Муравейник был сосредоточен и не выказывал раздражения. Его прозвали так за безграничную любовь к муравьям, как нетрудно догадаться. Василиса ретиво прошла турникеты, я был вынужден следовать за нею, тут начиналась terra incognita. Стоит признаться, мне свойственно теряться даже в знакомых местах, чего уж говорить о незнакомых.

Лестница, на лестнице коричневый ковер. На бетонной стене, на полочке дисковый коралловый телефон. Малыгина кому-то набирает. – Алло, я могу услышать Аркадия Геростратовича? – В отпуске, понятно, а, это ты, Ильич Рамирес, привезли тебе для сборки, да, стоит на улице. Некоторое время Леонид слушал болтовню тетеньки. Она повесила трубку. Молодой человек спросил: я пойду? – Что вы, сейчас будем пить чай, – дама увлекла Лео за собой, в подвал, тут на лестнице не было ковра, гулял сквозняк. Мы вошли в каптерку, там изрядно пахло женскими духами. Там сидели подружки Малыгиной, Мариэтта Шагинян и Александра Коллонтай, как я узнал позже. На бежевом столе бутылка водки «Зять опер», коробка яблочного мармелада, банка сосновых шишек, вываренных в сахаре, красный чайник, на крышке у него лежит большущая гайка. – Посмотрите, какого я вам жениха привела, – пророкотала Василиса. Она хохотнула, и сопля предательски повисла у ней на носу. Барышни прищурились, разглядывая меня, точно являлся дикий зверушкой, стало неловко. Потрескивали лампы. На стенах, обклеенных газетами, висели красные полки, на полках фрезы разного диаметра, масленки. Календарь с бордовым мотоциклом «Ява» за восемьдесят шестой год. Меня усадили за стол. И началось прелюбопытное застолье.

– А я люблю, когда целуешься с мужчиной, а от него разит луком, полезно, знаете ли, – сообщила привлекательная, словно дом-корабль, Коллонтай. Женщины, состоявшие из блесков и минут, были словоохотливы, даже в какой-то степени настырны. На их лицах серебряные звездочки, Мариэтта назвала эти звездочки глиттером. Смутившись, уточнил: клиторы? Они посмеялись, рассказали про гель глиттер. Сидя между Василисой и Шагинян, вынужденно улыбался то одной, то второй, шея хрустела, настолько часто приходилось поворачиваться влево, вправо. Тут ущипнули, там слюняво поцеловали, всем улыбнись, чтоб не обидеть. В кружку с рисунком Байкала плеснули водки с томатным соком. Хлопнул, рассмеялся. В женской компании я почувствовал себя в своей тарелке, с ними хоть Бастилию бери. Близость и отсутствие дистанции, горячие прикосновения их пальцев к моему лицу. Практика заканчивалась. Заводская жизнь мне импонировала. Я закусывал засахаренной сосновой шишкой. Дамочки отвлеклись на свои птичьи разговорчики. – У моей дочери на локте татуировка паутины, на лице тоже татуировка, зонтик под глазом, я вот понять не могу, она сумасшедшая? – поинтересовалась Шагинян. Шагинян лет пятьдесят, она рыжеволоса, у нее длинный нос, как у Рудольфа Габсбургского. – Фи, какая глупость, вам только рыбу нейросетями ловить, а не о подростках рассуждать, – отвечает Малыгина, скидывая пепел в желтую банку из-под кваса. Добрая грусть посетила меня. С белого потолка капало в алюминиевый тазик, откуда-то из чащобы завода доносился рык механического льва. Взглянув на электрические часы с красными цифрами, похожие часы висят в метро, решил, пора закругляться.

– Вы разве никогда не мечтали о большом и светлом производственном романе? – внезапно спросила, захмелевшая Коллонтай. Леня, конечно, мечтал о подобном в далекой юности, но по мере взросления он совершенно разочаровался в девчонках. Мужчина тоже слегка окосел, право слово. Проводить время с будущими коллегами чрезвычайно нравилось. Время, проводимое с будущими коллегами, напоминало сеанс мануальной терапии. – Понимаете, я женат, какой уж тут роман, – неуверенно сказал молодой человек. – Одно другому не мешает, мне кажется, вы просто пока не освоились, у нас женщины загляденье, – Александра сексуально облизала розовую ручку с резиновым колпачком-зайцем. Шура имела поразительное сходство со своей полной тезкой, революционеркой и борцом за женские права. Луновидное лицо, короткие, темные, вьющиеся волосы, морщинки в уголках глаз. Лео скушал мармеладку, стал изучать трещинку на столе.

– Знаешь, на нашем заводе встречаются женщины, которые могут полюбить тебя не за то, какой ты, а за то, кто они рядом с тобой, – не унималась дамочка. Шагинян и Василиса притихли, они с интересом слушали разговор. – Я вижу в тебе хорошего квотербека, будешь моим квотербеком? – спросила Александра, сексуально облизывая цанговый патрон. – Дорогуша, микробы, – заметила ей Малыгина, кивая на патрон. – Да, да, что-то я увлеклась, – зачастила Коллонтай. Присутствующие примолкли, каждый думал о чем-то своем. – Кто грустит, он трансвестит, – весело постановила Василиса. Посиделки становились совсем уж томными, полунамеки романтического характера, откровенное сватовство.

– Барышни, – сказал мужчина, вставая из-за стола, – благодарю за компанию. Тетеньки в белых халатиках заголосоили, дескать, посидим еще, куда же так рано, смена не окончена. Ну что вы, меня дома ожидают, опаздывать нельзя, санкции. К тому же крайний день практики. Конечно же, мы с вами еще встретимся, дорогие, а потом даже поцелуемся. Всего доброго. И вам, Александра. Вышел на улицу, моросило. Шел в цех переодеться. Тут и там разлиты радужные лужи бензина. Работяги-монады строем двигались ко второй проходной. В мокрых стеклах расплывчатый свет уличного фонаря. Повяло столярным клеем. Я возвратился в родной цех, сложил спортивный костюм в свой портфель цвета жирафьей кожи. Попрощался, пообещал возвратиться. И, насвистывая Джо Дассена, направился в сторону величественного памятника ракете. Мокрая трава щеколтала обнаженные лодыжки, в карманах шорт позвякивала мелочь на троллейбус. На мгновение показалось, у меня впереди великое прошлое. Сколь скоротечны данный тропический дождик, словарь Шекспира с двенадцатью тысячами словами, приятный запах заболоченного, лиственного леса. Словом, ипохондрия одолела меня. Первая проходная, через которую почти не ходят заводчане, была совсем близко, приземистое розовое здание с желто-черным флагом. Клумбы, три лебеда из автомобильных покрышек, лиловые ирисы, белые флоксы. Шея, спина нестерпимо чесались, за шиворот попала острая дюралевая стружка, колется.

На проходной столпотворение. По ту сторону ростовых турникетов множество иностранцев, индийцы, пакистанцы, албанцы. Вопиют их дети, лают собаки. Всем надо попасть на территорию завода. Охранница не пускает без пропусков. Граждане тычут ей своими заграничными паспортами. Создается впечатление, бегут от войны. Я прикладываю магнитный пропуск со своим фотоснимком к желтому валидатору, как в автобусе. Пахнет валидолом, сладкими, мокрой шерстью. Шествую, шефствую над собой, а иначе совсем пропаду. Люди хватаются за рукава моей песочной куртки, улыбаюсь, протискиваюсь сквозь толпу, ни одного знакомого лица. – Руки прочь от практиканта! – орет женщина в черной куртке и синей рубашке, она покинула свой пост, колотит по ладошкам иностранцев резиновой дубинкой. Беженцы ворчат, оставляют в покое. Выхожу на улицу, торговли в шатрах, нахохлившись, глядят на проливной дождь. Автомобильная пробка, ленинградское направление. Стоял под козырьком на крыльце, шипела белесая пена на тротуаре, поэт бы обязательно назвал белесую пену млечным соком. Но я не поэт в строгом смысле, скорее, пирожок с повидлом. Девчонка с розовой челкой плюнула в сублимного подростка с длинными черными волосами, в белой майке с белой надписью Slipknot. Они промокли, как цуцки. Старик,

мысленно обращаюсь к нему, женщина бросит, когда тебе плохо, вспомни фотографию, на ней президент Кеннеди лежит в своей машине после выстрела, Жаклин в спешке покидает салон. Нахожусь в себе смелость, выхожу из-под козырька.

Пламенел закат, и дождь задал трепку тетеньке с химической завивкой. Черные тучи-дойные коровушки шли по небесам. Тетенька с большущим животом бежала в сером плаще в сторону остановки. На лужах волдыри, я отказался от войны, от любви, от банковской карты, профсоюз. И тоже пошел на остановку, открыв зеленый бабушкин зонтик, помимо вставной челюсти от нее остались фотографии, пенсионное и вот, зонтик. События этого года были стремительны, в декабре пожил в городке писателей, сочинял повесть о настоящем человеке. Февраль, март пролежал в психиатрической лечебнице, дописал роман, теперь летом устраиваюсь на завод фрезеровщиком. А ведь даже не успел еще привести в божеский вид свое лучшее произведение, пьесу «Моя маленькая щитовидка». Небо прорезала молния, клонились вершины высоченных деревьев. Неистовый ветер обдавал окна супермаркета потоками мутного июльского ливня. Ноги намокли. События этого года были стремительны. Леонид походил на премилого селезня, шевелил усами, не вполне понимая, чего ж так стремительно после двадцати восьми лет все происходит, не успеваешь рассмотреть. Так стремительно автобус превращается в омнибус, а мы превращаемся в лужи на старых матрасах в наших потусторонних панельках, надо же.

Глава 8

Вселенский кринж

Это было невероятно прекрасное, я бы даже сказал, чудовищное времечко. Преждевременное женившись на близняшках, чрезвычайно рисковал. С этой семейной жизнью не оберешься проблем. Очнешься на старости лет впадшим в деменцию вековым дубом, брак изрядно портит нервы, понимаете ли. Стояло удушливое лето, то самое лето, когда двух театральных деятелей внесли в список террористов и экстремистов, а потом осудили на шесть лет, кажется, за спектакль. Хотелось нежно прошептать на ушко женам: с нами Бог. Однако, зная буйный нрав Геры и Молли, к тому же ночуя на гостевом диванчике за незначительную провинность, не прошептал. Сладкие, точно персики, запахи бытовали в нашем доме. Там за окном входит солнце в янтарь рассвета, вы знаете, подобным образом косточка входит в абрикос. Тем субботним утром Леониду и автору подумалось, зачем наших психически нестабильных коллег помещают в инсулиновую кому, а помещают, чтобы перезагрузить их головной мозг. И, в отличие от автора, Леонид знает не понаслышке о гипогликемической терапии. Как раз благодаря данной процедуре Ленчик решил стать фрезеровщиком. И это ни в коей мере не умаляет заслуги фельдшеров, хлебопеков, библиотекарей, ни в коей мере. Нам видится, в жизни каждого мальчика наступает момент, когда приходит некое осознание необходимости пойти на завод и заняться обработкой металла. Крайне романтично заниматься обработкой металла, вы не находите?

Садовое товарищество, где Леонид проживал со своими женушками, совершенно не совпадало с самим собой. Иными словами, никакого товарищества там не было и в помине. Сплошь беглые каторжане, алкоголики, сумасшедшие, братья меньшие, странные женщины. Отчего-то тут встречалось особенно много барышень с чужинкой. К примеру, через два дома бухгалтерша Людмила воровала чужие паспорта, утверждая, что собирает души, ведь паспорт весит двадцать один грамм. Или вот, в конце улицы две старушенции в мохеровых кофточках весьма подозрительные. Весь двор у них заставлен банками с маринованными куклами Барби, жуткие игрушки, в частности чебурашка с одним ухом, развешаны на яблонях. Поселиться в этом захудалом граф-

стве пришлось по причинам весьма прозаичным, жрать было нечего. Хотелось бы обратить внимание читателя на невозможность достойно обеспечивать своих супругу номер один и супругу номер два, работая на полставки в издательстве. Лео именно там служил до недавнего времени, редактируя монографии советских ученых о монгольском иге, об истории морского пиратства, о мусульманском Ренессансе, о древних Афинах и о прочем. В определенный момент молодой человек ощутил, его передок в опасности. И параллельные линии не встречались не потому, что встретиться не могли, а потому, что у них были свои заботы. Если не брать во внимание, вышеизложенное, в садовом товариществе жилось вполне себе сносно. Коммунальные услуги стоили копейки, к тому же прописка предоставлялась. Временами Леонид ощущал себя соразмерным писателям, что жили некогда в поселке Переделкино. Только никакой тут не Борис Пильняк, а самый настоящий блудняк, впрочем, подозреваю, писатели в поселке Переделкино не брезговали доносить на коллег. Кто мы, чтоб осуждать их, мы всего лишь пылинки.

Откинув розовое махровое полотенце, заменяющее одеяло, ступил на брег, весь такой красивый, точно Джеймс Кук. Шуметь категорически не хотелось, человек я не конфликтный, конфузливый. Чихнешь неосторожно, потом припишут подрывную деятельность. Жены любили вставать спозаранку и выносить мозги, чего тут добавишь, вы и сами прекрасно осведомлены о неспортивном поведении ваших супругов. Едва начавшись, утро в нашем сосновом бору казалось временем замечательных возможностей. Я планировал проشمыгнуть в наш сад, наскоро позавтракать и заняться литературным творчеством. Пол в коридоре, усеянный накладными ногтями всевозможных форм, расцветок, прядями волос. Молли занималась маникюром и прочими штучками. На кухне схватил бутылку кефира, булочку с маком. И как будто услышал из супружеской спальни сонное бормотание, замер, морская фигура, Левиафан, застигнутый светом далекого маяка. Чудесные рты моих жен, подобные полям в уравнениях. Крик, распространяемый моими женами, способен изрядно напугать всякого. Недовольство, свойственное этим водолеям, зачастую было понятно. Одна из женушек настаивала на своих якутских корнях, другая же вовсе не настаивала. Мне же было глубоко фиолетово, космополитизм, свойственный моему поколению, знаю наверняка, раздражает пенсионеров. Порой мне казалось, близняшкам вовсе не по двадцать четыре, а по меньшей мере лет по шестьдесят. Это выражалось в их стремлении инкриминировать мне нежелание надевать шапку зимой, пить рыбий жир, массировать им пяточки. Я же в свою очередь достиг возраста, когда смотришь порнографические фильмы и не совсем понимаешь, возбуждаться или же смеяться. В общем, я замер, электрические часики с китайской кошечкой показывали без пятнадцати семь. Премилый храп девушек продолжился, ложная тревога, снежные микробы и прочие бережливые ассоциации.

Впрочем, нельзя не отметить оттепель в наших отношениях. Мне даже разрешили слушать джаз и отвечать в авангардной манере. И все-таки упреки Геры и Молли в последние месяцы стали совершенно сводить с ума. Леня, мы малоимущие, перестань быть неформалом, гопником, скинхедом, к чему это ребячество, мы малоимущие, Леня. Меня не совсем устраивало, что в нашей стране власть дали советам да любовям, надо было давать малоимущим, так честнее. По слухам, мои женушки состояли в феминистской мафии, подтвердить или опровергнуть, к сожалению, не могу. Однако меня насторожила, найденная в семейной спальне беллетристика сомнительной художественной ценности, Женское освободительное движение, Чего хотят женщины. Третьего дня обнаружил в чулане автоматические винтовки, Гера и Молли готовились совершить преступление, понял я. Но вместо того, чтобы закатить скандал, тихонечко сфотографировал на телефон книги, оружие, подробным образом изложил обстоятельства, подписал, поставил дату. И отложил заявление до лучших времен. Понимаете, я был терпеливым человеком, особенно в минуты гнева, избегая таким образом ста дней печали. Семейная жизнь обязывает подбирать слова. Не гнушаться помощи милиции, звонить, писать, бороться с домашним насилием при помощи

компетентных органов. Мы откладывали деньги с маминой пенсии, мать близняшек получала депутатскую пенсию. Наш брак она называла политической ошибкой, но я на этот счет говорил: кто не ошибается, тот ничего не делает, дайте нам денежек на сухофрукты и нейролептики. – Ох, ты лис какой, – таяла она и выполняла просьбу. В конце концов, счастье новобрачных превыше всего.

На улице пахло летней помойкой с нотками кипариса. Вдали проезжал красный трактор ДТ-75, его зеленые гусеницы-махаоны были величественны. Их жирные тела могли привести в ужас человека неподготовленного, но никак не меня. В нашем садовом товариществе временами происходил настоящий декаданс. Только подумал об этом, как послышался хруст битого стекла. Где-то топор дровосека делил и умножал. По заросшей бурьяном улочке шел Юстас, он испортил себе все лето, влюбившись в июне. У него была и вторая любовь и третья, первую он так и не встретил. Испытывая проблемы с пищеварительным сибирским трактом, он вместо того, чтобы говорить, пел, заглушая урчание в животике. Человек-оркестр, хотя его и дразнили человеком-оркестровой ямой. Юстас внешне похож на киноактера Майкла Берримана. Мужчина пружинисто шел в желтом дождевике, помахивая мне рукой. – Юстас, привет! – крикнул ему. Связанная синим скотчем доярка, которую нес на плече гражданин, злилась и фыркала. Плясали тени, бросаемые орешником, ольхой. Потревоженный тракторным шумом рыжий кот перевернулся на другой бок и продолжил спать у покосившегося забора. Из перелеска доносился старческий крик: пацаны, меня мама кушать зовет, пока! Иду по двору, по проложенной тропке, повсюду борщевик, мать его, с человеческий рост. И самодельный огнемёт, собранный по инструкции в учебнике по ОБЖ, нисколько не помог в борьбе с этой напастью. За ночь вырастает по новой.

В беседке занялся писательскими делишками, о которых не принято говорить вслух. Не принято, ведь литераторам уготована участь Кассандры, никто все равно не прислушается. Обстановка располагала к написанию «Декамерона», однако написание «Декамерона» есть забег на дальнюю дистанцию, я курил электрические сигареты, поэтому одышка существенно мешала бежать столь продолжительно. Передо мною бутылка кефира, булка с маком, ноутбук. Я мог написать о чем угодно, мог написать о трех спичках, зажженных в глубокой ночи. Первая спичка чирк, увидел милые лица жен своих. Вторая, увидел их глаза. Третья, их губы. Чтобы потом, когда вокруг делается непроглядная тьма, обнимая Геру и Молли, помнил подробности лиц близняшек. И все-таки вернулся к черновику повести о поколении людей, лишившихся девственности, под районы, кварталы, жилые массивы я ухожу, ухожу красиво. А еще в этой повести присутствует чудесный эпизод, где сравниваются девчонки и мальчишки моего возраста с червяками. Еще там говорится о воткнутой в землю палке. Воткнул, значит, рыбак в землю палку и принялся тереть другой палкой по той первой палке. А червячки стали вылезать, чувствуя вибрацию, глупышки подумали, что дождь. Задача стояла любопытная, рассказать о живом поколении. Когда оно живое, сложновато приписать ему героические черты, возражать будут. Чего это ты нам ордена присваиваешь, возразит мое поколение, потому как скромное шибко. И не склонно подвигами дедов хвастать.

– Чик-чирик, – позвала Молли, отвлекая от сочинительства. Я не удостоил Молли ответом. Стоит заметить, мне не понравилось, что та подговорила Геру и они стали давать вместо положенных двухсот рублей в день сто. К тому же раз в неделю мне приходилось писать в баночку. Недоверие между влюбленными страшная штука. Но какая мне вера, у меня ж от приема психоактивных медикаментов в лечебных целях до срыва полшага. А тем временем небо сделалось темно-зеленым с двумя желтыми звездочками, с красной полосочкой, небо сделалось лейтенантским. Мои кефирные усики необходимо было снять, чтобы не приняли за террориста, чего это он напялил грим, усики какие-то. Пальчиком стер усики. Возвратился к литературному процессу. – Леня, сам подойдешь, или мне подойти? – кричит Молли, угрожает. Да, братцы, супруги носили

в себе хаос и были способны родить танцующую звезду, как некогда выразился классик, все о них, о моих супругах. Зато какие жизнерадостные, с такими о депрессии даже не вспоминаешь. Вдобавок модницы чрезвычайные. Представьте, на нашу свадьбу надели чудные платья, на одной платье в виде черно-желтого тюбика клея «Момент», на другой в виде нефти, в моменте одна, в ресурсе другая.

Несмотря на сложность характеров, близняшки были сообразительны. К примеру, девчонки научили меня смотреть на жизнь не как на отдельно взятых людей. Но как на информацию, быть может, шифр, что постоянно разрушается, кажется, они сказали: постоянно разрушается энтропией. Право слово, совершенно не помню обозначение данного термина. Информация, шифр беспрестанно передается новым носителям, юным носителям, чья память позволяет им разучить, скажем, стишок. Разумеется, пожилой человек тоже способен разучить стишок, просто у молодежи мозг порезвей, что ли. Близняшки в итоге сделали неутешительные выводы, индивид сам по себе ничто, а династия все. И мы принялись заниматься нашей династией. Кроме того, жены были нежны, называя меня мифическим оленем. Почему мифическим оленем, спросите вы. Потому что миф, он вечность, проламывающаяся сквозь время. Как-то раз после работы я шел с получкой, повстречался мне старый товарищ, мы с ним поехали на озеро рыбачить. Спустя двое суток получилось только вернуться домой, на рыбалке нас одолели русалки. – Какой же ты мифический олень, – хором сообщили супруги. С тех пор они коллективно признали меня личностью психопатического склада со склонностью к навязчивым мыслям и фантазированию.

И за что же они меня полюбили, полагаю, за способность интересно рассказывать собственные сны. Еще в начальной школе мне сказала уборщица: ты поведешь за собою народы, твои сны будут разгадывать, как самые сложные кроссворды, в твоих снах содержатся тайны человечества. Гера и Молли превосходные слушательницы. Они, подобно морю и любви, не терпят педантов. Правда, не жалеют мои нервы нисколько, зовут, плачут, если я где-то задержался. И, кажется, не до конца понимают, что все пройдет, как с белых яблонь дым. Кому же повезло больше, полагаю, нам всем одинаково повезло, прежде всего, мы с женами настоящие друзья. Ведь дружба есть одна душа, живущая в трех телах. Наша не особенно зажиточная семья, видится, держалась на прелестном слове авось. Ложно может показаться, что я не люблю своих тетенок, а наши отношения подобны войне. Ну, что вы, скажете тоже, да, идеологии нас разлучали, но мечты и страдания объединяли. Молли произвела выстрел солью из ружья ИЖ-27, пока над головою. – Сахарок, – кричу ей, – не надо так переживать, не смотри на мир сквозь прицел! И, не написав ни строчки, спешу к дому. А сам размышляю, как чудесно было бы начать свою повесть следующими словами. «Помнится, в четырнадцатом году Николай запретил продажу водки по всей России, но уже в восемнадцатом году Николая вместе с родными расстреляли в екатеринбургском подвале. Данные события никоим образом не связаны между собой».

Дома пахло блинчиками, всем желаю, чтоб у них так же пахло. И невыразимая стройность мира была сокрыта в нас. Близилась морозы, совсем скоро мои барышни отрастят себе бороды, совсем скоро все отрастят себе бороды, желая согреть лица. Глаза женушек подобны крыжовнику, тетеньки с тревогой следят за действиями своего мужа. Латунный кофейник, наливаю какао. Кухонный нож, его рукоять полосата, белая, серая, голубая, темно-синяя, красненькая, карминная полосы. Испуганный вздох цыпочек, сдают нервы, не бойтесь. Дольку лимона делю напополам, съедаю, не морщусь. В тарелку четыре блина, ложку варенья сливового. Сажусь в плетеное кресло, глоток из бежевой кружки. Нож оставляю в покое, Гера и Молли могут не опасаться. Присаживаясь, говорят: доброе утро. Молчаливо гнетущ, в остальном же всем доволен, безоговорочно повинен в том-то и том-то. Доброе утро, говорю. Столовались. Произносил заготовленную речь о том, что год выдался какой-то тяжелый. Ко всему прочему, инфляция, но наш народ не сломить, сами понимаете. Однополярный мир, говорю, немислим, ведь не за это далекие предки перестали носить американские кепки. Что еще хотелось бы отметить, необоснованно высокие цены на ан-

тидепрессанты, впрочем, необходимо помнить, мы имеем свой путь, отличный, скажем, от. – Я бы хотела поменять в нашем доме правительство, – флегматично заметила Гертруда. – И я, – поддержала Молли. Леонид вынужденно прекратил делиться мыслями. Жены успели бахнуть дайкири, знатные любительницы дайкири. Родные сердечку дамы хотели в санаторий, подумалось, надо бы со второй зарплаты начать откладывать деньги. Они многому научили в житейском смысле. Допустим, ложиться рано, сначала вынудили уснуть поздно ночью, потом утром, а затем вечером. Я обязательно куплю им путевки в санаторий. У нас на столе деликатесы, колбасный сыр, а также четыре мандарина. Сегодня в ударе, пожираю и пожираю депутатскую пенсию матери моих девчонок.

Гера скуласта, ценит хорошую литературу, полагаю, якутские корни не выдумка. Однако Полли-Молли обладает чертами вполне себе европеоидными. Однояйцевые близнецы, называется. Гертруда читает прямо за столом книжонку «Папа у Федора силен в метафизике». А я ненавижу литературу, мне на нее плевать, я фрезеровщик. Вторая барышня спрашивает: Лень, там вам спецодежду выдадут, а то у тебя только приличная осталась? – Меня там ценят, – говорю оскорбленно, на что-то намекаю, пока не знаю, на что. – Ценят, а ты в сказку попал, мерзавец, – улыбается мой котик. Делаю глоток, остывший какао напоминает о том, что я не в плену, разве в плену в какао добавляют каплю дайкири, думаю, не добавляют. Молли глядит на меня ласково, несмотря на отсутствие денежек на порошок «Ласка», несмотря на постирушки мылом хозяйственным. Трапезничая в семейном кругу, понимаешь, ни к чему тебе девственницы, поданные на ужин. Важнее другое, важнее, не стесняясь, покупать им женские штучки в магазине. Последние триста рублей, а ты вместо своего амитриптилина приобретаешь тампоны. И точно знаешь, девчонки тебя не предадут, они даже предавать не умеют.

– А вы знаете, вы как две жестяные банки из-под кофе для моих гвоздей, – произнес Лень, не особенно рассчитывая на понимание. Он доел блинчики, задумчиво взглянул на окно, за которым начиналось утро соседской черной собаки, оно начиналось бурной физиологией. Псина с белой полосой на лбу мочилась на пианино «Элегия», выброшенное за ненадобностью. Этому пиано-пьяно, ему не хватало проворных рук Моцарта. Двухэтажный зеленый дом с заколоченными окнами, меж деревьев пестреют цветы. И нивы, должно быть, с волнующимися хлебами, что шли амфитеатром и примыкали к жуткому лесу, дополняют пейзаж. Молли встала из-за стола, отправилась в сарай искать резиновые сапоги, оставшиеся от прошлых жильцов, там, в сарае, было множество вещей. Сезон дождей обещали синоптики, близилась осень. Гертруда зевнула, закрыла книжку, сказала: Лень, помой посуду. И покинула кухню, премило рыгнув. Леонид усмехнулся: как сказал классик, пусть думают о нас, что им угодно, мы просто потанцуем и уйдем. Гера возвратилась, лизнула ухо своего супруга в знак признательности за любовь, что Лень дает ей. Пусть он и без царя в голове, зато с генсеком в сердце, а любовь, она и кошке приятна. Молодой человек ощутил приступ нежности, но жена упорхнула, не увидев сентиментальных слез.

А за окном пошел дождик. У мазутной речки, где плавали ветки, покрывки, ракетка, кирпичный сапожок, перевернутый автомобиль, напоминающий железную черепаху. У речки стоял мужик в хоккейной маске, на нем коричневый твидовый пиджак, темно-синие брюки, он имел звучную фамилию Вурхиз, а звали его Женя. У нас тут недалеко заброшенный детский лагерь. Мать Евгения работала в нем поварихой, кажется, тетенька повредила рассудком и однажды отравила голубцы. Гражданин смотрит на Леню, бредет вдоль берега, скрывается в кустах шиповника. Он до сих пор ищет малолеток, что довела мать. Легендами полнится садовое товарищество. Внезапно горлышко Леонида пронзила боль. Жены большие любительницы рыбы. Третьего дня жарили камбалу. Стоит признать, молодой человек на дух не переваривал рыбку. Этот илестый, мерзопакостный вкус, но самое печальное – косточки. Матушка вплоть до прошлого года, пока мужчина проживал с нею, если готовила рыбешек, не гнушалась изымать кости. – Ты больной, что ли, тебе сколько лет, вот, смотри, нету ничего, – говорила мама. Горло Леонида пронзила боль, видно, косточки оцарапали. Мужчина бухает пищевой соды в свою бежевую кружку, нали-

вает из чайника теплой воды, перемешивает пальцем. Полощет, сплевывает, повторяет процедуру трижды, а после моет посуду.

Кружащей походкой Ленчик направился в свою гостевую комнату. Цветомузыка «Прометей-1», не работая, на подоконнике. Болотный дисковый телефон тоже на подоконнике. Деревянные часы «Янтарь» на стене, стрелки остановились на двенадцати. Пожелтевшие газеты-обои. Рябиновый ковер на полу, грозди цвета обещания, преддверие мига горького прощанья. Лакированный шкаф-сервант, в нем сифоны с баллончиками синие, красные, прошлые жильцы любили газировку из шиповника. Железные формочки для отливания леденцов, белочек, зайчиков. Салатовая машинка для вязания «Дончанка». И с потолка золотые, зеленые, голубые свисают рыбки, сотворенные из трубок от капельниц. Два кремowych револьвера, шмаляющих пистонами, лежат на кресле. Гобелен с оленями в чашобе над моим скрипучим диванчиком, рядом висит чеканка, стол, самовар, две старушки пьют чай, под столом кот. Самое время сказать, вот мы жили с уверенностью, что царство наше не от мира сего. И вы, грядущие поколения с ломотой в коленях, не очень-то обольщайтесь, высшее образование получить не поле перейти, а вообще, смотрите сами, нужно ли вам похмелье от умных книжек. Ленчик неожиданно вспомнил слова Агнии Барто, женщина сказала: убей их всех до одного! Что бы это ни значило, я убил в себе государство, Агния, у меня получилось. Леонид включил ноутбук, лежащий на диване и на три часа превратился в маленькую девочку в желтом дождевике. Компьютерные игры делают нас человечней.

Я проснулась в чемодане, а чемодан тот находился в темной комнате, комнате-каюте, ведь слышится морской шум, хриплая чайка говорит: ква. Чиркаю зажигалкой, опрокинутый стул, мужские ноги висят, чего висят, непонятно. Рулон туалетной бумаги у двери, скрипучие половицы. Подтащила стульчик, вскарабкалась, прыгнула, зацепилась за дверную ручку. Иная комната, тут горит ночник еле-еле, тумбочка, пузатый холодильник, над холодильником решетка вентиляции. А мысли у меня такие, успела ли подарить ключи от своего сердца какому-нибудь счастливицу, а если подарила, поменяла ли замки, ничего не помню. Открываю дверь холодильника «ЗИЛ», взбираюсь по полкам, потом ползу по вентиляции. Писк, навстречу мне белесый мальчонка с головою-пирамидой, вроде не заразный, маленький такой, таким пустоту бытия не заполнишь. Он прошмыгнул мимо. Ползу и не ропшу, ползу, веревка из простыней, по ней спускаюсь, оказываюсь в длинном коридоре с клетками. Прутья под напряжением, все гудит. Кажется, моя отвлеченная любовь к человечеству комична, я люблю себя больше, вот бы вспомнить хотя бы имя.

Снова лезу по каким-то полочкам, вижу рубильник, полагаю, надо его повернуть. В каюте потрескивает электричество, вон та металлическая дверка искрится. За нею просторный зал с каменным полом. Огромный фонарь-глаз делает медленный оборот вокруг своей оси. И когда он повернут от меня, тут полнейшая темень, я бегу, бегу к диванчику, прячусь за ним. В следующей каюте детская спальня. На кроватках дрыхнет малышня, скольжу по лакированному паркету. Послышалось тяжелое, хриплое дыхание, по моей спине побежали мурашки, юркнула под кровать. В спальню вошло существо, вероятно, вырожденец, вероятно, мне не следовало бы так говорить о незнакомых людях. Короткие ноги в серых брючках, половина лица скрыта грязными бинтами, мягкая шляпа, на коричневой рубашке бирка: Роджер. Его руки чрезвычайно длинные, они волочатся за гражданином, задевают ножки тумбочек. Роджер шумно приноживается, задержала дыхание. Мгновение, он уходит. На цыпочках, какое странное слово, похоже, у меня внушительный словарный запас, вспомнить бы собственное имя. На цыпочках бреду к очередной вентиляционной решетке, по стволу пальмы в лиловом горшке взбираюсь. На четвереньках ползу вперед по узкой шахте, подо мною ломается что-то, лечу, как бомбы над городом Дрезденом в сорок пятом.

Да прям-таки на угольки приземляюсь. Представьте себе, пыль, кашель, глаза слезятся, страшное дело, не дай бог, астма разовьется. Вокруг снуют маленькие, бледные человечки с головами-конусами. Они неумоимо забрасывают в топку уголь. От печи страшный чад, мне душно, а еще скулит копчик, мой копчик имеет полное право скулить. Пусть я не помню собственное имячко, Катя, Маша, Соня или Анжела. Но рудиментарный хвостик сообщает, я маленькая собач-

ка. Худющие мальчишки смешно за мною ухаживают, я все-таки дама. Один протянул платочек, другой протянул графин с водой. Остальные ничего не протягивали, забавно посовистывали, на-верное, общались на выдуманном языке. И все-таки не могут оторваться от своего важного дела, кидают уголь в печь. А я девчонка, кажется, симпатичная, столько внимания. Порой кажется, мною управляет двадцатилетний старик. Вот и сейчас против своей воли бреду в соседнюю комнату. Дорогие мои, способность принятия решений, подобно мышцам или нервам, без постоянного использования атрофируется.

Весь пол завален обувью. Люстра раскачивается, свет мерзкий такой, липкий какой-то, не знаю, как описать. Стою на порожке, только ногу занесла для шага, послышалось урчание, все эти бежевые босоножки, черные лодочки, детские розовые кроссовки, серые бутсы, красные туфли на шпильках, валенки. Вся эта обувь пришла в движение. А как вы помните, я была безымянной девчонкой в желтом дождевике, чрезвычайно доверчивой и нежной. Вижу коричневые чемоданы, они будто бы остров Пасхи, такие же таинственные. Прыгаю на ближайший, пока лечу, замечаю, из обувного моря ко мне тянется рука, не успевает схватить. Да, размышляю, стоя на скользком чемодане, у каждого в душе дыра размером с Бога, и каждый ее заполняет по-своему. Кто-то во-рует маленьких девочек, например. Темно-зеленые обои в комнате пошли пузырями. Как сайгак скачу по чемоданам, из которых доносится писк неясной этимологии. Я крайне поражена, несмотря на свой малолетний возраст, кажется, у меня недурное образование. Неясная этимология, говорю вслух, перепрыгивая с последнего чемодана прямо на порог. Протискиваюсь в едва приоткрытую дверь. И крайне жалею, поспешность вредит, поспешность бич современной молодежи.

Оказываюсь на кухне. Мой рост позволяет выделять различные трюки, протискиваться в угольное ушко. Впрочем, лилипуткой меня не назовешь, не имеете права. Длинный стол, ржавая мясорубка, повсюду кровавые разводы, наступаю в кусок фарша, морщусь, я все-таки мадмуазель. Мутно-желтая плитка на стенах, луком разит, лопасти вентилятора рубят воздух. Предметы какие-то большие. Прохожу под столом. Из морозильной камеры выходят два повара. Такие гротескные и ни разу не обаятельные близнецы, вы бы наверняка испугались. Оплывшие лица, раскосые глаза, бледная кожа, словно тесто. Один из них рубанул тесаком, на пол упала рыба башка. Медленно иду, липкий пол, как рукопожатие сладкоежки, задержала дыхание. Замираю, недвижна, что скульптура пионерки с горном. – Мы в город изумрудный идем дорогой трудной, дорогой не прямой, – бубнит поваренок, его резиновые шлепанцы чавкают. Он топчется у духовки, загружает в печь противень с картошкой. Иду на цыпочках вдоль плитуса, потом чувствую, в носу щекочет, я же аллергик, думаю, а под рукой ни супрастина, ничего. Чихаю, словно распоследняя падла. А ситуация нетипичная, уроды повара все прекрасно слышат. – Ой, – кричу. Схватили, схватили своими пухлыми ручками, хохочут. Бросают в огромную кастрюлю с рыбьими головами. А сверху крышкой, хлоп. Видится мне, благодаря такому потрясению, вспомнила имя, имя свое вспомнила.

А зовут меня Элли, моего папу зовут Лев, нашего пса Тотошка, моя мать Бастинда весьма стервозна, она терроризирует отца, который не может дать сдачи. Мне вспоминается, как я очутилась на корабле, на этом чудовищном корабле. Была осень, как седина в кудрях, в листе осенней мелькали белые червячки. В нашем регионе начались страшные ураганы. Возвращаясь с уроков, на заднем дворе родного лицея увидела, как Николай Семенович Гудвин сцепился со старшеклассниками. Они ему насовали в панамку, конечно. Но трудовик был не пальцем деланный. Он палкой умудрился научить повес уму разуму. Те кричали: не имеете права, вас посадят! А он знай себе до кровавых соплей мальчишек лупит. И тут происходит непоправимое. Небо чернеет, дождь начал накрапывать. Вдалеке, над крижистыми домами неистовый торнадо, неукротимый, как барон Мюнхгаузен, виднеется. А я, представьте себе, только выучила глаголы исключения: гнать, держать, смотреть и видеть, дышать, слышать, ненавидеть, и зависеть, и вертеть, и обидеть, и терпеть. То есть у меня все впереди, великолепное будущее, институт опять же. А тут ревет сигнал тревоги, по всему двору носятся учителя с учениками, слышны вскрики: в бомбоубежище,

идиоты, в бомбоубежище! А я не успеваю, такая уж нерасторопная. Меня подхватывает ветер, поднимает все выше и выше. Замечаю, как мальчик Васька Страшила бестактно заглядывает мне под юбку, он тоже не успел схорониться. Лично мне Василий Павлович Страшила совершенно не нравился, да, не скупился на комплименты, но ведь ему много лет, а я пенсионеров не рассматриваю в качестве женихов.

– Леонидзе, между прочим, общественность желает знать, когда ты вернешься в наше семейное ложе, – спрашивают супруги. Они на пороге гостевой комнаты, на них пижамные комбинезоны панды и змеи. Леня теперь не маленькая девочка в желтом дождевике, Леня теперь стопроцентный Леня, а еще кефир. По оцинкованной крыше соседского гаража с копеечкой без колес капли дождя кап-кап. Завыла собака, зазвенела цепь. – Позже, – говорит молодой человек. А сам понимает, позже никак не получится, куда уж тут позже, завтра вставать в пять утра, недосыпание подкосит и без того малахольный организм. – Позже это вчера, что-то мы тебя не наблюдали вчера на нашем семейном ложе, – говорят. – Ну, – говорю, – вы плохо смотрели, как можно было меня не заметить, я же притаился в ваших сердечках. – Гера смеется, Молли не смеется. – Девчонки, – произносит Леонид, закрывая крышку ноутбука, – а вы мне завтра выдадите двести рублей? – Мы тебе в контейнер положим обед, зачем тебе деньги? – спрашивает Гертруда. – У меня, – отвечаю, – на заводе появились друзья, мы хотим выпить по пиву после работы, мы вот по пиву выпьем, почему бы и нет. Молли вопрошает: а кто тебе разрешил красиво жить? А я судорожно вспоминаю, кто же разрешил, мама не разрешала, отчим тоже.

Мне хочется ответить ей, монополия на красивую жизнь крайне подлая монополия. Но я подобным образом не отвечу, Молли увлекается софистикой, с нею спорить себе дороже. Опасный, словно дезоморфин, может получиться спор. – Ягодка, – говорю, – нет так нет. – Ладно, я дам тебе триста рублей, все-таки друзья тебе не помешают, мой фрезеровщик, – порадовала Гертруда. Вторая жена на нее посмотрела непонимающе, руки в бока уперла, спрашивает: это что, бунт, зачем ты ему дашь такую сумму? Вижу, сейчас начнут ссориться. Вообще-то девчонки у меня не сварливые, просто им свойственно волноваться за своего непутевого мужа. – Я вас любил, потом лупил, но не хамил, мои дорогие коровки, – не в силах справиться с порывом нежности. Бросаюсь к женам, обнимаю их. Конечно же, они не возражают, у взрослых так принято. У нас у всех штампы в паспортах, наши крепкие объятия правомерны. Да, семейная жизнь порой выкручивала соски, выдирала пряди волос, плевала в портфель, подкидывала зажженную петарду в твой пенал. И ты вынужденно становился панком, что с улыбкой втыкает в собственную руку циркуль. Все эти одноклассники, безусловно, поражены, они обескуражены. Ты показал этим напыщенным зазнайкам, ваши издевательства тщетны. Впрочем, я что-то увлекся в своих рассуждениях о супружеской жизни. Вечеру мы лежали на нашем замечательном надувном матрасе, попивали какао и смотрели на телефоне видео с домашними питомцами. Близился новый день, близилась очередная смена на заводе.

Глава 9

Слова и выражения, употребляемые при фрезеровании детей

Крутящаяся дисковая фреза, вгрызаясь в деталь, стрекотала кузнечиком. Я говорил себе, прекрати эстетствовать, но был не в силах, продолжая вытанцовывать вокруг станка. Наличие третьего разряда подчеркивало важность моего положения в обществе. И в определенных обстоятельствах работа с металлом оправдывала мое существование, вовсе не литература. Зацветшая лужа технологического масла разлита у синих колонок подачи с циферблатами, пистолетами. Делаю шлицы у шпилек из титана. Поделил диаметр напополам, прибавил половину толщины

дисковой фрезы, получил два миллиметра, на два миллиметра шагнул по высоте, на полтора шагнул по длине, ничего особенного. Внезапно цех пронзил истошный женский крик, он был громче звука, работающих станков и моих мыслей. Вслед за криком к нам на участок пришла тетя Таня-упаковщица, она радостно сообщила, что в конструкторском бюро рождает сотрудница. По такому случаю всех желающих посмотреть на роды пригласили на данное мероприятие. Раздался протяжный писк. Половинка моей фрезы стремительно улетела куда-то. Мне отчего-то подумалось, сегодняшнее утро прикинулось полярной ночью. А убийца, прикинувшийся трубо-чистом, он заблокировал дымоход Эмиля Золя, тем убийцей был я. В цеху звучала симфония, аллегро немецких станков с числовым управлением, рондо резбонакатного станка, менуэт расточных станков.

Мужики единодушно восприняли предложение отлучиться от своих рабочих мест восторженно. Я шмякнул по красной кнопке, шпindel перестал вращаться. Наши любопытные вишневые носы, как у хоккеистов из мультфильма, наша дубленая кожа, наши лица испещрены шрамами, горячая, железная стружка тому виной, мы намерены хорошенько развлечься. Впрочем, господа маркетингологи считали, что мы нуждаемся в двух гамбургерах с говяжьей котлетой по цене одного, а мы хотели на самом деле созерцать рождение нового человека на нашем заводе. Отчего-то я так разволновался, просто караул, караулище. Мой взгляд привлекло рыжее чучело зайца с птичьими крыльями, чучело притаилось на шкафу среди подшипников, зубчатых колес, прочей мелочовки. Кто притащил сюда чучело, наверное, охотник и рыбак дядя Вадик. А все-таки неизъяснимое чувство завладело мной, непоправимость жизни какая-то. Стайка гуталиновых афроамериканцев пролетела мимо, подвывала пила, скрипела дверь, музыкальный центр горланил о лесоповале и мошкаре.

Смуглая Татьяна была до крайней степени общительной тетушкой. Пока мы со стариками-разбойниками, перешучиваясь, готовились штурмовать конструкторское бюро. Дама пристала к Николаю, жилистому, двадцатилетнему парню с клоком седых волос. – Коля, ты поступать когда на инженера будешь, там тебе всякие умпалумпы встретятся, желтые, красные, коричневые. – Тетя Таня, мне бы сначала поступить, какие девчонки. – Поступишь, куда денешься, а потом уедешь в Африку, там фрезеровщики очень нужны. – Женщина переключилась на Леонида, плетущегося в конце колонны: – У нее муженек является каратистом, неадекватный совершенно, в голову много пропускал, кого же она родит, как думаете? – спросила тетя Таня у Лени. – Не знаю, кто родится, право слово, – сказал он. Оранжевый мостовой кран под самым потолком пришел в движение. – Дети это цветное, знаешь ли, о, как они могут изгваздать парадный пиджак, супчиком, голубцами могут изгваздать, а каратист на Градского в молодости похож, – рассказывала упаковщица. Потом она увидела знакомого в закутке, где трудились разметчики. – Володя, вялая жизнь у тебя пахнет воблой, а ты опять поддал! – взвизгнула, засемила к одутловатому мужику с посеребренными усами, в синем защитном костюме. Он сидел на трюмо с зеркалом, ел бутерброд, попивал из пластиковой бутылочки. Зеркало было заляпано, фи, скажут чистюли. Мы скажем: ночь Александра Дейнеки, но в иной вариации.

Поднимались по лестнице, ступени вибрировали от шагов, мы тысячаенное существо. После нас море железных слез, после нас торжество форм, после нас цельнометаллическая любовь. Першило в горле, но в целом помирять не собирался, возраста согласия с вечностью не достиг. В узком коридоре у светло-каштановой двери топтался кореец. Откуда-то доносилось: девочка-пай, рядом гиган и хулиган, в нашей Твери нету таких даже среди шкур центровых, девочка-пай, ты не грусти и не скучай. Подумалось, все мы помещены в припевы стареньких песен, слоняемся там по городу, которого нет, обмываем полковничьи погоны, хлопаем ресницами, взлетаем, а потом жена просит называть ее своей девочкой, а потом обнять, а потом обмануть, но маленькие часики продолжают смеяться: тик-так. – Все холосо, все холосо, – убеждал нас кореец Саня. Его красноватое лицо, перемазанное маслом, распухло. Помнится, он разводил пчел в собственной квартире. Из кармана его черной спецовки торчал ключ на двадцать четыре. Маленькой ладо-

нью мужчина погладил свою коротко стриженную, седую голову. Кто-то сказал ему, дескать, чего мнешься, заходи. И мы зашли, нам не терпелось разузнать, кто же родится в столь тяжелых условиях. Завхоз очень переживает, он бормочет себе под нос, часто облизывая губы: а как же так, родится, кем его вписывать, неучтенный работник, получается. И я в очередной раз понимаю, оковы измученного человечества сделаны из канцелярской бумаги.

В конструкторском бюро шелестел кондиционер. Пахло бананами, керосином. Стеллажи, стеллажи, целый лабиринт. На полках в пластиковых контейнерах готовые детали. Жертва повышенного внимания со стороны общественности лежала на разложенном диване. Силы противозачаточной обороны провалились, вот она лежит на клетчатом, кофейном диване вся такая рожающая. Ее кожа с медным отливом, вернулась недавно из отпуска. Кудрявые белые волосы. На лбу выступили капли пота. Горбинка на носу. Медовые глаза напряженно смотрят на отполированный в зеркало редуктор. Тяжело дышит. На столе, обтянутом зеленым сукном, штангенциркуль, микрометр, открытая пачка зефира, большие железные ножницы. Белоручка Аскольд, токарь-нарезчик, берет ножницы. Дает комментарий: пуповину будем разрезать этими. На подоконнике дендрарий, денежное дерево, карликовая пальма, кактусы, фикусы. Волосы Аскольда серебряные, зачесаны назад, на нем горчичная водолазка, кожаный пиджак, медицинские перчатки, именно в таком виде гражданин работал, я же говорю, белоручка. Ему возразили, дескать, ты в своем уме, нельзя такими ножницами, тут маникюрные ножницы нужны. О, сколь пронзительны мои коллеги, подумалось.

Заводчане, подобные детишкам, окружившим льва Бонифация, несмело улыбались. Нас много, роженица одна, мы пришли за впечатлениями, она пришла сегодня в семь тридцать. Сняла свое, перешитое по случаю беременности, серое пальто, повесила на вон ту замечательную вешалку. Любопытно, кто придумал в качестве вешалки прикрутить к стене детские санки. Налила в чайник воды, включила. Надела темно-голубой лаборантский халатик. Получила сообщение от своего каратиста. Он писал всякие глупости, как сказочник Афанасьев. Писал о своей разочарованности супругой, не стесняясь высказывать какие-то нелепые сомнения. Вероятно, подозрения в неверности были небеспочвенны. В этой связи вспоминается Скотт Фицджеральд, писатель вломился как-то ночью к своей возлюбленной Шейле Грэм, потребовал признаться, сколько у той было половых партнеров. Она призналась, больше десяти. Тогда Скотт написан на обратной стороне фотографии возлюбленной: портрет проститутки. Возлюбленный сотрудницы нашего завода звал погулять в парке Горького разочарования. Гражданка выпила зеленого чаю вприкуску с банановым зефиром. Должно быть, поджав губы, она ответила ему отказом, накануне у них произошла ссора. Мелочь, а приятно, ей нравилось выставлять себя жертвой. Она пробежала пальцами по блестящей муфте в деревянном ящичке, а потом ощутила резь в животе. И смогла лишь доковылять до диванчика, а еще возопить, точно гагара: на помощь!

Я гляжу на нее, размышляю. Она будет проливать свою кровь прямо здесь на диване, ведь уверена, на ее стороне право, логика и сама история. Какая же она героическая женщина, ведь впереди часов десять невыносимой тоски, надо же, решилась на подобное. На улице бытовали сирены. В конструкторское бюро стремительно вошел служащий военного стола. Когда он входил, все бледнели, думая, опять попросит взаймы. Высокий, сухонький мужчина с гладко выбритой головой, в белой рубашке с короткими рукавами. – Вы что, вы что! – закричал он. – Сейчас же отсюда, мерзавцы! – обратился гражданин к нам. И мы недовольные вышли в коридор. Навстречу нам обширная медицинская работница и санитар с увесистым желтым чемоданчиком. – Мужики, ставлю рубль, родится пацан, – сказал Юрий Тимофеевич. По возвращении на свои рабочие места выписали на школьную коричневую доску фамилии работяг, а также их ставки. Большинство верило, родится девочка. Леонид верил, мы рождаемся, под собой не чужа страны, за отведенное нам время мы учимся ее чужать. Но все-таки, когда время заканчивается, мы не в силах понять, дурианы мы или сверхчеловеки, да уж, трагедия двадцать первого века. Мужчина запустил станок, прекратив думать о всякой тщете.

После обеда к нам вновь подошла тетя Таня. – Родила, – известила упаковщица. Я сидел на крутящемся стуле, но не крутился. Вглядывался в темно-синее мозаичное панно на серой бетонной стене. Собачки в оранжевых скафандрах парили в звездной вышине. Красная ракета, золотой серп и молот. – А родился-то пацан или девка? – спросили я нетерпеливо. Татьяна, смутившись, ответила: сказали, что непонятно. Мужики загомонили: неужели непонятно, пойдемте, посмотрим! Из-за железного шкафа вышел мастер Василий. Мужичишка видный, широкоплечий, большой, как гора Ямантау, с окладистой бородою. – А ну-ка стоять, никто никуда не пойдет, а ты, Татьяна вместо того, чтобы отвлекать мне работников, шла бы упаковывать втулки, – сказал он. – Я честная и порядочная женщина, – оскорбилась упаковщица. – Татьяна, отмойте кровь от рук, а потом займитесь втулками, – перешел на вы Василий. Василий хороший руководитель, ведь не мешает хорошим людям работать.

Леонид за станком являлся Леонидом любовником. Пока ребята в былые годы ходили в детский де сад, где растрачивали вхолостую романтический потенциал, малолетний мужчина знал. Когда-нибудь ему предстоит навести шорох в среде аристократичных особ, проверяющих качество деталей на заводе, чей буйный нрав, а также женская неудовлетворенность способны напугать любого Дориана Грея, дерзнувшего возжелать то-то и то-то. Перья фрезы вгрызались в стальную деталь. Волнистая стружка пикировала на мутно-зеленую холщовую подстилку. Машинное масло вперемешку с керосином струилось, сочилося, нужно подчеркнуть. Пот выступил на лице. Жилы не жилы, канаты, по которым взбираются толстые школьники на физкультуре. В тапочках вытанцовываю на деревянном поддоне. Казалось, Леониду по силам обработать тетеньку из любого металла. Левой рукой обхватил маховик, чтобы создать натяжение, правой крутит в обратную сторону. Станок Шаублин учил терпению, учил быть Прометеем, учил добывать огонь, не суетясь, чтобы в дальнейшем на том огне сожгли Бруно. Леонид успел оросить собственной кровью механическую машину, их связь с машиной крепка. Ноготь на указательном пальце рассечен, словно Внутренняя и Внешняя Монголия.

После полудня, когда до конца смены оставалось часа три, наше лежбище котиков посетила Татьяна. Она была возбужденной, она была расположена потрындеть. – Мальчишки, – обратилась к нам упаковщица, – в соседнем цеху Наиля провожают на пенсию, кто хочет попрощаться с хорошим человеком? – Работяги погрустнели, старейший слесарь-сборщик шестого разряда покидал наши ряды, уходила эпоха. Нечто схожее я встретил в комментариях к новости о кончине Алена Делона, про конец эпохи. Меньжеваться наши мужички не умели, они рыскали по своим тумбочкам в поисках сувениров на память. Кто-то решил подарить девяностолетнему Наилу акулий клык, кто-то набор отверток. В свою очередь, я совершенно не знал о предпочтениях слесаря-сборщика, поэтому боялся не угадать с подношением. Юрий Тимофеевич, зная о моих способностях, предложил станцевать на мероприятии. Охотно согласился, тем более пляски были способны поднять мой авторитет среди сослуживцев. Засмотрелся на болотистую стену с щербинками, на ней висит постер с березовой рощей. Засмотрелся на длинный стол, за которым сидит в белом халате тетя Рая. Перед нею пластиковые контейнеры со всякими болтиками, шурупами, коричневые маршрутные карты. Она глядит в микроскоп, она проверяющая. – Пойдем, чего встал, – хлопает по плечу Леонида Генка. Генка тучный, его лицо покрывают родинки, а больше и нечего рассказать, Леня с ним почти не знаком.

Работяги обливались из флакончиков одеколонами, брились электрическими бритвами, словом, наводили марафет. Обсуждали отмену моратория, обсуждали большую рыбу, что водится в нашей реке, загрязненной целлюлозным комбинатом, обсуждали недавний боксерский поединок. Гудели моторы в груди мужиков, их головы, словно кошки, рожали все новые смыслы, все новые шутки. И кто-то заметил их них, Наиль пришел на завод восемнадцатилетним, а теперь ему девяносто, какая-то невыносимая до тошноты стабильность. Отработать семьдесят лет за одним станком, семьдесят лет пролежать на одной женщине, семьдесят лет держать в руках одну и ту же кружку в пивной. Леонид слушал размышления коллег, намыливая руки до самых лок-

тей. В раковине пузырилась и пенилась вода, она была черной. Во рту привкус морской капусты, на стене, прямо на желтоватой плитке, полустертые слова красным фломастером: никакого тебе dasein, пока не отработаешь сверхурочно, дружок. Языком трогаю сколовшийся зуб, сморкаюсь, закладывает ушки. Половина ватрушки на соседней раковине, рабочий, похожий на французского рестлера Мориса Тийе, возвратился за своею ватрушкой.

У выхода из цеха собрались ребята, вообще-то, нам не полагалось собираться в большом количестве. Руководство считало, что мы поймем, чем помочь больному времени, стонущему день и ночь. А также начнем задавать лишние вопросы. Солнечный свет резанул по глазам кухонным ножом, ему полагалась статья за бытовое насилие. Несильно кололась стружка в моих трусах. И полы темно-лимонного плаща развевались, в кармане джинсовых шорт завибрировал телефон, не отвечая, взрослых нет дома. Точно детишки на линейку, идем строем. Вертухай с красной повязкой свистел в свисток-петушок, извещающая о несанкционированном шествии. Белокрысого доносчика живо догнали парни, отвесили ему тысячу пендалей, он поник и ушел к сторожам плакаться. Пахло свежим хлебушком. Коллега рассказывал, как его девятиклассница-дочка неудачно чихнула и забеременела, сетовал на жену, что не досмотрела. Ленчик вздыхал, кивал головою, чего тут добавишь. Впрочем, именно на заводе молодой человек впервые за двадцать восемь лет не боялся показаться странным. Поэтому он мог закричать все, что угодно, на каком угодно языке, работяги лишь по-доброму посмеются. Гриша-филателист рассказывал, как он приобрел куклу, она разговаривает еще вульгарно, кучерявый токарь написал в отзыве, дескать, куда вставлять батарейки, когда они садут. Представитель ему ответил, их куклы для взрослых не разговаривают и они не знают, чьи голоса тот слышит.

Подошли к участку, где трудились слесари-сборщики. На газоне россыпь котов, они греются в лучах августовского солнца. Скрипнула голубая металлическая дверь. Мы вошли, кто-то из коллег почтительно заметил: витальность, однако. Звенела посуда, ножи стучали о доски, нарезали салаты. Кумачовое полотнище висит над светло-каштановым трельяжем, лозунг такой: поднимем советские юбки выше мировых стандартов! Смех сыпался, как побелка с потолка, не придумывай, сыпалась побелка. Народу собралось предостаточно для того, чтобы потребовать освободить Анжелу Дэвис. В просторном фойе позолоченный бюст Сергея Павловича Королева. Лимонное дерево у лестницы, один зеленоватый лимончик на ветке. На столах белые клеенчатые скатерти с рябиной. В розовом тазике пельмени, в кастрюльке окрошка, заправленная квасом, в серых блюдах с красными маками мясные нарезки, полная сковорода дымящихся сосисок, политых кетчупом. Огромное блюдо с румяными пирожками. В хрустальных розетках лежит холодец, два вишневыих покупных пирога, курица гриль прямо в фольге, бутылок десять водки, баклажки с пивом. Коллеги Леонида со всеми здороваются, по-брежневски целуются. Во главе стола восседает виновник торжества.

– Рахмет, мои дорогие, рахмет, – благодарил Наиль, принимая подношения. На нем надета черная майка с капюшоном, бежевые бриджи, соломенные туфли в сеточку. Его лицо напоминает плод смоковницы, у него пышные усы, на голове седой пушок, сероватые глаза прищурены. Кто-то ему подарил хомячка в клетушке, пенсионер посмеялся, куда, говорит, в таком возрасте, хомячков надобно дарить по малолетству, чтобы ребятенку показать, все имеет конец, хомячок подобен Иисусу. Леня несмело затянулся своей электрической сигаретой, работяги тут дымили, совершенно не стеснясь. Пепел сбрасывали прямо на линолеум. Юрий Тимофеевич, указывая своим крепким, скрюченным пальцем с желтоватым ногтем на свободное место, сказал: а ты чего там стоишь, водка стынет. Я присел на красный стул с мягкой спинкой производства ГДР. Чинно принялся трапезничать, надкусил голубец, хлебнул из голубой банки «Страйк». Жир стекал по моему подбородку, салфетку бы, а нету. Притащили кассетный магнитофон, поставили на трельяж, Юрий Антонов запел. А Леонид слушал разговорчики, уминал голубцы. В детстве он ложно полагал, что голубцы делаются из голубей. Оттого, пристрастившись к мясу голубок, мальчик поучал ребятешек в детсаду, как лучше всего заманивать птичек. С упоением рассказывал, ког-

да-нибудь мы с вами окажемся вдали от родителей. И города будут полыхать в радиоактивных пожарах. И брат пойдет на брата с топором. И в универсамах совсем не останется пищи. Но не волнуйтесь, господа, со значением говорил будущий фрезеровщик. Я обо всем позаботился, у меня дома бесконечное количество активированного угля и ваты, рогаток и библий. Мы сможем выжить благодаря моей находчивости.

Тем временем полупьяно философствовала молодежь. – У меня смена девять часов, восемь я трачу на сон, час на дорогу, когда же мне успевать жить, когда с девчонками знакомиться. – Нет, брат, я поступлю на инженера, станочники, конечно, хорошо, но надо ведь и о будущем думать. – Я слышал, в конструкторском бюро рабочий день начинается в девять и заканчивается в три. Ленчик доел голубцы, опустошил баночку Страйка. Слово взял мужчина, поразительно похожий на Юрия Богатырева в кинофильме «Свой среди чужих». Не снимая роскошных усов, он провозгласил: сегодня мы провожаем нашего старшего товарища Наиль Семеновича на заслуженный отдых. Присутствующие радостно загалдели, синхронно выпили, разулыбались. Взвизгнула женщина в бирюзовом лаборантском халате, кто-то ущипнул ее за бочок. Ярко-сиреневые тени для глаз, розовая помада, коралловые ноготки. – Хохо, – засмеялась она, – перестаньте лезть ко мне под юбку, мальчишки! Из-под стола вылез раскрасневшийся дядя Слава, он утирал ребром ладони губы. Наиль, которого разделяли с Татарстаном сотни верст, разглядывал оранжевую аптечку, кто-то стянул прямо из цеха и вот, подарил. Некоторое время работяги нахваливали пенсию, многие из них не понаслышке знали, что это за блюдо такое, пенсия. Славик, выбравшийся из-под стола, махнул грамм сто водки, хлопнул по плечу Ленчика. Загадал тюремную загадку о пяти арестантах в камере, один другого попросил посчитать углы. Четыре, ответил тот, кого попросили посчитать углы. Неверно, сказали ему, в ответе допущена неточность. – Углы это уголовники, – захохотал Вячеслав Андреевич, начальник учебной части. – Отстань от человека, – посоветовали Андреевичу. Тот, шмыгая своим большим, пурпурным носом, потянулся к оливье в металлической миске.

На наше пиршество прискакала буфетчица в белом переднике, вельветовом платье цвета раствора медного купороса. Русая коса до пояса вызвала нешуточный интерес Вячеслава Андреевича. Мужчина достал из внутреннего кармана своего малинового пиджака яблочный чупа-чупс, радостно сообщил этой женщине с добрыми, коровьими глазками: что сосут чемпионы, какая все-таки у вас роскошная коса! Буфетчица проигнорировала выпады в свою сторону. Она придерживала за локоть дрожащего старикана. Дедушка прикинут по-модному. Черные брюки клеш, говоришь, трезвый, врешь. Пшеничная рубашка, у моей мамы самая вкусная пшеничная кашка. Остроконечные бордовые туфли, у меня кость широкая, я не пухлый. Узкие очки в леопардовой оправе, сначала тили-тили, потом трали-вали. К всеобщему удивлению Наиль засмеялся ни с того ни с сего, чудовищно кашляя. Ему подают пачку таблеток «Терпинкод», желают здоровья, желают поскорее распрощаться с людьми, что не ценят его. В общем, желают всяких банальностей, однако желают искренне и трогательно.

Наконец, наш пенсионер вполне осмысленно говорит: ну, здравствуй, Бодя. Естественно, слышатся удивленные возгласы работяг. Мы, как будто сидим в театре, глядя на сцену, а на сцене Орфей оглядывается на Эвридику, а этого делать категорически нельзя, мы с работягами уверены, нельзя. – О, – говорим. И негодуем. Что за фокусы такие, Наиль, объяснись. Тем временем очаровательная буфетчица и бросившийся ей на помощь Славик усадили незнакомого дедушку на венский стул. Тот подслеповато смотрел в нашу сторону, что-то беззвучно шептал. Юрий Тимофеевич, держа в руке вилку с насаженной на ней шпротинкой, спросил: Наиль, общественность желает знать, что за человечка привела нам Рита. Вместо виновника торжества слово взяла девчонка из бухгалтерии, порывистая стрекоза Света. – Мы с коллегами решили вам сделать такой подарок, вы не подумайте, ничего криминального, просто мы отыскиали Богдана Витальевича, того самого друга детства, который восемьдесят лет назад предал нашего дорогого товарища. – О, как, – сказали дружно мы. Пусть обстоятельства предательства были нам неизвестны, однако мы

определенно знали, позор смывают, по меньшей мере, кровью из пальца. Леня обратил внимание на стол, там нацарапано: делаю больно, потому что теперь моя очередь. Что ж, похвальное дело, подумал начинающий фрезеровщик и скушал маринованный огурец.

Все взоры были устремлены на Риточку и деда-предателя. Мы совершенно упустили из вида слесаря-сборщика. Крик бухгалтерши Светы заставил взглянуть на ситуацию с иного ракурса. Что началось, что началось. Наиль, вооружившись вилкой, излишне уверенно шагал к Богдану. Тот, казалось, летал в облаках, отрешенный такой сидел и не вдуплял ровным счетом ничего-шеньки. – Как сын грустит по матери, как сын грустит по матери, грустим мы о земле, она одна, – горланил магнитофон. Буфетчица заслонила собою старикана. Вячеслав радостно заголосил, глядя на вилку Наиля: что выберешь, вилкой в глаз или честь продашь! – На него зашикали работяги, увлеченно следящие за развитием кордебалета. – Не пушу, – не пускала Рита. – Ах ты, маргарин, преступника защищаешь, – произнес обиженно слесарь. Светлана поддержала его, на Светлане хлопчатобумажный белый сарафан с аляповатыми цветами, на голове у ней не волосы, но вермишель. – Ритка, проститутка, правда, дай мужикам поговорить, – сказала Светик неуверенно. Леня услышал шепот Юрия Тимофеевича: ставлю рубль, что наш дед того деда проткнет. – Не проткнет, полтора рубля, – напряженно проговорила Светланка. Шелестят банкноты, гремит мелочь в целлофановом пакете, мои почтенные коллеги азартны до безобразия, впрочем, жизнь это веселый карнавал. Заводчане тут мировые, каждый из них способен прокормить сто генералов и даже не вспотеть. Фрезеровщики, слесари, токари, расточники не живут, но копируют образы, растворенные в воздухе. Плевок в пепельницу – скомканное послание бывшей жене, потрескавшаяся рама окна – автограф времени, муха на подоконнике – сбитый летчик.

Мне совершенно нечем вас обрадовать, никто никого не проткнул, даже легонько. Наш пенсионер, будучи ребенком, уехал от войны в Бурятию с родичами. – Любовь к жизни передалась мне воздушно-капельно, подцепив ангину, я лежал в десяти кальсонах и двух свитерах и не хотел продавать себя дешево, – рассказывал Наиль. Его дружочка детства разморило, его уложили на диванчик у денежного дерева, накрыв красным знаменем со стены. Предателю Богдану было важно прощение, ведь без прощения мы пленники своих поступков, их последствий. Прощенный Бодя крепко уснул, как стало известно, его привезли из дома престарелых. Улан-Удэ, по рассказу нашего слесаря, напоминал водку с газировкой «Колокольчик». Иными словами, люди отличались исключительным гостеприимством и часто улыбались. Он сравнил Улан-Удэ с нашим заводом, жители нашего завода никогда не унывали, заботились друг о друге, являлись гражданами с большой буквы, с больших букв, что встречаются в алфавите. Наиль Семенович говорил: а сейчас что, придешь в магазин, там все с такими лицами, как будто участвуют в контрольной закупке, ни здравствуйте, ни до свидания. Он, чиркнув спичкой, подкурил тонкую сигаретку, тяжело выдохнул. А Леонид прикончил крабовый салатик, потянулся к последней сосиске. Юрий Тимофеевич, подперев кулаком голову, грустно слушал старикана, он проиграл рубль, я же вам говорил, никто никого не проткнул, мы же не в детсаду, на серьезном предприятии.

– У меня была старшая сестра, следила за мейкапом и майн кампфом, вела борьбу против невежества, она пошла работать на философский завод, – вспоминал Наиль. Нам не терпелось узнать, в чем провинился Богдан, философические штучки не очень-то нас интересовали. Мы, если встречали депрессию, подобную даме в черном, приглашали ее к столу, потчевали, выпивали с нею, не без этого, но ежели она позволяла себе лишнего. Тут уж извиняйте, брали свои армейские ремни да вразумляли эту депрессию, стегая по попе. – Моя старшая сестра была для меня примером, она любила говорить, мысль – цветок, слово – завязь, деяние – плод, – казалось, слесарь заговаривался. – А где же тут предательство Богдана? – спросил незнакомый работяга в рубашке цвета оперения фламинго, он крутил малахитовые четки в руке. – Страна нуждалась в новых смыслах, Богдану исполнилось четырнадцать, он ровесник сестры, тоже переехал с родителями в Улан-Удэ, – вспоминал Наиль, скидывая пепел в желтую банку из-под кваса. Ленчик подумал: пожалуй, не классно, что в нынешнее время не практикуется такое. Сейчас оканчивают гражда-

не философское ПТУ, а потом их никуда в села по распределению не отправляют, а вот раньше, раньше отправляли. – Он вскружил голову девчонке этими Диогенами, пургенами, Декартами, последними партами, – тяжело выдохнул слесарь. Мы уважительно поглядели на спящего старикана. Тот куда-то бежал во сне, постанывая. Буфетчица, сидевшая рядом с ним на табуретке, положила руку дедушке на голову. Пенсионер успокоился. – Шла война, сестренка почти круглосуточно пропадала на философском заводе, Бодя заделал ей ребенка, когда только успел, а она с недосыпом придумывает новые смыслы, – Наиль отчего-то стало безумно жаль. Вероятно, дело было во Владимирском центре, что доносился из магнитофона.

– Так, давайте по рюмашке, чтоб все плохое забылось, – призвал к алкоголизму Юрий Тимофеевич. Мужики охотно поддерживали, Леонид поддержал менее охотно. Дома ждали две хищницы, все-таки вдвоем они могли задать хорошую трепку. Гертруде удавались чрезвычайно неприятные удушающие захваты, Молли знатно колотила по груди, знала, где находится солнечное сплетение, поэтому я называл ее смертоносным солнышком. Темнокожий практикант, уснувший за столом, к вящему удивлению присутствующих, проснулся и поинтересовался: ваша сестра вон с ним поженились? Наиль презрительно сплюнул на пол, по великой случайности попал себе на брюки. – Как только Бодя узнал о беременности, он слинял с какой-то баптисткой в Сибирь, – поморщившись, проговорил слесарь. Включили кассету, заиграла старинная песня о девушке Билли Джин. Наставник Юрий Тимофеевич вскричал: дорогой Леня, станцуй для пенсионеров! Смутившись, Леня принялся лепить горбатого, дескать, какой из меня танцор. – Пусть шпагат замечательное завершение дня, но все-таки надо быть способным сесть на шпагат, если вы юны, как Мадонна, тогда сможете сесть, а я-то в душе старше Наиля, – рассуждал вслух Ленчик. – Фраер, станцуй, а наша Риточка покажет свои большие сиськи, – сказала несколько пьяная Света из бухгалтерии.

Начинающий фрезеровщик вынужден прислушаться к общественности. О, не моя Билли Дин, кто с тобой рядом, кто этот несчастный, вынужденный тебя терпеть. О, Билли Джин, когда-нибудь ты доведешь его до белого каления. Перед тем, как уйти, он выпорот Билли Джин своим ремнем с железной бляшкой. Леонид, изобразив лунную походку, услышал одобрительные возгласы: давай, сынок, покажи, на что ты способен! Фрезеровщик двигался в такт музыке. Чем бы их удивить, подумал мужчина. И продемонстрировал уважаемым зрителям танец робота. – Эх, всему вас учить, – сказал незнакомый дедушка в синей жилетке. Он встал из-за стола, за ним остальные работники нашего предприятия. И вот уже толпа неистово пляшет. В этих плясках, как в горящем лесу, видится какая-то прекрасная обреченность. По-волчьи схватил за талию стрелкозу Светочку одутловатый Григорий, прекрасно владеющий паяльником. Его кудрявые волосы, его тонкие черные усики, красная водолазка, рукава закатаны. На больших предплечьях наколки, якорь, роза ветров. Он галантен, поднял Светланку, кружится с нею. Работяги хохочут, всем весело. Кто-то распахнул входную дверь, к нам на огонек заглянул рыжий кот. Пока никто не видел, котик утащил чего-то со стола, устроился в ногах спящего Богдана. И стал жрать.

Ночь была сильнее дня, Наиль уходил на пенсию, должностные инструкции, техника безопасности не соблюдались, поэтому в стране продолжали рождаться поэты. Леня неаккуратно провел рукою по спинке стула, острая, точно морковь по-корейски, заноза вошла в большой палец. Фрезеровщик в одиночестве доедал остатки заветренной сельди под шубой из пластикового контейнера. У каждого был свой шелковый путь, длинный, как тоннели под Сектором Газа. Мужчине показалось странным собственное присутствие в компании этих великих граждан. Юрий Тимофеевич подошел к нему со спины, пощекотал мизинцем шею. – Ниночка из кузнечного цеха спрашивает о тебе, чего такой грустный? – спросил он. Леня, рассмеявшись, взглянул на своего наставника. Дядька крупный, выдающийся нос, как у Чарльза Буковски, глаза как у лабрадора. Модник работал за станком в гавайских рубашках, вельветовых брюках на подтяжках, сандалиях. В то время, как молодежь надевала фирменные заводские фуфайки, брюки, тяжелые, неудобные ботиночки со стальными носками. – Да я притомился, все all right, all good, – отвечаю ему. На-

ставник задорно сказал: *cherchez la femme* Нину на крыльце, она там курит. И потрепал по голове меня. Из эстетических соображений решил не знакомиться ни с какой Ниночкой. Дома ждали оборотистые близняшки. День сменяла ночь, так длится много лет, на вопрос простой им не найти ответ, спорят день и ночь, спорят, а Наиль уходит на пенсию, лето кончается. Как незаметно лето пролетело, как незаметно промелькнула жизнь, подумал фрезеровщик. И, грустно улыбаясь танцующим коллегам, покинул торжественное мероприятие.

Глава 10

Скуфы не сдаются

По перрону рассыпали эритроциты и лейкоциты нерасторопные граждане. Признаться, был готов рассыпаться в не менее экстравагантной форме, рассыпаться на горсточки ногтей и волос. По своим личным убеждениям, Леонид опаздывал. Электрички не было ни в одном глазу. Иссиня-черный лесной массив обступил платформу с двух сторон. И в шесть утра с легкостью можно спутать эскалатор и экскаватор, абонемент и абонент, однако невозможно спутать сердце любимой женщины с иными сердцами. Именно благодаря двум сердцам любимых женщин утром вскипел чайник, а также сварились каша. Неверный, подслеповатый свет фонарей, по безлюдному перрону стелился туман. Молодой человек в черной кожаной куртке, белой футболке и синих джинсах расхаживал туда и сюда, нетерпеливо вздыхая. В горчичной барсетке позвякивали ключи, ложка, контейнер с обедом. На обед цветная капуста, гавайская смесь. Слышался запах перегнивших листочков, хвои, забродившей воды. Природа была благосклонна к фрезеровщику третьего разряда, не подсылала бурана, бубонной чумы. Затянувшись электрической сигаретой со вкусом арбуза, мужчина расслышал подозрительные женские всхлипы. Был канун сентября и мерещились потусторонние первоклассники, их черные силуэты с горящими желтыми глазами, их по-змеиному шипящие букеты георгинов, все вокруг будто сигнализировало: сегодня вы встали не с той ноги. О, теперь вам так ходить целую жизнь, сейчас же лягте обратно в постель и встаньте с правильной ноги. На дощатом перроне Леня увидел блестящий след. Мужчина, подсвечивая алюминиевым фонариком, который Молли нашла в сарае прошлым вечером, сделал неутешительные выводы, рядом тварь. След огромен, слизь, оставленная неведомым существом, поражала. Помнится, муцин использовался в косметологии. Женушки любили все эти огуречные маски, хотелось их порадовать, собрать для них слизи. Фрезеровщик несмело шел по следу, девичьи всхлипы стали громче.

Получасом ранее Леня пробирался сквозь лес, ложно полагая, опаздывает на завод. Исполненный сонливой мечтательностью, он едва не завалился в глубокий овраг. На дне которого виднелись косточки мелкой дичи. Луч фонарика плясал, похрустывали веточки, словно члены граждан в прокрустовом ложе. Выйдя из дома на минуточку попозже, мужчина перестал бы себя уважать, схватился бы за собственное горло, как за длинную шею гуся, принялся бы душить. Приговаривая: зачем ты опаздываешь, зачем ты опаздываешь. Хорошим работником считался тот, который пришел вовремя и трезвым. Леонид опьянен успехом, надо же, взяли на серьезное предприятие, да еще с обучением. А ведь до чего в обществе не принято связываться с гражданами, состоящими в интересных заведениях на учете, например, в наркологии. Мужчина состоял, в этом не было сомнений. Сухостой и валежник, Леонид непростой и не прилежный ученик, за завтраком неудачно укусил сухарь. Второй моляр слева, что напоминал фрезу, скололся еще больше. У тонкоствольных тальников показался серый зайчик, он стремительно усакал. Хлюпал под ногами мох. Парнишка сошел с тропинки. Послышался вопль поезда, близилась станция. Сережки ольхи напоминали зелененьких гусениц. Что ж я так разрушаюсь, подумал фрезеровщик, за-

бинтованный указательный палец, бурые пятна засохшей крови проступили на бинте. Теперь зуб по частям разваливается, словно расовая теория, дескать, люди должны подчиняться не другим людям, но исключительно учителям.

Леня читал намеренно о человеке-медооде, Адриане де Виаре, который хотел узнать, что же такое война. В девятнадцать лет отправился в составе британской армии в Африку, там получил ранение в живот, его отправили на лечение в Англию. Затем он оказался на Бурской войне, затем на Первой мировой, в Сомали, где-то ему выбило глаз, где-то оторвало часть уха, на Ипре вояке размолотило левую руку, множественные пулевые ранения, кошмар. Однажды Адриан летел на самолете, самолет благополучно рухнул, все погибли, наш герой выжил, его взяли в плен литовцы. Однако тот был по темпераменту холериком, очень уж достал литовцев, те вернули его англичанам. А в двадцатом году начался Советско-польский конфликт. Гражданин поехал на фронт, на поезд напали красноармейцы. Де Виар организовал оборону поезда, отстреливался, неприятель отступил. В конце войны он стал национальным польским героем, ему подарили целое поместье. Наступила Вторая мировая, Адриан возглавил Британскую военную миссию в Польше. Попал под атаку Люфтваффе, выжил, к тому же вывел колонну британцев через румынскую границу. Вернувшись в Англию, требовал, чтобы его вернули на фронт. И шестидесятилетнего, израненного красавчика отправили в Норвегию, защищать город Тронхейм. Уцелел, разгромил немцев. А потом он полетел на переговоры в Югославию, самолет, представьте себе, рухнул, территория итальянцев, плен. Семь месяцев рыл подкоп, на свободе пробыл восемь дней, снова был схвачен. Итальяшкам он быстро надоел, они его отослали на переговоры о капитуляции в Лиссабон. Кажется, дальше гражданин служил в Китае, являлся личным представителем Черчилля. Разгорается гражданская война, Английское руководство наотрез запрещает участвовать Адриану, тот не участвует. Помощь де Виар по естественным причинам в возрасте восьмидесяти трех лет. По собственному признанию, наслаждался войной. И вот Леонид, пока брел по лесу, вспомнил данного живучего мужчину. А у самого зуб крошится, да я же Адриан де Виар, усмехнулся парень.

Подходя к станции, фрезеровщик стал свидетелем странного таинства. На полянке, оплетаемой тьмой, пылал кострище. Доносились детские голоса, они пели на чужеродном языке, быть может, на латыни, впрочем, не берусь утверждать. Подвешенный огромный сом со вспоротой брюшиной, из него накапало знатно кровищи. Вокруг пламени шесть ребятишек, на них синие брючки, юбочки, белые рубашонки, красные пионерские галстуки. На их лицах маски папье-маше, обезьянка, котик, лиса, волк, лягушка, клоун. Леня прекрасно понимал, пераздывает, однако замер на самом краю поляны. И с недоумением глядел на то, как малолетки, держась за руки, занимаются чем-то таинственным, чем-то достойным школы волшебства под Люберцами. Помнится, в детстве мы играли в резиночку, сифу и тетрис. Кто-то даже выигрывал целые квартиры, жилищи, кооперативы. Во дворе мой ровесник, десятилетка, коллекционировал вкладыши из жвачек. Богатые иностранцы купили его разработки в области кибернетики. Да, малец обеспечил себя и семью на долгие годы, уехал на пмж в Токио. На поляне, задумался Леня, люмпены какие-то, а не пионеры, тут на нашем автовокзале украли банкомат, не они ли. Подвешенная рыбина источала пренеприятнейший аромат, фрезеровщика замутило. Завывания детишек переходили все допустимые границы. Их юные тела экстаично дрожали. На мгновение показалось, дым от костра сделался темно-синим, какой же чудью занимались эти ребятки. Ленчик плюнул в сердцах, однако в пионеров не плюнул, как слон затопал по поляне. И все-таки не преминул по-юношески задорно перепрыгнуть через костер. За что и поплатился, слава богу, быстро потушил штанину. И, не теряя времени, устремился к станции.

Леня, снесаемый любопытством, шел по слизистому следу. Липкий туман омывал ноги, джинсы из секунд-хенда, сандалии, желтые носки с авокадо. Женские всхлипы стихли, на смену

им пришел мелкий смешок, подобный перезвону елочных игрушек. Мнимое опоздание перестало нервировать. Воспитанный на книгах советских фантастов фрезеровщик был жаден до впечатлений. Луч фонарика отвоёвывал у темноты синюю урну, серое здание с красными полосами, внутри касса и турникеты. Вдалеке слышится гудок электрички, электрической птички, предположительно «Ласточки». Впрочем, утром ходят преимущественно старые электрички, в них отличники превращаются в двоечников, а еще в них сочиняются грустные песни в духе песен Башлачева. У скамеек лежал целлофановый пакет с конфетами, голубые бумажки, черные карнавал, коричневые гусиные лапки. Луч фонарика расчесывал непослушные локоны темноты. Противно пахло мясом. Жены заблаговременно сунули в карманы фрикадельки, чтобы поисковые собаки в случае потери мужа побыстрее нашли потеряшку. Запоздало Леня ощутил присутствие потустороннего рядом. Алюминиевый фонарь чрезвычайно нагрелся, норовил выскользнуть, светил недостаточно ярко, батарейки почти сели. Фрезеровщик направил свой жиденький луч на скамью. Мужчину чуть было не хватил кондрашка от увиденного. Там сидела огромная улитка ахатина с женской головой. Сдавленно вскрикнув, молодой человек вгляделся в это азиатское лицо. Фонарик дрожал в руке, лучик плясал. У незнакомки тонкие брови, кожа бледна, имеет голубоватый оттенок, губы что мякоть арбуза. Она каким-то непостижимым образом внушает Леониду: я твоя женщина, Леня, а все остальные, бывшие до меня лишь репетиция. Милая тварь фырчит, залиvisto смеется.

Женщина-улитка замечательная партия для мальчика-слизняка, какие у них народятся прекрасные уроды, подумалось мужчине. Барышня целенаправленно не знакомилась, не оглашала своего имени. Уползла с глаз долой, безмолвно упала с платформы, зашелестела листвою, должно быть, лес манил улиточку. Габаритные огни, скрип колес, буро-зеленые двери разъехались. В тамбуре последнего вагона курил солдатик. На двери туалета висел замок. Выцветший плакат на стене, на плакате парень с челкой штрих-кодом и рыжая девчонка, они в четыре руки держат ежика. Все это дело подписано: если мы колемся, то только так, чтобы справиться с зависимостью, звоните по такому-то телефону. Густой дым режет глазки не хуже желтого шампуня с зайцем. Половина лица служивого запятнана тенью, на его подбородке, напоминающем грань шестигранника, белесый шрам. На тельняшке бурые пятнышки, количество звезд на погонах кителя ни о чем не сообщало фрезеровщику. Леня думает, в мужчине должно быть прекрасно все, душа и носки. Катилась пустая пивная бутылка. В вагоне сидели полусонные дачники, лица у них по-рыбьи спокойны и вдумчивы, можно сказать, серьезные, как металлургический завод. На спинке ближайшей скамьи видны послания маркером: умоляю, подскажите, какой это город; вари борщ и любви; вставай, страна, иди на завтрак. Попутчик посмотрел на Леонида. Посеребренные, мокрые волосы солдата, струйки воды стекают по его покато лбу в оспинах. Моргнув своими маслянистыми глазами, он сказал: а жизнь не слаще конфеты «Кара-Кум». И добавил более сдержанно, туша окурок о стену: ты туда не ходи, что-то не так с электричкой, видишь, поседел?

Я спросил, что же имеет в виду пассажир, не слишком ли самонадеянно с его стороны полагаться на абстрактные ощущения. Сконфуженный солдат посоветовал держать свои соображения при себе. – Не ровен час, – произнес он, – придет контролер, и тогда всем кирдык. – На этот счет можно даже не переживать, у меня билетик, – сказал фрезеровщик. – Блаженный, – выругался на Леонида служивый. – Вы не правы, я самая настоящая акула, идущая по головам любой формы для достижения своих целей, – с достоинством сказал заводчанин. И посмотрел на дачников. Граждане столпились у самых дверей. Пассажиры вагона испуганно глядели на Леню и солдата, улетучилась былая сонливость. Нынче их лица были по-лягушачьи озабоченны. – Чего это? – спросил работяга. Маленькие, как хламидомонады, частички пыли кружились по тамбуре. Скрежетали колеса. Медленно проезжали полустанок, утопленный в молочном тумане. – Контролера услышали, теперь только держись, – произнес мой визави, бросившись в вагон. А я следом, закашлявшись от дыма сигарет с ментолом. Большая, как дирижабль Гинденбург, опасность на-

висла над нами. А Леня только вчера получил аванс, пять Хабаровсков, два Хабаровска в копилку, остальные передал женам. А надо ведь еще дожить до первой зарплаты.

Дачники панически заклокотали, сибиряки говорят, бурундуки клокочут перед ненастьем, дачники-бурундуки расселись по лавкам. Уставились в пол. Пожилой гражданин в серой льняной рубашке, болотной жилетке со множеством кармашков бубнил: только не со мной, только не со мной, мне же нельзя волноваться, у меня же печень. Панамка слетела с его головы, удочка упала на пол.

Бабушка в лиловых гетрах, темно-желтых шортах, ее осветленные перекистью волосы, ее системы философских оппозиций были неинтересны внукам, она ехала к себе на дачу. Желая, должно быть, рассказать помидорам и огурцам о вещах, о сознании, бесконечном, конечном, очевидности, веровании. Бабушка в лиловых гетрах обратилась к этому гражданину рыбаку, протягивая на ладони три кубика сахара: возьмите для печени. На них бесцеремонно накричала женщина, похожая на содержательницу борделя Белл Уотлинг. Ее пурпурные большие губы, ее золотистые волосы, большая грудь, нежно-бежевый тренч, под ним черная майка. Не помню дословно, что сказала барышня. Кажется, речь шла о катастрофах, которые случаются с нами сразу же, как мы рождаемся. И наша колыбель тонет, столкнувшись с льдиной. И наша мать склоняется над нами с фонарем тревоги. Фрезеровщик невольно залюбовался дамочкой. В то время солдат нетерпеливо произнес: люди добрые, всем сохранять спокойствие, сели все на места!

Леонид, повинувшись солдафону, присел рядышком с тетенькой лет сорока. – Ой, у меня в термосе чай «Акбар» с медком и эвкалиптом, будете? – спросила, ее щеки зарделись румянцем. Лампы подмигнули, за окном вопреки распространенному мнению, что в семь утра бледнеет ночь, а едва забрезживший рассвет возвращает цветам и листьям цвет. Ничего подобного не происходило, казалось, на улице сделалось темнее темного. Пассажиры зашептались, завздыхали, кто-то стал читать молитву. Леня ощутил прикосновение влажных губ незнакомки, застенчиво проговорил: не надо целовать мою руку, она совершала постыдные вещи. Фрезеровщик всмотрелся в голубые глаза особы, поцеловавшей его руку. Глаза, увеличенные квадратными линзами очков. Пепельные волосы забраны в хвост. Курноса, тонкие, сиреневые губы. – Вы простите, что я вас поцеловала, волнуюсь, – порывисто сказала. Служивый несдержанно закричал из конца вагона: пожалуйста, молчите, он идет! Лео улыбнулся мадмуазель: мне нравится ваш пиджак. Захотел тут же представиться, рассказать что-нибудь любопытное. К примеру, о своих близняшках, то есть одновременно поддержать беседу с интересным человеком. И вместе с тем не давать напрасных поводов. – Наш дом еще шумит в лесу, – произнес работяга. Но договорить не сумел. Потухший свет, лопнувшее стекло плафона. Электричка виляла, вероятно, повело рельсы. Изменение железнодорожного полотна происходит в результате самопроизвольной разрядки температурного напряжения в рельсах пути. Она и произошла, эта самопроизвольная разрядка. Тетенька бросилась мне на шею, вскрикнув, по всей видимости, ей не доставало надежного тыла. Но я, к сожалению, не Брестская крепость, я всего лишь тоскливая хрущевка.

До нас доносились дробные удары молотка. Моя соседка со своими объятиями была понятна, чего ж тут непонятного. Признаться, Леня с радостью бросился бы на шею солдатику, но тот, судя по недовольному бубнежу, сидел где-то в конце вагона. Мадам прошептала в самое ухо: что бы ни происходило, сохраняйте спокойствие и не двигайтесь, контролер Гофман обычно забирает одного безбилетника. Фрезеровщик был не совсем согласен с такой политикой, но в чужую электричку со своим уставом не садятся. Тем временем удары стали громче, лязг колес, длинный гудок, вкрадчивые шаги в тамбуре. Кто-то позади жалобно заскулил. Нервы сдавали даже у служивого, кто-то сделал глубокий вдох, резко выдохнул. Двери медленно разъехались в стороны. Сначала я даже не понял, а потом, как понял, так едва не свалился в проход от испуга. Подобного гражданина повстречаешь – не обрадуешься, радоваться тут нечему. Тот напоминал пресыщенного властью

отца-сатрапа. Отец входит в комнату, смотрит на сына как на предателя, как на какого-нибудь Андрея Курбского. Хотя вина сына иллюзорна, ни в чем не виноват сын. Отец достает пистолет из поясной кобуры, передергивает затвор, целится. Леня подумал о том, что преступления совершаются от избытка, нежели от недостатка, вы не сделаетесь тираном, желая согреться. Запишу-ка я эту мысль, чтобы не забыть.

Контролер шумно приняхивался. Неповоротливый, в синем кителе, из его поясной терраковой сумки торчала деревянная рукоять молотка. Сетчатая бейсболка со значком клуба «Динамо», сизые пряди волос. Росточка гражданин был высоченного. В тусклом свете мерцающих ламп его лицо казалось поистине потусторонним, иным оно показаться и не могло. Из глаз Гофмана росли две сероватые человеческие ручки. Премилые пальчики ощупывали пространство. Краем глаза Леня увидел, как чудовище обнюхивает рыбака в жилетке, мужик сохранял спокойствие, напрудил в шорты, со скамейки кап-кап. Фрезеровщик ничуть не смутился, он видал кое-что похуже. К примеру, фотоснимки шестидесятых годов, на которых изображен был жителей города-крепости Коулун. Или выпадение матки у красотки в женском отделении психиатрической больницы имени Усольцева, куда ему довелось забрести по ошибке. Забрел, потому что помогал по кухне, к тому же дело шло к выписке. Потому знакомиться с красотками из женского отделения психиатрической больницы имени Усольцева не возбуждалось лечащим врачом.

Леонид источал запах баловливого подростка в период линьки, он пах ацетоном, керосином и отцовским огуречным лосьоном. Когда Гофман подошел к нему, Лео расслышал невнятное лопотание. Этот слепец, этот Эдип наклонился к самому лицу работяги. От контролера веяло вину и ладаном. Внезапно ручка схватила Лео за нос, вторая уцепилась за щеку. Шаловливые ручки щупали, щупали лицо фрезеровщика. Мужчина готов оскорбленно закричать, из носа бестактно выдернули волосок. – Ваш билет, – бормочет Гофман, – предъявите билетик. Дамочка рядышком замычала, уж не знаю, фамилия у ней Мычалкина не Мычалкина, однако ж замычала. И вот контролер отнял изящные руки от Лениного лица и потянулся к лицу соседки. Она крепко вцепилась, что пивка, в Ленчика. Скрипнули тормоза, электричка резко остановилась, двери открылись. И Леонид опрометчиво понесся к спасительному выходу, слыша за спиной удивленное: а билетик, а предъявить.

На улице отсыревший, черный камыш. Сонный туман. Трепетный рассвет. Роса на траве, как жется, говорят: ссы в глаза, как будто роса. Безлюдно, ни торговцев у платформы, ни милиционера в будке. Ларьки все закрыты, лишь в одном горит свет, итальянец Пабло жарит мясо на вертеле. Озябшей походкой Леонид идет по проезжей части. Светофор не горит, автомобили с запотевшими окнами, в некоторых машинах открыты двери. Фрезеровщик заглядывает в бордовую хонду. На водительском, вцепившись в руль, сидит дамочка. Ее рот широко раскрыт, будто на приеме у стоматолога. Глаза выпучены. Цвет кожи у нее серо-голубой, на лбу пульсирует бугристая венка. Леня гладит рыжую голову женщины, на ощупь волосы напоминают металлическую стружку. Тетка даже не шелохнется, не возразит. Лезть ей под лиловое платье молодой человек не решается, слишком холодна дама, не согреешься. Он подходит к шаурмечной. – Уважаемый, а давно все так? – спрашивает. – Нэ знаю, нэ одного клиента, – отвечает итальянский повар. Заиграл его мобильный телефон: солнышко мое, вставай, ласковый и такой красивый, может быть, это любовь, я не знаю. Пабло экспрессивно болтает на своем птичьем языке, почти кричит в трубку.

Ныл мизинец на ноге, он сросся неподобающим образом в прошлом году, теперь глядел в стору. И казался панком, отбившимся от коллектива, мизинец. Взыла страшная, как Холокост, сирена. Идя по ромашковому полю, слышал электрическое гудение. Туман плескался, полумесяц на небе, советы наших родителей в нас, а шпроты в банке, но истина где-то рядом. Опоры линий

электропередач напоминали, пораженные артрозом суставы кузнечика работяги. Не слышно пения птичек, не слышно сопения заводчан, бредущих от станции через ромашковое поле к заводу. Едва не наступил на собачий череп, по-взрослому выругался. Где-то совсем рядом раздалось: ау, ау! Леня ответил: ау! Незнакомка вторила ему: ау! Так можно и до внебрачных детей доукаяться, подумал мужчина и ускорил шаг. – Идите на звук, – крикнул. – На звук, на звук, на звук, – бредила девица. Так они с ней шли, невидимые друг для друга, перекрикивались. Не встретились, уподобились Арцаху с Арменией, уподобились моим родителям, сами знаете, дорогие читатели, я пока не родился.

На безмолвной проходной повстречался заточник Савва, футбольный хулиган. Атлетически сложенный мужчина лет сорока. На его локте татуировка паутины, на предплечье иные картинки, русалка, бейсбольная бита, разбитая бутылка, оскالивший волк. Леня толкнул дверь, у турникетов стаканчик из-под кофе, коробка из-под кефира, полотно болгарской пилы, разный другой мусор. Савва в голубом поло и камуфляжных шортах направил на фрезеровщика ружье. Театрально спросив: кто идет, стой? Потом опустил ИЖ, увидав, кто идет. Заточник сказал: проходи здесь, остальные турникеты заклинило. Леонид, попыхивая электрической сигаретой, прошел через вертушку. – У нас двадцать человек пришло, мужики в цеху, – оповестил футбольный хулиган. Не порядок, подумал фрезеровщик, должно быть не двадцать человек, а сто на десять участков, сами понимаете, математика. Работяги вышли во внутренний двор. – Я сам еле дошел три остановки от дома, полтора часа шел, прикинь. – Из трубы котельной вылил едкий дым. И наш заводской пес Чичи, рыжий с опалинами кобель, расчихался. Он бежал рядом, виляя хвостом. – Савелий, – спрашиваю, – откуда ружье? – Взял у Ганнушкина, – отвечает и смеется. Конструктор Ганнушкин основатель нашего завода. Тут в административном корпусе после того, как он представился, сделали что-то вроде мавзолея из его кабинета. Притащили туда личные вещи, опрыскали специальным раствором. Комнату опечатали. Поговаривали, Ганнушкина вместе с женой, собакой и домработницей, как фараона с приданным, там же и законсервировали. Значит, вскрыли комнатку-то. Леня постеснялся спрашивать, есть ли в кабинете мумии, нету.

– Вышел из дома, никого, как говорится, не трогаю, а у нас напротив скверик и памятник Пушкину в глубине сквера, – рассказывал заточник. Мы уже подходили к цеху. Кобель Чичи облаял подозрительный куст акации. – Людей хрен, да ни хрена, смотрю, памятник ближе стоит, у самой обочины, думаю, вчера не пил, а такое мерещится. – Мужики вошли в серую дверь. Не жужжали, не скрипели, не вопили станки. – Метров пятьсот прошел, озираюсь по сторонам, а он у гастронома, – повествовал Савва. – Преследует, стоит отвернуться. Пушкин, вроде как, ближе и ближе. – Любопытно, – произнес Леня. Слышались приглушенные голоса из каптерки, где хранились хозяйственные принадлежности, смазочная жидкость в бочках, газовые ключи, лампочки. – Я дворами до завода шел, прятался, на проходной только отстал. – А сейчас он, где? – спросил фрезеровщик. – Так у проходной и стоит, – ответил Савелий. И закричал, как полоумный: эй, стахановцы, у нас пополнение!

В каптерке накурено. Деятнадцать работяг и собака, совершенно сбитые с толку, смущенно улыбаются, кивают друг другу, дескать, прорвемся. Правда, собака не улыбается, но хвостом виляет. Происходит нечто увлекательное и пугающее, в этом нету никаких сомнений. Восьмидесятилетний Степан Григорьевич, гражданин совестливый, сказал: ребята, вы не смотрите, что начальства нет, надо трудиться. У Степана Григорьевича есть наколка: любви достойна только мама. Признание на его сухоньком теле было замечено в душевой. Белый пушок на его руках и груди напоминал перышки в подушке. Он по-тараканьи проворен. Когда с ним здороваешься, жмешь ладонь, невольно вскрикиваешь, как баба, попал в тиски, думаешь, а нет, рукопожатие. Всю свою жизнь он откручивает гайки, не используя ключ, руками откручивает. – Степан, – возразили ему, – не путай холуйство и какие-то, скажем, священные понятия, поработать всегда

успеется, давай-ка выпьем для начала. Юрий Тимофеевич достал из глубины шкафчика с резцами, завернутыми в желтые газеты, двухлитровую колбу. Колба содержала прозрачную как слезы жидкость. Вопрос, этиловый или метиловый спирт, озаботил наших парней. Юрий Тимофеевич смочил ватку, поджег, та вспыхнула синим огнем, этил, радостно вздохнули мужики, если б зеленым загорелось, тогда метил. Метил это страшно, метил щиплет глазки, от метила гибнут похлеще, чем от неразделенной любви. Можно еще в небольшую емкость налить грамм пятьдесят, добавить ложку соды, сода пожелтеет, пить можно, ежели растворится, пить не могли.

Савелий и второй заточник, дядя Саша, тот, что похож на Богатырева в кинофильме «Свой среди чужих». Степенно разлили спирт по пластиковым стаканчикам. Леня в нерешительности переминался с ноги на ногу. Ему протянули стакашку. Фрезеровщик, помотав головой, сказал: нет, мужчины, утренние возлияния не для меня. Никто уговаривать строптивого работника не стал. Ребята махнули спирта, занюхали макушками товарищей. Лео, пыхтя электрической сигаретой, перебирал транзисторы и конденсаторы в желтом ящике стола. Достав из внутреннего кармана своей кожаной куртки телефон, позвонил супругам. Ответила Гера: Леня, связь пропадает, алло, мы в нашем подвале, алло, сейчас же спускайся, алло, в интернете сказали, надо закрыться в бомбоубежище. Связь пропала, паршивая связь пропала. Кто-то предложил сгонять до табельной с тем, чтобы разыскать ключ от заводского бункера. Токарь Евгений, жилистый гражданин с голубыми глазами, изящными пальцами, как у вора-карманника, постановил: все, кирдык интернету. Кобель Чичи лизнул мою руку. Коллеги покидали каптерку, Леня тоже покинул. Полагаю, когда-нибудь мы покинем Неверленд, однако это случится значительно позже, мой маленький Джексон с кудрявой головой.

Мы высыпали на улицу. Повсюду туман, да не просто туманчик на болотах, где ловили Баскервилей, но такой, что неба не видать, вообще ничего не видать. По-осеннему сыкотно, слышен запах прелой листвы. Липкий пот стекает по трудовой шее Леонида. – Вот и бабье лето настало, – заметила единственная среди нас девица. Ее звали Маришка, она работала за станком с числовым программным управлением. Леня мог посоветовать ей программные произведения по литературе. Но рассуждать, бабье лето, не бабье, к сожалению, не умел. Мы взялись за руки, боясь потеряться, никакая бы передача «Жди меня», подозреваю, не нашла бы. Нестерпимо заслезились глаза. – Очки, наденьте очки, – призвал Степан. У меня были превосходные защитные очки, подаренные лично начальником цеха. Как-то раз он подошел к моему рабочему месту и вручил пластиковый футляр. Неистово закричал: вы что от жизни хотите, вы куда стремитесь, вы же атомными станциями управляете, вы поезда водите, вам же по тридцать лет! Начальнику цеха не понравилось, что я не соблюдаю технику безопасности, которая написана кровью, это всем известно. Стружка летит в лицо, а он, то есть я, стоит, как олигофрен, улыбается. Мы нацепили очки. Шли крайне медленно, в час по чайной ложке. Метров через двести Леонид обо что-то споткнулся. Впереди шел Юрий Тимофеевич, он поднял с земли кирзовый сапог с налипшей на подошве красной глиной. Встревоженные протяжным гудком, говорим ему, дескать, пойдем уже, до табельной всего ничего осталось. – Это сапог моего сослуживца, пропавшего в Камбоджи, он остался прикрывать нас, – произнес наставник. Мы вновь услышали гудок. А следом за ним шаркающие шаги слева, справа, отовсюду, все ближе и ближе. Зарычала собака. – Мальчики пойдемте, – захныкала Маришка. И мы побрели.

Табельная встретила нас крошечной бордельерой. Разбросанные по полу бумаги, степлеры, карандаши, микрометры, огнетушители, земля из горшков, гортензии, чулки висят на люстре «Колизей». Чрезвычайно липкий коричневый линолеум. Старенький радиоприемник шипел, сквозь помехи прорывался дикторский голос. На лакированном, карамельном столе женская одежда, леопардовое платье, бирюзовые лодочки, кремовый бюстгальтер, черные трусики. – Батюш-

ки, – не сдержалась Маришка, – это же вещи Клавы. – Клаву мы прекрасно знали. Леопардовое платье, лодочки, никогда бы не подумал, отдавая по утрам свой пропуск этой Клавдии о том, что трусики у ней с портретом Лаврентия Павловича. Леня прошелся вдоль стеллажа, зеленые ящички выдвинуты, в них рулоны вошеной бумаги, пластиковые папки. Чичи развалился на голубом ортопедическом коврике с иголками. – Клавдия! – закричал кто-то из мальчишек. Они разбрелись в поисках ключей от решетчатой двери, за которой находилось бомбоубежище. Мы как-то, не сговариваясь, решили укрыться под землею. Внезапно в окно постучали. Кобель приподнял голову, обнажил свои клыки. Отчетливо повеяло креозотом и черноземом. Стали стучать так, что я мигом позабыл о гордости. Так попугивались, должно быть, немцы в своих окопах целую жизнь назад, еще бы, русские идут. Савелий взвел курки ружья, прицелился в пластиковое окно, за окном бытовала молочная мгла. – Надо строить баррикады, – напряженно сказал Юрий Тимофеевич. – Надо, – подтвердил Богатырев. Снедаемый любопытством, Леня предположил. – Но ведь мы не знаем, что скрывает ужасный туман, может быть, нам следует разобраться в вопросе. Присутствующие поглядели на фрезеровщика как на идиота, даже собака так поглядела, сука.

Крик Маришки, словно взрыв над Бикини Боттом, тот крик подорвал в нас веру в демократическое будущее. Пенсионеры страдальчески завздыхали. Фрезеровщик подумал, как бы они от апоплексического удара не очоурились. С перепугу выстрелил Савва. Дробинки расколошматили горшок с пальмой, посекали пластиковое окошко. Юрий Тимофеевич сказал, дескать, пойдем, посмотрим, с какой это стати верещит, как новорожденный котенок, оператор станка с программным управлением. Само собой, мы не очень-то были рады идти смотреть, верещит и верещит. Однако поперлись на второй этаж, вооружившись разной мелочью. Леонид взял железную линейку, он умел вскрывать ею машины, умел измерять любовь девчонок, но при случае он бы разбил кому-нибудь непорядочному черепашку. Друг за дружкой идем, волнуемся, представляем, как найдем коллегу, которую обесчестили. Как посмотрим в ее глаза, скажем, Марина Вячеславовна, Марина Вячеславовна, что ж вы так неосмотрительно дали первому встречному. В длинном, узком коридоре все двери нараспашку. По словам образованных людей, заходи, не бойся, выходи, не плачь. – Может, вернемся, – проявил малодушие Богатырев. Его никто не поддержал, но и не возразил. – Кажется, она в архиве, – предположил сталевар Плющенко. Здоровенный мужчишка с замашками Наполеона. Ни одной брашши на заводе не пропустит, со всеми сюзосю, сюзосю. Коллеги за франтовство прозвали его сладеньким. – А если нашей Марине уже не помочь, – подал голос незнакомый дедушка с кустистыми седыми бровями. – Мы, наверное, не будем делать скоропостижные выводы, – сказал Юрий Тимофеевич. На нем премилая футболка, какие-то цветные, детские каракули, надпись: все, что вижу, ненавижу.

В нашем архиве горел красный свет, будто в фотолаборатории. Марина Вячеславовна в трикотажном комбинезоне сидела с Клавой на полу. Сидели они в круге, начертанном солью. Мизансцена, явившаяся нам, была любопытна. Подобным образом Иван Грозный, обнимая сынка, несколько раздосадован тем, что зашип его ненароком. Рыжая Клавдия бесстыже раздета. Ее груди что дыни торпеды. И кислый запах пота с гвоздикой и пряностями волнующий. Работяги перешептываются, возбуждение и страх перед неизвестностью лепят из нас дураков. Слышу: а Клавдия-то наша вылитая певица Инна Желанная. Савелий предлагает, закашлявшись: давайте не смотреть на то, что у нее ниже живота, и так тошно. Богатырев, приглаживая свои замечательные усы, спрашивает: Маришка, кто тебе разрешил так орать? Мы уперли руки в бока, испытующе смотрим, цокаем нетерпеливо. Марина отвечает: принесите кто-нибудь спирта. Запасливый Юрий Тимофеевич захватил с собою спирта, поэтому спирт у нас имелся. Клавдия хлопнула грамм пятьдесят, сделалась словоохотливой.

К тому времени малышку успели обрядить в безразмерный бирюзовый халат, подпоясали джутовой веревкой. Халатики мы нашли в гардеробном шкафу. Они нам крайне понравились,

мы их надели, вылитые технологи сделались. Хоть завтра выходи замуж за технические чертежи. Глаза Клавдии холодная война, слова весьма нелепы, лицо заплакано, лицо припухло. Мы забаррикадировались в архиве до выяснения причин женской наготы. Савелий был в душе настоящим бойцом, по меньшей мере, Нейтом Диасом, а еще джентльменом, по меньшей мере, Оскаром Уайльдом. Поэтому он сказал без обиняков: Клава, возьми в руки ружье, это тебя успокоит, вернет вкус к жизни. Сварщик Наум Анатольевич хмыкнул: как же она возьмет, она же девочка, у нее не хватит духа. – Долетались, космонавты хреновы, – неожиданно говорит хрипло Клавдия.

Стоит заметить, замечая, наш машиностроительный завод был причастен к созданию спутников. Соседний цех собирал разгонные блоки, в ином цехе делали корпуса и топливные баки.

Мы с коллегами вырубили этот поганый аварийный свет. Зажгли настольную лампу с зеленым абажуром, присели вокруг нее полукругом, будто желали вызвать дух генсека, чтоб он разъяснил, что за бардак тут происходит. Ленчик, пользуясь случаем, записал в блокнот следующие строчки: на губах женщин выступила немота. Потом поставил знак вопроса, сомневаясь, может ли немота выступить на губах, она же не герпес. – Какого лешего ты имеешь в виду? – спрашивает Юрий Тимофеевич. – Да, да, какого лешего, – вторят рабочие. Клаву обнимает Савва, они напоминают влюбленных пионервожатых у костра. Мы в халатиках, должно быть, напоминаем привидений. – Спутник вернулся, привез эту дрянь, спутник ваш, говорю, привез космические бактерии, – девушка отталкивает Савелия. Кричит ему: ты еще прицепился! Богатырев, цокая, произносит: но-но. – А как ты поняла, что именно наш спутник привез, может, не наш? – поинтересовался Наум Анатольевич. – Ой, Наум Анатольевич, идите в жопу, – сказала мерзавка. Ему нельзя так говорить, у него слабое сердце. Какой бы красавицей она ни была, она не имела право огорчать нашего сварщика. Вероятно, полагала, раз я такая прекрасная, словно коническая резьба метчиком на стальном штупере, значит, вправе хамить. Кто-то влепил ей звучную пощечину. Клавдия Семеновна всхлипнула. – Зачем же вы так, – расстроился Савелий. – В профилактических целях, – сообщил ему второй заточник, звучно высмаркиваясь в черный носовой платок.

Безмолвствовали, передавая бутылку со спиртом по кругу. На первом этаже раздался жутчайший грохот, кажется, рухнул шкаф. Девчонки вскрикнули, что поросота. Леонид подумал, как скоро мы начнем враждовать, как скоро мы забудем язык и станем изъясняться мычанием. – Надо спускаться в бомбоубежище, братцы, – произнес Юрий Тимофеевич, – Клава, где ключи? – Барышня метнулась кабачиком к тумбочке. – Кстати, а почему ты была голая, когда я тебя нашла? – поинтересовалась Марина Вячеславовна. Клава с раздражением ответила: почему была голая, не твое дело. Коллеги хором сказали: опять хамишь, ничему тебя наши уроки не научили. Леня услышал, как в соседней комнате разбилось окно. Присутствующие охнули. Стали высказывать непопулярное мнение, что зря, наверное, посадили Мавроди, он же не дурак, такую пирамиду построил, надо было подождать, вполне вероятно, вклады вернули бы. Леонид подошел к двери, за нею кто-то горячечно бормотал. *Родился на улице Герцена, в гастрономе № 22. Известный экономист, по призванию своему – библиотечарь. В народе – колхозник. В магазине – продавец. В экономике, так сказать, необходим. Это, так сказать, система в составе 120 единиц. Фотографируете Мурманский полуостров и получаете telefunken. И бухгалтер работает по другой линии – по линии библиотек. Потому что не воздух будет, академик будет! Ну вот можно сфотографировать Мурманский полуостров. Можно стать воздушным асом. Можно стать воздушной планетой. И будешь уверен, что эту планету примут по учебнику. Значит, на пользу физики пойдет одна планета.*

– Надо спускаться в бомбоубежище, братцы, – вновь поторопил нас Юрий Тимофеевич. В коридоре была разлита вода, в разбитые окна задувал ветер. Совершенно сбитые с толку, мы отчаянно шептались друг дружке, что же это делается, честных людей намеренно сводят с ума. – Вот в Китае существует пытка, там преступника связывают и на голову льют воду, – вспомнила Ма-

ришка. Ленчик поехал, представив, как жестокосердные китайцы добиваются от него признаний в шпионаже. Спустились в подвал. Клава вставила ключ в замок, висевший на решетчатой двери. Сталевар Плющенко занялся гермозатвором. На улице раздался протяжный гудок. А затем крик, вырывающийся из тысячи луженых глоток: ура! Засвищели, заскрипели железные суставы. Гермоворота открывались неохотно. Пахнуло затхлостью, машинным маслом и освежителем для воздуха. В предбаннике на всякий случай провели перекличку. Пропа! Наум Анатольевич. – Старый маразматик играет с нами, – высказалась Клавдия. Ей залепили звонкую пощечину, тем самым преподав урок. Богатырев попросил поискать Наума. – Я не хочу идти в одиночку, – признался Леня. – Но ведь никто другой не сможет этого сделать, пресловутые пенсионеры медлительны, – оживилась Маришка. – Так точно, – поддакнул Савелий, – я буду дежурить тут, когда вернешься, открою тебе. – А если не вернусь? – засомневался фрезеровщик. – А если не вернешься, твоим именем назовут наш цех, – подбодрил Савва и вытолкнул за ворота.

По архиву сновали невидимые злоумышленники. С полки упала китайская салатная ваза. Температура опустилась ниже нуля. Вода в аквариуме покрылась наледью. Иней на полупустой бутылке из-под лимонада. Происходящее напоминало массовый психоз или массовый педикюр. Декоративные пираньи, сомы в аквариуме удивленно уставились друг на друга. Сбитые с толку ранней зимой. Где разыскивать сварщика, Леня не представлял. Коричневый линолеум пошел пузырями. По темно-зеленым стенам бежали ручейки. На столе рядом с лимонадом «Буратино» лежала розовая помада, батончики «Рот Фронт», электронные часы «Монтана», часы принадлежали Науму. Вдохновленный находкой, Леонид подумал, сколь долго ему предстоит ходить с третьим разрядом, не пора ли повысить его до четвертого. Фрезеровщик, попыхивая электрической сигаретой, держится на почтительном расстоянии от серого железного шкафа. Двери которого дрожат, изнутри кто-то колотит, порывкая. Навесной хлипкий замок в любое мгновение может сломаться. Время от времени в соседних комнатах падают вещи, каверзный полтергейст, падла. Зябко, изо рта вылетает облако пара, напоминающее эктоплазму. Болезненно вскрикнул, увидев собственное отражение в овальном зеркале. Погрозил отражению пальчиком. Приметил на полу мокрые следы, быть может, следы нашего заслуженного сварщика.

У туалета обнаружилась одежда Наума Анатольевича. Серые брюки, футболка с логотипом завода, пятнистый флисовый жилет, семейные лазоревые трусы с жирафами, тряпичные кеды. Заиграл мобильный телефон сослуживца: солнышко мое, солнышко лесное, где, в каких краях встретишься со мною. Растроганный Леонид услышал, из крана хлещет водичка. Он позвал по имени-отчеству коллегу, не услышав ответа, вошел в женский клозет. Ноги заплетались, ноги превратились в спагетти. Туалетные стены покрывала поразительная плесень. Красно-бурая, с белыми прожилками, она пульсировала. Удушливый запах сероводорода шибал в нос, глаза нестерпимо слезились. Ледяная водичка, набежавшая из кранов, доходила до щиколоток. Распахнутые двери кабинок. Голубоватый свет, предметы, плавающие в воде. Английская цельнометаллическая отвертка, пудреница цвета слоновой кости, веник, желтая, резиновая перчатка. – Леня, Леня, это ты, я тебя по мыслям твоим пошлым узнала, подойди ко мне, – говорила Ленка-крановщица. – Елена, где вы есть? – дрогнувшим голосом поинтересовался фрезеровщик. – Где, где, тут, – Ленокка была тут, а Леня там. С одной стороны стоит ох, с другой ах, впереди неизвестность, страшное дело. Мужчина, хлюпающая, шел к последней кабинке, откуда доносился голос дамочки.

Увиденное было подобно параду независимости республик после распада союза, пугало невообразимо. Спросить, а что же такое увидел молодой человек, некого, автора данного произведения рядышком нету, он принял кветиапин и дрыхнет. И я на правах протагониста данного романа сообщу вам, что же он, то есть я, увидел. Елена, некогда симпатичная девица с лицом лисицы, стала частью ландшафта, частью стены. Ее тело, покрытое уродливыми наростами, не

вызывало плотских желаний. В определенном значении тело казалось произведением внезапно-го искусства. Поросшее коралловыми полипами, лиловыми рифами чело. Крановщица накрепко прилипла. – Леня, ты на меня так подозрительно не смотри, я сама не понимаю, что происходит, – обескураженно произнесла дева. Леониду подумалось, в подобном облики Елена-крановщица вполне может прийти в сюрреалистическом сне, когда одеяло утащил серенький волчок, а ноги подмерзают. И сонный паралич не желает проходить. Ты лежишь в кроватке, не в силах пошевелиться, не в силах позвать маму, а в дверном проеме крановщица, она томно шепчет всякую чушь. – Я напуган, – честно признался мужчина. Он пыхтел электрической сигаретой, с интересом рассматривая Ленку, напоминающую останки затонувшего корабля, обросшие моллюсками и прочими морскими подробностями.

– Мне позвать взрослых? – наконец, поинтересовался несмело. От влаги рухнула потолочная панель, Аннушка разлила машинное масло. Как говорится, проходит вечер, ночь пройдет, придут туманы, любая рана заживет, любая рана. – Ты совсем больной, ты сам взрослый, сделай что-нибудь! – занервничала Элен Курагина, крановщица и человек-плесень. Ленчик достал швейцарский нож из внутреннего кармана своей кожаной куртки. Пинцетом он попробовал оторвать пурпурный отросток ото лба девушки. Она издала экстаичный стон. От которого фрезеровщик потерял дар складывать слова в увлекательные истории. Тот экстаичный стон явился причиной моей липотимии, да, словечко неказистое. Однако некие ощущения дурноты, легкости в голове, приближающейся потери сознания с вегетативно-висцеральными нарушениями, они присутствовали. – Леночка, я, конечно, понимаю, что одни созданы любить, а другие – чтобы жить, но вы слишком, это самое, – сказал мужчина. Дикция хромала на обе ноги, он сказал что-то еще, сказал непонятно, сказал как ребенок, едва научившийся решать теорему Ферма. А дальше меня одолела чудовищная сонливость. Порою, когда мои достойные жены, пресытившись нашими ночными ласками, издавали подобные экстаичные стоны. Словом, у меня выработался рефлекс. Едва заслышав те стоны, организм переходил в режим энергосбережения. Присев на унитаз, уснул, простите мне эту слабость, ничего не могу с собою поделать.

Глава 11

Нестрашный суд

Леониду снилось отрочество, такое отрочество приснится, начнешь отплевываться, а потом улыбаться начнешь. Всякое в этом отрочестве видал, и как только выжил, спрашивается, спрашивайте, не стесняйтесь. В отрочестве мы не особенно раздумывали о своих отчествах, нам хватало наших отчеств. И не нависла нужда строить скворечник для проживания. И боязнь уголовной ответственности, как и боязнь тетенок, наделенных властью, еще не сделала из нас крошечных невротиков. И сказать о себе: был, соответственно, буду. Именно в отрочестве удавалось искренней, чем сегодня.

Шли январские каникулы. Инспекторша, переодетая Снегурочкой, пожелала нам всего самого лучшего. Ее называли Бенито Муссолини в юбке. Леонид полагал, наговаривают. Ответы на вопросы о воспитании подростков находились в конце учебника, но какая-то падла с помощью канцелярского корректора их замазала. О, как нас воспитывали, довольно-таки сносно воспитывали, думается мне. Выпускали на улицу, кто вернется со щитом, а не на щите, тот заслуживает уважения. Это ж поди уцелей среди бандитских пуль, субкультур и вульгарной женской наготы. Несмотря на свою неформальную внешность, Леня ничуть не боялся гопоты. Все потому, что люди у нас не люди, но якутские алмазы. Сибирские ветра освистывали понторезов и подлецов.

А снега заматали остальных. А мы, когда сидели за новогодним столом, первым делом выпили из фужеров компот из цукуты. Он в этот раз получился особенно терпким. Матушка всего наготовила, жаркое из лошади, блинчики с крабовыми палочками, картошечку, пожаренную на тюленьем жире. Праздновали в фойе общежития, там выставили столы в ряд. Собрались педагоги, вахтерша и несколько студентиков, что не уехали на каникулы домой.

Задорно похрустывал снежок под ногами Леонида. В валенках подросток излишне косолапил. В тулупе из овчинки было жарковато. Уши шапки ушанки из кролика завязаны сверху. Раскрасневшийся Леня тащит увесистый клеенчатый баул, набитый шмотками. А еще там продукты, две бутылки подсолнечного масла, блок сигарет, полкило сахара, кило конфет грильяж, грамм шестьсот сухарей. У салона сотовой связи стайка хищных малолеток полемизировали с двумя нетрезвыми мужиками в черных дубленках. На окнах домов бумажные снежинки, гирлянды. На усах прохожего с дипломатом и в оранжевой аляске маленькие сосульки, звенят что колокольчики. Леонид скользит по наледі мимо католической церкви. Рядом скользит гражданин, у него синтезатор подмышкой, бушлат нараспашку, розовая футболка с портретом попсовой певички порвана. Он спрашивает сипло: пианино за тыщу не нужно? – Не, – отвечает Леня. – Тогда ладно, – говорит мужчинка. Вскрикнув: ля! Он валится в сугроб со своим синтезатором. Лицо покусывает утренний морозец, где-то бабахает салют. Мальчик переходит дорогу по зебре, посыпанной песком и реагентами.

Он поднимается по обледелым ступенькам красного трамвая. За окнами ничего не видеть, иней. Присел на одинарное сиденье, сумку между ног поставил. Подошла кондукторша, она напоминала венерину мухоловку. Едким запахом своих духов привлекала мошкар. Взяла пять рублей, оторвала билетик. Глядя на кондукторшу, подросток вспомнил чьи-то великие слова: когда в бессильном теле порвутся стропы и отступят дух, он воплотится в зрение и слух. У тетеньки брови-нитки. На лице многодетной матери Зои печать грусти. Ей неведомо, что движет Ленькой. Неловко, право слово, и говорить, а движет Ленькой любовь по переписке. Парень ехал в женскую колонию на длительное свидание. О, как он витийствовал в письмах, как упивался собственным положением аутсайдера. Уверял, таким, как он уготована участь, сожительствовать с дурными тетеньками, работая на вредных производствах. А когда же сочинять литературу, литературу, способную превзойти годы и расстояния, невзгоды и стать покаянием. В письмах рассказывал об одноклассниках, что рискнули лизнуть метафизические качели на морозе. Как ты понимаешь, дорогая Лиза, мои одноклассники кромешные идиоты, сообщал он своей подружке в письмах. Кондукторша Зоя в черных лосинах, бежевых уггах и пуховике расцветки зебры сказала по-молодежному: погодка отпад. Присела в свое креслице. И тихо заплакала.

Леонид подышал на стекло, в лунку поглядел на людей-рыб. Трамвай притормозил у пище-рии, тренък, тренък. Озябший Патрис Лумумба в демисезонном пальтишке, с шарфом «Зенита» топчется у металлической скульптуры ангела. Три красные розы, завернутые в газету. Со спины подошла блондинка в рыжей шубке, закрыла Патрису глаза руками. Трамвай тронулся. Метров через пятьсот послышался скрип, вновь остановились. Водитель забралился, что-то у него там примерзло. Со двора вышли красноухие, лысые мальчишки. Со своими молотками, гаечными ключами они казались излишне воинственными. Пурпурные бомберы, вареные джинсы, высокие, тяжелые ботинки с белыми шнурками. Две девицы в монашеских одеяниях поспешно перешли на другую сторону улицы, оскальзываясь. Кружатся дурацкие снежинки, подумала кондукторша Зоя. Какие поразительные снежинки, ко всему прочему, кружатся, подумал подросток. Водитель вышел на улицу в одной рубашке и меховой жилетке. На кого-то накричал, на него тоже накричали, впрочем, возвратился со щитом, а не на щите. – Как я устал играть в незнакомые игры, мне приходится делать первые шаги в этих незнакомых играх, поэтому я постоянно проигрываю,

– поделился он своими мыслями. Вообще-то, мужик сказал иначе, он сказал: какие-то мерзавцы катались на нашей колбасе. Лишь спустя минуту Леня узнал, что такое колбаса трамвая. – А подскажите, какую колбасу вы имели в виду? – Кондукторша недружелюбно ответила: не докторская, не переживай, так называется устройство для сцепки вагонов.

Проезжали общественную баню. Мужчина в лыжной шапке вел за руку щекастого ребятенка в серой шубе, подпоясанной армейским ремнем. За мальчишкой развевалось красное полотенце на манер плаща. Где-то бабахнули салюты, голубиная стая взмыла в небо. Леня попытался представить, сколько зубов у возлюбленной. Вообще, какая она из себя, возлюбленная эта. На присланной фотографии Елизавета выглядела весьма утонченной девицей. В то же самое время лагеря не добавляют здоровья. Дома родители собирались в очередную командировку, переживания отрока их не очень-то и заботили. Куда же они уезжали, кажется, в леса под Челябинском, где нашли очередного гуманоида Алешеньку. Трамвай, хрипло позвякивая, свернул на площадь. У елочки дежурили милиционеры в серо-голубой легковушке. Золотистая мишура, красные шары, подросток приметил на елке Шелкунчика, тот висел в окружении плюшевых мышей. У кафе «Дюймовочка» черные джипы. На крылечке дяденька в смокинге курит. Из «Дюймовочки» выходят еще два мужичка. У них лица обветренные. У одного кобура подмышкой. Второй играет ножом-бабочкой. Скрипнув тормозами, у кафешки затормозила малиновая девятка. Из окна высунулся гражданин в оранжевой маске. Застрекотал его автомат, трах-бабах. Стекла вдребезги. Господа распластались прямо на крыльце. – Вася, езжай, езжай! – закричала истерично кондукторша Зоя.

Василий Андронович любитель восточных боевых искусств, мышц Жан Клода, разведенный по звучному велению жены-вертихвостки, гнал чрезвычайно. Мы проскочили три остановки, напуганные столь бандитскими пострелушками. Лишь у юннатской станции водитель сбавил скорость. Зоя поделилась с нами переживаниями: как будто кран забыли закрыть, а оттуда бегут мурашки, я, кажется, сейчас сознание потеряю. Меж тем в трамвай вошла писательница Людмила Петрушевская. Однако в те годы подросток знал только одну Петрушевскую, та Петрушевская проживала в частном доме в Ново-Ленино, имела синдром Плюшкина, пятьдесят кошек, а также принципиально не платила за отопление. Писательница прибыла в Иркутск на гастроли, ее ждали лучшие библиотеки города. Леню ждала возлюбленная, Василия Андроновича ждали дома волнистые попугайчики, кондукторшу дети, а ВИЧ-диссидента без терапии ничего хорошего не ждало.

Снежинки на полях черной шляпы с вуалью, каракулевая шуба, красные кожаные перчатки, солдатский вещмешок за плечами. Голубые глаза Людмилы полуприкрыты, тонкие, бесцветные губы крепко сжаты. Она подошла к Зое, стала рыться в своем рюкзаке. Томно сказала, протягивая коробку лакричного мармелада: милочка, все пройдет, и это тоже. Петрушевская расстегнула шубку, под нею оказалось темно-синее платье с вышитой на груди жар-птицей. На шее премилое ожерелье, клыки, перья, монетки, куриная лапка. Зоя приняла мармелад, пробубнив что-то благодарственное. Писательница присела бочком на сидение впереди мальчишки. Леня глядел в окно, проезжали стоянку для тел. Ребятня прыгала со склепа в большущий сугроб и неистово смеялась.

– Я вижу, вы поцелованы Владимиром Набоковым, – сказала незнакомая Леониду Петрушевская. Чиркнув спичкой, подкурила сигаретку, вставленную в изящный мундштук цвета слоновой кости. Леня с интересом взглянул на дамочку, она походила на госпожу Шапокляк. В подростке наличествовала особого рода интеллигентность. Не мог он сказать незнакомой женщине, что за подобные предьявы полагается расплачиваться кровью. Никакой Набоков его не целовал. – Вам,

вам говорю, – произнесла она, выдыхая облачко дыма. Трамвай набирал ход, за окном проносились бараки. Тетка выбивала цветастый ковер, косматый дядька в голубой пижаме раскачивался на качелях. – В создавшихся жизненных обстоятельствах я бы попросил вас не пороть ерунды касательно моего социального статуса, – рассудительно произнес будущий фрезеровщик. Зоя, не выдержав, подошла к нам, сообщила: здесь не принято курить, простите. Петрушевская мелко закивала головой: все в порядке, дорогая, все в порядке. И забычковала свою тонкую сигарету о стекло, положила мундштук и окурочок в жестяную банку из-под монпансье. – Я не так выразилась, хорошего писателя, пусть даже будущего, выдает взгляд, вы же всех раздеваете, даже меня успели раздеть, каждую деталь примечаете. – Деревья, принаряженные в снежные кафтаны, стучали своими ветками по стеклу, ехали напрямки через лесной массив. – Я подумаю над этим вопросом, – деловито сказал подросток.

Вышел на остановке «Женская исправительная колония “Сибирячка”». Белые мухи норвят заползти в уши, дыхательные пути и глаза. По снежным горбам, да прямо к хрущевкам, таким родным, таким великим, словно город с областной судьбой. По колени проваливаясь, не разбирая дороги. На магазинчике вывеска: у Фердинанда Селина. Тут места заповедные, места дикие. В советское время все было понятно, хоть зачитайся Селином, Довлатовым, Ерофеевым. На сотни кмэ вокруг пустота, ледяной космос, органы безопасности не лютуют. Жители с пеленок образовывались, пили, дрались, философствовали. О душе рассуждали вечером, глядя на лес из окон своих кухонь. А по детской площадке медвежонок слонялся. А люди сидели у своих окон, о душе рассуждали, нет чтобы помочь, ах, рассуждайте, пожалуйста. Ленька прикинул в уме, надо бы успокоиться, колени дрожат, волнение, сами понимаете, свидание с возлюбленной. Остановился у приемки стеклотары. Пальцы в рукавицах занемели от холода, шерстяные подштанники пока согревают. Ресницы, усы покрылись инеем, свежо невообразимо. Дамочка в куцей серой шубке, шортиках, розовых тапочках возвращается домой из магазина с авоськой. Возвращается налегке, должно быть, моржиха. В авоське пивные баклажки, торт птичье молоко. Личико у ней сосредоточенное, пластырь на щеке, на лбу лиловая ссадина. На голове норковая шапка с резиночкой, чтобы не сорвали. Стремительно проехала бежевая газель с красным крестом, посигналила, будто намекая на что-то.

Все дороги вели к реваншизму, драка на заднем дворе школы, их двое, они в тельняшках. Все дороги вели к реваншизму, ты заправил ее, опустевшую шариковую ручку собственной кровью, а она ни спасибо, ни вот моя грудь, полюбуйся. В случае Леонида дорога вела прямым к лагерю. Свиристел ветер, шел снег. На пустыре виднелся высокий, деревянный забор, его венчала колючая проволока. Детвора у котельной старательно лепила верховного снеговика, белая бескозырка с красным помпоном, такие носят французские моряки. Детская извилистая речь изобиловала трехэтажными метафорами. В окне на первом этаже добротной сталинки мужик, похожий на геолога, свитер крупной вязи, длинная борода. Он танцует с худенькой женщиной в сероватом шерстяном платье. Они прикрыли глазки, тетенька прислонилась щекой к груди дяденьки. Близо посаженные дубы вдоль обочины, их ветки покрылись наледью, постукивают. Подросток подходит к темно-синим металлическим воротам с желтой табличкой: стой, запретная зона. Нас подобной табличкой не остановишь, мы вовсе не фрицы под Курском.

Подросток поднимается по скользким ступеням, дверь примерзла, не поддается на уговоры. Ленчик дергает ручку, едва не падает, оскользнувшись. Студеный воздух, ветер покусывает щеки, дыхание спирает. Дверь, закрипев, отрывается. Внутри приметы праздника, гирлянда на люстре, зеленая мишура. Стены наполовину выкрашены в темно-синий, наполовину побелены. Огромный плакат: жи-ши пиши правильно, соблюдай уголовный кодекс. Пахнет мандаринами, куревым и манной кашей. Леня подошел к окну приемной. Дамочка ему говорит: передачи принимаем с

восьмого января, сейчас не принимаем. Ей немногим за тридцать, коротко стрижена, блондинка, лиловые веки, вишневые губы, подбородок пересекает зарубцевавшийся шрам. На ее сером кителе не хватает пуговички. – Мне бы на свидание, – говорит мальчишка, протягивая паспорт. В комнату к тетеньке входит господин с бакенбардами, в мятом коричневом пиджаке. В руках у него ананас. – Смотри, что подарили рецидивистки, – хвастается. – Илья, проводи вон его в гостиницу, – просит женщина, что-то отмечая в списках. – Ананас положи в холодильник, от него у тебя диатез, а ты мне с диатезом совсем не всрался.

От Илья разит луком и бальзамом «Звездочка». Он прихрамывает на левую ногу. Мы идем длинным коридором, с потолка свисает разноцветный китайский дождик. Журчит вода в питьевом фонтанчике. В гостиничном корпусе топят будь здоров, духота страшная. Леня на ходу расстегивает свой тулуп, снимает шапку. Паркет-елочка поскрипывает. Сопровождающий замечает: хорошая возлюбленная у вас, надеюсь, вы ничего колюще-режущего не взяли. – Не взяли, – отвечает подросток. Подходим к бордовой двери с двумя металлическими лебедями. В своих белых кедах, безразмерном костюмчике Илья напоминает школьника, забывшего форму для физкультуры, всем своим видом он будто напрашивается на поджопник. Он достает из кармана связку ключей. – Номер для новобранцев, – говорит, пропуская Леню вперед. Комната, кухонька, душевая, совмещенная с туалетом. Просторная кровать застелена золотым покрывалом. Гладильная доска. На тумбочке библия в красном переплете, глядя на нее вспоминается неминуемо Марина Ивановна: из рая детского житья, вы мне привет прощальный шлете, не изменившие друзья в потертом, красном переплете. Перламутровые шторы, телевизор, на нем пепельница. – Сейчас приведем Елизавету Матвеевну, – сообщает мужчина и уходит, покашливая.

Ленчик повесил верхнюю одежду в шкаф, обклеенный вкладышами из жвачек. Польские дети Лелек и Болек мастерят скворечник. Скрудж Макдак орет на своих племянников. Одноглазый Майк Вазовски пугает малолетку в пижамах. На мальчишке светло-зеленая парадная рубашка с ромашками. Будущий фрезеровщик нетерпеливо прохаживается по комнате, цокает языком. Представляет, что скажет, когда они встретятся, необходимо ли сообщать о своих психических отклонениях. Подросток рассек воздух, точно саблей, ложкой для обуви, представив голову фашиста из девятого Вэ. Послышались шаги. На пороге показалась она. Елизавета была лысой, будто донской сфинкс. Ее слегка раскосые, голубые глаза, не моргая, смотрели на Ленчика. На травянистом бушлате бирка с именем и фотографией. Имя совершенно не совпадает. Значится какая-то Зульфия. – Лиза, объяснись, почему ты Зульфия? – спросил наивный подросток. И было ему неведомо, мошенница Зуля соблазнила его из корыстных побуждений. Из других побуждений она никого не соблазняла, тут нечего добавить.

– Вот это коленкор, бамбино, – сказала фамильярно дама, усаживаясь ко мне на колени. От нее пахло детской присыпкой, сечкой и одеколоном. Тут же вырвался из порочных объятий. Фальшивая Елизавета с неохотой призналась: обманули дурака на четыре кулака. Мы играли с ней в гляделки. Леня, как проигравшая сторона, раздосадовано произнес: это нечестно. И показал средний палец. – Победителей не судят, – парировала барышня. Она развалилась на кровати, бушлат бросила на пол. – За что тебя посадили? – спросил. – О, чудовищное недоразумение, я пекла булочки с маком, госнарконтроль увидел в моих булочках нечто запрещенное, – ответила Зульфия. – Допустим, – допустил мальчик. На ней кремовая ночнушка, над верхней губой белесый пушок. Сцена волнительная, словно полет на тарзанке.

В дальнейшем Леня опишет данную сцену в своих мемуарах следующим образом. *Когда-то мне довелось стать легкой сексуальной добычей. И это были не издержки демократического общества. Взглянув своими фасеточными глазами на тетеньку, сумевшую вскружить мою дурную голо-*

ву. Я отметил, сколь артистична эта Елизавета. Впрочем, за вранье поставил ей двойку-лебедя, пока карандашом. И, желая, скорее, жалея, заблудшую девку, я проявил малодушие. Сию же минуту не покинул номер для новобрачных. Проявил малодушие, даже не стукнул обманищцу, имел право ее стукнуть. Хотя бы за прическу. Полагаю, вы слышали присказку: за подстрижку ставят шишку. В нашей школе та присказка для многих стала судьбоносной. Представьте, тысячи щелбанов, не каждая голова сдюжит. Некий отличник любил стричься, каждый месяц ходил в парикмахерскую. А к выпускному классу не мог вспомнить отчества Александра Сергеевича.

Лиза приняла позу парнокопытного, выгнула спинку. Развязно сказала: я знаю, чего ты хочешь, мальчишка, давай же, сделай это. Она по-монгольски скуласта, у нее тонкие брови, на переносице маленький порез. Ее неоперенные слова сгодятся для того, чтобы пожарить яичницу, подумал подросток. И ответил: Зульфия, не лезь ко мне, я в печали. Дамочка, поморщившись, произнесла: в письмах ты казался не таким кретином. Она сняла юбку, ночнушку, осталась в белых трусах с клубниками. Знакомая, незнакомая барышня закурила. Кивнув на баул, спросила: можно? – Валяй, – разрешил будущий фрезеровщик. Она принялась выкладывать целлофановые пакетики на колченогий, овальный столик.

– Я снова тебя обманула, дело было не в булочках, – снова обманула Ленчика Зульфия. Подросток стоял у чадающей батареи, глядя на то, как возлюбленная с аппетитом пожирает конфеты. Он взял серебристый чайник, наполнил его водой из-под крана, поставил кипятиться. – Да не кипятись ты, с булочками обманула, ты просто такой юный, ты не терпила, я ж по-настоящему к тебе это самое испытываю, чувства, – рассуждала с набитым ртом Елизавета. Она разлила кипяток по граненым стаканам, бросила в них чайные пакетики. Едва начавшись, длительное свидание изрядно пугало своими последствиями. Ленчик рисковал, связывая свою жизнь с Десятиглазой Зульфией Максимовной, профессиональной мошенницей. У нее был острый ум, как у Зиновия Гердта. Пристрастившись с самого детства к роскоши, родители являлись казнокрадами страшными, однако партийными. На ведомственной даче Десятиглазова жрала из фарфоровой чашки манку с дефицитными бананами. Потом родню отправили валить лес в связи с финансовыми преступлениями. Уже с шестнадцати лет она виртуозно дурила мужиков, представляясь принцессой из Лимпопо, дочерью миллиардера. Мазалась гуталином, обворовывала простых работяг, чего уж тут добавишь.

Леонидзе поперхнулся чаем. На клеенчатую, розовую скатерть вылетели крошки хлеба с маслом. – Знаешь, когда попадаю в новый коллектив, спрашиваю, кто у вас тут самый главный сумасшедший, я тут первый день, хочу сразу понравиться нужному человеку, – рассказывала весело Елизавета. Они сидели по разные стороны столика, север, юг, два полюса батарейки, ковбой. Однако мальчик чувствовал, они подобны пижме, тысячелистнику из одного гербария. Родственная душа, мальчишки чрезвычайно влюбчивы и наивны. У Лизки блестели глаза, как у отчима одноклассника, Максима, отчим злоупотреблял алкоголем, он посетил две чеченские кампании. Отчим Максима открыл дома целый зоопарк, столько белочек приходило к нему, что организовать зоопарк он попросту не мог.

– Зачем ты решила со мной, это самое, – Леня не договорил. Чай подозрительно сладок. Губы онемели, будто их ужалила пчелка, речь стала заторможенной. За окном слышится металлический лай сторожевых овчарок. Ленчику вспоминается, как он шел морозным утром в школу. Только звезды на небе, только пар изо рта. Неблагонадежный сосед выходит из барака, в руках у него окоченевшее тело собачки. Он бросает пса в полупустой мусорный бак, брямс. Лицо Елизаветы сосредоточенно. Женщина лопочет: нявкали на меня, нявняв. – Нявкали по-каковски? – поинтересовался подросток, прикусив язык. Лиза ответила, томно прикрыв глаза: по-колпаковски.

Лео допустил, а Лиза-то красotka, она чудесна, как уральский говор. Комната внезапно качнулась. В груди сделалось нестерпимо жарко. По-идиотски хихикнув, юноша брякнулся в обморок вместе со стулом.

Тело зудело, будто сражался с крапивой. Пришел в себя в коридоре. У самого горла острый предмет. Зульфия шепчет на ушко: дернешься, тебя прямо здесь пилкой попишу. Зачем меня описывать, думает Леонид. Щеки мои раскаленный уголь, кожа древесная кора и так далее. Двое мужчин и одна тетенька, на них синие кители, в руках длинные электрические палки. – Сейчас же отпусти заложника, Десятиглазова! – вопит сотрудница лагеря. Моя незабвенная Лизка ей в ответ: сдаваться мы не умеем. – Зульфия Максимовна, вам же сидеть осталось всего ничего, зачем? – интересуется мужчина с морщинистым лицом, лицом изюмом. Наша осужденная, как мы помним, не умела сдаваться. Она являлась человеком опасным, точно капля реки Ганг, что содержит три миллиона бактерий кишечной палочки. Мы прошли умножение, прошли каптерку, там работал серый телевизор, по телевизору шел довольно-таки любопытный кинофильм, «Авария – дочь мента». Повествующий о сложных взаимоотношениях милиционера со своей разнузданной дочуркой. В стране депутаты нуждались в советах, подписали в беловежской пуще записку, согласно которой мы освобождались от уроков насилия. Ох, как же намучился папа-мент со своей дочкой-бунтаркой. Собственно говоря, фильм повествует об отцах и этих, о перестройке, о трудностях воспитания подростков.

На улице темень. Гипсовый Ленин, а может, не Ленин, говорю же, не разобрать. Внутренний двор, административные здания, казармы, где проживают бабоньки. Хрумкаем снегом, точно лошадки морковкой. Жандармов повсюду видимо-невидимо, как печенегов. Они уговаривают, запугивают. – Пожалуйста, не усугубляй, Зульфия, хуже будет, уедешь в ШИЗО, ой, как надолго. – Подросток защищает свою похитительницу: вы не понимаете, у нее тонкая душевная организация, не мешайте. Налицо стокгольмский синдром. Часовой на вышке делает предупредительный выстрел. Вечная зима, бытующая вокруг, много меньше нашей любви, подумалось Ленчику. Он сказал об этом Лизе. Та шикнула на него: не сейчас, ты видишь, у нас мятеж. – А твой мятеж не может подождать? – интересуюсь. Мы подошли к хозяйственному блоку, розовому двухэтажному дому. Блестят сугробы, фонарь, полоска света. Сотрудники обступают полукольцом, что азартные охотники Брейгеля, но мы совершенно не дичь. – Кто приблизится на расстояние пяти книжек уголовного кодекса, тому вилы, а парню так и так несдобровать, – предупреждает возлюбленная. Чувствую, как пилка для ногтей скребет шею. Светит незнакомая звезда, это Лизонька так светит. Близость девицы волнует похлеще найденной недавно пачки ваучеров. Где-то гремит электричка. Мы приближаемся к строению, стены которого облицованы нежно-голубой мозаикой, кажется, нежно-голубой мозаикой, свет фонаря близорук.

Заходим вовнутрь, запахивает сладко парфюмом Cosa Nostra. На стенах яркие плакаты. На плакатах ежик в тумане, кот Леопольд и другие. Лозунги: на свободу с чистой совестью, исправимся, но не содохнем, давайте жить дружно, воровать это плохо. Где-то журчит вода, слышится женское гоготанье. На подоконнике фикусы, денежное дерево, кактусы. Бьется сердце-копилка. Ленчик в предвкушении. Где же у них случится соитие. Как говорят умные люди, коитус. – Чего это у тебя слюни потекли, ты не заразный часом? – интересуется Елизавета. – Закрой пасть, – дерзит подросток, ему свойственно дерзить, ничего странного в этом нету. Табор уходил в небо, а мы оставались в этом прелестном лагере «Орленок». Нас не преследовали более. Должно быть, всерьез опасались разгневанную женщину, инциденты в праздники никому не нужны. Она все расспрашивала, отчего я такой странный. Выхватив пилочку, с нажимом провел по своей щеке, обмакнул палец в кровь. Поводил им по губам Зульфии. Тетенька с опасением сказала: это какой-то паноптикум. – Да, моя королева, – отвечивал подросток.

Мы забрели в комнатенку, бетонные стены и деревянный пол выкрашены густо-зеленой краской. На вешалках лагерные бушлаты, на лавках женское исподнее, одинаковые, кофейные панталоны, цветастые бюстгалтеры. Сиротливая синяя коробка порошка «Миф» у батареи. На батарее серая половая тряпка. Половые гормоны бурлили, словно река в Перу. За малиновой дверью раздавался щебет рецидивисток. – Не опозорь меня перед бабами, наши отношения – похититель, заложник, – поучала Лизка. Потом неожиданно спросила: скажи, ты зверей не мочишь от скуки? Леонид тактично промолчал, желая показаться таинственным. – Боже мой, невеста палача какая-то, – ерничала девка. – У нас будет безалкогольная свадьба, главное, спрячь от меня ножи, а еще покажи, куда не следует заглядывать в нашей замечательной квартире, надеюсь, ты пропишешь меня в своей квартире, чтобы она стала нашим гнездышком, – говорю ей, распуская свои чудесные волосы. Гремят в соседнем помещении тазы, слышен каркающий смех. Ленчик спрашивает: неужели ты решила познакомить меня со своими подружками, а я и не против? Лизка побавровела, сразу понял, собственница страшная. Однако в письмах она представлялась мне по меньшей мере некрасовской барышней. Строгий взгляд, румяные щеки. Готова пожертвовать всем ради семьи, ради простого женского счастья. Полагал, она способна принять полигамию своего супруга. Урановая таблетка способна заменить шесть вагонов угля, читая письма, казалось, Елизавета способна заменить ядерный реактор.

За малиновой дверью нас встретили голенькие девчонки. Девчонки куражились, бросали зарики, рассказывали занятные небылицы, плескались. Они были похожи на баб с картины Александра Дейнеки «Полдень». Вероятно, вы не помните ту картину. Лето, Донецкое море, девицы нагишом купаются, на фоне мчится поезд, повсюду зелень, домики вдаль. Весело и развратно, усмехнулся про себя подросток. Шесть тетенок изумленно уставились на нас. Будь я Эмилем Золя, обязательно написал бы: изнемогаю от любви, они едва слышно шептали безумные слова, ложе у нас – лагерный кафель, светлое небо – побеленный потолок над нами, лобзай нас лобзанием уст своих, ласки твои лучше винишка. Пусть я несколько преувеличиваю, что вы хотите от романтика. От женщин слышались сальные шуточки, кто-то из них смутился, прикрывшись та-зиком. – Жениха привела, что ли? – спросила конопатая обольстительница с красными птичками, наколотыми на ключицах. Остаюсь холоднокровным эскимосом, крепко сжав губы, киваю. – Женишься, пожалеешь, не женишься, пожалеешь, вы правы, господин Сократ, – рассмеялась дама, похожая на стилиста Зверева. Она протянула руку, представившись: Чернобурка. – Что ж, Чернобурка, – говорю, – очень приятно. – Засматриваюсь на чей-то греческий нос. Прочие арестантки сдержанны, на контакт не идут. Елизавета нетерпеливо сказала, хлопнув меня по плечу: хватит знакомиться, обормот! О, как же она ревнива. Полагаю, с таким темпераментом ее придется поколотить. Полагаю, я поколочу ее книгой по домоводству.

Тропический климат душевой вынуждает меня раздеться. Под улюлюканье расстегиваю ширинку, снимаю валенки. Делаюсь босоног. В лиловых плавках, беленькой майке похож на пловца. Присаживаюсь на краешек мокрой скамьи. Я нынче заложник, у меня в распоряжении целый гарем. Голые дамы интересуются намерениями подростка. Готов ли он нанять детей, пока Лизка чалится по лагерям, ведь чалиться она будет. У нее цыганские корни, понимаешь ли, с ней ты держи ухо остро, страшали девчонки. Ленчик дебиловато улыбался, молчал и не выделялся. Чернобурка спросила у Лизы: а что дальше, ты какие-то требования выдвинула? Зульфия ничего не выдвигала. Слово за слово, хреном по столу, разгорелся бабий скандал. Чем ты думала, мы же теперь соучастницы. Две барышни были на стороне моей похитительницы. Остальные же склонялись к постыдной капитуляции. Будущий фрезеровщик, не теряя времени, принялся намываться чужой розовой мочалкой. Он размышлял о своем неразборчивом почерке, о том, что его письма Лизе станут прекрасной литературной основой для произведения «Матренин двор».

Дурманом сладким веяло, пока цвели сады земных наслаждений рецидивисток. Бабы решили все-таки стоять, сидеть, лежать до последнего, заложника не выдавать. Подросток подивился женской солидарности. Отчего-то возбудился чрезвычайно. Незведанная тетенька, чье тело усеяно бордовыми родимыми пятнами, напоминающими соски, схватила мальчишку за ухо. – Ай, тетенька, – завопил мальчонка, – отпустите великодушно! – А ты любишь подглядывать, – насмешливо сказала она. Затем положила мою руку себе на причинное место, горячее, что печка. Приговаривала: тебе, должно быть, доставляет удовольствие щупать порядочных женщин, признайся. Елизавета положила конец моим любовным страданиям. Грубо крикнув: сейчас же, Настенька, прекрати, а иначе я тебя исцарапаю. Похоже, Лизка пользовалась авторитетом среди диких кошек. Прочие барышни, смущенно улыбаясь, помалкивали. Подросток на всякий случай надел свои плавки. Эрекция прошла, словно лето, только этого было мало. От Ленчика не ускользнули плотоядные взгляды преступниц. Внутренне ликуя, он кокетливо произнес: полегче, дамочки, вы такие нетерпеливые, просто ужас.

В соседнем помещении скрипнула дверь. Послышался мужской голос: это самое, говорит оперуполномоченный Плахов, я один, это самое. Чернобурка ему в ответ, передразнивая: Плахов, это самое, не наглей, мы голенькие, а жена твоя Лора дома пирожки печет. Оперуполномоченный кричит возмущенно: Чернова, это самое, какое тебе дело до моей жены, ты мою жену не трогай! Настенька, хрюкнув, хохочет: Плахов, а чего твои дети на соседа похожи, неудобно как-то. – Горохова, это самое, никакого условно-досрочного освобождения ты не увидишь, – пугает мужик. Незнакомая мне девица с татуировкой дракона на пузе произносит задумчиво: Плахов, иди ты со своим условно-досрочным, кто мне условно-досрочное в прошлом году обещал, между прочим, я себя очень хорошо вела. – Так, это самое, я вхожу, – предупредил сотрудник лагеря. И вошел.

И показался человеком приятным, словно путевка в Крым, обаятельным, как Игорь Тальков. Щеточка усов, ласковые, карие глаза. Пепельные волосы, пробор на левую сторону, нечасто встретишь пробор на левую сторону, подумал мальчик. На Плахове синие треники, коричневый свитер, зеленый китель, звездочки на погонах ни о чем не сообщают. – Что за цирк шапито, Десятиглазова? – осведомился он. В руках у него два целлофановых пакета, в одном сушки, в другом шоколадные конфеты «Дюймовочка». – Будем договариваться, вы мне пацана, я вам вот, это самое. – Чернобурка, сощурив глаза, презрительно говорит: у нас разные культурные коды, легавый. Девчоночки одобрительно заголосили: разный, не сомневайся. Их обнаженные тела пахнут приятными лосьонами. Леня подумал о хлебной мяготи. Животик Черновой напоминал мяготь бородинского хлебушка. Плахов, поморщившись, предложил: давайте договариваться, это самое. Зульфия шагнула вперед, высказалась: администрация возвращает в наш барак телевизор, а еще разрешает посылки больше пяти килограмм. – Десятиглазова, телевизор вам и так собирались вернуть, – заверил мужчина, – куда столько килограмм, кормят вас хорошо, не понимаю.

Девы буравили взглядами оперуполномоченного. Тот переминался с ноги на ногу, виновато поглядывал на Леонида. Видно, совестливый человек, радеющий за свое дело. Вместо того чтобы устроить маски-шоу, вместо того чтобы забить бунтарок резиновыми дубинками. Он дипломатически практикует. Конечно, жизнь хрупка, точно канцелярский нож, размышлял мальчишка. Но иногда можно устроить маски-шоу. – Решайся быстрее, я замерзла вся, – поторопила Настенька, – нам пацаненок, честно говоря, вообще не сдался. – Даже рецидивисткам я не нужен, огорчился Ленчик. Временами подросток ощущал себя Сергеем Крикалевым, последним советским гражданином, чья миссия подходила к завершению на станции «Мир». А на Земле происходил крошечный бардак, и танки стреляли по Белому дому. А Сергея попросили остаться в космосе еще на полгода.

– Ладно, мы поднимем лимит посылок до семи килограмм, это самое, – сдался Плахов. Женщины загомонили: правильно, зачем с нами ссориться, мы же самые настоящие истринские ведьмы. Елизавета деловито забрала пакеты с конфетами и сушками. Сказала: Ленька, ступай с дяденькой, наши отношения были ошибкой, так бывает, привыкай. Мальчик, не сдерживая себя, плюнул в лицо некогда дорогой сердцу Зульфий. Они вышли с Плаховым на улицу. Из рта вырывался пар, снежный наст похрустывал под ногами, точно капустный лист. Мелькал вдалеке красный огонек. Первый, крепкий морозец, как первый просмотр кинофильмов господина Балабанова, радовал. Звонящая тишина, нарушаемая треском деревьев, скрипом наших шагов. На душе было легко, словно медвежонку, что в теплой берлоге карабкается на спину матери. На чернильном небе грянули звезды, оглушительно яркие и таинственные. И время наступило для колядок. Детишки, наряженные в мятежных ангелов, бродили по квартирам, пели, восславляли Христа. Они на каникулах, им позволяется неистовствовать, они, точно протопоп Аввакум, отсидели в земляной тюрьме учебную четверть.

Подошли к проходной. Мужчина принялся вести пространные беседы, протянув сигаретку. Сообщил: сынок, все мы вышли из первичного бульона, это, думаю, понятно. – Допустимо ли говорить такие вещи, ведь мы живем с вами в православном обществе, – возмутился Леня. Сырная луна освещала заячьи следы, снежок искрился и блистал. – Я к тому, бабы, они похожи на письма с фронта, долгожданные и страшные, хотя моя жена Лора не страшная, но симпатичной назвать ее язык не повернется, – размышлял оперуполномоченный. Мы были воспитаны русской зимой, соответственно, влюблены в жизнь, подумалось. На небе млечный путь, такой ясный, будто его перед праздниками помыли. На столбе зашипел репродуктор. – Когда-то, еще будучи лейтенантом, говорил всем, дескать, жить нужно так, если бы пришествие Христа ожидалось сегодня вечером, да, я был идеалистом, как Джимми Картер, – гражданин выпустил струюку дыма. – Девки отстой, – подтвердил подросток. – Градус космического холода ничто по сравнению с холодными пельменями, которые приходится жрать в новогоднюю ночь на балконе, где заперт супругой, – пожаловался мужчина. – Вы подстрекаете мое любопытство, что же произошло? – спросил мальчишка. Толстые сосульки, напоминающие пустые пивные бутылки, опасно свисали с крыши крыльца. – Там, где нету аргументов, там есть мнения, – отвечивал многозначительно господин.

Леонид со своим новым знакомым докурили, бросили окурки в синюю урну. Оконце избушки было наполовину замазано белой краской. В феврале день рождения, в феврале достанем чернила и будем плакать, размышлял мальчишка. – Меня в Афганистане фокус научили, хочешь, я сейчас исчезну? – неожиданно спросил Плахов. – Совсем исчезнете, то есть как общественная солидарность, как ощущение, что все мы являемся частью единого целого? – переспросил парубок. – Ну, почти, – задумался надзиратель. Причудливые мысли донимали парнишку. В феврале очередной день рождения. Совсем скоро мне понадобится пенсия и пенсне. Я как всегда драматизирую, но подумайте сами, недальновидность чревата. Не хочется кусать локти во дни своей немощности. Лежать на диване в своем Долгопрудном, в квартире, доставшейся от союза писателей. И даже стакана паршивой воды некому поднести, внуки разъехались по миру, а родить своих детей не успел, все откладывал, полагая, успеется. В феврале мне стукнет семнадцать. – Исчезну, как животные из блокадного Ленинграда, – сказал самодовольно Плахов. И в самом деле исчез. Вот он стоял перед Ленчиком, а потом растворился, словно чайная ложка сахара в горячей воде.

Фокус показался не лишенным изящества. Покачивался навесной фонарь. Подросток отбрасывал длинную тень. Сумма его поступков была больше разности вкусов, апельсин был оранжевый, список продолжите сами. Иней на ресницах, губы растрескались, кому нынче легко, скажите на милость. Обманываться подросток не любил, прислуживать тем более. Елизавета поступила

крайне вызывающе, гадко она поступила. Времени на раскачку нет, в феврале стукнет семнадцать. За воротами колонии ехала машина, из ее салона доносился рэп: день как протокол, а ночь как облык, этот серый частокол ведет тебя в пропасть. Низвергнуться в пропасть Леонид не очень-то и хотел. Из печной трубы административного здания вылетал сизый дымок. Подросток замер в нерешительности посреди Сибири, посреди нулевых. Помотал головой, отгоняя морок. И вошел в двери пропускного пункта, чтобы через года повторить фокус оперуполномоченного Плахова.

Глава 12

Синие воротнички

– Общайтесь дальше с дельфинами, а не рассуждайте о концах Светы, – журчал мужской голос. – А все-таки я вижу в этом событии последнее вьетнамское предупреждение нам, – говорила девица. – Китайское, китайское предупреждение, – поправил иной гражданин. – Люди добрые, посмотрите, какие у меня македонские фаланги, – хвастается Богатырев, его-то голос я узнаю. – Со всем этим дурдомом совсем позабыла о своем сыночке, он же в детском садике, – задумчиво произнесла Клавдия. – Ты, получается, мать-кукушка, – заметила Маришка. – Вообще-то, мне импонирует больше буревестник, – высказалась Клава. – Твой пацан, он кем вырастет? – поинтересовался Юрий Тимофеевич. – Если я его заберу, он вырастет хорошим человеком, – с достоинством ответила Клавдия Семеновна. – Все какое-то нелепое, как чудодейственный гербалайф, вы не находите? – спросил Савелий. Послышались шаркающие шаги, кто-то присел на скрипучую шконку. Сказал довольно: ох, мочеиспускание все-таки единственное наслаждение, не оставляющее укров совести. – Что ж вы так грубо, фи, фи, фи, – заметила Марина Вячеславовна. – Виноват, сударыня, но я не виноват, – возразили ей. И тут же кто-то продекламировал шутивно: в глухом, заброшенном селе, меж туч увидели сиянье, никто не думал на земле, что прилетели марсиане. – Тише, наш мальчик проснется, – это Юрий Тимофеевич сказал.

Фрезеровщик имел удовольствие проснуться в бомбоубежище. Шерстяное одеяло покалывало щеку, оно напоминало кожуру киви. Достопочтенные коллеги примолкли, должно быть, заметили пробуждение Лени. Сейчас начнут перемывать косточки с хлоркой, подумалось. Приоткрыл глаза. Приглушенный свет флуоресцентных ламп, двухъярусные кровати, железные темно-зеленые шифоньеры. Красный ящик с надписью: песок. За длинным столом сидят люди. Пыхтит уковар. Пахнет перловой кашей, яблочным вареньем, стариканами. То есть лекарствами. Впрочем, Ленчик и сам временами источал запах медикаментов. Стоит заметить, впервые за два года фрезеровщик уснул, не выпив на ночь четырехста миллиграмм кветиапина. Кто-то из присутствующих грустно заметил: жаль, конечно, что потеряли Чичи, без него чувствую неполноту жизни. – А у нас есть Леня, зачем нам собака, – говорит Маринка, дразнит. – Как некультурно, – пристыдили ее, – ты еще покажи шмайссером на виселицу нашему Лене. – Зачем же сразу на виселицу, мы же мирная публика, – обиделась Марина.

Ленька спрыгнул с кровати. Общественность загомонила: здравствуйте, доброе утро, кто рано встает, тому бог подает, утро вечера мудренее. Мужчина не досчитался десятых коллег и собаки. – А где остальные? – спросил. Юрий Тимофеевич в салатном костюме ОЗК пояснил: так мы, когда поисковую группу за тобой послали, такое претерпели, такое претерпели, один Савелий вернулся. – Граждане закивали головами, соглашаясь. Заточник Савва встает из-за стола, говорит: на завтрак у нас консервы, угощайся моими галетами, мы же все кенты, дружочки. – Правильно, – поддержал Богатырев, – можешь пользоваться нашими женщинами, не стесняйся. – Клавдия глухо возразила: еще чего, пользоваться мною можно только руководством и только

при наличии служебной записки. На ней бирюзовый лаборантский халатик, она отчего-то надела темно-зеленый противогаз-слоник, вероятно, дурачилась.

Марина Семеновна кокетливо говорит: в детстве я хотела стать Раисой Максимовной Горбачевой, чтобы муж у меня был великим реформатором, Леня, ты великий реформатор? Марина Вячеславовна заваривает пакетированный кофе, подносит алюминиевую кружку к губам, дует. Дамочку все игнорируют. Незнакомый тучный мужчина в темно-синем костюме-тройке спрашивает: Леня, а ты вот об этом напишешь, если напишешь, как назовешь? Фрезеровщик, задумавшись, отвечает: брейк-данс моей души. – А это будет поэма или повесть? – не унимается гражданин, похожий на сенбернара, – я вот напишу роман под названием «Спокойной ночи, работяги». – Петрович, ты же инженер-конструктор, какой роман, – смеется Богатырев, ложась на кровать. Скрипит панцирная сетка. Коллеги оживленно спорят, возможны ли стихи после августовского путча, нужно ли художнику быть Адольфом и так далее. Леонид их не слушает, выходит в коридор бомбоубежища. Смотрит на экран мобильного, в сотовые сети не ловятся ни окуни, ни Тимоти Маквей. Молодой человек заходит в комнату с умывальниками.

Холодная струйка воды, эмалированная салатная раковина, ржавые разводы. Пурпурная плитка на стенах растрескалась. Из отверстия в полу тянет застоявшейся мочевиной. Леня берет серый обмылок, намыливает лицо, шею. Полощет горло, сплевывает. Отчего я так и не стал убийцей пирожков, худющий что селедка. Леонид промывает глаза от картинок Сальвадора Дали. Долго решается, наконец опускает голову под струйку воды. Выкрикивает задорно: хороша, хороша падла! Скорее всего, имеет в виду ледяную водицу с привкусом хлорки. Вспоминает, не взял полотенце. Снимает футболку, вытирается ей. Думает о близняшках. Если все обойдется, надо родить Иакова. Нет, лучше девочку родим. А желтая пресса прознает. Напишет, дескать, у одного литератора народилось потомство. Нет, заслуженный фрезеровщик нашего города впервые стал отцом. Леня обращает внимание на потолок. На потолке множество черных клякс. Незнакомый подонок зажигал спички, потом бросал их вверх, преследовал неизвестные цели. Колыхается от сквозняка паутина в углу. Молодой человек возвращается к своим.

У нас тихий час. И все разлеглись, что моржи. Лыдины дрейфуют, реальность истлела, как спички девочки, о ней рассказывал Ганс Христиан. Леня в сандалиях, доставшихся от одного Телемаха, обнаженный по пояс. Глядит на сослуживцев. Клава возлежала на втором ярусе и разглагольствовала: как же в отпуск охота, колумбийский снег, атлетичные мулаты, закаты, голубая лагуна. Богатырев ей замечает: а сибирских пряников не охота? Мы беззлобно посмеиваемся. Марина Вячеславовна склонялась, как падежи, к решению покинуть нашу кротовую нору: господа хорошие, может быть, мы организуем группу, которая поднимается на поверхность? – Ты же оператор станка с программным управлением, окстись, на какую поверхность, от поверхности рожки да ножки остались, – драматизировал заточник Савва. Он точил о бетонную стену шариковую ручку. Юрий Тимофеевич изучал желтую газету полулежа, дымил сигаретой. Изредка поглядывал на Леню. Фрезеровщик стал поедать из банки перловку с говядиной. – А вы едите где нашли-то, тут запасы какие-то? – поинтересовался. Безмолвие было мне ответом.

– А вот у меня в детстве была кошечка, она любила гулять сама по себе, – поделилась Клава. Леонид обратил внимание на голубые железные стеллажи вдоль стены. На них лежали завернутые в вощеную бумагу фильтры для противогазов. Инструкция, как вести себя при ядерной атаке, висела на голубой стене. – Ну, гуляла, неделю могло ее на быть, две, однажды она пришла домой, а мы обнаружили у нее аккуратный шов, знаете, будто кто-то сделал ей операцию и зашил, выяснилось, наша кошечка жила на две семьи, в другой семье хозяева сводили животное к ветеринару, обнаружили какую-то болячку, прооперировали, – дорассказала Клава. – Я вообще

не наелась, – нервно говорит Маришка, – в моем кишечнике гуляет сквозняк. – Она подошла к фрезеровщику, посмотрела пронзительно, дескать, оставь доест, дескать, мы же не звери. – Так, запасов провизии на две недели, а не на три года, поблагодарим за это кого-нибудь, – разнервничался Юрий Тимофеевич, отложив газету. Инженер конструктор с внешностью сенбернара не выдержал, закрыв лицо руками, закричал: ааааа!

Вокзал видел больше искренних поцелуев, чем ЗАГС, бомбоубежище видело в нас людей, у которых засvistели фляги. – Давайте успокоимся, давайте выпьем, у нас тут имеются дрожжи, насыпем в себя, они там забродят, мы опьянеем, – предложил Богатырев, неуверенно захихикал. На нем были надеты презабавные трусы с портретом волка на причинном месте. – Здоровая нация так же не замечает своего безумия, как здоровый человек позвоночника, – глубокомысленно сказал фрезеровщик. Положение совершенно не смущало, мне было комфортно под землею, словно клубная картошки. Подобные закрытые учреждения были мне абсолютно понятны. Читатели не дадут соврать. С завидной регулярностью я лежу в психиатрических отделениях. Там же написаны любопытные литературные вещи, к слову сказать. До фонаря мне замкнутые пространство. Однажды я просидел в квартире три месяца, вынудив маму вызвать людей в белых одеждах. Помнится, она вызвала их, испугавшись моего пространного диалога с засушенной пуповиной, которую сама же сохранила в оранжевом конвертике, вместе с прядью первых сыновних волос. Такая она женщина сентиментальная, конечно. Нынешняя ситуация, связанная с вынужденной изоляцией, нисколько не тяготила Леонида. Кукушка и так давно улетела, второй кукушки не было в гнезде.

Пока работяги оживленно спорили о причинах и следствиях. Фрезеровщик неспешно позавтракал. Громче всех голосили девочки. Причитали, мол, все пропало. Ширь закатов блеклых, кокетили секс на пляже по пятницам в клубе, усталые игрушки, сериал «Американская история ужасов», «Прозак», словом, пропало то небольшое, что делало девчонок счастливыми. – Вы вызываете у меня отторжение, все вы, – признался инженер-конструктор. – А вы вызывайте ОМОН, – шутил Богатырев, приглаживая свои пшеничные усища. – Давайте будем терпимы к феминитивам, а еще инфантильным, знаете, мальчишкам, – высказалась Марина Вячеславовна, морща свой конопатый нос. Обстановка располагала к настольным играм, Леня предложил поиграть в ножички. Юрий Тимофеевич отказался играть в ножички, он предложил тянуть спички. – Того, кто вытянет короткую спичку, съедим первого, – произнес наставник. Что тогда началось, барышни оскорбились страшно. Мужики тоже не хотели никого кушать. – Мы и так живем на улице с потусторонним движением, – сказал Савелий, – я лучше поднимусь наверх, чем буду заниматься такими непотребствами. – Заточник бесталанно жонглировал фильмами для противогАЗа. – Твое предложение принято, тот, кто вытянет короткую спичку, поднимается на поверхность, – промолвил Юрий.

Заводчане собрались за столом, сделались похожи на знатоков Федора Двинятина, Максима Поташева и других. – Куда мы докатились, – поделилась соображениями Клавдия, – продаем внутренних детей в рабство. – Ей никто не ответил, проигнорировал. Напротив Ленчика присел инженер. Он выглядел крайне болезненно, как печень раскормленного гуся. Облизывал беспрестанно губы цвета клюквы, слезились его глаза, сальные, черные волосы блеснули. Кремовая рубашка измята. Бедняга совсем расклеился. О чем он думает, вряд ли о жене или о сытном ужине, бутербродах с фуа-гра. Вероятно, его заботит невозможность вновь почувствовать себя значимым членом общества. Именно благодаря инженеру наши космические корабли, что живучие тараканы, сновали по марсианским кухонным столам. Досаждали домохозяйкам Венеры. Быть может, на далеком Титане фрезеровщик с фиолетовой кожей, возвращаясь в пустую квартиру со смены, которая длится световой год. Обрабатывает ядерным дихлофосом шкафы. Наш космиче-

ский кораблик, запутавшись в складках шубы из невиданного животного, гибнет. Впрочем, это все космическая лирика, не относящаяся к делу.

Юрий Тимофеевич достал из коробка семь спичек, одну сломал напополам. Клавдия прикрыла глаза руками, шутливо сказав: я в домике. – В домике, не в домике, участие добровольно-принудительное, – постановил Богатырев. Кому-то приятно кормить лошадку с руки, Леониду было приятно находиться среди коллег. Он чувствовал небывалое вдохновение, общаясь со столь искренними гражданами. Фрезеровщик полагал, когда тебе тридцать лет в лицо прилетает раскаленная металлическая стружка, перестаешь говорить неправду. Изо дня в день ты барахтаешься в керосине и машинном масле. Крутящийся с бешеной скоростью резец снимает сантиметры нержавеющей стали. Он крутится в опасной близости от головы год за годом с перерывами на праздники и выходные. Это накладывает отпечаток, знаете ли. Перестаешь зазнаваться и рисоваться. Ко всему прочему, был уверен Ленчик, работяги являлись чудесными литераторами. – Вы литераторы, почему вы ничего не пишете! – воскликнул наш Ленчик, но никто не ответил, игнорировали.

Маришка предлагала себя Савелию: не думала, что средневековые так быстро наступит, но владей мною в награду за, что вытянешь две спички, за себя и за меня. Бедняжка, должно быть, повредила рассудком. Недаром Пушкин сообщил нам: честь береги смолоду. – Клава, ты согласна с этим утверждением, подтверди либо опровергни, – призвал к ответу фрезеровщик. – О чем ты болтаешь? – недопоняла девица. – Как же, о чести, которую необходимо беречь смолоду, – терпеливо пояснил я. Юрий Тимофеевич стукнул кулаком по столу, сообщая: мне шестьдесят шесть лет, честь я берег с яслей, теперь я пенсионер, я наверх не полез, тяните спички, крутите барабан. Наставник накрыл широкой, словно ковш экскаватора, ладонью семь спичек, одни головки торчат. Леонид первым вызвался участвовать, его спичечка оказалась короткой. Сочувственные слова ребят уже не казались искренними. – Какие вы литераторы, вы какие-то авиаторы, – сказал печально Лео. – Мы самые настоящие литераторы, – заверил Богатырев, – просто времена не выбирают, в них живут и понимают, что коллектив превыше всего. Леня был не совсем согласен с данным утверждением, однако с внимательно-ласковым выражением лица слушал этих сказочников, словно психиатр, выслушивающий своих пациентов.

Мне вручили старый чайный пакетик на удачу, Савелий извинился, посетовав, что засушенной обезьяньей лапки у него нет. Маришка в знак признательности предложила по-быстрому переспать. – У меня дома жены, не сплю с кем попало, – подтрунивая над барышней, сказал фрезеровщик. – Сам дурак, – обиделась женщина. Леонид в окружении рабочих стоял перед гермодверью, выслушивал наставления, казавшиеся полнейшей чушью. – Силовые методы, они возникают из-за некомпетентности, – поучал Юрий Тимофеевич, он успел налакаться спирта, – кого бы ты там ни встретил, не вступай в перипетии. – В Закарпатье вампиры, у нас теперь инопланетная шушера, – роптала Клавдия. – Жалко, Наума потеряли, он родился в рубашке, даже в костюме-тройке, к тому же на нем была норковая шуба, когда он родился, – с грустью сказал заточник Савелий, – не потеряли бы, обязательно вместо тебя отправили бы, Леня. – Черный дисковый телефон, висящий на стене, был покрыт толстым слоем пыли. Неожиданно телефон зазвонил. Мы были крайне напуганы данным обстоятельством. Взять того же Леонида. Не склонный паниковать из-за малейшего чиха, из-за невинных голосов, звучащих в башке, из-за сезонных психозов. Даже Ленчик несколько напрягся. Аппарат продолжал угрожающе тренькать. Паук-почтальон полз по красному электрощиту, его сумка с письмами тяжела, а кому нынче легко, мои дорогие читатели.

Хотелось бы сделать лирическое отступление. И я его, пожалуй, сделаю. Одно лето жена Но-бея танцевала с математиком. Видя это непотребство, изобретатель обратился к нотариусу. С

тем, чтобы добавить в свое завещание: математикам премию не выдавать. Как хорошо, что его жена не спуталась с литератором, значит, у меня имеется шанс, подумал герой нашего романа. Не меньше, он снял трубку, ответил: алло. С другого конца провода послышался дерзкий голос подростка: ну, как там с деньгами? Леня переспросил: какими деньгами, куда ты звонишь, сынок? Собеседник отвечал: тебе звоню. – Кому тебе? – А вот тебе вот. – Ты кто такой? – Михал Палыч. – Какой Михал Палыч? – Терентьев. – Такого не знаю, ты ошибся, друг. – Кто? – Ты. – Что там с деньгами? – Какими деньгами? – Ну, которые я вложил в капитал. – Куда? – В капитал прожиточного минимума. – Ты пьяный или кто, сынок? – Я требую, я Михал Палыч Терентьев. – Кто такой? – Пьяный. – Вот именно, завяжи лямку! – Куда, что завязать? – Завяжи лямку! – А что ты кричишь? – Да ничего! – Алло! – Да. – Ну что там? – Чего? – Как с деньгами обстоят, обстоит вопрос? – С какими деньгами? – Которые я вложил в капитал. – В какой капитал? – Прожиточного минимума. – Какой? – В смысле, в какой? – Ты куда звонишь, по какому номеру звонишь? – По твоему номеру. – Ты, сынок! – Что, папа? – Сынок хренов! – Что? – Ты, куда звонишь? – Что ты кричишь? – По какому номеру звонишь? – Двадцать два, пятьсот пять.

Разговор зашел в тупик. И мужчина повесил трубку. Марина Вячеславовна протянула перцовый баллон с ласковым названием «Черемуха». Взволнованно сказала: ты береги себя, как этот, который написал, жди меня, и я вернусь, только очень жди. Заточник принялся отпирать монструозную дверь. Работяги отдали пионерский салют в честь Ленчика. На этой пафосной ноте мы расстались.

Поверхность была враждебна и безобразно-прекрасна, нужна ли нам такая поверхность, вопрос. Температура упала до минус пятнадцати. Советский термометр, запятнанный инеем. На столе толстый слой наледи. В качестве иллюстрации опишу подробности ледяной табельной. Надо полагать, читатель обладает прекрасным воображением, он сообразительный малый, неплохо начитан. Знает, что близнецы поспособствовали изобретению зеркала. Знает, к примеру, что все мы похабные рисунки на полях тетради двоечника Васечкина. Однако, примеряя на себя роль рассказчика, не могу не пуститься в скучнейшие описания.

Покинув бомбоубежище, которое, как мы помним, располагалось в подвале табельной. Леня столкнулся с той самой Сибирью, воспетой нашим современником, бонвиваном и пошляком Мишей Токаревым. Красный неваляшка покачивался, позвякивая. Мужчина случайно пнул игрушку, та отлетела к секретеру. На лбу выступил холодный пот. Папка с надписью: особенности плавления цветных металлов, технология. Папка вмерзла в пол. Коричневый линолеум, покрытый ледяной коркой, напоминал песчаное дно речушки. В центре комнаты горел костерок. Ленты, облепленные мухами, свисали с потолка, как лианы. Быть может, господин Сартр, взглянул именно на этих окоченевших мух, а потом сочинил свою пьесу, кто знает. Тонкие, чахоточные деревья, сумевшие пробиться сквозь бетон. А на них растут лиловые плоды неясной этимологии. Фрезеровщик отламывает ветку, приподнимает крышку котелка. В котелке, по всей видимости, клюквенный морс, мой любимый морс.

Ленчик приметил следы на снегу, он потревожил чье-то спокойствие. И теперь ожидал праведного гнева. Подобно муравьям, отказавшимся поклоняться матке. Ожидающим смертельного солнечного луча. И невдомек муравьям, скоро школьнику надоест забавляться с увеличительным стеклышком. Леонид ощущал на себе взгляд чужака, возможно, не чужака вовсе, хозяина здешних краев. До чего стремительно табельная превратилась в лес. Будто бы одноклассницы, успевшие за какие-то десять лет сделаться манной кашей. В открытую форточку задувал ветер, пахло мятой, углями, бензином. Лео медленно отступал к порогу. Дверь того самого шкафа, из которого некогда доносились постукивания, начала открываться. Во фрезеровщика прицелились. Рогатка дрожала в руках незнакомца, незнакомца ли. То был Игорь Волков, завхоз и человек.

Человек обстоятельный, человек совестливый. Как говорили о нем восторженно сослуживцы: самый недобитый гений из всех недобитых. Он совсем юнец, ему лет шестьдесят, на нем вельветовая коричневая куртка, серые брюки. Лицо морковно-красное, узкие губы, вечная полуулыбка, темно-голубые, добрые глаза, седина на висках. Изябший, решительный, он почти пристрелил нашего героя.

– Игорь Геннадьевич, Игорь Геннадьевич, вы не дурите, дурить не надо, – попросил, погрозив пальцем, Леня. Завхоз недоверчиво сказал бархатным голосом, вылезая из шкафа: Ленька, где все, я двое суток тут шастаю, ничего не понимаю. Леня посмотрел на собеседника с тоскою. Бывало, Волков устраивал чудовищные скандалы. Выпив, он страстно отстаивал права наших заводских псов. Прекрасно разбираясь в рококо и барокко. Волков мог с легкостью беседовать с доцентами с утра пораньше в очереди на троллейбус. А вечером с легкостью беседовать с бичами в очереди в пивной. Девять месяцев назад он вернулся с войны. Я не выдумываю, может показаться, что я излишне драматизирую. Для красного словца, но словцо далеко не красное, оно пурпурное, как медаль, которую подарили завхозу за обыкновенные подвиги. Игоря Геннадьевича по возвращении переклинило, говорят, подобное случается у двоих из десяти, вернувшихся с войны. Он стрелял из наградного пистолета на улице. Потом два месяца лечился в нашей двадцать второй дурке, я там тоже лечился, между прочим. Но я стрелял не по воображаемым парашютистам, а по гномикам, воруящим вдохновение. Гномики были настолько малы, что прятались в женском нижнем белье. Совершенно не представляю, с какой стати. Однако незнакомые барышни крайне пугались, когда я приставал к ним с просьбой выдать злосчастных гномиков, спрятавшихся в их трусиках.

С завхозом Лене не часто доводилось беседовать. Кстати сказать, именно Волкову принадлежит грандиозная мысль о том, что на первом свидании должно платить государство, ведь оно заинтересовано в создании семьи. Игорь проживал в ПГТ Изумрудный город. Недавно развелся, носил фотографии двух взрослых дочерей в бумажнике, при случае показывал, сообщал, дескать, не часто встретишь нечто столь прекрасное. И Лео соглашался, конечно же, не встретишь, они же не ширпотреб на рынке или, к примеру, бытовое насилие. Леонид сказал Игорьку, растирая щеки: зябко, пойдете к нам в убежище, скоро мои жены и мать придут и всех спасут, я уверен в данных женщинах. Волков спросил, прищурившись: вы уже пили воду из-под крана? – Кажется, нет, не пили, но могли выпить, то есть я не помню, – ответил фрезеровщик, отрывая длинную сосульку. – Не в рот! – вскрикнул в ужас завхоз, когда Леня вознамерился лизнуть сосульку. Тем временем в комнату, гудя, как трансформаторная будка, влетел электрический шар. Мужчины замерли, точно нашкодившие школяры, будьте здоровы, школяры, не кашляйте, школяры. Жар, точно от сердца любимой женщины, исходил от маленького солнца. Солнце медленно проплыло в нескольких метрах от Ленчика.

Табельная стала напоминать обеденный стол, молния подлетела крайне близко к Волкову, будто бы размышляя, лакомиться, не лакомиться. Мужчина прикрыл глаза, позеленел, как морская капуста, играл желваками, проигрывал. По всему вероятно, думал, эх, прожгли мы юность, словно сигаретой черную футболку с изображением музыкальной группы Kiss, а что ж теперь поделаешь, прожгли да прожгли. Время тянулось бесконечно долго, мои сограждане затянули пояса и довольствовались малым. Вероятно, мне с моими согражданами только и осталось, что читать детские книги, только детские думы лелеять, но все-таки восстать из глубокой печали, вопреки повысившейся цены на коммунальные услуги. Наконец электрическое солнышко вылетело из комнаты, стервозно потрескивая. Завхоз решительно произнес: молодой человек, мы немедленно уходим. Леня возразил, мол, давайте вернемся в бомбоубежище, там хотя бы бабы есть, какой-никакой уют. Игорь непреклонен, тащит меня к выходу, мы скользим, что коровы по льду. – Позвольте, – говорю, – зачем вы тогда пришли в табельную, не просто же погреться у костра, мне показалось, вы искали бункер. – Херункер, – огрызается Волков. – Собственно, зачем

вы меня искали, господин Волков? – спрашиваю серьезным тоном. – Увидел в тебе родственную душу, – сообщил он, выталкивая меня за порог.

Мы выходим на улицу, там цветет север. По расписанию должен бытовать сентябрь, радостный, светлый, точно заводчанин, загорающий на пляже на исходе лета. Подобные погодные пердимонокли в известной степени сбивали с толку. Организм, привыкший жить по режиму, несколько барахлил в связи с такими резкими перепадами. Во дворе нас встречает причудливое красноватое деревце. Вместо веток у дерева множество рук, их пальчики ощупывают пространство. Зрелище весьма специфическое. Пусть я и патологический врун, однако в данном конкретном случае не делите мои слова надвое. Древко при нашем приближении принялось постанывать, словно доярка под председателем колхоза на сеновале. Приметил, как по стволу струится красная смола. – Я тут черную свинью видел на паучьих лапках, резвая такая, бежал от нее по всей территории завода, спрятался в каптерке своей, думал, белочка, но я-то закодирован, меня не проведешь, – рассказывал Волков. Я оскользнулся, меня поддержал старший товарищ. Чудовищная наледь могла отобрать замечательного меня у вас, однако угроза миновала, не переживайте, не стоит, мерси. – А чего в табельной были? – спросил фрезеровщик. – Живых людей искал, тебя нашел, а мне большего не надо, – пояснил Игорь.

Вспомнилось, как мы впервые с ним заговорили после смены на заводе. Шел дождь, граждане-шпроты топтались друг другу по ногам на стеклянной остановке. Игорь стоял в стороне. На нем камуфляжные брюки, зеленая ветровка с нашивками весьма патриотического толка. Я подошел к нему с зонтиком и спас от дождя. Мужчина мне тепло улыбнулся, сказав: это разве дождь. В руках он держал коробку печенья, орешки со сгущенкой, представляете, орешки со сгущенкой. Поинтересовался, хочется ли мне яблока, или вот, орешков. Леня деликатно отказался, но был чрезмерно растроган проявлением доброты. С тех пор наша мужская, какая же еще, дружба крепла от встречи к встрече, коих было не так уж много.

Волков, как прирожденный стратег, предложил покинуть территорию завода, предложил пробиваться к ближайшему супермаркету, а лучше к администрации. Леонид посетовал на то, что ему не выдали ружье. Наверное, побоялись, что его ожидает судьба тех, в чьем доме не говорят о веревке. Я пребывал в том состоянии чувств, когда вещественность уступала мечтаниям, сливалась с этими мечтаниями в невообразимую чушь. Снежинка, упавшая мне на рукав куртки, оказалась не симметричной, вообще, она напоминала пятиконечную, перевернутую звезду, та снежинка. Волков тянул меня за руку, а я продолжал рассматривать злосчастную снежинку, отчего-то такая грусть меня одолела. Ни птичек не слышно, ни детишек, никто не лепит снежную бабу, никто не лепит горбатого. И, кажется, нету нужды мастерить скворечники. Бог ты мой, поражается чуткий фрезеровщик, до чего мы дошли, скворечники незачем делать. Такое ли будущее мы желали увидеть, когда с упоением постигали всех этих Платонов, просили у мамы пистоны, чтобы насовсем застрелиться, но потом благополучно передумывали.

Ленчик совершенно потерялся в своих мыслях, признаться, он боялся больше всего на свете забвения, боялся взрослеть. Кажется, говорят, человек развивается в том, чего больше всего боится. И он развивался прямо сейчас в забвении. И чувство такое, будто пришел со смены домой, а дом украли. Такое вот пренеприятнейшее чувство. А в груди, в груди щемит, вздохнуть не в силах. Леня, вздыхай, давай, мы все ждем, пока ты вздохнешь. Послушай, мы не можем идти дальше, ты в обозримом будущем просто-напросто задохнешься, дыши же! Нет, мы тебя не оскорбляем чмом болотным, не выдумывай. Ты нам родной человечек, словно яркие сны после нейролептиков, которые мы вынуждены пить в связи с некоторыми психическими особенностями, знаешь ли. Другое дело, Леонид, поехали дальше. Вдали, у гальванического цеха полыхала елочка. Пошлейший

узор лег на окна проходной, какие-то свастики мерещились на том окошке, звезды пятиконечные.

Из дверей вышли долговязые граждане в черных латексных костюмах. Все на высоченных каблуках. Гротескные, зловещие. – Да, мой друг, а кто утонет в море, больше купаться не будет, – напряженно проговорил Игорь. Десять подозрительных, как пакистанцы в объемных куртках на детском утреннике, людей шли нам навстречу. Их движения порывисты, нездоровы. Сказать откровенно, пришельцы напоминали того дедушку, страдающего альцгеймером, который однажды позабыл о своем недуге, потому излечился. Мой спутник плюхнулся в сугроб, я последовал его заразительному примеру. Игорь зашептал: что бы ни произошло, не подавай признаков, думай о чем-нибудь абстрактном, затаись. Леониду подумалось, какие-то военные штучки, какие-то военные штучки. Они лежали минуту, быть может, меньше. Фрезеровщик вознамерился поглядеть, где эти развратники в латексных костюмах. Волков бестактно уткнул меня лицом в снег. Зашептал страшным голосом: не смотри, они близко. Их каблочки стучали по льду. – Позвольте, – порываюсь подняться. Завхоз опять-таки рукоприкладством добивается покорности. То есть он меня не бил, конечно, так, научил уму-разуму, точно старослужащие, от которых порой ожидаешь пинка, лося, леща за незнание устава. За незнание голоса сверчка, лунатический говор потаенной воды, тепло конюшни.

Леня и завхоз были категорически не согласны с положением дел. Извращенцы, фривольно разгуливающие по территории завода, казались нам по меньшей мере недоразумением. Однако, как вы помните, заточник Савелий не выдал мне ружье. Поэтому я не особо рассчитывал на собственные навыки сворачивать шеи голыми руками. Прочие способы членовредительствовать не вызывали ничего, кроме скуки. Латексные граждане по-голубиному уруукали, они топтались поблизости. Вероятно, потеряв из вида работяг. Не мудрено, ведь работяги мастерски умеют исчезать. Вот, к примеру, приходя в семь тридцать на работу, к станку вставать не спешат. Гоняют чай, ведут пространные беседы. А после смены остаются сверхурочно. Таким образом, выполняют норму, а денег получают чуточку больше за счет сверхурочных часов. Изменившийся мир, думалось Леониду, требовал одеяло, что убежало, еще простыню, что улетела, подушку-лягушку. Пока Ленчик лежал в сугробе, вспомнилась также любопытная легенда о черном фрезеровщике, чья возлюбленная некогда предпочла ему начальника цеха, давно это было, еще в восьмидесятые. Фрезеровщик тот с горя того, прямо в двадцать втором цехе. С тех пор, говорят, он является по ночам, разыскивает начальника цеха. Подойдет к слесарю или сварщику, за плечи схватит, потусторонним голосом говорит: пойдём, Иваныч, время твоё пришло. И плевать ему, что ты Викторович или даже Константинович, всё одно, утащит.

– Я, когда малой был, отправился в Китай, товарища Мао Цзэдуна спасти, по телевизору как раз показывали, что председателя коммунистической партии пытались отравить, в десять лет я был идеалистом, собрал вещи да рванул зайцем на товарняках в Благовещенск, – Игорь Геннадьевич весьма разговорился. Мы пролезли в дыру в заборе. Дрожа от всепроникающего холода, дрожа, как мальчишка перед средневековой экзекуцией, перед вырыванием гланд. Шли по проспекту Челюскинцев. Леня заметил одну странность: вывески, указатели сделались совершенно бессмысленными. Какова семантика, спросит дотошная училка, читающая данные строки. Язык мой мягкий, что слива в компоте. Ворочается с трудом. Ну же, нудит училка, поработай своим сладеньким языком. Что ж, давайте поработаем. Нет, читать эту галиматью совершенно не в силах. Буквы на вывеске магазина складываются в какой-то абырвалг. Читай, фраер ушастый, сердится педагог. На универсаме неоновая надпись: не боишься? Табличка на длинном кирпичном – анаграмма. Сразу и не прочтешь, однако сомнений нет, анаграмма. Милый, прочти для меня, говорит преподавательница. Ладно, уговорила, малышка. Читаю: терпенье не теперь.

– Сейчас бы нам не помешали теплые вещи, а еще глюкоза, вообще-то, я не люблю сладкое, вот, например, моя мама любит соленое, – болтал благодушно Игорь. На подъездный козырек падает огромная сосулька, тысячи осколков летят во все стороны. Стоит одному осколочку попасть в глаз, сию минуту позабудешь слово вечность. Волков решительно заходит в комиссионный магазинчик на улице Сталеваров. Леня за ним. Внутри бытует глубокая, точно Кольская скважина, ночь. Воняет старухами. Не сговариваясь, включаем фонарики на телефонах. Повсюду шмотки. Волков уверенно идет к шубам, говорит: посвети мне. Подсвечиваю, завхоз примеряет древнюю кроличью шубку. Обновка ему нравится, довольно произносит: беру. Леонид одевается дольше. Отыскивает безразмерный зеленый свитер с оленями, болоньевые штаны, лыжные ботинки, красную шапку-пельмень. Мужчины придирчиво осматривают друг друга. Игорь закуривает желтого верблюда, говорит: какие мы с тобой модники.

После комиссионки Игорь Геннадьевич предлагает: а давай в рюмочную сходим. Я не отказываюсь, еще бы, безнадзорный литератор не склонен отказываться от возможности заложить за воротник. На улке смеркалось, снег перестал идти. Леня спросил, как в этом году обстоят дела с праздничными днями, а то со временем какая-то ерунда, и не очень понятно, новый год наступил или не наступил. Волков ничего не ответил, он вел фрезеровщика дворами. Повсюду были разбросаны разные вещи, мультиварка, монитор, синтезатор, кухонный гарнитур. В потемках Ленчик то и дело наступал на чужие вещички. Старший товарищ остановился, а потом решительно направился к спортивной площадке. Сбросил шубу. И стал отжиматься на брусках. – Праздники, – сказал он, шумно выдохнув, – хераздни. – Руки его дрожали, он отжался раз десять. Оставил бруска в покое, принялся растирать снегом лицо. Приговаривая: спортом надо заниматься, спортом, а затем по рюмочным ходить. – Позвольте, – произнес Ленька, – это вы меня позвали в рюмочную. – А я тебя проверял на шивовость, – хмыкнул завхоз. Сделалось совсем уж темно, лишь красные глаза товарища вызывающе горели.

Совершенно неожиданно, внезапно, негаданно и так далее. На самым ухом остервенело зашвиствали. Давление ожидаемо подскочило. Леонид едва устоял на ногах. В двух шагах материализовался милиционер в сером кителе. На голову он зачем-то напялил женский чулок. Подробности его лица ускользали от Леонида. Сотрудник власти светил своим большущим железнодорожным фонарем, прожигал сумерки, ослеплял работягу. – А куда это мы такие красивые идем? – ерничая, спросил он. – В рюмочную, товарищ милиционер, правда, Игорь? – ответил фрезеровщик и оглянулся на Игоря Геннадьевича, который исчез. Подумалось, да, коммуникация нарушена, будто между глухонемыми, беседующими в варежках, сейчас одному отдуваться. – Ах, в рюмочную, – смеясь, сказал милиционер, – тогда получай рюмочную. – И саданул героя нашего романа в ухо, а потом не в ухо, потом в подбородок. А если ударяют в подбородок, тогда тушите свет. Я, конечно, понимаю, кашу маслом не испортишь, но все-таки обидно. Ленчик улетел в сугроб. Успев подумать о том беззаботном времени, романтическом времени, когда жены были не женами, но девушками, с которыми отношения только начинались. Они присылали еретические фотографии, дразнили. Хорошее было время, нечего добавять.

А когда юноша пришел в себя, никакого милиционера, о коем обворожительный классик некогда сочинил следующие строки: нет, он не сам собой явился, но его образ жил, как ген, и в исторический момент в милиционера воплотился. Никакого милиционера рядом не оказалось. Рот пересох, языком Леня ощущал сколовшийся зуб. Творилась какая-то мистика. Побеленный потолок, наваждение, у потолка порхают детки, смеются. Замечательные, кудрявые детишки, куда вы летите, сейчас будет вечерняя поверка, меня же заругают, посмотрят, скажут, не положено. Ленчик перевел взгляд на медсестричку, сидящую на стуле. Она совсем близко. Русые волосы забраны в хвост, нос-картофелина, тонкие губы, фиолетовая помада. Большие сиськи, белый халат

в груди узковат. Она глядит в телефоне, как растворить тело, нюансы выискивает. Она слюнявит свой указательный палец, на пальце золотое кольцо с малахитовым камушком. Она слюнявит свой палец, ковыряет им в ухе, зевает. Поисковик выдает картинки: железные тазики, банки с химикатами, портреты серийных убийц. Она шумно шмыгает носом. Ее зовут Альбина, мне это определено известно.

Приподнимаюсь на локте. Три пацана лет восемнадцати в спортивных костюмах восседают на одной кровати. Они перекидываются в картишки. – А у меня телки вообще нет, нету телки, нету проблем, пацаны, я, когда, ну, мастурбирую, люблю себе руку отлежать, чтобы она ощущалась чужой, и этой рукой, ну, мастурбирую, – делился соображениями один из них. – Савельев, тут вообще-то дама, кто такое рассказывает, у того никогда не будет царицы, – страшит медсестричка, синичка. Она замечает проснувшегося работягу, говорит, прищурившись: Леонид, дорогой мой человек, проснулись, проснулись, улыбнулись, как говорится, давайте капельницу поставим. И, значит, в меня тычет иголкой, сразу в вену попала, пластырем катетер зафиксировала. Янтарная кислота с витаминчиками кап-кап. Понимаю с некоторым удовольствием, еще одна командировка в родимую наркологию. Парнишки почтительно здороваются, имеют представление, кто я такой есть. – Добрый день, мальчишки, – говорю им. Альбина заботливо розовую подушку взбила, улегся обратно.

Дверь палаты приоткрыта. Тучный мужчина в белом халате, с вишневым родимым пятном на щеке беседует с тетенькой в черном пуховике: вы не волнуйтесь, ваш муж человек чувствительный, как бы удачней подобрать метафору, чувствительный, словно клитор. – Он подонок и алкоголик, а не клитор, Богдан Витальевич, – разнервничалась тетенька. – Представляете, напелл на заводе, что я в очередной раз рожаю, а мне пятьдесят два года, его сослуживцы об этом знают, и все равно поверили, дали денег, а потом он в запой ушел, гад, – продолжала жаловаться рыжая мадам. – Войдите в положение, он человек артистичный, женам гениев нелегко, – успокаивал мужчина чью-то благоверную. В открытую форточку задувал ветерок, на подоконнике лежал снежок. Это была коллективная жена коллективного Сергея Донатовича, думается нам. А Леня был все тем же фрезеровщиком, в большей степени литератором, и уж, конечно, частным детективом Леонидом Валентайном, без этого нукуда.

Глава 13

Приготовьте, пожалуйста, ваши носовые платочки

Я услышал голоса своих диких близняшек. Я бы не променял своих жадных до любви крошек даже на видеомэгнитофон Panasonic. Однажды ты встретишь, сынок, барышню, ради которой откажешься от любимого конструктора. Констрикторы, то есть мышцы будут неистово сокращаться при взгляде на эту стерву, пардон, возлюбленную. Ради нее ты откажешься от своей миниатюрной железной дороги, от прочих игрушек откажешься. Перестанешь быть формалистом и распространять формалин, чем несказанно удивишь соседей. Привыкших видеть тебя чрезвычайно ворчливым и злопамятным человеком, пожалуй, самым ворчливым и злопамятным во всем доме для престарелых. Тогда-то ты и поймешь меня, сынок, я говорю тебе про любовь.

Они обсуждали шалости своего муженька. Гера настаивала, что это Молли не уследила. Молли выказывала искреннее удивление, не соглашалась. – Поразительно, – говорила она, – как он умудрился токсикоманить на заводе этими смазочными жидкостями, мы же со всеми психиатрами договорились, если он просит какие-то особые препараты, они звонят нам. – Поймите, он человек чувствительный, жить с гениями та еще мука, – скорбно сказал Богдан Витальевич, главный врач. И продолжал: а что касается завода, там, как я слышал, с пониманием отнеслись к

его приключениям, с нетерпением ждут возвращения, со станка пылинки сдувают. – Каков подлец, получается, он гайки свои нарезал, иногда отлучался до колонки раздаточной этой, сливал в пакет эту дрянь, дыхнет, возвращается, – дивилась Гертруда. – Виктор Франкл еще говорил, первыми сломались те, кто верил, что скоро все закончится, вторыми, кто не верил, а выжили те, кто сфокусировался на делах без каких-либо ожиданий, ваш муж просто сфокусировался на делах, – глубокомысленно изрек доктор. – На токсикомании, литературе, а теперь на заводе он сконцентрировался, – театрально рассмеялась Молли.

Я сидел в синей клетчатой пижаме на батарее в туалете. В приоткрытое окно попыхивал ананасовой электрической сигаретой. На улице бытовала утренняя темень. В эмалированной раковине стирает носки Григорий Племянник. Однажды он проснулся, а во рту была серебряная ложка. В электричке, пока он ехал на службу, задремал. Воспряв ото сна, обнаружил ту же серебряную ложку у себя во рту, так начался алкогольный делирий. Мне вспоминается, что загремели в наркологию мы с Игорем Геннадьевичем на пару. Только завхоз, вероятно, погорел на препаратах, выписанных от посттравматического расстройства. В свою очередь, я погореть на таких препаратах не могу, все контролируется лучшими психиатрами Химок. Соблюдать дозировки мне помогают супруги, кстати, вон они пришли, слышу их голоски, колоски. По небу летела сигарета ТУ-134. А мы многое забыли, забыли не бояться зла, забыли помыть руки перед едой. А ведь на улице Сезам нас учили, барражируйте высоко в небе, точно птички, тянитесь к прекрасному, а мы забыли помыть руки, какая досада. Близняшки, полагаю, принесли передачку, как говорят парни, умудренные опытом, грев.

Жены, как и все системы, стремились к хаосу. Гертруда грозилась зашибить Леонида, так порою зашибает хозяйка моль, что повадилась столоваться в шкафу норковой шубой. Внезапно слышались звуки борьбы. Богдан Витальевич по-бабьи кричал: перестаньте, ах, перестаньте, санитары, ах, санитары! Не слезая со своей батареи, фрезеровщик предположил, привезли буйного пациента. Впрочем, климат нынче дрянной, уровень жизни, как в африканской провинции. Видится мне, быть буйным естественно. В туалет входит гражданин по имени Чупа Чупс, он истово верит в переселение душ. Лысый и слегка косоглазый Чупа Чупс бреется маленькой, серебристой бритвой на батарейках. Сегодня день свиданий, бритву ему принесла супруга. – Тук-тук, открывай, – говорит он весело Грише. – Кто там? – спрашивает Григорий, заканчивая стирать носочки. – Революция, – отвечает загадочно Чупа Чупс и дико смеется.

Я размышляю о нашем завхозе Игоре. Размышляю, неплохо было бы написать о нем повесть. Волков побывал на трех войнах. Виделся с генералом Лебедем, охранял границы Чернобыля, когда там бабахнуло. Еще он хранит в старых колготках жены луковицы. Засыпает соль между оконными рамами, чтобы стекла не запотевали. Любит сериалы «Тени исчезают в полдень» и «Противостояние», снятый по произведению Семенова Юлиана. Осколки в его теле звенят, когда он проходит магнитные рамки на проходной. Повесть можно назвать «Душа терминатора». Речь в ней пойдет о нашем отечественном Форресте Гампе, успевшем поучаствовать в ключевых для нашей страны событиях. Всем тем, кто боится жизни, боится подобно тому, как мы боимся слова вазэктомия, данная повесть очень понравится, видится мне. В туалет заглядывает санитар Карл двенадцатый, одиннадцать предыдущих Карлов, полагаю, занимались мятежным новичком. Карл двенадцатый лопоух, знатный хохотун, а на шее у него наколота кобра. Подмигнув, он сказал: там к тебе сестры Бронте. Леня спрыгивает с батареи, спешит к своим диким близняшкам.

Старенький музыкальный центр пел нам: любовь это то, любовь это то, что ребятам понять не дано, любовь это то, что бывает во взрослом кино. Мои нахмуренные жены были чрезвычайно рады видеть своего талантливого мужа. В фойе наркологички ажиотаж. Чьи-то бабушки, братья,

сестры, соупотребители чествуют нас. На развернутых транспарантах подбадривающие лозунги. Слышны запахи домашней выпечки, лимонада, чеснока. На полу пушистые, каштановые ковры, стены выкрашены бледно-желтой краской, в красном углу картонные иконы. Молли бросилась с объятиями, Гертруда в нерешительности замерла. И все-таки сдалась, тоже бросилась с объятиями. Леня услышал удивленный возглас: что делается, шведская семья какая-то. Незнакомая старушка почтительно так: о, времена, о, нравы. Кто-то из женушек прошептал горячо: привет, мое чудовище. Как говорится, от женщины до Венеры недалеко, если через птицу. До моих женщин, доложу вам, недалеко, если через атомную бомбу. Впрочем, наше свидание напомнило окружающим о прекрасном глаголе любить. А прочие глаголы, в том числе исключения, перестали заботить вовсе, социальных проблем и так хватало с излишком.

Гера сдержанно сообщила: на прошлой неделе звонили какие-то французы, просят продать права, хотят перевести твои романы, еще позавчера видела в интернете видео, в нем говорилось, что твоя повесть участвует в польской литературной премии. Молли тоже высказалась: еще позвонили из профсоюза, предлагают вступить. – Букашечки, для профсоюза я слишком ветреный, – покачал головой фрезеровщик. Рядом с ними девица с голубыми волосами, прической каре. Топографические нюансы ее лица мною читаются с превеликим трудом. Не очень понятны мне все эти пирсинги, цветные линзы, а линзы у синеволосой черные, черные, зрачков не видать. Дева с каре жалуется: устала я жить в этой обители зла, твои чувства ко мне так и не распустились, ты моральный урод, который не может бросить употреблять, поэтому я считаю, нам нужно взять паузу в отношениях. Золотогривый парнишка, кажется, его звали Сережка, внимательно слушает подругу. Он пил шестой день подряд, она вызвала медиков. Какой сегодня день, спросили санитары, парень ответил: предпоследний. И его привезли сюда. Он грустно произносит: свободу Анжеле Дэвис. Девка с каре возражает: нет, милый мой, слава России. Она уходит, оставляя парнишку подумывать над своим поведением.

– Леонид, мы желаем знать, когда ты будешь писать хорошие и вечные произведения, – говорят шуточно женушки. На них темно-голубые шерстяные платья с ромашками, коралловые сапоги. Леня размышляет, нормальные произведения, нормальные произведения, когда я писал нормальные произведения, они становились карикатурой на саму жизнь. Я писал что-то вроде: листья, листики, листочки у моих дверей, у соседей дочки в роли матерей. – Мое существование литература лилипута с большим сердцем, – напыщенно говорит фрезеровщик, отпивая из термоса клюквенный морс. – Это-то и нервирует, – кривит губы Гертруда. Молли, протягивая бутерброд, густо намазанный паштетом, произносит: скушай бутербродик, я сама соседского гуся зарезала, из печени вот для тебя паштет приготовила. Премного благодарный Ленчик заурчал. Одолевала сонливость. Мужчина сказал покровительственно: дорогие мои, когда я получу польскую премию по литературе, я обязательно отвезу вас в санаторий. Супруги разулыбались, все-таки Леня персонаж комичный. И в определенной степени он является Афоней. И где-то его Георгий Даниеля бродит по лесам с видеокамерой, ищет фактуру для будущих съемок.

Щуплый господин по имени Букварь шурушал балетной пачкой с чипсами, лакомился. Букварю немногим за сорок, по его словам, владеет мертвыми языками. По памяти цитирует откровенную ерунду. Медсестры млеют, надо же, чужеродная речь, к тому же поэтичная. Это еще пустяки, подумаешь, поэтичная речь пациентов. Бывает, сюда привозят людей с белочкой, дают им белый лист, просят прочесть стихотворение или рассказ. А лист белый, сами понимаете, но люди с запинками, а все-таки читают. Антона Павловича или какого-нибудь иного пиита. О, дивный мозг, чего тут добавишь. Букварь в очередной раз бубнил свои красоты тучной жене с длинным, точно кочерга, носом. Та недовольно морщила лоб, предостерегая: подавишься. Протягивала ему лимонад в стеклянной бутылке: запивай, не кушай всухомятку.

– Врач сказал, тебя через неделю выпишут, – томно сказала Гера, укусив работягу за мочку уха. Леонид ничего не ответил, только погладил по голове Молли. Он любил своих крошек больше сухофруктов. Жить с ними – словно пребывать на концерте «Гражданской обороны»,

с которого нельзя уйти, полупьяные подростки скандируют что-то непотребное, а ты встречаешь любовь всей своей жизни, она пьяна и она развратна. Когда-нибудь она станет многолетней матерью, отринет неконформизм, научится печь пирожки. Будь ты хоть трижды Ван Гог, она не поймет, для чего ты подарил ей свое ухо. Скажет: разве этим я смогу накормить деток, режь второе, малахольный.

Тут же рядышком с нами в красном, как пачка Примы, спортивном костюме Владик, он влез почти что по пояс в окошко регистратуры. – Мне проблемы не нужны, я на условно-досрочном, – говорил он дежурной Анастасии. У нее было необычайно гладкое, бледное лицо. Будто неизвестный мастер использовал абразивную пасту Гои, чтобы добиться такого гладкого личика. Слышен ее недовольный вопль: пошел отсюда нахер, Синицын! Она дамочка буйного нрава, весьма криклива, по всему вероятно, не удовлетворена минздравом. Гертруда вздрогнула от неожиданности, сказала: сумасшедший дом какой-то, даже я на тебя так не кричу, правда, Леня? – Конечно же, не кричишь, зачем же кричать, – ответил фрезеровщик. – Ладушки, оладушки, дорогой, пойдем, – произнесла Молли. Мы с женами лобзаемся на прощание. Анастасия, высунувшись из окна регистратуры, громко произносит по слогам: граждане, часы посещения кретинов закончены. Чужие родственники зашуршали пакетами, засобирались. Мои супруги попросили не выпрашивать у медичек никакие лишние препараты. Леонид был в некотором смысле алхимиком. Порой он самоотверженно консультировал полоумных старух, советовал, в каких пропорциях смешивать валерьянку с боярышником, чтобы получился философский камень. Порой психиатры живо интересовались новостями фармакологии у него. А в медицинском справочнике Лене присвоили высокое звание аптечного ковбоя.

После свиданий нас повели в столовую. Ребята, к которым пришли родные, были необычайно веселы. Смотря на них, глаз радовался, второй глаз тоже радовался, они оба радовались, вообще-то. Леонид присел за столик у окна. За окном пасмурные граждане, будто примерившие терновые венки, брели на работы. Шел мелкий дождь вперемишу со снегом. На голубоватых растрескавшихся стенах висели картонные иконы, кремовый радиоприемник, длинные лампы. Потчевали запеканкой, бутербродами с маслом и безвкусным кофе. По соседству принц Датский напел себе под нос: я боюсь привыкать к комфорту, я боюсь привыкать к комфорту. Принцу полтинник, он до безобразия аристократичен. Его прапрадед много лет назад владел графством химкинским. Даже врачиха третьего дня крайне удивилась голубому цвету его крови. Сказала: надо же, никогда не видела живого человека, который пьет незамерзайку ежедневно, вот уже полгода. Подробности жизни принца мне неизвестны. Знаю лишь, Датский любил расчесывать свои длинные седые волосы, потом отдавал их птицам, чтобы те вплетали волоски в собственные гнездышки.

У входа топчется санитар, готовый в любое мгновение показать нам кузькину мать, прыгнуть, как на амбразуру, на нас. Широкоскулое лицо, острый, точно вопрос повышения центральным банком ставки до двадцати одного процента, кадык, маленькие цыганские глаза, тяжелые надбровные дуги. Если присмотреться, можно увидеть на груди его желтой мастерки бурые пятнышки. Леонид не спеша поедает запеканку, запивает отвратным кофе. Хочется спросить себя, сколь долго еще я не смогу отвезти супруг в санаторий, это какой-то беспредел. Великие женщины не могут порядочно отдохнуть, а ведь намаялись со мною наверняка. Столько хлопот. Ленчик был подобен ротору, что вращается в статоре. Жены были подобны статору. Автомобиль их семейной жизни вальжно ехал по бескрайним степям Монголии к родственникам Геры и Молли. Фрезеровщик не заметил, как слопал добавку. Отчего-то заядлые алкоголики не любили запеканку. Санитар спросил, наклонившись к самому лицу: месье желает, чтобы ему выставили счет? Ленчик огляделся, все позавтракали, в столовой он остался один. – Месье желает внутримышечно (название удалено), – произнес Леня и поспешил на кварцевание.

День прошел, в общем-то, не самым паршивым образом. Уважаемые читатели и сами лежащие в наркологичке, а кто-то лежал неоднократно. Поэтому лишний раз распинаться, описывая

капельницы, тихий час, разговоры о несущественном, не буду. Отмечу лишь мимолетное знакомство с машинистом электропоезда Виталием. Он отправлялся в недельный запой раз в полгода. Это был крепкий мужчина тридцати лет, с наколотой надписью на предплечье *memento mori*. Он рассказывал о пятидесяти бедолагах, нашедших покой по его вине. – Какие же дураки, придурки, – говорил он, сидя по-турецки на кровати. Попивал крепкий чай с тремя кусочками сахара вприкуску с халвой, его пугали эти суицидники, нас всех они пугают, Марина Ивановна. Виталья с бакенбардами был такой нарядный. Жаловался, что власти не могут ввести в моду любовь. Прочие пациенты дремали. По палате летала муха, должно быть, последняя в этом году. Машинист поинтересовался, платят ли фрезеровщику за литературу. Отчего-то, где бы ни оказался Леонид, все спрашивали об этом. Граждане никак не могли взять в толк, как это, человек пишет, время свое тратит, а ему не платят. Леня устал рассказывать разным негодяям о том, что пишет он исключительно ради своего душевного спокойствия. – Ой, Виталик, это для вечности, какие деньги, – говорит Ленчик. – Вот и я вожу поезд не из-за денег, – сказал новый знакомый. И снял пижамные штаны и белые трусы со светочехами. Он обратился к присутствующим: кто желает посмотреть мой локомотив? Граждане несколько опешили, по всему вероятно, никто не желал глядеть на локомотив. Потом пришли санитары и конфисковали Виталика, утащили его в психиатрическое отделение, там такие люди нужны.

Вечером в районе восьми мы смотрели телевизор в игровой комнате. Показывали «Реквием по мечте». Какой-то гражданин вспоминал о далекой Чите, о начале нулевых. Его просили не мешать глядеть фильм. Леня в шерстяных носках, переданных супругами. Он снял резиновые тапочки, прилег на замечательный салатовый ковер. Он выпустил тонкую струйку пара электрической сигареты. Он был подобен киту, плывущему в море. Медсестричка Альбина попросила не задерживаться допоздна, ушла к себе на пост. – Это еще что, помню, чтобы в школу пойти, приходилось девственности несколько раз лишиться, спасти принцессу и переболеть ветрянкой, зимы стояли такие, плюнешь в кого-нибудь, зашибешь ненароком, слюна в сосульку, это самое, – рассказывал нам дядька с татуировками перстней на костяшках пальцев. По его рассказам, Чита была крайне ворчлива. – Такая вот седая ночь, – сказал иной гражданин по фамилии Ройзман. Парнишка по прозвищу Мухомор принялся обстоятельно рассуждать: а я как-то влюбился в одну девушку, потом в другую, у невротиков это в порядке вещей, так влюбляться, по большому счету, две девушки меньше, чем одна, простая арифметика. Мухомор умудрился в армии насобирать поганок, стянуть из медсанчасти колбу со спиртом, а потом спить целую роту. А тех, кто не спился, накормить мухоморами. Не знаю, отчего его направили в гражданскую наркологию, своих, что ли, нету.

На экране Джаред Лето выносил матушкин телевизор, желая променять его на запрещенные препараты. Матушка у него сама была с прибабахом, пила в огромных количествах антидепрессанты. Сутками смотрела телевизор, представляла себя участницей телевикторин. Пациенты увлеченно следили за этим Джаредом Лето, шикали на мужика из Читы. Тот рассказывал: это еще что, телевизор, помню, у нас комсомольцы, опьяненные демократией, выносили золото и даже домашних животных. Мухомор нудил о своей возлюбленной: она дочь своего отца, дочь многих отцов нашего города. Мы все на него по-змеиному шипим. Нам не очень хочется выслушивать не-офита, выслушивать о его любовных переживаниях. – Вы думаете, я рассказываю вам выдуманную чушь, – обиделся Мухомор, – нет, я говорю губами, губами, что помнят ее поцелуи. Тут уж не выдержал даже Леонид, не склонный к хамству, высказался: – Если ты сейчас же не замолчишь, я буду вынужден взорвать бомбу любви, которую ношу в своей груди, падла. Мухомор недовольно засопел, и все-таки примолк.

Присутствующие в игровой комнате не боялись знать о событиях и явлениях, угрожающих их чувству безопасности и нормальности. Мы помнили, что мы когда-нибудь умрем. А медсестричка Альбина, вошедшая к нам минут через двадцать с гитарой наперевес, об этом позабыла. – Кибальчиши, время ложиться по кроваткам, кто-нибудь хочет стакан кефира, конечно, хотите,

я знаю, но сначала давайте споем нашу любимую песню. – Мужики недовольно заулюлюкали, всем хотелось досмотреть фильм с Джаредом Лето. Медичка присела в кресло, стала петь, подыгрывая себе на гитаре: – Просто нечего нам больше терять, все нам вспомнится на страшном суде, эта ночь легла, как тот перевал, за которым исполнение надежд, просто прожитое прожито зря, не зря, но не в этом, понимаешь ли, соль, слышишь, капаят дожди октября. – Мы вынуждены подпевать: кап-кап! Альбинка хохочет: мы затопим в доме печь, в доме печь, мы гитару позовем со стены, просто нечего нам больше беречь, ведь за нами все мосты сожжены.

Я же говорил, ничегошеньки интересного за день не случилось, а вы сомневались. В следующий раз будьте любезны прислушаться к мнению компетентного меня. Итак, пациенты разбрелись по люлькам. С улицы доносились голоса, один голос Америки и двух голоса милиционеров. – Я не понимать, я есть подданный Канзаса! – Подданный, подданный, за чекушку проданный, товарищ лейтенант, может быть, оставим его в приемном покое, а сами уйдем, у меня жена сегодня рожает. – Отставить, мы его на освидетельствование привезли, без нас он совсем пропадет. – Впотьмах мужчина из Читы спросил: пацаны, а чем фильм закончился, видел кто? Ему ответили: а ничем хорошим, сторчались все. – Это еще что, сторчались, вот у нас такие желтые короли разгуливали, караул, подсаживали ребятишек на иглу удовольствий, гамбургеры, игровые автоматы, доступные девочки. – Я сейчас кому-то устрою цирк дю Солей, – сообщил санитар, заглянувший к нам в палату, – я вернусь через пять минут, все должны спать! Мужик из Читы сказал: это еще что, вот у нас одна девчоночка в классе смеялась пять минут, а потом родила двойню через двадцать лет. Гражданин рассказывал о чем-то еще, но Леонид уснул.

Я проснулся первого декабря, в день своей выписки. Шушукались медички. – Да, гололедица страшная, пока шла, два раза навернулась. – А я пирожные в кулинарии купила вкусные. – Девочки, а слышно чего про индексацию бюджетникам? – Ой, а толку-то, четыре процента всего, а все дорожает, инфляция. – Не скажи, тут копеечка, там копеечка. – А чего в нашей аптеке прокладки кончились, никто не знает? – А у меня вчера дочь родила, я купила коньяк, завернула в газету, на улице поскользнулась, бутылка разбилась, а рядом шел мужчина, увидел, что коньяк разбился, за сердце схватился, пришлось скорую вызывать. – Ой, Альбинка идет, доброе утро, красotka! – Девочки, вы знаете, кто к нам пришел? – И кто же к нам пришел, кот Крошик? – Да хватит вам шутить, внизу два серьезных человека, к Леньке-литератору пришли. – Серьезные, как моржи? – Как ножи? – Хахаха, девочки, не могу! – Ладно вам скалиться, мне кажется, пришли сотрудники оттуда. – Интересненько, что Ленька натворил. – Ладненько, пойду, его позову. – Давай, Альбинка, мы тоже пойдем.

В палату вошла медичка с фиолетовыми губами, подошла к моей кровати. Обратилась, прокашлявшись: Лентя, там к тебе, они в кабинете главврача, собирайся. Фрезеровщик зевнул, потянулся. Полез в тумбочку за щеткой и пастой. – Потом умоешься, срочное дело, – поторопила Альбина. – Кто хоть пришел? – спросил мужчина, надевая пижаму. – Я думаю, КГБ, – ответила девушка. Соседи по палате оживились. – Среди нас шпион, мужики. – А у меня подозрительная бабка этажом выше живет, всякий мусор домой тащит, мне тоже нужно КГБ. – Давай, Леонид, не подведи, говори четко и по делу, не витийствуй. – Мы будем тебе присылать передачи за полярный круг. – А почему ты думаешь, что его за полярный круг отправят? – Мне почему-то кажется, таких как он максимум отправляют за кефиром, но никак не за полярный круг. – Ленчик, не падай духом, до встречи в следующем году! – Зачем ты так говоришь, может, он сюда через год не попадет. – Тогда до встречи через два года на этом самом месте.

В коридоре пахло бытовой химией, можжевельником, а еще сыростью. Хлопала от ветра форточка. Горланил музыкальный центр во дворе: просто скинь мне котиков и спроси, это мы или не мы, кошечки хорошие, лишнего не скажут, не осудят, рядом лягут, если мне неважно, все знают, кошки лечат даже раны на душе, я, пожалуй, заведу себе их сотни две. Во дворе проходили оздоровительные мероприятия, которые Леонид благополучно проспал. Мокрый паркет, стены увиты плющом, одинокая каталка. Полусидя дремлет медичка на своем посту. В туалете бежит

водица. С улицы доносятся крики: а теперь махи ногами, не сачкуем, и раз, и два, и три! Леня, постучав, заходит в кабинет главврача Богдана Витальевича.

За овальным столом сидят два плотных гражданина комичной наружности, вылитые мультипликационные детективы, братья Колобки. Коротко стрижены, в серых пиджаках, бордовых свитерах. У обоих водянисто-голубые глаза навывкате, толстые губы, широкие, приплюснутые носы. – Присаживайтесь, Леонид Захарович, – кивают на стул. Фрезеровщик спрашивает: чем обязан? Тот, что с малиновым ожогом на подбородке, открывает синюю папку, что-то там вычитывает. Второй с тонкими усиками кивает на стул, дескать, сказали же, присаживайся. На стене висит рыба-меч, висят фотографии в рамках. Богдан Витальевич в красной куртке и валенках на Байкале, он держит в руках омуля, широко улыбается. А вот главврач в пятнистом комбинезоне на охоте. Левой рукой он держит за уши кролика, правой ружье. На ином снимке Богдан в окружении близких, дочери, сына, жены, они сидят за праздничным столом, по телевизору президент на фоне кремля, лицо президента задумчиво, можно сказать, сурово, но в то же самое время одухотворено. В углу кабинета террариум, зажжены фиолетовые лампы для расады. Два черных варана, Гоша и Тотоша, беспрестанно дразнятся, высовывают языки, потом не высовывают. На стекле видны засохшие пятнышки крови. Главный врач кормит варанов замороженными мышами, а также вредными пациентами.

– Как спалось, как отдохнули? – спрашивает гражданин умеренно благожелательно. – Зачем вы мне выкаете, я к этому выкаете, сами знаете, отношусь с подозрением, – истерит Леня. Мужчина с ожогом отвлекается от синей папки, говорит нетерпимо: послушай, ты только зашел, а уже действуешь мне на нервы, хотели, называется, по-человечески. Фрезеровщик присаживается, покачивается на стуле, хитренько улыбается. – Мы не с того начали, давайте не будем заниматься профанациями, ассигнациями, тем более мы знаем, как мастерски тебе удастся дурить честных людей, – произнес второй мужчина. – Надеюсь, мы не на шутку подружimsя, – сказал герой нашего романа. И продолжил, внимательно смотря на сотрудников: я полагаю, вы желаете услышать, как на мою бабушку покушались педофилы? – Это тут причем? – А при том! – заорал дико я, вскочив на стол. Вспомнилась бабуля, вспомнилась Сибирь. Ох, она называла меня какофонистом, от слова какофония, души во мне не чаяла. – Не юродствуй, сядь на место, – морщится тот, что с папчочкой.

– Наша фамилия Лаптев, – сообщил один из Лаптевых. Нет, дорогой мой, все мы песочные люди, совсем скоро мы будем смыты волною прибою, а уж Лаптевы мы, не Лаптевы, не нам судить, подумалось Ленчику. – Скажи, ты любишь Родину? – интересуются. – Естественно, – говорит им. – Очень? – задают провокационный вопросик. – В рамках разумного, – многозначительно отвечает. – Леня, Леня, оппортунизм в нашем деле непроститель, – укоряет Лаптев. Фрезеровщик спрашивает, рассматривая настенный календарь с рыжим котенком: вы предлагаете стучать? – Видишь ли, тебе выпал удивительный шанс послужить Родине, – сообщает Лаптев. Другой Лаптев подхватывает: нам известно, что в ближайшее время ты получишь важнейшую европейскую премию в области литературы. – Откуда такие сведения? – сомневается Ленчик. – От советского информбюро поступила такая информация, – отвечал сотрудник.

Леониду подумалось, наверное, отвезу близняшек в Крым. Некоторое время назад люди в интернете писали: Крым наш, Крым наш. Раз он всем так нужен и все считают его своим. Значит, хорошее место. Про наркологию, допустим, в подобном ключе не говорят. – Леонид Захарович, – обратился один из них, – до каких пор ты планируешь шагать от роддома до дурдома? – Его речь была тягучей, флегматичной. У работяги разболелась голова. Он принялся массировать виски. – Ты умираешь от головной боли, если умираешь, держи ароматическое масло, намажь виски, намажь, намажь, лучше уж в сосновом лесу того, – протянул пузырек с маслицем один из мужчин.

– Я всего лишь очередная ошибка эволюции, молодые люди, – произнес фрезеровщик. И было не совсем ясно, иронизирует он или серьезен. Лаптев ответил за второго Лаптева и за себя:

что за пессимизм, чемпион, совсем скоро ты станешь властителем дум немецких домохозяек, французских подростков, людей разного возраста, разных вероисповеданий и сексуальных предпочтений. – Я лишен смысла, вы полагаете, какая-то литературная премия способна изменить ситуацию, – заметил меланхолично Ленчик. – Валя, можно я ему двину, – начал заводиться Лаптев. – Не теперь, Леня, тебе ложиться пузом вверх и поднимать лапки, – сказал другой Лаптев. По коридору шли после зарядки пациенты, тяжело дышали, кажется, зарядка их когда-нибудь доконает.

– Ты теперь агент влияния, завтра же мы тебе оформим визу, полетишь в Европу, там встретит наш куратор, – весело произнес Валя. – Позвольте мне взять в Европу жен, – попросил заводчанин. – Не волнуйся на этот счет, мы им тоже сделаем визы, – заверили Леонида сотрудники. – А что я там буду делать, в этой Европе? – поинтересовался Ленчик, растягивая слова. – Продолжать сочинять свои эти рассказы, стихи, – подсказал Валя. Неожиданно Лаптевы запели, излишне фальшивя: мы в город изумрудный идем дорогой трудной, дорогой не прямой, заветных три желания исполнит мудрый Гудвин, и Элли возвратится с Тоттошкою домой. Ленчик улыбнулся, его улыбка была натянутой, словно резинка из трусов, по которой он поднимался некогда к поэтессе Полине, живущей на пятом этаже, родные девицы не одобряли их дружбу. – Как я рад, что все так получилось, так не хотелось пытать тебя паяльником, так не хотелось, – произнес Валентин. – Кстати сказать, меня зовут Валентин Свистунов, завтра явишься к восьми утра на улицу Торфорезов, дом двадцать две, спросишь Валентина Свистунова на проходной, – дал наставление сотрудник. Ленчик, выходя из кабинета, поинтересовался: а ежели я завтра проснусь диссидентом, ну, а вдруг, хотя, как вы осведомлены, засыпать буду почвенником, не Распутиным или Пикулем или, скажем, Астафьевым, даже не Шолоховым, быть может, Шукшиным, однако, кто его знает. – Расход, Леонид Захарович, расход, жду завтра, – не захотел слушать Лаптев. И фрезеровщик пошел на пост к медсестричке за вещами.

Выпал первый снег, снежинки астенично кружились. Леониду выдали тулуп из овчинки, супруги передали тулупчик заранее, сами встретить не смогли. Шел через лесок к железнодорожной станции. Размышлял о маленьком американце из Канзаса, которого ураган забросил в наши края. Впереди шагали поддатые тетеньки, беседовали: долго ехали на трамвае, потом на метро, потом снова на трамвае, приехали, а никого дома нет. Они вкусно пахли апельсинами, хихикали. – Дорогая, как писал Хармс в своей записной книге, боже, как мне нужно много денег, а мне бы найти родственную душу, вот, почему маманя не родила братика или сестричку, – рассуждала одна, пока не завалилась в сугроб. Ленчик помог ей подняться, сказав: сеньориты, мы братья и сестры, родные, двоюродные, Серапионовы, в самом деле, отец наш, а не отчим всех нас любит, правда, правда. Дамочки ему не очень поверили. Та, что в кожаной куртке, в розовых лосинах, с вишневыми щеками, сказала с недоверием: а мы возьмем и похитим такого-то кавалера. Ее подружка полезла целоваться, ее морковные губы при иных обстоятельствах неплохо бы смотрелись в супчике. Она не забыла представиться, громко икнув: Натали. Леониду посчастливилось избежать поцелуя, он прибавил шаг, зайчишкой убежал от барышень к другим барышням. Завтра предстоял насыщенный день.

По всему вероятно, мы подошли к финалу, предположительно, ты, Игорь Геннадьевич, наш достопочтенный завхоз, ветеран пунических войн, читаешь эти строки. Где бы ты ни был, в нашей удивительной наркологии, в окопе, куришь ли болгарские Родопи или индийские сигареты, это не столь важно. Ты, Игорь Геннадьевич, сообщу я тебе, попал в ловушку и повзрослел. Я тоже когда-то в нее попал. Потому вынужден проживать снова и снова одно и то же, одно и то же. Оплачивать коммуналку, опускать в избирательную урну бюллетень, перемиывать косточки соседям, следить за метеосводками, выпивать по пятницам пиво с мужиками, пересказывать им фильмы, ездить к женам в роддом, застревать в лифтах, по инерции роптать на судьбу. Да что я рассказываю, об этом читатели прекрасно осведомлены. Ты легок на подъем, ты, по сути дела, гагачий пух.

И какая бы группа людей по предварительномуговору не лишила тебя веры в людей, знай, за нами сожжены все мосты, все перекрестки дорог, все прошептанные тайны в ночи, каждый сделал все, что смог, все, что смог, но об этом помолчим.

Также, Игорь Геннадьевич, у меня имеется что добавить касательно дальнейших событий. О наших долгих сборах, и о моих крайне причудливых ощущениях. А именно, я ощущал себя, подобно физику-академику Николаю Александровичу Козыреву, в чьем обвинительном приговоре значилось: десять лет лагерей, пытался угнать реку Волгу из России на запад. Право слово, комично. В данный момент мы с Гертрудой и Молли собираемся ехать на вручение премии. За окном Варшава, она объективно скучнее Химок. Я дописываю данный абзац, но ни в коем случае не ставлю точку. Некстати компьютер подхватил сезонную простуду, сифилис, вампиризм. Текстовый документ мерцает, а половину слов не я написал вовсе. Как ты знаешь, хорошая литература есть вульгарные выкрики трудного подростка с последней парты. О, как самозабвенно я кричу, чтобы криком своим развеселить всех тех, кто мается со своею врожденной интеллигентностью, тех, чья белочка пришла раньше срока, тех, у кого глаза вот такие, от слезок мокрые.

Впрочем, куратор Петр Октябрьский утверждает, мое сочинительство есть сочинительство в интересах отечества. Он просит особенно не распространяться насчет реальных людей, адресов, гриф секретности и все такое. Так что, Игорь Геннадьевич, свои тревобления буду описывать тебе сухим, словно кашель Марселя Пруста, языком. Сейчас же я запускаю на треклятом компьютере диагностику. Сосед за стенкой грязно ругается, попеременно называя органы деления и размножения. Мои жены в красивых, точно певица Бьорк, платьях с блестками на пороге. Они нетерпеливо зовут. Должно быть, я сообщал, мы едем на вручение премии. А моего папу, кстати, тоже звали Игорем, какое великое совпадение. Я надеваю твидовый пиджак, приобретенный в секунд-хенде для мероприятия. На груди аккуратно заштопанные дырочки от пулевых попаданий. А во внутреннем кармане странное удостоверение детектива. Я ухмыляюсь и становлюсь Валентайном, поэтому совсем скоро где-то случится убийство.

Ирма ГЕНДЕРНИС

СМЕШАННЫЕ МИШЕНИ

где солома гвоздя едома
без единого дыма
тихо жили фома ерема
говорили мимо
о мефодии меховом
о пушном кирилле
(а казалось бы об одном:
о звезде-шестикрыле)

днём человек а ночью бычьей
коррида звёздный Назарет
увеличительный обычай
но только не эксперимент
на улицах и на комарках
не опыты на жевупри
больных животных-перестарков
библейских изнутри

ангел легкоатлети
то лети а то кати
помнишь катю подвозили
из училища репти
ящерку под ней искали
не могли найти

только мыши с муравьями
умный дом сложив краями
в сказку нас перенесли
где апостолы – столы

Ирма Гендернис родилась и живёт в Лиепаве (Латвия). Стихи публиковались в журналах «Волга», «Двоеточие», «Нева», «Новый берег», «Формаслов», «Тонкая среда» и др., в сетевых изданиях ROAR, «Артикуляция», «Точка.Зрения», «ДЕ-ГУСТА.РУ» и др.

и теперь ровно в двенадцать
стульям нужно подыматься
чтоб фамильные кристаллы
и размялись и привстали

окно в париж париж в окно
но высоко лететь темно
а если выбросили флаг
как лишний слог
бесцветный облетает лак
и ноготь-лепесток
ломается как механизм
для спуска вниз

одиноче отче
оче иль не оч
возвращать по почте
предпосылку-ночь
полудрагоценна
желчно-каменист
люцифер люцерна
аист акмеист

обморок морского дна
бездыханное надгробье...

сон-стоletняя война
особняк междоусобья...
сад-усадьба круглый стол
череп с выпиленным мозгом
(все четыре глаза в пол)

...лакмус
лишняя полоска

кровь из носа в нос
в рот изо рта...

как бы ты перенес,
холод,
туда-сюда
ходьбу по твоим горбам
(вмятины, вогнутанг)...
лучше читать по губам:
ахтунг, теахт, вахтанг
леди-ледовый холл
(или ладья где халк?),
мегалодон-смеагол
танковый панк...

огни большого
театра теней исчезает:
совы засова
земляные орехи леса
или ухани
кукольные кулоны:
камни из ткани
(на перегибах – стоны) –
перекладные
вскорости на которых
стройка отхлынет –
процементировав хоррор...

гнатион и козелок,
глазик Азazelло...

не вари, мой котелок
в складочку глабелла...

циркового представле-
о добре и порче
нет на сглаженной Земле

– только смех все звонче...

холод похлопывать по плечу:
крыльями что ли похлопочи

за распушившуюся свечу
с разворота ударившего в печи
мороза (ибеабучи зол
да и пепел злоибеабуч)

– это ёбокс, это тебе не футбол...

что ни пространство то риман
римляне в верхних слоях
кличут и кличут: марина
римма своя колея

узкоколейка евклида
слева у сна на борту
если исчезнуть для вида
бошетунмай маниту

штормовые снасти обвала
речь пораньше с утра скирдовала
собирала ракушки в стожки
выносила на берег мешки
разрывала глазные гармоши
похоронные била очки
подбиралась к ячменной Дюймоше
футынутой почти

земля – отрыв от и до
Земли да и нет
воздушный ее коридор
прихожая
свет
из кухни
поваренных книг
соль
сахарных свекль
почти винегретный ночник
столовый бинокль...

миражинка фатаморганье
мифическое «семафор»...

две амфоры – на растиранье
а третья джину – на фарфор...

и пиромания жизели
и золушки летальной гжель
и это тело... неужели...
лоза заноза азазель

бабка, повивальная машина
траур, мокрый тратуар
в шинах – кровь и дедовщина
спертый мальчик де-труа

свежий номер воздуха зигота
клей бумага апплика-
пахнет детская колгота
париком из старика

голень струн души стопа
запах ног и автостопа
тататитатитата
из оконного окопа

из траншеи (браво, Швейк
бис, Сереющая Шейка)

где елена-соловей?
где разбойник-канарейка?

где раба твоя, любшин?
над покойницей матросской
тишина несёт кувшин
вознесенский – для Потоцкой...

платье в подпол или в пол?
не принес ли кто в подоле

из подполья горных смол
мумиё для муми-троллей?

кто навешивает мяч?
где кручёных подачи?
чем товарищеский матч
не решение задачи?

или тральщик-театрал
в боевом своем траленье
минный мяч не разыграл,
игроман воображенья?..

сейчас отбой а после – шанежки
а между ними на канате
болтаются большие варежки
и тесное пальто на вате

холодные как эта тюря
слова шатаются от голода
и дальше прошлого июля
не двинутся в пределах города

смешаны мишени...
на один зубок
оленину лени
пробует стрелок...

где-то перестрелка
скрещены рога...

солевая грелка
ледяной орган

переносица – кольцо
продевается в лицо
(рукава – из шерсти льва
чтобы трогало слова –
сквозь пылающее лико,
чтоб отбрасывало блик –

дрессированное лихо:
трансваальский свой парик...

диафильмы копперфильда
на отсохших диафрагмах
пересматривает хильда
ведь граффити – стенограмма

(кто редактор стенгазети?
кто простукивает стоны
в христианском назарете
как рублевские эмотиконы)

за какое-никакое
за Родинию Гондван...

вот оно, твое сухое
и прохладное, Иван:
и аптечное предместье
и усадьба для лекарств...
ты помещик в темном месте
сердце выигравший в дартс

повернись к лицу стеной
сон крестьянка крепостная
в ней вай-фай переносной
и дорога скоростная
дали б волю – снег пошел б
разогнался б и помчали
но Земля стоит как столб
пыли – в космосе печали

крикнешь осени: Алсу!
Рэсэсэрия для Рэсси!

лес похожий на лису
откликается на Лесси...

я – Аяврик! я не вру!
ты наверное Тыманчи...

но квадроберу в тюрьму
кто в зубах приносит мячик?

...падал первый Гамаюн
предвещая снег...
юный пионер Июнь,
будь готов к зиме...

май (мифический Хумай)

смерть (парад побед),
всех безногих обувай
выводи на свет

2024

Сергей ПОПОВ

МАМА

околонаучные записки

*Науки юношей питают
Отраду старым подают...
М. Л.*

Это были странные звуки. Соотнести их с чем-то из алфавита можно лишь с большой натяжкой. Какие при этом годятся буквы? М, б, е, х... Прямо скажем, не самые пасторальные слова мгновенно вспоминаются при этом... Но братья наши меньшие слов не ведают. От лексических цепей они свободны. А от самых что ни на есть физических – увь... В старом деревянном виварии медицинского института это было явлено во плоти.

Барана звали Яшка. Он жил в ошейнике и на цепи. И был очень разговорчив – говорил «бе» при каждом к нему приближении. «Как правило, овцы не блеют от боли, но блеют, оказавшись в изоляции». Где это я вычитал? У Брэма, что ли?.. И разве баран – это овца?..

Среди кроликов, белых мышей и морских свинок Яшка смотрелся величественно.

...стремительные облака морозного пара заполнили прихожую. Запахи хвои, снега, вымокшей шерсти вне всякого сомнения были обещанием праздника. И я закрыл глаза в надежде увидеть потом чудо... Отец и мама вернулись из лыжного похода на Пионерскую горку и принесли мне огромную сосновую ветку. Они смеялись, тормозили меня, рассказывали о забавных падениях... Для меня мама – это лыжный восторг.

Моя мама была микробиологом. Аспиранткой она ездила в Москву, в Институт усовершенствования врачей, к знаменитой Ермольевой, создательнице отечественного пенициллина. Она рассказывала о Михаиле Ивановиче Штутцере, который на заре карьеры стажировался у Роберта Коха в Берлине. О палочках Коха я кое-что уже слышал... А потом он организовал в нашем городе бактериологический институт. А потом его перевели в Полтаву, в Киев... А потом он сгинул.

Игорь Иванович Степанов, гурман и сибарит, заходя на кафедру, церемонно кланялся дамам, степенно усаживался за свой стол и как бы между прочим рассказывал анекдот с той долей перца, которая обеспечивала неизменный успех у аудитории. Он был сыном профессора Степанова-Григорьева, одного из отцов-основателей здешней микробиологической школы. За это великовозрастному отпрыску классика жанра традиционно прощались необоримое лентяйство и светский алкоголизм. На общих празднованиях «красных дней календаря» вместе с мужем одной из кафедральных преподавательниц он отбывал из-за стола на кухню, и уж там дозы и приличия были иными...

Кроликов, отработавших своё на опытах, старшая лаборантка кафедры прекрасно готовила

Сергей Попов родился в 1962 году. Окончил Воронежский медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Звезда», «Новый журнал», «Интерпоэзия», «Арион», «Новая юность», «Новый берег», «Воздух» и др. Автор многих книг стихов и прозы, в том числе «Крылья над крышами. Избранная проза» (Воронеж, 2021), «Вся печаль. Книга стихов» (М., 2021). Предыдущая публикация в «Волге» – стихи (2023, № 9-10). Живет в Воронеже.

в автоклаве. Говорили, что это кулинарный шедевр. Все собирались за общим столом, шутили, спорили, обсуждали перспективы...

Автоклавные кролики всех объединили лучше любых корпоративов. Впрочем, слова такого тогда, по-моему, и не было...

Огромный, двухметровый и stodвадцатикилограммовый, Игорь Иванович легко вплывал в открытую на ночь форточку, приобретал прежние формы, усаживался в кресло, и рассказывал, рассказывал, рассказывал...

– Тебе, наверное, матушка говорила, что я целых два года трудился на Кубе. Помнишь, такая братская страна была? Предотвращал эпидемии всякие... Там антисанитария была жуткая!.. Местные только танцевать да трахаться горазды. А чтоб работать – дураков нет... И то правда, что там и не заработаешь ни черта – гроши платят. Даже грошами это не назовёшь – слёзы...А зачем плакать? И потому все смеются и радуются жизни. И деньги тут не при делах...

Твоя мама была замечательной! Я ей любовался. И если бы не знал хорошо твоего отца, наверняка приударил бы за нею... Но этика прежде всего! Ведь меня женщины любили... Ах, как меня любили женщины!..

Игорь Иванович зажмурился и блаженно разувался.

– Она как-то сказала, что первое, о чём ты её попросил, было купить попугая... Понятно, что никто эту просьбу выполнять не собирался. Но ты упрямылся и бубнил своё изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц...

Так вот, когда я уже собрался возвращаться с вотчины Фиделя восвояси, меня спросили, что подарить на память. И я ответил: «Двух попугаев». Мне и тебе. И ведь подарили...

Нас долго держали в аэропорту в Гаване. Я как помешанный носился с двумя клетками, потому как птицы друг другу не симпатизировали... Потом был шмон, потом долгая посадка. Потом полёт, который, казалось, длился целую вечность... В Шереметьево нас тоже долго муржили... Требовали какие-то документы от ветслужбы... И мы долгие часы ждали в ледяном предбаннике. А когда всё решилось, оказалось, что один из попугаев приказал долго жить... А второго, каюсь, я оставил себе. И когда я приходил с каких-нибудь посиделок, он вопрошал: «Игорь, почему так поздно?» Не знаю уж, кто его научил... А вскоре и все стали попугаями.

Понимаешь, друг мой, мы боролись с эпидемиями. А нынче эпидемии борются с нами. Понятно, что у кого стратегическая инициатива, тот и потенциальный победитель... Но не будем о грустном, не будем... Есть масса прекрасных в этом мире вещей. Вино, кролик печёный со свеклой, умопомрачительные женщины... Надо просто уметь это ценить. А это уметь не просто...

– Зинаида Виссарионовна пригласила всех стажёров на свой день рождения. Как сейчас помню небольшой зал с эстрадой и роялем, её бывшего мужа вирусолога Льва Зильбера и его родного брата Вениамина Каверина. В 1936 году Зильбер добился создания Центральной вирусной лаборатории при Наркомздраве РСФСР и открытия отдела вирусологии в Институте микробиологии АН СССР.

В 1937 году руководил дальневосточной экспедицией Наркомздрава СССР по изучению неизвестного инфекционного заболевания центральной нервной системы. В ходе работы экспедиции была выяснена природа заболевания – клещевого энцефалита – и предложены методы борьбы с ним.

Сразу по возвращении был арестован по доносам о попытке заражения Москвы энцефалитом и сокрытии факта заноса энцефалита в СССР японскими диверсантами. В июне 1939 года был освобожден. Тогда же стал заведующим отделом вирусологии в Центральном Институте эпидемиологии и микробиологии Наркомздрава СССР, которым руководил до своей смерти в 1966 году с перерывом на время третьего ареста.

В 1940 году Зильбер был арестован в третий раз. Находясь в заключении, Зильбер часть срока отбывал в лагерях на Печоре, где в условиях тундры из ягеля получил дрожжевой препарат про-

тив пеллагры и спас жизнь сотням заключённых, погибавших от полного авитаминоза. Получено авторское свидетельство на изобретение. Свидетельство было записано на имя «НКВД». Отвечал отказом на неоднократные предложения работать над бактериологическим оружием. Вспомнив об умении Зильбера получать спирт из ягеля, начальство направило его в химическую шарашку, где он начал исследования рака. За махорку заключённые ловили Зильберу мышей и крыс для экспериментов. В ходе исследований сформулировал новую концепцию происхождения раковых опухолей. В своем первоначальном виде она базировалась на двух основных положениях: опухоли имеют вирусное происхождение, но вирус выполняет лишь иницилирующую функцию в опухолевом процессе.

В марте 1944 года, накануне пятидесятилетия Зильбера, его освободили благодаря письму о невиновности учёного, направленному на имя Сталина и подписанному Главным хирургом Красной Армии Николаем Бурденко, вице-президентом АН СССР Леоном Орбели, академиком Николаем Гамалеей, биохимиком Владимиром Энгельгардтом и Зинаидой Ермольевой. А как она уже после развода хлопотала, чтобы Зильбера освободили! Хотя тогдашний ее муж как раз в это время сидел... Двенадцатого февраля 1938 года Алексей Захаров был арестован, а уже девятого марта подписал показания, в которых сознался, что «вместе с проф. О.О. Гартохом создал контрреволюционную организацию с целью убийства Вождя и Друга человечества И.В. Сталина, шпионажа в пользу фашистской Германии, диверсионной работы в виде заражения в случае войны источников водоснабжения и вредительства на фронте борьбы с эпидемиями».

Он признался, что состоит в боевой группе под руководством агента фашистской разведки О.О. Гартоха, готовившей убийство членов советского правительства.

Это только потом она узнала, что его к тому времени уже расстреляли.... Это была настоящая новочеркасская казачка – резкая, сильная, решительная... Сталинскую премию за пенициллин она отдала на строительство самолёта. На его борту так и было написано «Зинаида Ермольева». Что ценно в этих людях – они не давали ощутить никакой дистанции, общались на равных, подбадривали... На рояле играл сам Рихтер. И это не выглядело чем-то из ряда вон выходящим... Она предлагала мне поработать в её лаборатории, но у меня уже родился ты...

Игорь Иванович Степанов привычно вплыл в открытую форточку, оформился в кресле и принялся рассуждать.

– Все мы загнёмся от эпидемии. Не этой, так другой. Не от другой, так от следующей... А по-другому быть не может. Люди, которые могли им противостоять, истреблены. А все эти вакцины, сделанные за две недели – просто смех и грех... Но ты не переживай: от чего-то нужно умирать...

– Вам легко, – отвечал я. – Вы уже умерли.

– Не возьмусь сказать, кому легче. Везде не сахар... Тем более, здесь столько коллег! Но они, увы, вне игры. Первый раз Оскар Оскарович был арестован 13 августа 1930 года. Тогда ОГПУ возглавлял – пока ещё в ранге зампреда – Ягода, и при осуществлении следственных действий до некоторой степени соблюдалась видимость законности. Через два с половиной месяца за отсутствием состава преступления О.О. Гартох был освобожден и вернулся к своим обязанностям. Возможно, свою роль сыграли его знаменитые поручители: академик И.П. Павлов, известный французский писатель, нобелевский лауреат Ромен Роллан и писатель Максим Горький. Можно с большой долей вероятности предположить, что именно Ромен Роллан, поддерживавший близкие отношения с семьёй Гартох, обратился за помощью к Максиму Горькому, бывшему, к тому же, близким другом Ягоды.

Я хорошо помню свою последнюю встречу с Яшкой. Он смотрел круглыми, полными вселенской тоски глазами и молчал. Как будто понимал, что науке потребовалась его жизнь. Он, собственно, и вёл здешнюю жизнь для того, чтобы однажды с ней безропотно расстаться...

В последний раз О.О. Гартох был взят под стражу 31 мая 1941 года, когда до начала Великой Отечественной войны оставалось всего три недели. При приближении фронта к Ленинграду многие заключенные следственного изолятора были эвакуированы. О.О. Гартоху не повезло. Его этапировали в Саратов – место компактного проживания этнических немцев Поволжья. В конце августа 1941 года Верховным Советом СССР было принято решение об их депортации. В этих условиях к тем из них, кто находился под следствием, чаще всего стали применяться расстрельные статьи.

«...Из числа агентов германской разведки, связанных с Цейссом, НКВД СССР арестован профессор-микробиолог, немец Гартох О.О., который 4 октября 1941 г. показал, что во время пребывания в Германии он в 1923 г. был завербован разведкой, а с 1925 г. по заданиям Цейсса вел шпионскую и вредительскую работу в области микробиологии.

Гартох О.О. принимал активное участие в создании антисоветской организации среди микробиологов. Практическая подрывная работа этой организации состояла в выпуске недоброкачественных бактериологических препаратов (вакцин, сывороток) и в разработке наиболее эффективных методов проведения бактериологических диверсий в момент войны Германии против СССР».

О.О. Гартох содержался в саратовской тюрьме № 1. Где-то в одной из соседних камер находился академик Николай Иванович Вавилов. Приговоренный в июле 1941 года к высшей мере наказания, он умер здесь в камере смертников от полного истощения через полтора года – 23 января 1943 года. Что касается О.О. Гартоха, то и его 28 ноября 1941 года приговорили к смертной казни. Последний месяц своей жизни он провел в одной камере с Н.И. Вавиловым. Оскара Оскаровича расстреляли 30 января 1942 года – ровно за год до смерти Николая Ивановича, который оказался последним, кто пожал ему руку.

На дворе стояли шестидесятые. В чести были барды, лыжные прогулки, вечерние посиделки на кухнях. Снег искрился, ветер бодрил, хвоя кружила голову. Взлетал Гагарин, поворачивали вспять реки, с великими трудами доставали плащи-болоньи. И думалось, что только так и можно, и нужно жить.

Игорь Иванович Степанов явился как всегда.

– Я подумал, я всю жизнь занимался чёрт знает чем... Ни микробиология, ни вирусология к эпидемиям отношения не имеют....

– Это что-то новое, – ответил я. – А в небесной канцелярии не наливают?

– Не ёрничай. Тебе это не идёт... Мы погибнем от эпидемии другого рода. Это особо опасная эпидемия... Вот чем надо было заниматься. Ты же ведь умный парень. Ты должен понять...

Я его не понимал.

– Ты не настолько умён, – вздохнул Игорь Иванович. – Я, пожалуй, больше не приду. Но ты всё-таки подумай над моей догадкой. Ведь самые важные вещи сформулировать невозможно. Да, я думаю, и ни к чему. Формулировки только вульгаризируют. А вульгаризаторов у нас было миллион.

Мне стало жаль старика, разочаровавшегося в смысле своего труда. И я сказал: «Не расстраивайтесь. Просто я не люблю, когда всё слишком лежит на поверхности. И мы склонны винить во всём именно поверхность. Это ведь глупо. Правда?»

– А что умно, молодой человек? Следовать банальностям, которые становятся зловещими? Это легче лёгкого. И опасней опасного. Впрочем, никому ничего не навязываю... Твоя матушка была замечательной. Ты явно не в неё... Может быть, если бы я довёз тебе тогда попугая, ты был бы иным? Я даже в этом не сомневаюсь... Но история не имеет сослагательного наклонения.

И здесь я его понял.

5.01.2025

Дмитрий ВОЛКОВОЙ

УГАСАНИЕ

*«как одеялом и как пухлым краем
это плечо и грудь закутывались морем
холодным днем со смерчем в форме лепестка»*

в цвета магнолии, пастельных очертаний
метлахской плитки санатория
эта энергия весь мир сейчас перенесла

сталкивающиеся голоса

как хорошо в чужой язык вселяться,
усиливать его настройку выпуклости: стилизация,

сказ, диалог, пародия.
тебе навязчиво на ухо кашляет
неуязвимый шок

такое вот сегодня
необработанное дерево и неокрашенный

шелк

вскипевших апельсинов светом
касается листва и демон
кожи сумерек утонченной.

запахавшимся ветром
захвачено озолоченное экс-лето
мир, сотрясаемый испугом
сегодня опоздавший, шепотной

широких скул строительной канавы
своей построенностью старой

Дмитрий Волковой родился в 1998 году, аспирант юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, юрист. Публиковался на сайте «Полутона», в журналах «Воздух», «Волга». Книга стихов «Сны, музыка и линии жизни» (Чебоксары: Free Poetry, 2024).

касается едва-едва брендмауэр
сам в сумерки шириной

все это место точно божье
здесь все, что начинается – светло и осторожно
совсем не страшно сталкиваться противоположностям
в таком убежище хорошо

свобода – это взявший себя в руки / на руки покой
всегда находит место посмотреть с другого
ракурса, без накипи пристрастностей
возникающих, уходящих, уходящих и возникающих

всегда находит время и параметры
с переживанием справляться как с орнаментом
он тоже монотонный

красота однообразия фольклора

смотри-смотри в эти внезапно
остановившиеся глаза
человека в огне истории или часа.
присмотрись в зеркало и не печалься

волна слонового спокойствия
(следочки вязанные на полу холодном)
укроет чепчиком от облака тревоги
и от нелепого ожога раздражения

я очутился среди снега у дороги
и многообещающего гула
то ли условного наклонения внутренних голосов
то ли будущего в прошлом нежных снов

в том темном воскресном автобусе

лето и бёрдвотчинг пассакалия
лето движущаяся
картинка моего переживания
рассвета стриженная полоса
я всюду что-то провожаю
эспрессо мятная гебжалия
лето сборник чудо-плеоназмов
и не насытишься ни разу

лоск коленок и возвышенного лба
тотально ухмыляющаяся высота

запах тела выдохшегося пробника
слова и ночи светлые большие
новая родинка
на хлопчатобумажной шее

как же я буду без тебя
твой взгляд, молчанье, почерк

бёрдвотчинг как будильник
открытый дождь открытый океан
летит в медлительной пустыне
когда захочет

бёрдвотчинг как пустырьник
спокойной ночи.

прямые линии сосен
и их игра в пятнашки с солнцем
какая радость проявлять волю
и представлять что-то свое и дорогое

ни фото, ни рисунок
главное не растолкуют

не растолкуют главное высказывание сосен:
*«мы эукариоты, как и ты,
задающий глупые вопросы»*

есть отдельная глава
в тексте их удлиненного бытия:

чаща и опушка –
единство и пограничность;

сруб и ураган –
раскол и гибель.

вы, тонкие длинные ноги
безропотных уверенных кораблей,
затонувших / расположенных в музей,

не замолкайте, не тревожьтесь.

так прекрасно находиться в безвремье
не зная который час
и слышать только звук колокольчика с улицы
(цветы или восточный механизм?)
думая, что человечество перегрелось от поэзии

не надо ему ее
пока что

я забыл фисташку в кармане куртки,
которую больше никогда не надену

Боги

выходи, бог горных рек и крепостей,
щетинистый и с полными карманами оставленных монет, перстней.
ты бил по каменному барабану скорби
грабовыми палочками воли и восторга,
тебе всегда так сытно и нескучно.
бог горных рек и крепостей, посмейся ей на ушко.

немного солнца и колхидского плюща
наброшено на охладевшие коленки ночи
и на зрачки немного освежающего ветра.
она застыла как сургучная печать,
проснулась рано с теплыми щеками.
спасибо богу лета
за пробуждения и запахи пекарни.

выходи, бог эндемизма и открытий,
коснись, и вырастут нагорных колокольчиков детеныши,
пересекутся судьбы и молитвы.
сквозь близорукость нежно проявляются
иконы, море, поручни.
и этот славный трепет понимания
во мне неспешно отзывается.

вдруг на сладких конфетах раздавливать
плохие сны и внутреннее содрогание,
забрасывать овечье стадо
красными яблоками как камнепадом.
и похищать имущество ничье
а убивать – то только время, зависть, сглаз.
твои изломы и породы оббивать ручьем,
и вместе выпить пива,

и тишину улавливать всегда горазд
бог сна и мира.

пыль выметает, раковины и топазы
метлой из веток изумрудного самшита
крошечный, седой и синеглазый
бог драгоценностей и дома
не ради отчуждения, порочного избытка,
а чтобы разграничить, преумножить,
а чтобы весь орнамент был непререкаемо богат и невстревожен.

выходи, бог настроения, бог путешествий,
бог философии, бог обуви и шляп.
здесь расположена большая паутина встреч и соответствий,
ладонь большая, на которой все заботятся и понимающе молчат.

опоздание – это как нырнуть в другую воду

время меняется

из чистого ныряешь в серое и мутное
вынырываешь – если успел
если нет – разбухаешь как утопленник

РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

Рассказы, сказки, стихи, анекдоты и прочее из Новой Русской Азбуки

А. Анна Хвостова. Из Лондона

1

В этом нашем (конечно, не нашем!) доме один большой коридор и восемь комнат. По четыре с каждой стороны.

Их сдает нам, жильцам, хозяйка, Надежда Николаевна.

Женщина простая, не очень злая, но грубоватая.

Она здесь величина постоянная, мы – переменные. Кто-то иногда прибывает, кто-то убывает.

2

Однажды приехала и поселилась в наш коридор совсем еще не старая женщина Аня. Из Лондона.

В самом деле из Лондона!

Когда она только приехала, Антон Вадимович спросил ее:

– Если не секрет, вы издалека?

– Из Лондона. – И Аня, Анна улыбнулась иронически и загадочно. – Решила из этого Лондона поближе к цивилизации перебраться...

Нет, конечно, она была не из английского Лондона.

Она приехала в наш относительно центральный, не очень далекий от столиц городок из дальнего-дальнего Туманногогорска.

А поскольку в каждом уважающем себя Туманногогорске есть своей Лондон (иногда он же Шанхай или Париж, иногда это разные и даже не жизнь, а на смерть враждующие между собой территории), то в таком-то Лондоне и проживала прежде наша новая прекрасная соседка с короткой стрижкой и веселыми живыми глазами.

– Решила поближе к цивилизации перебраться...

3

Антон Вадимович Данилин (комн. № 1) большую часть жизни прожил в общежитиях.

Бедный Антон!

Ему шел уже пятый десяток, а он был в чем-то как бы идиот.

Иван Макаров родился в 1957 году в Москве. Окончил химико-технологический институт и заочно литинститут им. Горького. Работал инженером, слесарем, дворником, сторожем и т.д. Публиковался в журналах и альманахах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Поэзия», «День поэзии», «Плавучий мост», «Крещатик», «Нева» и др. Живет в Калужской области. В «Волге» публикуется с 2017 года.

Притом довольно-таки хитрый. То есть знал, кому что можно сказать, а кому безопасней не говорить... Не стоит.

То есть таким его сделала жизнь. Общежития. Общаги. Общежительства.

Сначала это были, собственно, просто военные казармы. Антон Вадимович служил сверхсрочную, был прапорщик.

На сверхсрочную и в прапорщики он не совсем обычным образом попал. Его обещали после школы прапорщиков направить дальше обучаться в военно-политическую академию по культурной части, чтобы он мог служить завклубом или чем-то в роде. Это ему нравилось: в школе он успевал по трем предметам: русская литература, история и физическая культура... В военно-политическую академию его не направили, и из армии он при первой возможности демобилизовался.

После он был студент. Снова общежитие. Недоучился на «философа». Появилась семья. Нужно было что-то зарабатывать.

Дальше недолгая, меньше двух лет, не совсем сложившаяся личная семейная жизнь, и снова общаги, общаги...

Впрочем, человек он был добрый и честный. С общежительским, конечно, оттенком. Или с акцентом...

От долгой общежительной жизни у него выработалось два инстинкта: защитительный и нападательный.

Остальное укладывалось в эти главные направления...

И что он, такой, мог предложить Анне?..

Она только вежливо улыбалась.

4

Виктор Георгиевич (комн. № 6) был великий исследователь и экспериментатор. Изобретал порох. Одновременно служил дежурным слесарем по отоплению и вентиляции.

Он-то, безусловно, Ане понравился, но...

Но он был беден, как всякий настоящий, как всякий уважающий себя пролетарий...

5

А я?

Ну, про меня и говорить нечего...

6

Восемь комнат. Один коридор. Общая кухня.

Комнаты №№ 1, 2, 3 занимали таджики.

Культурно жили!

Да, таджики хорошо жили. Дружно, по-семейному. И не бедно. Потому что много работали.

И даже мужики у них, которые отдельно, без семей здесь жили, никогда не покупали хлеба. Сами пекли. И какой!

Еще бы!

У них судьба.

А у нас судьбы.

7

Мы, конечно, тоже не плохо жили...
Но как-то одиноко и безалаберно...
Хотя все же и не в Лондоне...

А потом приехала из Лондона Аня. Анна Хвостова...

Судьба?

Мы все дружно ухаживали за ней. Старались. Стали чаще умываться и чище одеваться.
Старались.

А Аня?

Со всеми была приветлива, как-то царевна при семи богатырях... Но никому никаких предположений, и вообще ничего никому...

Почему так?

Очень просто.

Потому что из Лондона....

Б. Белка. Вернее, три...

Три белки (Рассказы пациента)

Белка, «Белая горячка» по латыни – **delirium tremens**. – Дословно – «трясущееся помрачение». Я их наблюдал три.

1

Я тогда в первый раз попал в это медучреждение.

И вот как-то вечером один пациент, молодой и здоровый на вид молодой человек, чувствовал себя, как мне показалось, довольно-таки весело и непринужденно, жизнерадостно – как будто на театральном капустнике.

– Понимаете, – повторял он, – у меня сейчас вылет, мне нужно в самолет... Срочно...

Окружающие, все в одинаковых смешных пижамах, дружно соглашались:

– Правильно! И нам всем нужно в самолет. И вот мы все сидим, ждем.

Но улетающий пациент не унимался. Самолет сменился пароходом, и все вокруг тоже дружно ждали отплытия.

При этом пуще всех веселилась стройная, ухоженная немолодая дама (в гражданской одежде).

– И мне на пароход, – нежно улыбалась и умилялась она.

Теперь я думаю, ей нужно было что-то другое делать:

Она была врач, заводделением.

И она как-то просто обязана была ему как-нибудь по-другому помочь...

Счастливого путешественника в конце концов все же связали (чтобы не улетел), да как-то все неловко вышло, к утру у него стали отекать ноги: что-то стало неладно с почками.

Завотделением как-то что-то не так сделала...

2

Второй случай был проще, лаконичней и выразительней.

Жертвой приступа стал вполне пристойный на вид ровного поведения пролетарий.

На второй день пребывания в отделении он неожиданно снял со стены огнетушитель (и зачем

он там висел?), перевернул, как положено по инструкции, и стал гасить больных, празднично сидящих на лавках в холле.

Он так ловко и уверенно ликвидировал возгорание, что его некоторое время никто не мог остановить.

Наконец маленький, худой и совсем не спортивного вида доктор подкрался сзади и выбил у *пожарного* уже пустой баллон.

Этому человеку повезло.

Вероятно, после случившегося он перестал злоупотреблять навсегда.

Дело в том, что к тому времени в больнице уже установили видеонаблюдение, и на другой день бедняге показали на экране всю картину его геройств.

3

Третий случай, которому я был свидетель, случился совсем лирический.

Преблагобразнейший дедушка тихонько прогуливался по больничному коридору и ласково звал свою любимую собачку.

Я уже знал, что делать, достал сигареты, позвал дедушку покурить, а сам осторожно сказал сестрам на посту, чтоб они срочно звали врача.

А пока мы с попавшим в беду собаководом искали, звали и гладили его любимое животное, только дедушка никак не мог понять, зачем курить надо идти в курилку и все рвался к балкону (4-й этаж), где совсем недавно только сняли решетки...

...Когда его уже вязали, и я помогал (а что было делать?), он трогательно возмущался и кричал тихо и ласково:

– Ну, что же это такое, Машенька! Гости давно пришли, а ты чаю не даешь ...

В. Велосипед. Одиночество

Сашу зовут Велосипед.

Он удивительно добрый человек, и почти всегда улыбается.

Сколько я его знаю (а знаю я его очень давно, с 2008 года), он всегда был тих, кроток и весь светился иногда какой-то не совсем здешней добротой и любовью.

Иногда ему случается порядочно запивать, а кому не случается...

Сейчас он работает. Снова какие-то стройки.

– Я, – говорит он, – по жизни работяга...

Когда-то Саша жил в монастыре. Просто некуда было деться, и монастырь иногда спасал...

Велосипед – это была когда-то такая в монастыре нелегкая и малопочетная должность.

Саша Велосипед сидел тогда на привратке и, если кому-то из братии или из начальства звонили по телефону, ему должно было бежать по монастырю и разыскивать искомое лицо. Потому и «Велосипед».

Это была трудная работа, суетная и уже непонятная: почти у всех были тогда уже сотовые телефоны.

Конечно, он этой беспокойной жизни он временами запивал, иногда его даже изгоняли из монастыря, иногда отправляли *на скит*.

В конце концов он осел-таки в своем условно-родном Обнинске, устроился на работу, женился и поселился у жены.

В первый раз в этом социальном статусе и гражданском состоянии я увидел его в этом году, на самый Новый год. Я жил тогда возле этого самого нашего монастыря, в монастырской гостинице. Там же и Саша остановился. Сколько-то лет до того мы с ним не встречались.

Саша был пьян, нездорово возбужден, но не уставал ласково улыбаться во все стороны.

Дома жена его запила, назревал скандал, и Саша просто уехал от греха подальше в монастырь, в гостиницу, где мы и оказались с ним в одном номере.

Мы были рады друг другу.

А дома, в Обнинске у него все сложилось в тот момент решительно нехорошо, мало того что жена запила, к ней приехал ее сын (Сашин пасынок!), в придачу ко всему служащий в органах, и они вместе с Сашинной женой, своей матерью, вместе запили.

К слову сказать, Сашина жена, как он говорил, пользовалась большим авторитетом в обнинских воровских кругах. Чудный коктейль.

Конечно, мы немного *погуляли*, и еще общие друзья приехали, а на другой день я срочно уехал – прятаться от дальнейших *гуляний* и, главное, от ожидающихся рождественских морозов...

2

В другой раз Саша приехал летом, когда здесь все цвело, утешительно и жизнерадостно...

Но и летом Саша приехал хоть и улыбающийся, но невеселый.

Он был в таком же больном состоянии и снова от *семейных* причин, с той разницей, что сын его жены еще не прибыл, а только ожидался.

Я и сам оказался тогда не в самом счастливым положении – несколько раз подряд за короткое время (бомбы в одну воронку!) меня обворовали до нуля. При том – *свои*. Но теперь все равно, это уже дела прошлые, и я никого не виню... Все мы грешные...

Саша обрадовался мне, стал совать деньги: «Ты мне столько раз помогал...»

А чем я ему помогал? Да ничем... Полтора раза выпивкой, мелочью и табаком...

– Нет, – повторял Саша, – спасибо тебе уже за то, что ты есть...

И именно в этом, как ни странно, в том, что и мне (мне, идиоту!) можно было быть благодарным *уже за то, что я есть*, был некоторый смысл. Правда, невеселый. Но я только вечером это понял.

Выпивать я с нам, правда, пока отказался: хотел пойти на вечернюю службу:

– Вечером успеем...

Но кое-что, главное, жуткое и грустное, из своих новых радостей Саша мне успел рассказать.

Пьяный, он смеялся и плакал:

– Я же ее люблю... Ее одну люблю... Я на улице с одиннадцати лет... Я один... У меня никого нет на свете... Мне слова не с кем сказать...

От подробностей сегодняшних Сашиных дел у меня и самого голова закружилась... А я, дурак, думал, что трудней, чем мне, никому и быть не может...

А дела у него были такие.

Накануне кто-то прислал Саше на телефон видеозапись.

Там, на видео, этот самый Сашин пасынок из органов, совокуплялся с его женой, и соответственно своей собственной матерью, и при оба этом они были очень веселы и радостны...

Снято все было во всех подробностях, и никаких сомнений в подлинности записи быть не могло.

Больше всего Саша-Велосипед мучился от того, что не может понять, кто все заснял и послал ему эти живые картинки:

– Я ведь ее ночью убить мог... А я ее люблю... Одну ее люблю...

Конечно, на вечерней службе мне было совсем не спокойно. Я только о Саше думал, пытался молиться, как мог: Спаси его, Господи, и помоги ему...

А вечером он был уже совсем никакой.

Мы с ним немного выпили возле самого магазина, он дожидался теперь т.н. *скитоначальника* Серегу, чтобы уехать с ним на т.н. *скит*, ухаживать за курами и утками, а я то и дело бегал в монастырь поторопить этого самого Серегу.

В монастырь и даже в гостиницу такого пьяного его бы, конечно, не взяли, а Серега *на скит* брал, зная его честность, работоспособность и добросовестность.

Конечно, я пробовал уговорить Сашу в первую очередь уйти из этой *семьи*, просто найти себе нормальную женщину, начать новую жизнь: ты ж на двадцать лет моложе меня... Зачем тебе эти радости?

Саша еще не понимал или не хотел понимать:

– Я ж ее люблю... ее одну люблю... Я на улице с одиннадцати лет... Я один... У меня никого нет на свете...

Мне слова не с кем сказать...

Есть ли где на свете более одинокое одиночество?

Саша уехал, а я до ночи курил с ребятами под старой липой, и мне было дурно и страшно от того, что я никому не мог рассказать о Сашиной беде.

Я знал: никто не поймет.

Тоже одиночество...

Г. Гоголь

За столом женщина. Психолог. Худая и вся какая-то соломенная. И глупые вопросы задает. Из-под халата видна футболка. На футболке Гоголь.

Стандартный портрет. Не очень заботливо воспроизведенный.

Над Николаем Васильевичем какая-то надпись. Что, – спрашиваю, – у вас над Гоголем написано?

– Завтра сожжем.

Милая дама... Психолог.

И даже, похоже, неплохо зарабатывает...

Д. Душа. Дialeктика

Души у нас нет. Ни у кого. Это наукой доказано.
Души у нас нет, а душевнобольных $\frac{1}{2}$ населения. Или больше.
Как это понимать?
Дialeктика!

Ж. Женщины

Все знают, что на церковных службах в храмах женщин у нас бывает всегда больше, чем мужчин.

А служат у нас в храме исключительно мужчины.
Женщины только в хор допускаются...

А если б (хоть это и невозможно!) у нас бы женщины в храмах служили?
Тогда, может быть, мужчин среди прихожан было бы больше, чем женщин?
А что? Очень даже может быть...

З. Золотая рыбка

Выловил рыбак золотую рыбку.
И за выпуск в синее море потребовал:
– Скажи, говорит, рыбка про меня всю правду.
Рыбка возьми да скажи...

...Совершенно утонуть он все же не успел. Выловили.

Рыбка, конечно, не изверг была, не Змей Горыныч... Не хотела говорить. Отказывалась. Но глупый рыболов не отставал и не отпускал. Вот она и сказала. А что ей оставалось?..

И. Иностранец

Неожиданно дождь пошел. Не сильный еще. Но барбосу это не понравилось.
И, поскольку он был не нашей породы барбос, белый американский бульдог, то он и рассудил не по-нашему:
– Итс, – подумал он по-своему, – рейн...
И полез в будку.

К. Казак

Это нужно кому-то другому,
И терпеть это сил уже нет:
Самолеты летают по дому
И садятся на пыльный паркет.

Из углов темнота наступает,
Остывает дневное тепло.
Самолеты по дому летают
Неуверенно и тяжело.

Самолеты над мебелью кружат,
Внешний вид их немного смешон:
Весь кругами из собственных кружев
Самый малый из них окружен.

А под ними цветы расцветают,
Их немые улитки едят...
Самолеты летают и тают,
Пассажиры по лавкам сидят.

Тот казак, что гуляет по Дону,
Любит деву, которая льет
Реки слез... И летает по дому
Ясноглазый ее самолет.

Л. Логика (формальная)

Население (на Земле) чрезвычайно выросло. И пока еще растет.
Следовательно, мы больше думаем!?

М. Монашествующие

Жил-был волк. Одинокий. По-своему счастливый. Но только очень по-своему.
Волк жил в горах и тяжело переживал свое одиночество.

В какое-то время по соседству с ним, но ничего не зная о его существовании, поселился отшельник.

Волк сначала хотел естественным образом этого отшельника скушать, но не смог. Этот странный человек был все время чем-то занят, то трудился, раскапывая что-то вроде огорода, то молился, и вообще было в нем что-то, что мешало просто сожрать его по-человечески.

К тому же отшельник был тощий.

И вот, в один прекрасный день (на самом деле, день был совсем не прекрасный – холодный, голодный, ветреный, голый и одинокий) зверь пошел знакомиться.

Для начала волк остановился недалеко от хижины (если это можно так назвать) отшельника и стал выть.

Сначала днем, а потом и ночью.

Теперь каждый был занят своим делом: волк выл, отшельник терпел.

При этом оба постились. Отшельник подвижничал, а волк поневоле.

А некоторое время спустя они таинственным образом подружились, и хвостатый злодей стал часто навещать отшельника.

О чем они говорили? Никто не знает.

Н. На всякий случай

– На кого вы ругаетесь?

– На всякий случай...

Всякий случай стоял в стороне, молчал и тихо улыбался.

А про себя думал, что хорошо бы ему иметь ружье и убивать всех, кто ему не нравится. Да. Просто убивать... Но не совсем просто так убивать, а так, чтобы все убитые тотчас бы оживали... Ну, пусть не немедленно... Пусть через пару часов...

Но ружья у него не было, и таким чудесным бессмертным образом убивать он не умел.

Так он и стоял. Молча слушал, как на него ругаются.

О. Одиночество

Несомненно: свидетели – это лишнее и ненужное. (Даже если ты ничего «дурного» и предосудительного не делаешь.)

Но, с другой стороны, как быть, если вдруг понадобится Алиби?

П. Птицы

– Лида! Ласточка!.. Скушай куриную ножку!..

Р. Рыба

Помню, когда-то летом мы сидели во дворе у Спасского собора Заиконоспасского монастыря (Москва, центр, вход с Никольской).

Храм порядочно пострадал от *мирского* хозяйствования. Грозит разрушиться. Какое-то там архитектурное или просто конструкторское бюро было в храме перед тем, как его вернули церкви, а до того еще чего-то и еще чего-то... А еще до войны оттуда, с колокольни, пытались даже запустить телевидение (знаменитой Шуховской башни тогда еще не было).

По слухам, сам актер Москвин, взобравшись на колокольню, прочел оттуда знаменитый чеховский рассказ про «злоумышленника» ...

Но это было давно.

Настала другая эпоха. Теперь, правда, и она тоже прошла...

А тогда было все в ремонте. Мы приходили помогать ремонтировать. Потому что – Храм...

Во дворе кроме храма еще почтовое отделение, вентиляционные башенки, еще что-то и чер-ный ход дорогого ресторана в псевдорусском стиле («Борис Годунов». Принадлежит, говорят, армянам). Оттуда, из подвала мы вытаскиваем тесанные белые камни старой кладки, таскаем к

собору.

Камни большие, тяжелые, мы часто отдыхаем, сидим на бордюре, курим.

Весь двор перед нами. Поневоле мы видим все, что во дворе происходит.

Во дворе три мусорных контейнера.

Ввиду выгодного географического положения контейнеры, естественно, «богатые». Поэтому *блуждающие*, и просто нуждающиеся люди регулярно их навещают. У них вроде как расписание. Они уже знают, когда зачем туда нужно приходить: в какой-то час за пустыми бутылками, в какой-то за тряпками, в какой-то за едой. Страшно только – в городе жара: еда быстро портится, люди могут отравиться.

Вот немолодые, пьяные, он и она. Пришли вдвоем. Что нашли и достали, взяли: клубнику, какое-то пирожное в коробке. Жена мужа тащит: пойдем! А он нейдет. «Рыба, говорит, там хорошая». Доской в контейнере шарит, но доска короткая, не достать. Это тянется долго. Жена устала ждать и звать, кой-как подтянув юбку, широко и неровно крестясь, пошла, покачиваясь к храму: может быть, там что дадут. А мужик не уходит. Пытается вожденную рыбу достать, ругается и повторяет:

– Ну, это же надо додуматься! Идиоты! Такую хорошую рыбу на самое дно положили... Надо же додуматься!..

Он в самом деле видит чей-то черный и злой умысел в том, что такая хорошая рыба оказалась на самом дне мусорного бака, он уверен, что это нарочно кто-то так положил.

Но вот и я с недавнего времени стал замечать, что сам уже почти так о многом происходящем вокруг, и о происходящем со мной, думаю, это кто-то нарочно устраивает:

«Идиоты! Ну, это ж надо додуматься!..»

А может быть, мы с тем бедолагой действительно в чем-то правы и все это действительно кто-то *нарочно так делает?*..

С. Сказка

Скоро, говорят, сказка сказывается, не скоро дело делается...

Чепуха!

Пока иная сказка сказывается, столько, другой раз, дел успевают сделаться! И каких!

Т. Тайное общество

Чтобы тайное общество было действительно гарантированно тайным, оно должно состоять только из одного человека.

И, кроме того, этот единственный тайный член тайного общества должен и от самого себя очень многое держать в секрете.

И еще он должен не сожалеть ни о минувшем, ни о случившемся...

А мы все больны коллективным раздвоением личности.

И поэтому быть одним (*solo!*) человеку крайне затруднительно.

Следовательно, тайное общество в нашем мире крайне маловероятно.

У. Утро

Толстая дама с круглым лицом в военной форме и фуражке записывала всех в список, а мы расписывались, каждый вслед за своей фамилией:

Уч. Иванов, уч. Васильев, уч. Каменщиков, уч. Царева, уч. Придворова...

Что б это значило? Или мы теперь ученики?.. Или учащиеся... Не очень-то похожи...

Я сам спросить не решился. Военная дама была важная и надменная.

Спросила худенькая женщина в очках с тронутым ветряной оспой лицом и нервная, впрочем, довольно милая – как маленькая обезьянка или иностранная туристка:

– Уч. Захарова, – прочла она вслух, – это что значит? Ученики? Я – ученица?

– Ученики!.. Ученица... – Военная женщина насмешливо скривила сильно накрашенные губы и повела плечами с погонями:

– «УЧ» – значит «Условно Чистые» ...

Ф. Фрейд – Doctor von Freud

«Психология...» – уж не помню, чего... То ли сна, то ли «обыденной жизни».

Это было давно. Была осень. Я был тогда молод и беден (Хотя не так, как теперь, конечно.) Но – были и беднее меня.

Мое семейство уехало отдыхать, и я остался на некоторое время один. Жил в отдельной комнате. Коридорная система. И недорого.

А один мой хороший приятель оказался в больнице. В психиатрической. Имени Кашенко. 17-е отделение (экспертиза).

На воле у него осталась жена с ребенком.

И вот мать этого моего приятеля, женщина видная, крупная (я ее видел однажды), работник торговли, воспользовавшись случаем, выгнала из дому его жену с четырехлетним ребенком. Видно, не очень ее любила. Пойти бедной бабе было совершенно некуда, она была родом откуда-то из Сибири.

Вот мне и пришлось приютить ее с ребенком у себя.

Сам я тогда (Теперь и не верится даже!) на двух работах работал, ездил далеко, уходил рано, приходил часто за полночь, спал мало.

Что она делала тогда целые дни одна в моей дурацкой комнате? Что думала? Была она в то время, кроме всего, брюхата, не знаю, на каком месяце, но уже заметно. А мужа (любимого при том!) не то тюрьма, не то дурка ждет. Подумать страшно, каково ей было...

Однажды я вернулся где-то к полуночи, упал на свой одр в углу.

Я устал до такой степени, что к чужим бедам был уже вполне равнодушен.

Уже засыпал.

А ей не спалось. Ребенок ее спал, а у нее ночник горел, она, может быть, чтобы отвлечься, пробовала читать. Книги у меня всякие были и по комнате валялись в беспорядке. И попался ей этот самый Фрейд. Эта самая уж не помню чего «Психология...» – естественно, полуподпольная ксерокопия в зеленом переплете.

Книга ученая, в ней терминов тьма, и Верочка (так ее звали) девочка простая, из глубинки, не все понимала. Примерно как я, когда в школе учился.

Вот она читает при ночнике, я почти уже сплю, и вдруг она меня спрашивает:

– А что такое фаллос?

Что было делать? Я очнулся на миг, приподнялся, кратко сказал, что такое фаллос, и снова упал головой в подушку.

Вот, как будто, и все по Фрейду. Объект, pardon за пошлость, найден и выявлен.

А приятель мой Виталька так и пропал. Вероятно, в больницах. След его затерялся, или я, сам собой и своими делами занятый, его потерял. К тому же мне вскорости пришлось надолго из Москвы уехать.

Что у него за болезнь была, не знаю. И так ли он был страшно болен?.. Может быть, просто залечили.

Он, собственно, ничего особенного и не натворил, когда его забрали, Просто как-то не так поговорил с дружинниками и милиционерами. Ему стали предъявлять циничное хулиганство (в то время – до 4-х лет), а он им стал что-то рассказывать про театральную студию, в которую он ходил, и про систему актера Михаила Чехова... Его и направили на экспертизу в это самое 17-е отделение. Время такое было. Правоохранительное...

Это нам теперь легко рассуждать, в постфрейдистскую (и вообще пост-всякую) эпоху живем. Нам теперь хоть доктор Фрейд, хоть доктор Геббельс – все одно... Пока.

...А он, Виталька, кроткий, добрый был. Улыбался всегда. Удивительно мало говорил. Хорошо фотографировал. Некоторые его снимки до сих пор у меня хранятся.

Там, в Кашенко, я раза два его навещал.

Помню осень, вечер, темно. И в просторном дворе больницы страшно от безлюдности и тишины, и казалось, что уже глубокая, глубокая ночь.

Посещать в том отделении, естественно, было нельзя: все под следствием. Можно было только через окно увидеть, прокричать что-нибудь, может быть, изъяснить знаками. И все это только вечером, когда уходили врачи, днем их и к окнам не подпускали. Ведь многим из тех, кто там содержался, немало грозило бы, если б их признали здоровыми.

...Когда меня увидели изнутри, все бросились к окну, каждый ждал, не к нему ли пришли. Было чуть не десять лиц в одном окне, и прижатые к стеклу ладони. Наконец в правом верхнем углу появился мой друг, обрадовался, засветился своей огромной улыбкой. Мы стали разговаривать, то есть кричали, совершенно не слыша друг друга, он все пытался что-то пальцем написать в воздухе. Я понимал плохо. Естественно – вольный невольного...

В просторном пустом больничном темном дворе мне было нехорошо, неуютно было разговаривать с ним.

Может быть (подсознательно, конечно) мне безопасней казалось там хотя бы не слишком заметным быть, и я от этого не достаточно громко говорил? Хотя едва ли. Вероятно, просто окна там так устроены были: я-то его тоже не слышал. Всех подробностей я за давностью лет уже, конечно, не помню, только остро врезались в память приплюснутые к стеклу ладони, и много скорбных лиц во всю высоты одного освещенного изнутри окна, выглядывающие друг из-за друга – как листья в гербарии.

Относительно благоустроенный и, если честно сказать, довольно счастливый тогда (хотя сам того не понимал и не ценил, конечно), я был страшно далек от всякого живого человеческого страдания. И вот тогда вдруг так близко увидел его. Настоящее.

Грех сказать, но эта живая скорбь была по-своему красива. Я даже сквозь естественные невеселые мысли и чувства где-то на дне себя какую-то омерзительную своеобразную гордость чувствовал. Гордость знания. Гордость пусть отдаленного знакомства с тем, о чем не все знают. Вот скажет мне кто-нибудь: «Кашенко...»

«Знаю, скажу, видел. Семнадцатый корпус».

Х. «Хрю!»

Пароль. И отзыв.

Ц. Царевна

Жизнь – надежда, насмешка, игрушка...
Молода, холодна, зелена,
Лихо едет в коробке лягушка,
Потому что царевна она.

Беспокойное это животное –
Кровь прохладна, а сердце болит.
Тихо плещется тина болотная,
И звезда со звездой говорит.

Некрасивая, тайно влюбленная,
Глубока, как морская волна,
Как июньская роща – зеленая,
И как бронзовый бюст зелена.

Приоткрыта коробочка лакова...
Не судя, не казня, не дразня,
Как ты, милая, прыгаешь ласково
Надо мною и возле меня!

Ч. Человек

Ното sum...

...И ничто человеческое мне не чуждо... Иной раз до такой степени, что ничего человеческого во мне не остается.

Ш. Шефская помощь

Лучше шефская помощь, чем скорая.

Щ. Щит и меч

Серп и молот, меч и щит.
Да и нет. Вокруг и около.
Нечто низкое лежит
В основании высокого.

Так построены дома,
Храм, больница и тюрьма.

Жаль, что ты до этой правды
Не додумалась сама.

Э. Эпоха

«... науки прикладной, утилитарной, дошедшей, наконец, до полного безумия и разврата своими телефонами, фонографами, электрическим освещением и т.д.»

К. Леонтьев. Записки отшельника

Что поделать... Эпоха дурна и грехами богата.
От науки лихой стало жить непосильно трудней.
Электрический свет, неминуемый признак разврата,
Освещает высокую церковь и низкие тучи над ней...

Хоть наука, хоть нет... Жизнь прекрасна, хотя и дурак ты,
Ничего никогда не умеющий в жизни любить...
Покосившийся дом, во дворе покосившийся трактор,
На пробитых колесах спокойно и кротко стоит.

Ю. Юрий Долгорукий

Старый-старый анекдот:

Стоит грузин у памятника Юрию Долгорукому. Смотрит и говорит:

– Такой хороший город основал напротив ресторана Арагви...

Я. Я (личное местоимение)

Когда у меня была клиническая смерть, я вот что видел.

Более или менее глубокий колодец или что-то вроде. Как будто даже бетонный. Квадратный.

А внизу, на дне, что-то вроде микробов или какая-то (живая!) в полужидком виде субстанция (в небольшом количестве и на краю). Это воспринималось утешительно, даже, сколь это было возможно, радостно: всюду жизнь!

Янина БАЛЬТАЗ

Пока ты по лестнице вверх, смахивая чердачную паутину,
время есть.
Тебя можно назвать этим именем или тем,
или совсем другим.
И птица смотрит с предпоследней ветки –
в её темных глазах
отражается гора, которую ты никогда не видел.

В твоих волосах, наверное, песок.
В сумерках не видно как ты одет.
А может сейчас утро – золотое и безлюдное,
и поливалки гонят прочь пыль.
Тёмный бархат асфальта тонок –
такое красивое тоже было у всех,
но не все смогли.

Ты уже открыл эту дверь – и дело тут не в смелости.
твоё отсутствие –
и ты уже в нём живёшь.
С каждым построенным этажом вокруг меньше воздуха
и здесь его не настичь.
Чтобы расслышать плач среди бетона
ты раздаёшь все свои картины, или поёшь.

У остальных в этом доме плотные шторы.
Кто за дверьми – люди, собаки
или кошки, готовящиеся стать людьми?
Никто уже не задаёт вопросы. А птица на предпоследней ветке
тебе отвечает – как её расслышать?
Высоко и низко меняются местами –
на обочине, на перекрёстке, прямо на этой улице.

двадцать четыре
золотые нити
протыкают светом землю
и дом пылает в темноте,

Янина Бальтаз родилась в 1982 в Петербурге. Долгое время жила в Австралии, с 2012 года проживает на границе Швейцарии и Франции. Стихи публиковались в сетевых изданиях «Полутона» и «Формаслов».

яблоко последнее на ветке
весною станет первым

исправлен путь
железо никакое
дорогу не удержит –
дней взгляды за спиной,
сейчас
с круглым глазом конь худой
во мне пасётся

там кровь,
в не-пустоте
мелькание какое-то
уже на изнанке
следы и счастье
вышитые в тёмно-синем времени

и руки
не выдерживают
выпуклостей пустоты
никто не говорит
откуда и зачем
звезда
на колокольню у канала светит.

они пришли утром
говорят вот тебе ржавый нож или любое другое
у тебя ночью родился цветок – возврати как было

они обрубili себе пальцы
безымянные и указательные
пока ломали моё поле

чтобы не гнило они принесли йод
и здесь, наконец, пахнет морем

голубоглазый цветок на недоступном маяке –
я его радист

они называли себя поэты и лекари,
но слишком долго кровоточили
теперь их дверьми стали – сломанные цветы

тупые инструменты будут ржаветь на дне –
наш дом, где некому включать свет

Площадь Пьера Лафю

Дети катают в чашках
колючие клубки
из навсегда
и того, что наступит
научились моргать
«Мама, я хочу пить!» –
тепло ищут.

Они лезут на пьедестал
бронзового солдата
ломают свои ногти
хрустят
листьями-позвонками
долго глазек в урну –
там спит утро.

Сутулый сквер остановил бег
окна домов вокруг
врут – внутри никого нет
он ничего не успел
его тело пересобрано грубо
надломленная сабля у глаз –
тайком с неё капли слизывать.

Дети говорят:
«У меня красивое имя, но я его забыл»
зарубки на металле звенят –
эта сабля убила меня и коня,
сквозь бедро проходя пела
тысячи лет назад
и вчера

жадно
терзают капли дождя
солдата
и кто-то закричал
«Мама!»

я возвращалась домой с зеркалом –
было тяжело
в его деревянной раме шептались пауки
и тлели угли

нам кто-то открыл дверь домой
там было тепло и пахло по-другому
незнакомая рука протягивала на тарелке пирог

разводы на потолке были чисто выбелены
в коридоре молчало овальное пятно
и плотно вошёл гвоздь в спину стены

тихо закрыв за собой дверь,
мы с зеркалом отвернулись и вышли.

ты проезжаешь мимо всегда будешь проезжать
перевозишь своих детей и будешь перевозить пока есть ты
и дети
они щебечут
и ты поворачиваешь на зелёный
и у пешехода, который навстречу тебе,
тоже зелёный
и вот вы встретились
взглядами
и есть дальше, и дети едят хлеб

время ржавеет и стекает разноцветными линиями на дорогу
кто-то водой и губкой затирает силуэты, сердца и буквы
ты возвращаешься, чтобы прочертить линии
будешь возвращаться, чтобы надавить мелом ещё сильнее
то, что уткло на опустевшую дорогу
то, что будет исчезать
пока твои дети есть, пока дети едят хлеб
ты возвращаешься выключаешь светофора зелёный свет
и мальчик на переходе остаётся ждать
пока мимо проносится смерть.

самой маленькой в городе птице снится сон –
это такая редкость

каждое утро среды и пятницы
мимо гнезда на сером деревце

везут везут везут –
сколько их?

хилая птица, не повезло тебе –
неправильное дерево выбрала

рядом со скотобойней
они даже не знают, что пение есть.

кущая птица просыпается в хлипком гнезде
ветки до крови накололи бока

она поклялась, что перестанет
ненавидеть и спать

неназванным сквозь прутья по средам
травинку, по пятницам – ли ли ла

и может случится так,
и следующий год настанет –

если гнездо будет,
а крики неслышимых нет?

об этом надо подумать –
палки песни клочья космос рты и рёбра

отважное
бездонное
гнездо

что ещё может
самая маленькая в городе птица?

я выпарапала себя из горизонта
высекла из камней, что лежали
полные силы
из заката по капле выжала –
и не было предчувствия
и был последний день

гладкая кожа песка
сбивает с толку –
он лжёт
белая акула кружит на волнах
белый маяк стоит на холме
и ладная косточка наверх катится
кругло

у меня закончились листья, на которых я считала
сколько прошло дней,
какого цвета у них были глаза,

записывала свои адреса –
в одном доме было
двенадцать окон

и луна уступила солнцу
шрамы на ладонях
от первого восхода на земле
медсестра посоветовала силиконовый пластырь
чтобы зажили раны
разве мы это заслужили?
воде меня оставь

под ступнями тлеет лёд
сломанные механизмы –
машины люди
где
на самый край света
надо

маяк, маяк заberi косточку
позови меня
обними меня –
я дышу теперь
я знаю

у этого неба особенный запах
особая высота
под ним не страшно –
нужно
уходить под этим небом –
будто седая к земле склонилась голова

пустые пещеры –
мы там были
в пути хруст травы резал стопы
мы ненавидели, освобождались, почти летели
деревья слонами стояли в земле
красная земля –

а мы пришли с пустыми руками
птица-зверь, смейся!
мать-зверь, кровь мне вылей
на грудь сильнее дави
отдели и сосчитай кости –
есть лишняя

дай мне, дай мне камнем быть!
сделай меня заново
заново под этим небом.

замершую кожу не согреет
на пуху пальто
слезящимся глазам на перекрёстке
очки больше не подходят

мельтешение монет и лиц
выхлопные газы
он один
и по колено в соли

плоскость
сломаннее чем обычно
материнские цветы
забыли речь

вот он день
на кончике иглы.

РАССКАЗЫ

Tombe la neige

Она любила гулять под снегопадом. Если вечером шёл снег, она, вне зависимости, гуляла до этого с Рэксом или нет, издавала короткий свист, говорила таксе волшебное слово «гулять», и они вдвоём отправлялись на улицу.

Снегопад – какое-то совсем отдельное явление природы. Он не дождь, не сушь, он сам по себе.

Снежинки кружились вокруг фонарей будто рой, будто круговерть лепестков в мае.

Она спускала Рэкса с поводка, и он отправлялся рыскать по окрестностям, а она стояла под фонарём и смотрела на него, словно насекомое, словно бабочка.

Она открывала рот, чувствовала языком и нёбом холодные прикосновения снежинок. Снег скапливался на её плечах, шапке. Иногда снежинки падали ей в глаза и выходили каплями, неотличимыми от слёз.

В её квартире царил неуют одинокой сорокалетней женщины. В подъезде пахло сыростью из подвала и кошками. Балкон был стар настолько, что она уже не решалась на него выходить.

Она преподавала самый ненужный из предметов – французский язык. Боялась всех собак, кроме своей.

Она гуляла до поздней ночи, до той поры, когда на улице не оставалось никого, кроме неё и тех редких прохожих, которых, по-хорошему, стоило бы опасаться.

Она пела под фонарями «Tombe la neige», её тянуло танцевать, но парные танцы не танцуют в одиночку.

Такса Рэкс прибегал из темноты, останавливался рядом вплотную, чувствуя рёбрами её ногу в толстом чулке.

Домой не хотелось отчаянно. Там была холодная постель, книги, телевизор и пустота, а тут хоть какое-то утешение.

– Tombe la neige, – без акцента шептала она.

Легенда гласит, что Сальваторе Адамо написал эту песню, когда ехал через густой снегопад и услышал по радио новость о том, что его жена разбилась, не справившись с управлением автомобиля. Ехал, смотрел на снег, плакал и пел, сочиняя на ходу.

Ей некогда было терять. Она любила за свою жизнь только одного человека, но он оказался женатым, с месяц поиграл ею и бросил. Она была некрасива, неразговорчива. Ей нечем было удержать его. Он нашёл кого-то ещё, потом ещё. Он так жил и не видел в том ничего предосудительного.

Каждый вечер в самом конце прогулки она входила в его подъезд, она знала код подъездной двери, поднималась на его невысокий этаж, колола булавкой палец и роняла всего одну каплю на серую плитку подъездного пола.

Игорь Малышев родился в 1972 году в Приморском крае. Получил высшее техническое образование, работает инженером на атомном предприятии. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Юность» и др. Автор десяти книг. Финалист премий «Ясная Поляна», «Большая книга», «Русский Букер». Живет в Ногинске Московской области. Предыдущая публикация в «Волге» – рассказы (2024, № 5-6).

А он, отправляясь утром на работу, целовал жену, крошек-дочурок и выходил на лестничную площадку. Доброжелательная улыбка пропадала с его лица. Он смотрел на пол, находил красно-бурую каплю и, воровски оглянувшись, растирал её подошвой ботинка.

Весна

Девушка неумна. Она только что украла в ювелирном магазине, где работала, серёжки с бриллиантами и идёт по городу. Город в весне. Всюду ручьи. Солнце спит, отражается в ручьях, плавающих снегах, мокрых ветках, наливающихся соком из зашевелившихся недр земли.

Девушка делает шаг за шагом, и каждый из них – словно самый важный её шаг по земле.

В ушах её сияют полярными звёздами якутские полярные бриллианты. Она счастлива, без страха и чёрных мыслей. Она вся здесь, на крайней точке, на самом острие той иглы, что зовётся временем её жизни.

Вот идёт навстречу старичок. Вот он уронил палочку, на которую опирался. Вот она подняла её и улыбнулась так, что старичок, наверное, должен бы от счастья жить вечно. Может, так и будет.

Вот она выгребла из кармана последнюю мелочь, несколько сот рублей, и отдала их нищему деду, который играет на гармошке. Играет ни в такт, ни в лад, но она останавливается около него и, осияв улыбкой, начинает кружиться, начинает танцевать. Танцевать как самая красивая девушка в мире, и старик – о чудо! – начинает играть ровно, несколько не фальшивя, не сбиваясь, и даже с какими-то будоражащими сердце вариациями.

Она сияет. Мир сияет. Сияет лицо старика и кнопки на его гармонике.

У водосточной трубы сидит котёнок. Серый, с грязными ушами и гноящимися глазами. Ему больно смотреть на яркий от весны мир, он щурится, моргает и зябко перебирает лапками с серыми и розовыми подушечками. Котёнок чуть выше ботиночка девушки. Он ничей, и жизнь его не дороже капли талой воды.

Девушка берёт на руки маленького гадёныша. Гадёныша не потому, что плох или зол, а потому что гадок на вид. Тот растерянно взмываюкает у неё в ладонях и, вытягивая дистрофическую шею, озирается, будто ищет кого.

Она обводит сияющими, как весна, глазами улицу, и возле неё останавливается человек в стильном пальто, пёстром кашне и чёрной шляпе.

– Возьмите котёнка, – говорит она.

Человек смотрит на них, не понимая, зачем он вообще остановился. Потом берёт тощего блохастика, лицо его глупеет и становится мягче размокшего хлеба. Человек бормочет ей слова благодарности и, стараясь не поскользнуться на раскисшем асфальте, теряется в городской пучине.

Девушка знает, что она самая красивая на этой улице, в этом районе, в этом городе, она красивей весны, красивей капли, и с ней, похоже, согласны все.

Она проходит мимо ссорящихся влюблённых, ссорящихся глупо, грязно, бессмысленно, и парень внезапно замирает, словно приняв разом все обвинения, что обрушиваются на него, хватая подругу обеими руками, прижимает к себе так крепко, как только может. Подруга некоторое время колотит его по спине, требуя отпустить, потом смиряется и обнимает в ответ. Тишина, покой, любовь.

Тысячью лучей отзываются бриллиантовые серёжки в ушах девушки на призыв весны.

Воробьи в лужах поют свои оратории. Солнце-замарашка плещется в лужах, не чувствуя вины.

Краденые бриллианты сияют так же ярко, как купленные.

Девушка брызжет яркогубой улыбкой, бриллиантовые брызги разлетаются из-под её башмачков.

Да-да, там, в ином мире, за ней уже выехала опергруппа сети ювелирных магазинов и звонит в пустую квартиру, где из живых только давно не политый столетник да чайный гриб, доставшийся ей в наследство от почившей в прошлом году бабушки. У неё не самая одушевлённая семья. Хотя как знать?.. Много мы знаем о столетниках и чайных грибах?

Иди, девушка, иди. Ты вдыхаешь жизнь в этот мир, и потому иди, иди. Сегодня ты самая красивая в этом городе, стране, а может, и во всём мире.

Башмачки грязны. Королеве негоже ходить грязнулей. Элегантно, как и надлежит особе королевской крови, ты останавливаешься на обочине тротуара, снегом, мокрым, крупитчатым, как пшённая каша, если бы только можно было варить пшённую кашу из бриллиантовых кристаллов, вытираешь обувь.

Ни одна королева красоты не идёт так ни по одному подиуму, как ты по главной улице своего небольшого города.

Ты несёшь весну, ты и есть весна.

Тронула помпон шапочки третьеклассника, несущего домой тяжкий груз домашних заданий, троек и двоек, третьеклассник замер, открыл рот, где попеременно с молочными выделялись иззубренностью и белизной коренные зубы. Ты не знаешь, но станешь для него образом любви, весны и красоты. Его жена будет похожа на тебя, да и три дочки, что родятся ещё очень нескоро, тоже.

Молодому, претендующему на стиль человеку, смешавшему в одежде золотой, лиловый и зелёный, любителю трескучих, избитых и бездарных фраз, ты мимоходом наступаешь на ногу, и он вдруг спешит домой, чтобы навсегда забыть о нелепых цветах и трескучих фразах.

Глядящий в окно мэр города видит тебя и, сколь внезапно, столь и окончательно, решает, что полоумная поэтесса лет семидесяти, что стоит сейчас перед ним с напыщенным, преданным всему самому светлому лицом, всё же нуждается во внимании и снисхождении. Поэзия, весна, любовь... Есть что-то в этом вечном хламе.

– Будет вам поэтический фестиваль, – говорит мэр, провожая глазами девушку в ворованных серёжках. – Ну, почему нет, в конце концов?

А девушка продолжает своё триумфальное шествие.

...Магазин, точнее, торговая сеть не захотела негативного пиара из-за дыр в безопасности и решила не подавать заявления. Немного покошмарила девушку, а вместе с ней и других продавщиц, и тем ограничилась.

Девушку уволили. Но она уже через неделю устроилась в «Пятёрочку» рядом с домом. Пусть и лишилась бриллиантовых серёжек.

Если честно, она до сих пор надеется, что однажды встретит того человека в пёстром кашне и шляпе, что взял у неё котёнка.

И она дождётся.

Жизнь в лунном свете

Мой друг Роман, Ромик, как мы звали его в детстве, Роман Львович, или просто Львович, как стали звать его, когда он вырос, в определённый период своей жизни работал опером. Сразу после вылета из Калужского педагогического университета.

И вот он рассказывал, как провёл своё первое задержание.

Это был год девяносто седьмой, мы ехали на электричке Москва – Калуга. Конечно же, предварительно немного затарились. Во-первых, «русские йогурты» – пластиковые стаканчики, запечатанные сверху фольгой. В стаканчике – водка. Водка и пластик – убийственное сочетание. Во-вторых, по поллитра «тяжёлого» пива. «Тяжёлого» – это когда в пиве градусов восемь. Иногда десять. Редко – двенадцать. В девяностые такие сорта были популярны. По голове били как молоток.

Мы ехали с Ромиком в электричке и, не спеша, употребляли «русский йогурт» с пивом. Да ещё у Ромика была шоколадка «Флинт», что-то вроде «Баунти», впрочем, неважно.

Ромик возвращался из Обнинска. Там находился ментовской институт повышения квалификации. Он ездил туда по понедельникам и пятницам, а в остальное время работал в калужском УГРО опером.

– Это был мой первый выезд. Дом, барак, деревянный, длинный. В нём злодей. На злодее два трупа. Мы приехали, надо брать.

Сколько я помнил Ромика, он никогда не был бойцом. Да, он довольно рослый, стройный, без худобы, лицо его состоит из крупных деталей – нос, губы, лоб, всё крупное, но тем не менее эти детали как-то умещаются на его голове, вполне обычной по человеческим меркам. В общем, выглядит Ромик мужественно, если не сказать брутально, но он не боец, нет.

– Мне говорят, иди туда, в барак, бери злодея. А мы тут свет отключим, чтобы тебе легче было. Я вошёл в барак, знаю, он там. Знаю, он уже увидел нашу машину, ждёт.

Ромик усмехнулся, покачивая в руке половинку «йогурта».

Электричка билась о рельсы, громыхала, рывкая и негодую на стыках. До Калуги шестьдесят километров, электричка вела долгий шумный разговор.

– И вот этот пустой барак. Снег вокруг. Полнолуние. Луна огромная, так что понимаешь, откуда взялось выражение «ночное солнце». Светит. Я вхожу, у меня «макаров». Иду по коридору, там какая-то обувь, хлам. Все двери открыты, и из них луна. Видно как днём... Свет отключили.

– А как должно было отключение света облегчить задержание злодея?

– Ой, откуда я знаю? Я молодой опер. Мне сказали, иди бери его, мы свет отключим. Я достал пистолет и пошёл.

Я кивнул, давая понять, что я с ним, с Ромиком.

– Иду по коридору. Полы скрипят, сдают меня с потрохами. Иду, заглядываю в комнаты, машу стволом.

Всё вокруг синее-синее от луны. И я двигаюсь в этом сиянии, будто плыву.

Опыта у меня никакого. Мне страшно, и в то же время интересно.

Луна везде, в каждом окне, на каждой половице. На мебели, в стёклах окон, всюду.

И вот я подхожу к одной комнате, заглядываю внутрь. Включается свет, я вижу, что рядом стоит злодей, и он занёс для удара утюг. Острым концом вниз, чтобы наверняка.

И всё, больше никакой романтики, никакого лунного света.

– Руки вверх, – говорю я ему.

А он стоит так близко, что смог бы и сейчас, наверное, ударить меня утюгом в голову. Но он опускает утюг, кладёт его на стоящий рядом продавленный диван, словно давно ждал этого момента.

– Руки вверх, – повторяю я.

Он поднимает руки как-то обречённо и без интереса. Большой, на голову выше меня.

Мне кажется, он равно хотел как отоварить меня утюгом, так и сдаться.

– Взяли его?

– Конечно. Он и не сопротивлялся. Но лунный свет... Какой же там был лунный свет.

Я смотрел на него, сочувствуя и понимая.

Поэт

По большому счёту, он был юродивым. Или кем-то очень близким к тому.

Впервые я увидел его на улицах нашего Ногинска. Он шёл, длинный, нескладный, с лёгким радостным безумием во взгляде.

Волосы длинные, на лбу берестяной поясок, как у БГ на одной известной фотографии. Он и был фанатом БГ. Учился в педучилище, пел и сочинял в группе «Greenhouse» – «Теплица», и даже

в этом названии уже слышалось что-то неприспособленное к жизни в наших широтах. Она из песен называлась «Размышления друида поутру в очереди за пивом».

– У Гребня, вроде, была песня «Проснувшись, друид идёт за пивом», – сказал я ему.

– Это её продолжение, – ответил он.

Помню, садимся мы как-то выпить у меня дома, а жил я на первом этаже, выглядываю в окно и вижу, как Дмитрий входит в мой подъезд.

– Вот откуда он знал, что здесь бухают? – спрашиваю я кого-то из гостей, наблюдавшего вместе со мной за приближением незваного гостя.

Мы недолюбливали его, как недолюбливают здоровые юродивых. (Прости нас, Дима.) Для нас он всегда балансировал на грани объекта грубых шуток, жалости и лёгкого отвращения. Никто из нас ни в малейшей степени не хотел бы заразиться и хоть в чём-то стать Куличихиным.

Когда в дверь позвонили, я впустил его. Возможно потому, что в русской традиции глубоко коренится установка не обижать людей не от мира сего.

Он окончил пед и исчез из поля нашего зрения до появления соцсетей. Потом обнаружился во ВКонтакте, мы снова стали общаться.

Он писал стихи. Интересные. Без дураков.

...а я закроюсь в книгу, спрячусь в буквы
Затем, что за окном раснежилась зима,
Затем чтоб заглушить одышку тишины,
Затем что Вы
Беспечно веселитесь и безрассудны Вы весьма.

Затем что слух идёт о Вас не лестный...

И, может, так случится,
Что через много лет
Возьмёте книгу вы
в библиотеке местной,

и сбивчивый её сюжет
Вас приведёт к странице
исчёрканной заметками по кругу...

И Вы вдруг улыбнётесь (как улыбаетесь сейчас –
и никогда потом), мой почерк в книге обнаруж.
И, на уснувшего с газетой возле Вас
Устало посмотрев,
Вы выйдете пройтись – одна,

Без мужа...

Поэт Александр В., когда Дмитрий однажды прочитал ему стихи, всерьёз сказал своим спутникам:

– Господа, среди нас поэт.

И пригласил к столику, где заседал с компанией. Потом дал свой телефон и пообещал проводить на свои выступления.

Дмитрий как-то раз и вправду провёл нас, человек пять, бесплатно на концерт В. И было видно, что ему нравится показывать, что он тоже что-то может в этом мире. Потому что мог он очень мало. Работы менял одну за другой, пил, как и положено поэту, много, безоглядно.

Как-то взял кредит, в числе поручителей указал В., и кредиторы потом замучили того вопросами, когда Дмитрий отдаст долг. Даже не вопросами, наездами. Так что после этого В. позвонил Дмитрию и, отчитав, запретил звонить и приказал забыть о его существовании.

– Ты зачем вообще указал его? – спросил я.

– Не знаю, – пожал он плечами.

Потом Дмитрий вроде подуспокоился в части алкоголя, устроился работать на книжный склад, ему, как фанатичному читателю, там было самое место, и на несколько лет жизнь его наладилась.

Он завёл собачку Еву, коротконогую дворняжку. Часто присылал мне фотографии, как они гуляют по окрестностям Балашихи. Там он родился и жил после смерти матери один с Евой в довольно большой, с высокими потолками квартире.

Как-то прикипел к церкви. Ходил в храм, читал святых отцов, что-то писал мне по поводу прочитанного. А вот стихи писать перестал. Я говорил ему, что надо продолжать, пробовать, стараться.

– Не получается, – отвечал он.

Иногда, видимо, по пьяни присылал мне среди ночи строчки, двестишты. Но стихов не было. Кончились.

У него появилась подруга с того же книжного склада. Потом он с ней жёстко и прилюдно поругался на работе, вроде бы даже швырнул разрезным ножом в стену. Подруга завопила, что он хочет убить её. Его выгнали. Он запил. Тут же рядом возникли «добрые друзья» – кавказцы, приносили алкоголь, держали в запое. Между делом подсунули документы на один микрозайм, другой...

А потом сказали, что квартиру придётся продать, чтобы рассчитаться с долгами.

Это был юродивый, телок на верёвочке, и если за верёвку бралась умелая рука, она могла отвести его куда угодно.

Сам по себе бредёт трамвай
и, точно так же, бродят строки –
К тебе вот ангел заглянул на чай,
ко мне стучится кто-то строгий.

Он пропал из вида на несколько лет. Мы были уверены, что его убили из-за квартиры, а потом он внезапно объявился во Владимирской глубинке, куда его вывез некий Мага, поселил в доме с непонятным статусом, сказал, что это сдача с его квартиры в Балашихе. Он как-то и не отчаялся, говорил мне, что Мага хороший, заботится о нём, приезжал к нему раза два.

Устроился работать на лесопилку. По выходным, в холодное время подрабатывал истопником в храме посёлка Чертково. Пил, но уже совсем аккуратно.

В нём чувствовался большой комплекс вины. Может, за раннюю смерть родителей, может, ещё за что.

Собака Ева переехала вместе с ним, потом умерла.

Он читал жития святых, стихов, как я ни уговаривал, писать не начал.

«Проклятый поэт». Написал, что мог, за пару лет и замолчал.

Он как-то сразу начал присматриваться к войне. Читал про «вагнеров», даже звонил им, но чаще по пьяни, и они не принимали его всерьёз.

Колол дрова себе и соседям. Запасался сахаром и крупами.

Собаку снова завести так и не смог.

...её дом на краю посёлка,
где в глубокий колодец
упала звезда –

звонко и колко.
В тот глубокий колодец
Прячутся синие тени
и эльфы над ним ведут хороводец.

Фиолетовый волк
прячется в сени
и выбегает, чтоб встретить хозяйку.
А если беда взойдёт на ступени
Волк берет балалайку.

А в комнате запах
Мёда и хлеба,
а в комнате топится печь...
И песни спускаются с млечного неба,
Чтоб лечь на уста и сберечь.

Её дом на краю посёлка
И я захмелел, выпив воды
из колодца.
Там растёт синяя ёлка –
– растёт... аж до самой
Звезды.

Разговоры с ним я, гордец, обычно рассматривал как милостыню. «Что ж, поговорю с убогим». Хотя вру, конечно. Периодически с ним бывало интересно, хотя он часто и тянул с ответами так, что я уставал ждать.

Но была в нём какая-то последняя искренность. Прощаясь, он говорил не «до свидания», а «спасибо». «Спасибо». Что уделил время, выслушал. А ведь первой реакцией на его звонок всегда было желание сбросить, послать. Впрочем, у меня на большинство звонков такая реакция, просто на него она была особенно жёсткой. Но мы разговаривали, иногда даже подолгу. Он втягивал в свой тягучий ритм с замедленными ответами, паузами и непониманием, что происходит с ним самим и миром.

Потом вдруг позвонил:

– Игорь, администрация посёлка предлагает мне записаться на СВО, – с паникой в голосе сказал он.

– Не соглашайся, если не хочешь.

– Я не хочу.

– Вот и не соглашайся.

– И Барин (хозяин лесопилки, где он работал) говорит: «Если не хочешь, не пойдёшь. Я им не позволю».

Потом было ещё несколько звонков, он рассказывал, что ему снова предлагают подписать контракт. А десятого декабря двадцать третьего года позвонил и сказал:

– Я подписал контракт.

– Зачем? – всё во мне всколыхнулось. – Ты ж не боец, не воин.

Хотелось сказать, что он размазня, некультипистое сооружение, но я не сказал.

– Зачем? – спросил я.

– Я не знаю, – честно и пусто ответил он. – Не знаю.

Пятнадцатого декабря двадцать третьего года он позвонил мне в последний раз.

– Послезавтра еду в военкомат, потом дальше...

Больше не писал и не звонил.

Девятнадцатого февраля мне написала неизвестная женщина.

«Игорь, Дмитрий Куличихин погиб 7 января на Купянском направлении возле деревни Синьковка».

Погиб через три недели после нашего последнего разговора, когда его ещё даже не забрали в армию. И уже через три недели – мёртвый под Синьковкой «на купянском направлении».

Кто бросил его необстрелянного, большого, нескладного в огонь, в мясорубку? Всего три недели от мирной, пусть и вкрай неустроенной жизни, до могилы.

Покойся с миром, Дима. Дмитрий Куличихин. Один из великого множества проклятых русских поэтов. Неустроенных, неприкаянных, никому на всём свете не нужных.

Оторопевший синий свет.
Дождём линованное небо.
Стихов бродячий силуэт
не дарит благодать,
Не обещает хлеба.

Сам по себе бредёт трамвай
и, точно так же, бродят строки –
К тебе вот ангел заглянул на чай,
ко мне стучится кто-то строгий.

и значит, мне спешить домой нет смысла;
окно, тетрадь и карандаш уже готовят пытку; –
жить по друзьям? –
смешать дни, ночи, числа? –
не много толку –
случайностей намёк рвёт пульса нитку.

Вокзал пустой, трамвай пустой
рассеять в сумрак боль способны.
Здесь тени тех, кто навсегда со мной,
мне помнить их,
они в том не виновны.

Здесь тень твою,
она слезою станет в миг,
молитвою, луной сквозь тучи.
Ведь ты наука лучших книг,
Которую никто по книгам не изучит.

Андрей ТОРОПОВ

Просыпаются астры, осыпаются астры.
Но на грядках цветет непокорный горох.
Скоро будет зима, все умрут, жизнь напрасна.
Но на небе есть астры и радостный Бог.

Сколько будет еще вот такой кабабаты,
Красно-желтых и теплых пронзительных дней?
Бабье лето, высоцкий и цой, наши даты
Промелькнут и исчезнут, нас сделав блей.

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Только если нас будут опять воскрешать.
Ведь сугробы всегда превращаются в лужи,
Ведь прекрасно с листвою золотой увядать.

И подобрать очки
Сказали доктора,
Чтоб не хандрить в ночи
До мокрого утра.

И подобрать слова
Пора, уже пора.
Зелёная трава,
Осенняя пора.

Но могут ли врачи
Тебе и в сём помочь,
Найти слова в ночи,
Чтоб не хандрила ночь.

Андрей Торопов родился в 1978 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил исторический факультет, аспирантуру Уральского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент, автор научных трудов по истории уральской промышленности. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новая реальность», «Воздух», «Белый ворон», «Байкал», «Артикль», «Крещатик», «Волга», «Новая Юность», «Зарубежные записки» и др. Автор четырех поэтических книг. Лауреат премии журнала «Урал» за 2023 год в номинации «Поэзия». Живет в Екатеринбурге. Работает преподавателем в вузах.

Посади бобы гороха,
Снова вырастут бобы.
Позвонит тебе алоха,
Спросит, где твои грибы.

А они уже в кастрюле,
В холодильнике сидят.
Каждый рыжик в карауле
Ждёт, когда его съедят.

Мы – гороховые зёрна,
Нас посадят и сожрут.
Цикл простой и бело-черный
Повторяет братец Брут.

Убиваются тираны,
Разбивается стекло.
Снова вырастет из раны
Счастья нежное алло.

Не прекращаются дожди,
Нет никаких уведомлений,
Нет темы для стихотворенья,
Напрасно ждут мои вожди.

Нью-Йорк в июне я люблю,
И Терри милые мотивы.
О где вы, девы, диски, дивы?
Я никогда не накоплю.

Напрасно ждал Наполеон,
Но это тоже есть у Терри.
Я просто повторил в размере
Дожливый день и полусон.

Олегу Дозморову

Дождь идет целый день, дождь идет целый день.
И июль убегает от нас как маршрутка.
Ты осеннюю куртку сегодня надень,
Бесконечная шутка, бесконечная шутка.

Я книженцию, может, напрасно купил –
Дорогая, и вряд ли прочесть мне удастся.
Из названий одних кучу песен сложил
Про надежду, свободу и равенство с братством.

Кто в маршрутку успел и уехал в музей,
Тот в июле остался и не возвратится.
Но на полках лежат сто веселых друзей,
Можно взять и открыть, и немножко забыться.

Мое место средь них ждет законно меня,
От веселия тоже немножечко жутко.
Сохрани эту песню дождливого дня,
Бесконечная шутка, бесконечная шутка.

Новгород 24

1.
Спасительный жилет лежит под Вашим креслом,
Москва так хороша, но не Санкт-Петербург.
Останься и сиди, довольный скромным местом,
Пока есть у тебя свой Екатеринбург.

Он не родной тебе, но многим с ним ты связан,
И несколько людей лежат в его земле,
Которым ты стихом ромкомовским обязан,
Пускай уснут твои волнения во мгле.

А Ильмень – не пельмень, а Новгород – навечно,
Хоть колокол в пхеньян позорно увезен.
Life vest under your seat и соберется вече,
И плаха, и топор, и Осип отомщен.

2.
Въедешь в город и войдешь в смятение,
Что случилось, непонятно мне.
В прошлом веке было воскресение,
А теперь что стало в голове?

Мы в свои пенаты возвращаемся,
Только те же чувства не вернуть.
С веком и раскопом распрощаемся
И поедem дальше. В добрый путь.

Многое со временем меняется,
Но стоит кафешка «Колобок».
Перекусишь, память возвращается,
Не волнуйся, все вернется в срок.

3.

Поехали в Старую Руссу,
И, может, в Великие Луки
Показывать новые блузки,
Показывать модные брюки.

Поехали в Старую Руссу
За великолукской колбаской,
Ведь мы отличаемся вкусом,
Умом и особой окраской.

Поехали в Старую Руссу,
Где про-доживал Достоевский.
Он тоже был дядька искусный,
Писал про гасконь и подвески.

А людям хватает немного:
Колбаска, машина, квартира.
Им хочется Мира и Бога,
Найти в себе Бога и Мира.

Но каждый из нас – карамазов
И хочет и Бога, и брюки.
Нельзя получить все и сразу.
Никак сразу в руссу и луки.

4. *Два валдайских восьмистишия.*

4.1.

Юность – это преступление,
Зрелость – это наказание.
Старость дарит утешение,
Ну а смерть – конец страданию.

Вот такую философию
Достоевскую и райскую
Сочинил за чашкой кофию
И отправился в валдайское.

4.2.

Проезжающие деревни
И горящие в окнах бани –
Оговорки экскурсовода,
А не сложный авангардизм.

Я люблю появление ткани
И рассказы героев плевны,
Точно так, не понять народу
Мой заумный фразеологизм.

5.
Тверь могла стать столицей,
Но осталась с тверцой.
Это как вместо нищцы
Жить за речкой Ницой.

По реке переходе
Из деревни вины
Не придут теплоходы,
Нет такой глубины.

Снова больно прощаться,
Не хочу уезжать.
Но нельзя разрываться,
Там и тут проживать.

Да и в прошлые лета
Возвращения нет.
Только есть у поэта
И обратный билет.

Оставляя крестражи
В виде этих стихов,
Перевозишь поклажу,
Не считая мешков.

И так – итака золотая,
Тик-так, тик-так, ты – не такая.
Ты будешь верной и дождёшься,
Откроешь дверь и улыбнешься.

Стучат часы, мелькают сосны
И светится далёкий космос.
Идут полёты и восток.
Миг тикнул и такой далёкий.

Но оторвись от циферблата,
Круг тот же, но другая дата.
И невозможно дотянуться,
Но можно в новгород вернуться.

Если мне остаться
во вчерашнем дне,
И не просыпаться,
Не стоять в окне?

И не одеваться,
Не мотать круги?
Это будет завтра,
А пока беги.

Кто один раз вверху?
Кто один раз внизу?
Не понять ху из ху
И не выразить суть.

Из забытых реклам
Да избитой игрой
Вряд ли приедешь в храм,
Но приползешь домой.

Вряд ли живые те,
С кем суррогат хлебнул.
Гришка тогда тебе,
Видимо, подмигнул.

Не забывай, что Бог увидит.
Не забывай, что Бог простит.
Не отомстит и не обидит,
Но после смерти исцелит.

А по-другому невозможно.
Зачем иначе создан мир?
Мсть, справедливость – это ложно
И недостойно наших лир.

Не надо мужества и средства
Стерпеть боль пыток и печей.
Дай сил простить за людоедство,
Не презирая палачей.

Старушка Клава, умирая,
Брильянты закатала в стул.
Теперь их ищут и рыдают,
Пока баркас не затонул.

На небе – хищные сапфиры,
В полях – рубиновая кровь.
«Мир ищет Бога, хочет мира», –
Пел северянин про любовь.

Утесов пел нам про старушку,
Которой нечего терять.
Давай поднимем с горя пушку
И тоже будем подпевать.

Капитану немо,
Капитану бладу
Не сломать систему,
Но бороться надо.

Едет наutilus,
Мчится арабелла,
Бой за справедливость –
Не пустое дело.

Нам остались песни,
Фрески и легенды.
Мы же – неизвестны,
Странные агенты.

Тихо и несмело
Верим в справедливость.
Мчится арабелла,
Едет наutilus.

РАЗГОВОРЫ О ЛЮБВИ НА ЯНТАРНОМ БЕРЕГУ

Рассказ

Шторм продолжался трое суток. Пятничным утром в сером небе над высоким берегом Светлогорска образовалась бледно-голубая прореха. Уставшие волны рокотали и взбивали пену, но их уже никто не боялся. В город потянулись потрёпанные внедорожники со всех уголков Балтийского края, пляж заполнили ловцы янтаря в гидрокостюмах с сачками и авоськами на поясе, куда складывали найденную добычу. Мужчины заходили в море по грудь, скребли литораль в надежде на крупные экземпляры, которые и правда попадались в немалом количестве. Василий был свидетелем, как один счастливчик, выбравшись на мелководье, вытряхнул из сетки несколько образцов солнечного камня величиной с пачку сигарет.

На пляже по кромке высокой воды сформировалась бахрома вынесенного морем хлама, веток и водорослей с застрявшими обломками янтаря. Женщины выбирали из мусора маленькие коричневые и жёлтые зернышки для бус и брелоков. Всё шло в дело. Сувенирные лотки на городском променаде ломились от янтарного урожая.

Василий гулял вдоль прибоя, фотографировал, иногда наклонялся за более-менее приличным камешком. Золотистые гранулы, покрывавшие песок, его не интересовали, хотелось найти что-нибудь значительное. Спустя час наблюдений он приметил на берегу едва заметное песчаное возвышение шириной метров тридцать, где выкатывалось больше всего янтаря. Наплевав на промокшие ботинки, мужчина заходил по щиколотку в море и ловил обломки ископаемой смолы в прибойной пене. Не избалованный балтийской янтарной экзотикой, он поначалу гонялся за каждым кусочком, набив полный карман, стал выжидать крупный улов.

Новичкам везёт. Море вознаградило за терпение и выбросило под ноги медовый обмылок в половину спичечного коробка. Василий поднял его на свет. Ему попался очень красивый прозрачный экземпляр с инклюзом насекомого, похожего на плодовую мушку. Миллионы лет назад букашка увязла в древесной смоле и сейчас лежала у него в руке. Наш герой чувствовал себя исследователем, подсматривающим через маленький глазок в далёкое прошлое Земли.

В висках застучала кровь. Теперь он понял, что ощущали персонажи Джека Лондона, охваченные золотой лихорадкой на приисках Юкона, подолгу вглядывался в прибой, как орёл в поисках добычи. В трёх метрах от уреза ему показался коньячный отблеск действительно ценного образца, волны принесли из глубины большой самородок, очень похожий по форме на сердце, не схематично-валентиновое, из детских любовных посланий, а настоящее, известное с уроков анатомии, размером с женский кулачок. Янтарное сердце покачивалось под метровым слоем влаги. Утомлённому после шторма морю не хватало сил, чтобы выкатить обломок ископаемой смолы на берег.

– Иди сюда, сердечко моё, – Василий ждал, когда вода схлынет, побежал за находкой, наклонился, потерял равновесие, фотоаппарат, висевший на шее, едва не скользнул в пучину. Наш герой точно бы упал под гребень нового буруна, если бы чья-то маленькая, но сильная рука не ухватила его за рукав. Он отпрыгнул назад, джинсы были сырые по колено.

Владимир Тренин родился в 1977 году. Окончил КГПУ и аспирантуру при ИВПС КарНЦ РАН. Работает инженером-геологом. Автор четырех книг прозы. Публиковался в журналах «Север», «Дружба народов» и др., в «Волге» печатались рассказы (2022–2024). Живет в Петрозаводске.

Его вытащила молодая женщина, и для этого ей пришлось промочить ноги.

Бросив взгляд в уходящую волну, Василий не нашёл своего куска, янтарное сердце отнесло на глубину.

– Уже не моё, – вздохнул он тихо.

– Что вы говорите?

Василий обернулся к своей спасительнице:

– Говорю, так не доставайся ты никому! – он посмотрел в её карие глаза. – Укатился мой камешек обратно, вот такая дзинтарина, – раздвинул ладони, преувеличивая размер сорвавшейся добычи раза в три. Подобными жестами рыбаки обычно сопровождают рассказы о своих трофейных рыбаках.

– Может, всё-таки меньше? – Она, улыбаясь, сдвинула его ладони до приемлемой величины.

На её руке он не заметил обручального кольца.

– Да, наверное, в воде всё кажется больше, вы знаете, действительно интересный пропал экземпляр, очень похожий по форме на сердце.

Она поправила волосы, отвела глаза, стесняясь его пристального взгляда:

– Жаль. В любом случае аккуратнее, больше спасать я вас не буду, – помедлила секунду, повернулась и пошла дальше.

Василий смотрел ей вслед. Короткая стрижка, серый плащ, джинсы, бежевый свитер с высоким воротником и белые кеды. Судя по налипшему песку, обувь у женщины промокла насквозь, и всё из-за него, а он даже не сказал спасибо.

– Пойдите, – крикнул ловец, подбежал к ней. – За мной должок, всё-таки вы мне жизнь спасли, и не только мне, но и фотокамере, боюсь, японская техника не пережила бы водные процедуры.

Он вытащил из кармана куртки свою лучшую находку – янтарь с включением насекомого.

– Это вам, на память о незадачливом добытчике.

– Я не могу его взять, слишком красивый, и вы, наверное, долго его ловили, – сопротивлялась она.

– Берите, берите, у меня ещё есть... – он взял её руку, вложил камень в ладонь. – Позвольте пригласить вас на ужин. Не успел сегодня пообедать, так захватила меня янтарная лихорадка. Мне порекомендовали отличный ресторан грузинской кухни, здесь недалеко. Вы давно ели шашлык из баранины?

– Знаете, очень давно, – она внимательно посмотрела на Василия. – Однако вы умеете найти к женщине подход. Ведите, где там ваш шашлык?

Он сверился с картой местности на смартфоне и махнул рукой в нужном направлении:

– Туда!

– Кстати, меня Василием зовут, – он протянул ей руку.

– Инна, – представилась женщина.

Он немного дольше, чем требовали приличия, придержал её прохладные пальчики.

Она, улыбаясь, тихонько высвободила ладонь:

– Василий – хорошее имя, давненько не слышала. У меня дома, на детской площадке, судя по окрикам мамаш, гуляют Елисеи, Серафимы, Луки и былинные Добрыни, а Василиев нет.

– Папа меня хотел назвать Никоном, в честь деда. Представляете, ходил бы я как амбассадор фирмы по производству фототехники? Инна, могу поспорить, что знакомых Никонов у вас нет?

– Никонов точно нет.

В ресторане они заняли столик с видом на море. Заказали салаты, шашлыки и хачапури.

Она мало говорила, разглядывала собеседника, улыбалась задумчиво, ела мясо и смотрела на волны. Казалось, Инне было скучно. Василий терялся и прерывал свой глуповатый мужской рассказ, но нет, она подбадривала его, мол, очень интересно, и наш герой продолжал вспоминать смешные случаи из жизни, в красках описывать свои командировочные странствия.

– Представляете, лето, жара, берег Белого моря, совсем рядом тюлени на мелководье кувыркаются, я первый раз их увидел живьём. Брюки и ботинки сбросил, оставил на камне, гуляю вдоль

линии отлива босиком, разогретые листья ламинарии и фукуса лопаются под ногами, как полиэтиленовая упаковка с пузырьками, вы их сжимаете с характерным звуком, и наступает полное умиротворение. ...Я забылся, потерялся во времени, далеко забрёл от места с одеждой, прозевал прилив, и мои штаны с обувью благополучно уплыли в открытое море. Возвращался с голым торсом, повязав рубаху на бедра, босиком через весь город, народ повеселил, пятки в кровь сбил. Хорошие ботинки уплыли. Наверное, я должен был их отпустить на свободу. Честно говоря, устал от них, как назло, не снашивались и давно перестали мне нравиться, а поход в магазин за новой одеждой или обувью для меня подобен полярной экспедиции: нужно долго морально готовиться. Море услышало мысли и приняло за меня решение. Пучина увлекла толстокожие берцы в мировой океан, осели они в тёплых водах, положили начало новой колонии коралловых полипов и через полмиллиона лет, где-нибудь у островов Тысячи Дев, поднимется атолл, основанный на моих башмаках.

– Правда, существуют острова Тысячи Дев? – Инна прервала молчание.

– Наверняка.

– Вы смешной.

– Обычно я серьёзный, просто хочу вам понравиться, перед красивой женщиной у мужчин открывается второе дыхание, основной первобытный инстинкт, хочется казаться интереснее, лучше, чем есть на самом деле, – он плеснул чачи. – Инна, можно задать вопрос?

– Я не замужем, разведена.

– Однако, вы догадливая, я ещё ни одной подсказки, ни ноты вам не дал, а вы прям так сразу...

– Странно, ловлю себя на мысли, что мой брак чем-то похож на вашу историю с ботинками, если уместны такие аналогии. Мы прожили с мужем три года, детей не торопились заводить, наверное, потому что он перестал мне нравиться, через пару месяцев совместной жизни я совершенно не испытывала к нему влечения, он присутствовал рядом как предмет обстановки, я хотела разойтись с ним, но не решалась, боялась обидеть. Прошлой осенью муж не пришёл с работы, оповестил по смс, что уходит. Случилась забавная штука. После расставания появилось нечто похожее на ревность, когда я увидела на его странице в соцсетях фото в обнимку с какой-то девицей.

– Так бывает, когда теряешь человека, – развёл он руками. – Ничего удивительного.

– Я хотела, чтобы он ушёл, а сейчас иногда думаю, если он вернётся, я приму его.... и через месяц мы будем опять спать в разных комнатах, – на смуглых щеках Инны проступил румянец. – Простите, что рассказываю личное, мы совсем незнакомы, – вздохнула она и посмотрела в окно.

Чтобы прервать неловкую паузу, Василий налил чачи, поднялся с рюмкой над столом, насупившись, отчеканил:

– Тридцать шесть лет, не женат. Работаю инженером в сфере информационных технологий. Сейчас в отпуске. Фотографирую в свободное время, знаменитый фотохудожник в очень, очень узких кругах. ...Теперь вы меня знаете, можем обсудить всё на свете, – закончив краткий доклад, сопровождаемый смехом Инны, он выпил и опустился на диван. – Мы начали про любовь. О ней столько говорят, пишут, поют, замылили, истрепали и совершенно обесценили чувство, а что это? Духовная общность, физическое влечение, игра гормонов?

– Я удивлена, так с места в карьер... Хорошо, давайте о любви, – оживилась она. – Вы знаете, я за тридцать лет... Господи, мне уже тридцать! Я никогда не испытывала настоящей любви. Моя мама обожает певицу Розу Рымбаеву. Меня измучили в детстве песней «Любовь настала», каждую субботу утром я просыпалась под слова: «Не спрячешься, не скроешься, любовь тебя достигнет» и прочее, прочее. Не догнала меня любовь, не настигла.

– Может потому, что любили вас, а не вы. Всегда в отношениях кто-то любит больше, и часто – сильно больше. Некоторые вообще равнодушны, просто удобно жить вместе. Это ваш случай. Вы были так щедры, снизили и разрешили себя любить. Сейчас вас грызёт ревность, хотя нужен он вам, как собаке – копка сена. Старый сюжет.

Василий почувствовал толчок под столом.

– Про собаку жёстко было.

– Идём на встречных курсах, тема серьёзная, дорогая Инна, без обид.

– «Дорогая Инна» – звучит официально! Хорошее начало для поздравления с пятидесятилетним юбилеем.

– Какие ваши годы, придёт любовь, я уверен. Такая красивая женщина...

– Спасибо за комплимент, дорогой Василий. Это необязательно, – усмехнулась она.

– Вы знаете, я вообще стараюсь не произносить всуе слово «любовь», «я люблю». Меня страсть в своё время сожгла дотла, и сроки давности моих любовных историй давно прошли,

– Василий, нахмурился, потеряв мысль. – Ведь вы кричали в порыве страсти «Я люблю тебя» своему мужу или любовнику, у вас же есть сейчас человек?

– Допустим.

– То есть у меня нет шансов? – вздохнул он, стукнув ладонью по столу, сыграв излишне шутливое разочарование.

– Шанс всегда есть.

– Не отвлекаемся, я продолжаю. Мы говорили о физической страсти. Когда это происходит, чего только не шепчешь на ушко своей женщине про любовь, это самое малое, что я могу сказать, тебе открывается другой человек, в прямом смысле, и принимает тебя всего. Он берёт моё тело в себя, впускает меня добровольно, по своему большому желанию, иначе и быть не может, и это я считаю великим актом доверия, может быть это и есть та самая любовь. И я шепчу, неважно, вижу её в первый раз и последний раз, или женился на ней сегодня, говорю ей: «Я люблю тебя, я люблю...» Конечно, любовь может случиться и без близости. В молодости я мог втюриться от благосклонно брошенного девичьего взгляда, и часто предмет обожания даже не догадывался о моих чувствах. Сейчас у молодых людей всё упростилось, не нужно собираться с силами, подходить к понравившемуся человеку, сгорая от смущения подбирать слова, просто поставь лайк под фотографией в социальной сети и жди ответной реакции. Нет ответа, не унывай, ищи другую цель, раскидывай симпатии щедрой рукой сеятеля, обязательно кто-нибудь откликнется. Получил сердечко, пиши послание, примерно такое: «Да благословит бог древнее море, отложившее частицы глины, из которой сделаны кирпичи, использованные для строительства роддома, где появилось на свет такое чудо как вы!»

– Да вы король подката, Василий! – засмеялась Инна.

– Увы, нет, я ничуть не изменился, всё такое же мечтательный влюбчивый идиот. Сейчас смешно вспоминать, а когда-то было очень грустно. Расскажу историю. Мне восемнадцать лет. Конец мая. Рано утром я сходил в лес, нарвал ландышей и подарил любимой девушке в университете, а потом увидел, как она моими цветами в шутку хлестала по щекам своих поклонников. Истрепала в клочья весь окропленный влюбленными слезами букет.

– С вашей стороны это было скорее детское увлечение, – предположила она.

– Не скажите, волком выл. Слава богу, у вас, Инна, не было подобного чувства, слишком психозатратно, выматывает душу. Учёба шла побоку, приходил домой и ложился спать до утра, начал выпивать. Сейчас я понимаю, как глупо выглядел, возможно, надо быть проще, но я по-другому не умею. Желание и отчаяние переполняло, горело внутри. Что-то было в этом от болезни.

– У вас простой случай на самом деле. Невозможность обладания тем, чего вы очень хотите, а если бы вам это досталось сразу, без труда, то и не было бы никакой «любви».

– В ваших словах есть доля правды, Инна и очень большая, – усмехнулся он. – К сожалению, мне ничего не доставалось так сразу.

– Василий, вы всё время говорите про чувственную, физическую любовь, а как же может существовать любовь без душевной близости? Страсть сохраняется недолго, исключения, наверное, бывают в парах, где муж моряк или буровик на вахте, встреча через полгода покажется первой, долгие расставания разжигают пламя ярче.

– Или наоборот – всё затухнет окончательно. Появится сладкоречивый ухажер на работе, или любовь детства постучится в социальных сетях.

– Не без этого, Василий. Даже очень привлекательные любовники всё равно надоедают друг другу и вольно-невольно заглядываются на других. Лодка горячих чувств остывает в холодных

водах повседневности и разбивается о скалы быта. Начинается дежурное исполнение желаний партнёра, слово-то какое дурацкое – партнёр! Ещё выражение ненавижу «быть в отношениях». А я вот не хочу дежурной близости. Это скучно. В моей семейной жизни, в «отношениях», именно так всё и было, обыденно, не снимая носков.

– В таком случае, хорошо, что вы расстались через три года брака, а не через тридцать, – сказал Василий серьёзно. – В идеале, я вижу следующую эволюцию чувства: вначале страсть, перетекающая в уютную любовь, а потом, как бы сказать, просто удобное житие, близость знающих всё друг о друге людей, «бабушка рядышком с дедушкой» и смерть в один день.

– Не хочу «удобного», хочу страстную любовь! – Инна хлопнула ладошкой по столу.

– За и это и выпьем, за страстную любовь навсегда!

Они ещё долго разговаривали на отвлеченные темы, смеялись и шутили, к десерту перешли на ты.

Он проводил её до гостиницы. Осмелился поцеловать руку на прощание.

– Даже не возьмишь телефон? – спросила Инна.

– Я не знаю, вежливо ли это?

– После наших откровенных разговоров ты ещё спрашиваешь, «вежливо ли», Василий, я тебя обожаю, – смеялась она.

– От обожания до любви один шаг, или наоборот, я запутался? Диктуй номер, записываю.

Он брёл в темноте до своего отеля и корил себя за нерешительность: «Эх ты, Васька, мог бы позвать к себе. ...Вдруг бы она не пошла? А если бы согласилась?»

Закрыв глаза, представлял, как целует её в губы.

Василий закрыл дверь в номер, стащил влажные ботинки и набил их туалетной бумагой. Высыпал янтарные обломки из карманов на тарелку у зеркала. Разделся и сел на кровать, вспомнил её шею, глаза и улыбку.

Громко смеялись мужчина и женщина за стенкой, звукоизоляция в отеле была отвратительной. Прислушавшись, он разбирал отдельные слова.

Василий полистал новости на телефоне, посмотрел книжные новинки в интернет-магазине, скачал последний роман Уэльбека.

От чтения его отвлекли соседи. Скрипнула кровать, чувственный стон пробился через перегородку. Потом любовники выходили покурить на балкон и с новой силой принимались за дело, неумолимо и долго ломали мебель, а Василий ворочался на горячих простынях.

Он не выдержал, включил свет и сел за стол. Достал из сумки ежедневник и начал писать всё, что он хотел бы сообщить ей:

Дорогая Инна!

Ты выбила у меня почву из-под ног. Так нечестно. Если ты скажешь «нет», единственный выход в этой ситуации – удалить кусок моего мозга, ответственный за память. Хочу с тобой быть навсегда, может, мы надоедим друг другу, и всё закончится, я не знаю, как это работает, у меня и правда такого никогда не было. Всего за три часа общения я понял, что ты очень близкий человек. Мечтаю о тебе, думаю, что ты сейчас делаешь. ...Это странно, наверное.

Я тоже не хочу удобного чувства. Будем балансировать на любовной страсти до изнеможения и крика... Я обещаю тебе...

Василий не спал, много и сумбурно набрасывал в блокноте, но так и не осмелился отправить ей хотя бы маленькое сообщение. Не дотерпев до рассвета, набрал её номер.

– Алло, Инна, это Василий... извини, я рано.

– Простите, вы не туда попали.

Он долго смотрел на телефон, откуда только что услышал равнодушный голос Инны, такой далёкий и холодный.

В соседнем номере заскрипела кровать.

Василий лёг, свернулся калачиком и накрыл голову подушкой.

Андрей ЖДАНОВ

Позднее утро какого-то года

Давай представим –
мы просыпаемся и слышим
что началась война

Лето и жарко
у нас на двоих
только одна простыня

Мы лежим и смотрим
в белый
натянутый потолок –

там
солнечный зайчик
спрятался в уголок

4х4

уж не знаю что они там изучали или чему учили
но мои ответы всех раздражали –
сначала в детском саду
а позже в начальной школе
спрашивали
на каком этаже вы живёте
и в какой квартире –
их интересовал номер

наверное
они прививали любовь к цифрам
не иначе
к цифрам и умению ими пользоваться
а может быть к ориентации в пространстве
или то и другое

Андрей Жданов родился (1967) и живет в Новосибирске. Окончил Новосибирский государственный педагогический институт. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Сибирские огни», «Лирика Кавказа» и др. Автор пяти поэтических книг и одной прозаической. Организатор различных культурных проектов, в частности, в 2020 году организовал фестиваль самиздата «Обложки». Работает в Городском центре истории Новосибирской книги им. Н. П. Литвинова.

и конечно
не хотели прийти и ограбить

когда очередь подходила ко мне
я говорил честно
что живу в четвёртой квартире
на четвёртом этаже
и на меня тут же начинали смотреть
как на дурачка
а потом как на маленького лжеца
когда я решался настаивать

меня очень расстраивало
что мне никто не хотел верить
я в слезах прибежал к маме и рассказывал
что меня считают обманщиком
учительница и ребята смеются
и словно они все меня вычеркнули
из каких-то там своих списков
словно запретили мне жить вообще

мама успокаивала говорила
что ничего страшного
что мне завтра нужно прийти и сказать
что я не соврал и не глупый
просто
на первом этаже у нас квартир нет
на втором номера квартир с буквой А
и только с третьего этажа
начинается нормальная нумерация
и там три квартиры –
первая вторая и третья
и конечно совершенно естественно
что наша квартира
четвёртая
на четвёртом же
этаже

на следующий день я приходил и говорил
маргарита ивановна
(не помню как её звали)
а все-таки я живу там где живу
в четвёртой квартире на четвёртом этаже
вот послушайте
и дальше рассказывал так
как говорила мама

маргарита ивановна смотрела сверху
снисходительно

и немного с презрением
я уже был для неё посмешищем и врунишкой
и ей не хотелось менять убеждений
как интересно надо же
говорила она
и отправляла меня за парту

одноклассникам
моя история слава богу понравилась
но с тех пор
я стал осторожно относиться к вопросам
чего бы они не касались –
денег смерти любви
территориальной целостности
войны и мира

сейчас
отвечая искренне
я заранее начинаю оправдываться
за свои убеждения
сексуальную ориентацию
финансовую несостоятельность
и некомпетентность
интеллигентность или вульгарность
расточительность или бережливость
за наивность хитрость и человеколюбие
или человеконенавистничество
за то
что пишу с ошибками
или за излишнюю грамотность
за гнилые зубы
кривые руки
косые глаза
за седину на висках и беса в рёбрах
за мать и отца
за деда ветерана войны
за бабу безногую балерину
за выдуманные и реальные преступления
за не то место и не то время
за Иисуса Христа и пророка Мухаммада
непорочное зачатие и порочное тоже
за смех и за слёзы
за кровь и сопли
за дождь и снег
за то и за это

Собака

мальчишкой
(если надо было за хлебом)
когда-то я там ходил
в тех закоулках
а потом стал бояться собаки
что выбегала из ворот
скакала зубы
и была намерена меня съесть –
целых 25 килограмм
тёплого детского мяса

сегодня –
там стало больше заборов
шлагбаумов
больше каких-то кустов и деревьев
а вместо ворот
получился
въезд на парковку перед студией танцев –
никто совершенно никто
не выбегает:
проверено –
только девушки
с фиолетовыми волосами
курят тонкие
ароматные
сигареты

кажется что
произошли изменения
но на самом деле
никаких изменений не произошло –
собака по-прежнему
сидит где-нибудь в подворотне
и собирается сожрать
маленького мальчика
которого мама
послала за хлебом

в какой-то книге
но не известно в какой
есть главная тайна
и не только про нас с тобой
там написано в точности
сколько кому и за что

кто придумал всё это
и что-то ещё про то
откуда пришло всё
и куда однажды уйдёт

хорошо что никто не знает
из чего у неё переплёт

Бог с тобой

ты всегда её ставила
когда я входил в комнату –
мантру побеждающую смерть –
Махамритьюнджая –
закольцованную на ноутбуке
и пока я был у тебя
мы разговаривали на её фоне

и хотя смерть победить нельзя
ты была уверена
что мантра тебе поможет
защитит тебя от меня
потому что ты знала –
все кто мне близок
умрут

да да возможно так всё и есть
родные люди уходят
недавно близкие расстаются
даже товарищи по несчастью
не могут быть долго вместе

— — —

я пытаюсь дотянуться до тебя
дотянуться сквозь
невозможное пространство и время
но
одёргиваю руку –
живи
с тобой живёт бог

Холмы

закрываю глаза и вижу: река
я стою на обрыве, мне одиннадцать лет
вечер

лето
начинает подниматься туман
заросший ивами остров
скоро исчезнет –
тропинки, места для рыбалки
скроются

я стою на обрыве:
вдалеке местность, что все называют холмы
там растут зверобой и душица
и лесная клубника
там по берегу родники –
круглые чаши с фонтанчиками песчинок на дне
можно склониться и пить ледяную кристальную воду
а выше –
смешанный лес
туда скоро отправимся по грибы
может он там всё-таки вырос –
царский белый, который не обхватить
который
совсем не червивый –
это завтра
а пока –
только эта река
только эта вода
что сравнима всегда
с парным молоком
потому что тепло и туман

это здесь
а вверху
мириады галактик, звёзд и планет

закрываю глаза: я стою на обрыве

мне одиннадцать лет

Можно идти, а можно
постоять в стороне.
Выражение лица такое, как будто не
ждёшь победы
не только в тысячелетней гражданской войне,
а в буфете
когда в перерыв обеда
свалка у кассы – последним уже не пробивают борща,

макароны по-флотски с того самого корабля,
котлеты с капитанской плотью, компот.
У крыс лютый кариес.
Выходного дня
ждёт дежурный священник – будет узбекский плов –
уже в мангале дрова трещат для обжигающего угля.

Некого сегодня прощать, пусть никто не прощён
будет этой ночью, будет этим днём.
Потому что много, кто говорил о небе, кто говорил о земле –
о дожде и пахоте после дождя,
о том, что посеешь, то и пожнёшь –
там уже
столько могил, что никуда не пройдёшь –
не собрать грибов в этой роще, чаще, бору.
Хоть и утро раннее. Птицам приспичило петь.
Где телесный низ? Где телесный верх?
Разлетелось всё навсегда у всех –
не собрать монеток.
Не собрать в мешок.
Никакой ни стерх
не снесёт детей в домотканом конверте.
И тяжёлый смех в колыбельной песне
ясен и понятен сразу без объяснений –
впереди тебя только шёпот смерти,
только холод смерти,
никаких воскресений.

Сергей СОЛОУХ

СПАСИБО НЕ СКАЖЕТ НИКТО

История француза, которого звал своим другом царь Николай Второй, генерала, спасшего во время русской Гражданской чехословацкую армию и оказавшегося литературным персонажем романа Марселя Пруста

I

У генерала чешский конвой.

«Всегда бывал с нами ласков и разговаривал с улыбкой, а братьев, стоящих в карауле, часто одаривал сигаретами или шоколадом. Обыкновенно просто совал в карман или в патронташ. И мы, конечно, старались отплатить ему за доброту усердным несением службы, и отношения между нами, действительно, были братскими. А говорил он с нами по-русски, лишь изредка, вставляя в речь короткие фразы на чешском с французским акцентом»¹.

Генерал всегда в светлом. На старых черно-белых фотографиях весны 1919-го, где всё лишь оттенки невесомости неба и тяжести сибирской земли, сукно его французского френча кажется легким и праздничным в окружении будничного. Английского, русского, японского. Высокое и светлое, да, тоже светлое, форменное кепи, широкий окольш, создают еще и оптическую иллюзию высоты на фоне тогдашних общевоинских фуражек с плоскими полевыми тульями. На самом же деле генерал ростом особо не вышел, и должен усиливать иллюзию если не превосходства, то равенства еще и высокими каблучками. Сапог или ботинок.

Впрочем, снимков той омской весны, на которых генерал в полный рост, совсем мало. Может быть, и вовсе один. Какое-то торжество. Колчак со штабом. Все верхом. Генерал пеший, среди почетных гостей. И вид на его ноги, ботинки или же сапоги, закрывает собака. Белая, уличная, похожая на большого нечесаного шпица-самоеда. Именно так, сабли, погоны. Наверное, оркестр. Трубы трубят, ухают барабаны, а в центре кабысдох. Кого-то ищет. Омск. 1919.

Зато сохранился снимок зимы 1916-го. Могилев. Местопребывания Ставки Верховного главнокомандующего русской армией. Здесь подолгу живет царь Николай. Один или с семьей. Генерал запечатлен у входа в гостиницу «Бристоль», что дружно делят представители разнообразных иностранных военных миссий при русской Ставке. Генерал – посланец союзной Франции в длинной, строгой шинели с меховым воротником и столь же суровой, высокой русской папахе. Зато на ногах щегольские ботиночки со шпорами и высокими дамскими каблучками. Блестят сквозь века.

Но вернемся в Омск 1919-го и продолжим цитировать воспоминания Фердинанда Филадельфа, фрейтора из взвода личной охраны, конвоя генерала Мориса Жанена:

«Генерал со своим штабом располагался на втором этаже, на третьем – канцелярия, а наш взвод охраны в полуподвале, прямо под квартирой и рабочим кабинетом генерала».

Счет этажей странный и непривычный, потому что чешский. Русский человек сказал бы, что дом, вообще, двухэтажный, но на высоком жилом цоколе. Впрочем, не это, безусловно, главное.

¹ Filáček, F. Zápisky legionáře Ferdinanda Filáčka: Gen. Janin. s.7. <https://adoc.pub/zapisky-legionae-ferdinanda-filaka.html>. Здесь и далее все переводы мои, если нет иного указания. С.С.

А то, что дом до сих пор стоит. На углу улиц 10 лет Октября и 30 лет ВЛКСМ. В том самом районе Омска, где дореволюционного вообще нет ничего. Ни духа, ни домов, ни названий улиц. Либо малометражные хрущевки, либо сталинки с заоблачными потолками, либо черт-те что времен постперестройки.

И тем не менее. Среди всей этой современности той или иной степени свежести иное. Доходный дом Н.А. Гутермахера и Ф.Я. Лермана. Стиль модерн. С маленькими, но кокетливыми башенками на углах-крыльях корабельного фасада. Год постройки 1910. Некогда угол улиц Думской и Кокуйской.

Впрочем, в воспоминаниях его обитателей времен гражданской это просто «дом на Кокуйской». Что объяснить легко и просто. Вход в помещение французской военной миссии находился со стороны именно этой улицы. Кокуйской. Ныне 30 лет ВЛКСМ. Высокое, полуметровой высоты крыльцо с лесенкой и перилами. И дверь. Сейчас над ней большое красное сердечко. И надпись «Мужской клуб ЖАРА».

Конкретное и совершенно очевидное подтверждение того, что смысловое наполнение определения «мужской», спектр, освящающих его понятий и составляющих, за пробежавшие сто лет явно сместился от возвышенного, рыцарского и галантного, к вполне себе земному, физиологическому и копеечному.

Но и это напоминание вечным не будет. Газеты уже объявили, что муниципальные власти Омска продают дом на улице 30 лет ВЛКСМ. Памятник градостроительства и архитектуры (регионального значения). Который по этой банальной, административно-правовой причине попросту взять и снести нельзя. Дом будет стоять. Придет лишь новый собственник или же арендатор. Повесит другую вывеску. Откроет иные смыслы и горизонты. Иной свет бросит на башенки. Пиластры, русты и консоли стиля модерн.

Попробуем и мы. Поговорим о верности.

II

Генерал – патриот и монархист. Эта социально-политическая, а равно и морально-этическая пара определила его систему личных обязательств и привязанности. Одну – вполне предсказуемую, понятную и объяснимую. Русский царь. Николай Романов. Николай Александрович. И вторую, на первый взгляд ничем разумным не мотивированную. Очень и очень странную для француза. Чехи. Но это лишь на первый взгляд. Всеведущий и потому пренебрежительный взрослого, рационального, вооруженного и знаниями, и логикой человека. Все не так видят глаза, но главное ощущает сердце, что бьется в груди девятилетнего ребенка.

«В 1871 голос Чешского Сейма был единственным во всей Европе, что прозвучал в защиту Франции, и мне не забыть никогда того впечатления, какое на меня, тогда еще мальчишку, оказавшегося на земле захваченного врагом Эльзаса, произвел этот дружественный шаг, когда я о нем узнал»¹.

Такую запись сделал уже взрослый человек, генерал Жанен в своем дневнике 17-го августа 1916, вспомнил об очень трогательном, когда в Могилеве к нему впервые обратились с просьбой стать командующим чешским воинским соединением. Попросил Дюрих и его товарищи по национально-освободительной борьбе той поры Штафл и Штерн. Речь шла о создании добровольческих подразделений из числа взятых в России австрийских военнопленных, чехов и словаков, готовых отправиться воевать на Западный фронт. Во Францию. Это казалось очень важным тогдашним борцам за независимость чехов и словаков, воевать за нее не только в России, на Восточном фронте, где уже два года чешские добровольцы сражались в составе Чешской дружины, подразделения русской армии, но и на другой стороне клещей Антанты, сжимавших и не выпустивших из своей интернациональной пасти врагов, Германию и Австро-Венгрию.

¹ Janin, M. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha: J. Otto, 1926, s. 11.

А что казалось важным генералу? Генералу, согретому когда-то, еще в мальчишескую пору, чувством родства. Таким необходимым именно в годы взросления. Сознанием того, что не брошен. Ни ты сам, ни твоя родина. Не сироты. Стоит лишь руку протянуть и ощутишь тепло. Наверное, это и было важным. Главным, решающим. Возможность именно так сейчас и сделать. Протянуть руку. Вернуть самый бесценный и дорогой долг на белом свете. Детский.

Так он и поступил. Пьер Тьебо Шарль Морис Жанен.

III

Ощущал ли себя брошенным другой мальчик? Сиротой? И самого себя, и свою родину? Ровесник младшего сына генерала Жанена? Эдуарда?

Цесаревич Алексей. Алексей Николаевич Романов. В 1918-м? В Тобольске? В Екатеринбурге?

Мы можем только догадываться. Сохранился каким-то чудом дневник. Ежедневник на 1917-й год в красивом, шелком оклеенном переплете с золотым тиснением, подаренный мамой, императрицей, мамá. Сыну, наследнику престола. И в этой тетрадке, среди бесконечных записей о том, как Алексей играл (в карты с мамá, на палубе с детьми машинистов, с сестрой Машей) или гулял, пил чай, грузил с отцом дрова, есть одна необыкновенно трогательная и поэтическая. 5 августа 1917-го.

«Вечером “Русь” пристала к берегу; гулял, собирал цветы»¹.

Можно подумать о чем-нибудь прекрасном, если не знать, забыть, что речь идет всего лишь навсего о пароходе. Пароходе, который вез семью Романовых в Тобольск. Да, берег сибирский, не Зурбаган. Цветы таежные. И паруса не алые.

В марте 1917-го генерал позволил себе нечто очень близкое к бестактности, да просто отсутствие всякой положенной ему дипломатической вежливости и деликатности. При последней встрече с отрекшимся уже русским императором. В Могилеве. Жанен дал Николаю II совет. Гражданину новой России Николаю Александровичу Романову, собиравшемуся вернуться к семье в Царское село и приглашавшего генерала, с общим приятелем, бельгийским военным посланником Рикелем, недельки через две-три туда заехать, навестить по-дружески.

«Я ему сказал с горячностью, едва ли не со слезами на глазах, потому что был крайне обеспокоен подобной слепотой [государя], что это невозможно будет сделать. Ему нужно покинуть Россию, и как можно быстрее. Никто просто не знает, будет ли это возможно позднее, и что вообще может произойти. У нас, французов, поверьте, большой опыт по части революций.

– А вы не думаете, что может быть лучше уехать на юг России?

В ответ я еще раз стал упрашивать его покинуть страну и незамедлительно, пока это еще можно сделать.

– Вы в самом деле полагаете, что надо?»²

Да, генерал полагал, он был абсолютно уверен, что надо. Необходимо. И говорил об этом пусть и низложенному, но русскому царю, не как французский офицер, глава военной миссии страны-союзника, а как друг. Друг в самом обычном бытовом и будничном значении этого слова. Любящий. Душой и сердцем привязанный человек.

Потом эту дружбу с русским «сатрапом», ограниченным самодержцем и заскорузлым консерватором, которого отказались принять все передовые и просвещенные страны мира, включая монархическую Англию, где правил не только лишь прогресс, но и брат, двоюродный брат Николая II, король Георг V, генералу Жанену припомнят не один раз и в самых разных обстоятельствах. Реакция на них будет неизменно всех степеней предвзятости или нелепости.

¹ <https://www.librapress.ru/2017/01/Dnevnik-Cesarevicha-Alekseja-Nikolaevicha-za-1917-god.html>

² Janin, M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917): Le journal inédit du général Janin. L'Harmattan. Paris. 2015. P. 120.

Из которых самым курьезным и смешным кажется абсурд риторики парламентариев, пытавшихся в 1919-м поддерживать адмирала Колчака, сибирского правителя России, каждый со своей стороны Ла-Манша по-своему:

«Была, конечно, бесконечная красота, в перспективе... после того, как как меня объявили во французской Палате депутатов гнусным реакционером и другом Николая II, оказаться уже в английской Палате общин защитником самых опасных революционеров»¹.

Приязнь и взаимное расположение между французским офицером и русским императором возникли, как не без основания полагают историки, во время недельного визита царя во Францию в октябре 1896 года, когда капитан генерального штаба Жанен был назначен личным адъютантом Николая II. Молодой человек, француз, сумевший к тому моменту уже освоить русский язык. Почему и для чего? Многолетний русско-германский альянс начал разваливаться еще при Бисмарке и совсем распался с восхождением в 1888 на немецкий престол императора Вильгельма II. Шанс привлечь Россию на сторону Франции с тех пор был как никогда реален.

«Об этом мечтал Наполеон, не пришло ли время реализации его мечты?»² – написал автор недавнего предисловия к мемуарам генерала Жанена, офицер, дипломат и военный историк Раймон Нуланс. Да, мечта. О русско-французском братстве, союзе и альянсе. Которая не оставляла генерала и патриота никогда, даже в минуты сентиментальные и нежные, когда он видел в цесаревиче ребенка, похожего на его собственного сына, Эдуарда. Оставшегося где-то далеко... далеко на западе.

«Меня занимал мальчик, потому что у меня был сын такого же возраста, а еще, признаюсь, потому что мне казалось, будет неплохо, если, однажды став императором, он сохранит память о том, что в детстве у него был другом французский генерал»³.

Думал ли двенадцатилетний подросток, Алексей, о родине, или о жизни и судьбе, в моменты, когда приглашал визитеров своего отца, императора Николая II, поиграть в войну, мы не знаем, но совершенно точно, что на задор и озорство цесаревича нельзя было не отозваться:

«Он проявлял к Рикелю и ко мне особую приязнь и всегда звал нас Мамаша (так Рикеля за его грузность), а меня Папаша»⁴, – однажды расскажет генерал, вспоминая послеобеденные часы, проведенные в могилевской резиденции русского царя.

Не отозваться, не отреагировать... тем же задором и озорством... Два генерала, бельгиец Рикель и француз Жанен, Мамаша и Папаша, вовлекали сына русского царя в старую армейскую потеху, традицию, которую с любовью хранят и передают от поколения к поколению курсанты главного военного училища Франции Сен-Сира – перемешать на вешалке все форменные шапки. Соорудить «la salade de képis»⁵. Армейский винегрет. Все цвета в гости к нам, но только задом наперед.

Царь Николай II находил саму мысль об этом, не говоря уже о собственно забаве в гардеробной Ставки, «antipédagogiques»⁶. Возможно, русский государь помнил, к чему такие вольности юности позднее привели одного из самых знаменитых в России выпускников Сен-Сира. Жоржа Дантеса.

Николай II предпочитал, чтобы отношения французского генерала и русского цесаревича, оставаясь самими приятельскими и сердечными, были бы более церемониальными. Держались в рамках всех положенных приличий и обычаев. Поэтому он мог сказать после вечернего совещания прощавшемуся с ним самым последним Жанену:

¹ Janin, M. Ma mission en Sibérie 1918-1920: avec deux croquis. Paris: Payot, 1933, p. 139.

² Janin, M. En mission... p.13.

³ Там же. Р. 48.

⁴ Там же. Р. 48.

⁵ Там же. Р. 61.

⁶ Там же. Р. 61.

«А вы, прежде чем уйти домой, зайдите пожелать спокойной ночи Алексею, он будет очень рад вам сказать bonsoir»¹.

Спальня сына располагалась рядом с кабинетом императора. Зайти и пожелать уже лежавшему в кровати мальчику «спокойной ночи» было совсем простым делом. Да и приятным, несомненно. Декабрь 1916-го. Думали ли тогда царь, сын его Алексей, французский генерал Жанен, что до «прощай» осталось не больше пары месяцев?

IV

Генерал, вне всякого сомнения, беду предчувствовал.

«В самом окружении царя были те, кто ощущали приближение революции и говорили мне об этом. Я и сам ощущал эту нависшую опасность уже несколько лет»².

Но ему не верили. Попросту не верили. Прежде всего во Франции. На родине, которую он так любил.

«Мои выводы основывались на знании России с точки зрения исторической и социологической, и не имели никакого отношения к моим политическим симпатиям. Но из-за того, что сам царь Николай II публично называл меня своим другом, обо мне во Франции сложилось представление как о прожженном реакционере, полном контрреволюционных предрассудков, и потому никто не хотел верить, когда я говорил о том, что будущее вызывает у меня беспокойство, так было в декабре 1916-го, и позже уже в конце мая 1917-го»³.

Никто не хотел верить. Ни в приближение революции. Ни в развал Восточного фронта и самой русской армии, которые этот прекрасный свежий ветер перемен, а так же «свобода, равенство и братство» неизбежно с собою принесут.

Не верили из предубеждений, полагал генерал. Из ложных представлений о его чести и достоинстве. Искренности и непредвзятости. А между тем, возможно, все было куда проще. Не в дружбе с Николаем-кровавым дело. Не в играх с его сыном. Иначе почему всё то же «не верят, не слушают» останется отчетливо звучащим лейтмотивом в дневниковых записях Жанена и тогда, когда уже давно все было кончено в доме Ипатьева? Во времена Верховного правителя России Колчака? В 1919-м?

«...что лишь показывает, с какой степенью внимания они читают мои телеграммы, которые должны были бы им открыть глаза...»⁴

«...просто ужасно видеть эту самоуверенность, которую ничем нельзя одолеть, ни телеграммами, ни рапортами, что я им шлю и шлю»⁵

Возможно, предположим, эти вечно закрытые глаза и заткнутые уши – естественное и вполне предсказуемое следствие всего лишь того, что генерал был классическим военным. Человеком прямолинейным и прямодушным по определению. Попросту честным. Не думающим, вообще, о конъюнктуре и комильфо момента. Он ведь в Сен-Сире научился не только кепи и фуражки перемешивать, но и кое-каким словам, которые до сей поры издатели его оригинальных воспоминаний, а равно и переводов на чешский или русский, дают с отточиями. Или же вовсе опускают.

«ce qui me tourmente c'est que Plon est trop chaste pour admettre gавно не тонетъ

что мне не дает покоя, так это то, что Плон слишком благопристоен, чтобы признать gавно не tonet»⁶

¹ Там же. Р. 90.

² Janin, M. Moje účast na československém boji... s.32.

³ Там же. S. 51.

⁴ Там же. S. 253.

⁵ Там же. S. 278.

⁶ Письмо от 20/11/1928. Bibliothèque municipale de Dijon. Fonds Jules Legras. Ms 4100/1. 1921-1931. 43 lettres. 99 p. Фактическое «со слуха» написание русских слов оригинала сохранено.

Однажды, уже дома во Франции, спустя десятилетие после завершения своей и русской, и сибирской эпопеи, пожалуется генерал товарищу и другу, офицеру, профессору и слависту Жюлю Легра.

Что же, там, где вольное издательство Плон, литературное, публиковавшее и Грэма Грина, и Джека Лондона, пасовало, как реагировать могли связанные разными общественными присягами и клятвами министры или депутаты? Можно себе представить. Даже если, в отличие от личных записей и писем, генерал и выбирал слова и выражения для официальных сообщений исключительно парламентские.

V

Между тем в нашем повествовании эти слова из неуставного, но общевоинского лексикона как никогда к месту. Ведь мы ведем рассказ о верности. И чести. В те самые моменты истории, которые по праву очень верно называют роковыми. Такие, как, например, февраль 1917-го. В Петрограде.

«Войска объявили о лояльности Думе, и точно так же повел себя и Балтийский флот. Великий князь Кирилл рано утром сам явился [в Думу], чтобы заявить и о своей [лояльности]. Такое поведение особого удивления не вызвало, а лишь напомнило безжалостные слова [генерала] Драгомирова, сказанные им после подрыва [броненосца] “Петропавловск” вблизи Порт-Артура»¹.

И вот тут-то в книге воспоминаний генерала Жанена и следует сноска, замечание по поводу счастливого спасения после двух страшных и практически одномоментных взрывов в ужасный для русского флота день 31 марта 1904-го полсотни с небольшим матросов и офицеров из общего числа в едва ли не семьсот человек экипажа флагманского броненосца:

«Кое-кто считал чудом спасение сброшенного после взрыва в воду великого князя находившимся поблизости малым кораблем. “С чего бы, – отозвался Драгомиров, на это объяснение, – все в соответствии с законами природы, г...”»

Да, они такие... Законы природы. Естественные. Щадят обычно не того, кто красив душой и телом. И бел. Буквально. Ну, или с небольшими пятнышками. Как корабельный пес. Любимец экипажа. Еще одна дворняга в нашей истории, кабысдох. Но не анонимный. Собака с красивым прозвищем Манза. По виду не очень крупный, гладкошерстый терьер из тех, с которыми ходят на мелких норных.

На фотографии, всех тонов подлинного серого, походного, морского, настоящего, лежит на юте «Петропавловска» под длинными стволами пушек главного калибра. В кильватере один за другим следуют «Полтава», «Севастополь» и «Пересвет»².

Манза остался со своими. С матросами и офицерами русского броненосца. С адмиралом Макаровым и художником Верещагиным. Ушел на дно Желтого моря.

В бою это удастся. Естественно и просто. Остаться со своими. Навсегда. А в жизни повседневной редко. Очень редко. И счастлив тот, у кого своих как пальцев на руке. Не один. У такого больше шансов не разлучиться. Хотя с кем-то соединиться навсегда.

VI

Рука – еще один прекрасный образ в разговоре о верности и долге. Без нее невозможны ни клятва, ни рукопожатие. Именно руку протягивают навстречу, когда требуется помощь. Рукою разламывают последний кусок хлеба напополам. И разливают поровну оставшуюся воду.

¹ Janin, M. En mission... p.115.

² [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA_\(%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%86\)#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Yut_Eskadrennogo_bronenostsa_Petropavlovsk._Sudovoy_pesik_Manza_\(pogib_vmeste_s_bronenostem\)_V_kilvatere_idut_Poltava_Sevastopol_i_Peresvet.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA_(%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%86)#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Yut_Eskadrennogo_bronenostsa_Petropavlovsk._Sudovoy_pesik_Manza_(pogib_vmeste_s_bronenostem)_V_kilvatere_idut_Poltava_Sevastopol_i_Peresvet.jpg)

В августе 1916-го, в Могилеве, когда с генералом впервые заговорили чехи о возможности совместной борьбы против тевтонов, когда всколыхнули в самой глубине его души детские трогательные воспоминания о «своих», далеких, но родных, оказывается, славянах, чехах и словаках, зажатых со всех сторон враждебными германцами и венграми в самом центре Европы, он протянул руку. Пользуясь своим положением «друга» не только царя, но и генерала Алексеева, начальника русского генерального штаба, да и многих других офицеров, чиновников или же людей императорского двора, генерал Жанен использовал все имевшиеся у него в России и связи, и влияние для того, чтобы те, кто хочет с оружием в руках бороться за свободу и независимость своей родины, могли это сделать. Нашли свое место если и не Западном фронте великой мировой войны, то на Восточном. И все это абсолютно бескорыстно. Помогал и русским чехам под водительством Дюриха и Вондрака, и тем, что приезжали издалека или же продолжали трудиться вдалеке, Штефанику с Масариком, при этом не думая и не помышляя ни о каких постах и должностях, предложенных, может быть, с хитрым расчетом или же из простой любезности. С той же самой теплотой и чувством правильности и целесообразности помогал чехам и словакам, с какой помогал совсем уже родным. Военнопленным, мобилизованным из оккупированных немцами уже сорок лет Эльзаса и Лотарингии, вернуться в строй на нужной стороне.

И можно представить, как генерала радовал рост. Набиравшая мощь сила. То, что, начавшись летом 1914-го как чешская добровольческая Дружина в России, батальон по сути дела, и представлявшее собой к моменту приезда генерала в Россию уже кое-что побольше, бригаду – пару полков, буквально на глазах, стремительно, всего лишь за год с небольшим, и только-то, окажется дивизией, а затем и целым корпусом. Армейским корпусом! Все также добровольческим.

Старались многие, сотни людей работали ради этого, пробивали стену и недоверия, и подозрения. Предрассудков и предубеждений. И днем, и ночью. Прежде всего чехов, словаков. Но нет сомнения, и французу, генералу, в общем ряду всех постаравшихся, приятно было осознавать, что и его капля, одна из многих, весомых и значимых, точила камень. Вела к победе. Веры, достоинства, и чести. Армейский корпус – восемь стрелковых полков и полк артиллерии. Почти сорок тысяч человек личного состава к декабрю 1917-го.

Другое дело, мог ли себе представить генерал, что в один прекрасный день вся эта мощь и сила будет отдана ему? Целиком и полностью. В действительности перейдет под его командование? И он сам, Пьер Тьебо Шарль Морис Жанен, станет под чешские знамена? И это... не что-нибудь, а именно это... вернет его в Россию?

Но так оно и вышло.

Однажды генерал протянул руку. Теперь же, согласно всем законам галантности и благородства, руку протягивали уже ему.

VII

Под осень 1917-го, после полутора лет в русской Ставке, генерала отзывают во Францию. Меняют на человека, всю жизнь провоевавшего в Африке. Славой покрывшего себя в песках Алжира и горах Марокко. Анри Альбера Нисселя. Впрочем, тоже выпускника Сен-Сира. Прекрасно знавшего, что надо делать с фуражками и кепи на вешалке после веселого обеда. Но вот что делать в России после социальных потрясений и переворотов – едва ли. Особенно, если тут раньше не бывал. И русским не владеешь, не понимаешь и не будешь. Но все суммируя, есть стопроцентная гарантия, что совершенно точно не станешь утомлять министров и депутатов суждениями сродни такому:

«Спустя три дня произошла русская Революция [Февральская]. И поскольку я давно предвидел такой поворот дела, удивительным оказалась не она сама, а то неприятное чувство, которое всегда испытывает человек, ждущий беды, но верящий при этом, что худшее все же не случится, а что до прочего, еще в 1913-м после года, проведенного в Военной Академии [Николаевской в Петербурге], я подал во Франции рапорт Генеральному штабу о том, что война вызовет в России

революцию, которая повергнет в хаос империю и сделает ее неспособной к продолжению сражения»¹.

VIII

Путь в северные русские порты, Мурманск и Архангельск, проходит через Петроград. Столицу. Генерал прибыл сюда из Могилева первого ноября 1917-го, чтобы стать невольным свидетелем уже большевистского переворота. Революции, которую позднее будут величать торжественно Великой Октябрьской. Генерал окажется в самой непосредственной близости от той точки, где раз в столетие или два можно услышать скрип осей мира. Самого механизма истории. Его могучие колеса провернулись. И полетели и страны, и народы вверх тормашками.

Вечер седьмого, последний перед поездом на север, перед отбытием домой, в Европу, генерал провел в гостях у французского предпринимателя, друга России и неформального промышленного посла Франции, Пьера Дарси. Одного из первых, кто станет жертвой грядущего большевистского террора. Рядом с Зимним. В доме на Дворцовой набережной. И выстрел «Авроры» грохнул буквально за окном той самой комнаты, где подавали ужин.

Но описание произошедшего генерал оставил очень лаконичное и будничное:

«Начиная с девяти часов вечера, до нас стали доноситься звуки оживленной ружейной стрельбы у дворца, по временам выстрелы с одиночных переходили на залпы и вступали пулеметы. На Неве, с северной стороны, работала артиллерия, и мы видели вспышки орудийный выстрелов (позднее я узнал, что это была «Аврора» и два торпедных катера, которые пришли из Кронштадта, чтобы помочь большевикам). Около одиннадцати мы услышали стук в окно. Это были Кастиль и подполковник Обле, которым удалось без всяких происшествий прийти к нам по набережной Невы от Исаакиевского собора. Таким образом, окружение не было сплошным, либо сами линии атакующих с этой стороны достаточно плотными»².

Отчет офицера. Всего лишь. Военного человека, для которого Россия перестала существовать с февраля. Исчезла. Как сторона великого мирового конфликта. Ноябрь 1917-го уже ничего не значащая деталь, по крайней мере, в эту войну. Так... какие-то случайные бои и перестрелки сугубо местного значения.

IX

И снова время фотографии. Цветной. Естественно, Париж! Где между рю Риволи и бульваром Сен-Жермен, по обе стороны от вечно текущей под сенью платанов и каштанов Сены, все меняется гораздо медленнее, чем между Большой Якиманкой и Остоженкой или Седьмой и Пятой авеню. А значит, на современной фотографии можно увидеть практически все то же, что и на снимке столетней давности. За минусом деталей.

Итак, улица Бонапарта, 18. Да, император Наполеон всякий раз, как чертик из табакерки, является в нашем повествовании, когда заходит речь об интересах Франции. Но это ложный след здесь, в нашем рассказе о генерале Пьере Тьебо Шарле Морисе Жанене. Очень любившем, что правда, цитировать, когда и вовремя, и к месту, бессмертные максимы и афоризмы французского полководца и императора. Однако дело не в патриотизме и не в любви к монархической форме государственного правления, а в чистой прагматике. Столь же принципиально важной и многое, если не все, определяющей в мировоззренческой системе французского офицера, на равных правах и с честью, и с достоинством, и с долгом...

Нечто базовое, а вовсе не какая-нибудь мелочь, пустяк, деталь, чаще всего анекдотическая, походя упомянутая. Отличающая, ну, например, фасад дома в самом сердце Парижа, на рю Бона-

¹ Janin, M. Moje účast na československém boji... s. 50

² Janin, M. En mission... p.242

парт, его снимок столетней давности от современного. Черно-белый от цветного. Хотя и тут не без прагматики, но, надо признать, уж совсем мелкого, буквально кухонно-сантехнического пошиба... Три широких дверных проема и над ними три арочных окна. Сто лет назад справа и слева от центрального проема фактически двусторчатых ворот в закрытый четырехугольный двор, были два магазинчика, две лавочки с выступающими деревянными витринами, типичными парижским выставочными эркерами. Их больше нет, снесены. Открылись стены. Давно уже. После Второй мировой. Светло-серые русты. На тех, что слева от оси ворот заметен выцветший квадрат. Здесь долгое время, два десятка лет, с 1997-го по 2016-й, провисела памятная доска из белого матового металла с крупными, выбитыми на совесть и хорошо читавшимися даже с тротуара на противоположной стороне улицы буквами.

«Ici en 1916 le gouvernement provisoire tchecoslovaque établit son siège sous la présidence de T. G. Masaryk»

«Здесь в 1916 г. разместилось временное чехословацкое правительство под председательством Т. Г. Масарика».

Теперь доска другая, из деликатности пониже выцветшего квадрата, следа от старой, но зато вся в блеске золота, с мелкими-мелкими каракулями, уместными скорее при юбилейной гравировке портсигара или часов с цепочкой. Прочсть решительно ничего невозможно. Только нос к носу и в очках. Но зато ныне на двух языках. Не только на французском, но и на чешском. В два раза больше слов. И главное, в хороший солнечный день блестит издалека. Сияет. Красота. Не то что было раньше. Такие плюсы, такое бухгалтерское тщеславие и политико-экономическая целесообразность.

И с этой целесообразностью суетливой повседневности не имеет ничего общего целесообразность генерала. Расчет, холодный и осознанный, военного человека. В рамках и с точки зрения которого Наполеон вполне целесообразен. Верен. Толковый и лишенный сантиментов командир. Пример для подражания. А вот Колчак нет. Бессмысленен, как с точки зрения тактической, так и со стратегической. Да, и исторической. В корне ошибочен, со всей своею не прагматикой, а жертвенностью. Эмоциями.

Это для русского человека очень непривычный взгляд на вещи. Человека откровения и чувства. Для которого геройство и жизнь – естественные, неразделимые синонимы. А вот мысль о том, что подвиг должен быть полезен и уместен, то есть целесообразен и, главное, своевременен, такая мысль плохо... очень плохо сочетается с концепций России – Третьего Рима, а четвертого, конечно же, не будет (сразу уж царство Божье)... зато очень хорошо с прагматикой Третьей Французской Республики. Да и, вообще, страны, где основа основ – не молитва и надежда, а хорошо продуманный и всеми соблюдаемый общественный договор.

X

С Третьей Французской Республикой также хорошо сочетается, по крайней мере видится логичной и вытекающей из исторического контекста, да и военного, вне всякого сомнения, еще одна особенность генерала Пьера Тьебо Шарля Мориса Жанена. Он ксенофоб.

Генерал никогда не забудет прибавить к описанию любого в своих записках, ну, и конечно... конечно, в письмах – поляк, румын, мадьяр, немец, еврей, серб, русский. Но главное, оно же связанное и обусловленное. Как всякий настоящий ксенофоб, цельный и непреклонный, генерал верит в заговор. Щупальца, приникшие везде и всюду. Тевтонские.

Германофил, германофилия, германофильский – любимое клеймо генерала. Это и начало цепочки анализа событий и явлений, а также и завершение, закономерный вывод. Как правило. Даже и тогда, когда немецкий фактор, если и присутствовал в атмосфере события или происшествия, то в виде чего-то ну совсем уже эфемерного. Навроде следов «кокоса, арахиса, банана и фейхоа», о которых ныне упоминает пугливый производитель на пачке ядерных, один к одному,

орешков фундука. Ну, например, вот так генералу Жанену видятся мотивы противодействия русским чиновников миссии чешского патриота Йозефа Дюриха:

«Были откровенные германофилы, подкупленные в той или иной степени агентами Центральных держав, или же попросту люди, считавшие военнопленных русской собственностью, в особенности если речь шла о славянах. Подобных буквально начинало трясти от одной лишь мысли, что чехи вдруг окажутся на французском фронте. Дескать, этих и без того слишком уже испортила западная культура...»¹

Между тем главным, преобладающим в тогдашнем отношении к австрийским военнопленным-добровольцам в России, наверное, все же было иное.

«Предали своего императора, предадут и нашего», – так, согласно известному апокрифу, однажды красиво и лаконично выразил общее мнение в ту пору русский офицер, шведский барон Маннергейм. Вот он, статный красавец, на старой открытке. 1896 год. «Кавалергард Маннергейм (четвёртый справа от Государя) в почётном карауле лейб-гвардии Кавалергардского полка при коронации Николая Второго»².

Припечатал чехов. Указал их место. Что не помешало ему самому, Карлу Густаву Эмилю, время придет, наступит 1917-й, спокойно забыть, поставить крест на русском императоре. На Николае Втором. Человеке, которому шведский барон, как русский офицер-гвардеец, однажды давал клятву верности. Вечной.

Забыть и стать финским маршалом. И даже президентом свободной и независимой Финляндии.

Французскому генералу Пьеру Тьебо Шарлю Морису хватило простых обязательств взаимной дружбы и привязанности, чтобы не забывать. Помнить всегда. Об этом, собственно, наша история. Но все по порядку. Сейчас на повестке дня ксенофобия и заговор. Германский, в мутной воде которого вечно что-то пытаются поймать ничего не понимающие ни в вине, ни в еде люди. Англичане.

Но там, где германофилия, там и евреи. Кто бы и как бы этого самого Дрейфуса и не пытался выгораживать. Ну, в самом деле, как же без них, лопочущих практически на том же языке, что и варвары Европы – немцы. И лишь пытающихся очевидное затушевать. Скрыть за клинышками секретных знаков, инородных буквочек. Похожих на червячков из банки и рыболовные крючки. У генерала, как и у множества других людей конца девятнадцатого – начала двадцатого века, в большой Европе сомнений не было и не могло быть: эти, с пейсами, с бошами заодно. Подпевают.

«Из дальнейших отчетов стало ясно, что еврейское население Кишинева, глубоко пропитанное германофильскими идеями, систематически проводило действия, направленные на деморализацию войск. Удивительный факт – в городе была налажена еврейская почта, которая могла переправлять корреспонденцию через линию фронта, из Кишинева в Вену и обратно. И задержка в пути не составляла много больше времени, чем та, что имела место в мирное время»³.

Запишет генерал, по поводу рапортов о положении военнопленных, в первую очередь чешских, на румынском фронте. Мысль об опасности евреев и имеющейся у них, несомненно, прямой и явной связи с немецким генеральным штабом, центром всех мировых интриг, не будет оставлять генерала никогда. И он так прокомментирует собственную дневниковую запись, сделанную сразу после Февральской революции. Подчеркнет свою твердую веру и убежденность в том, что революция эта «бесспорно» организована и оплачена извне. 20-го марта 1917-го:

¹ Janin, M. Moje účast na československém boji... s. 51

² https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9%D0%BC_%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB_%D0%93%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%AD%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8C#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9A%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B4_%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9%D0%BC.jpg

³ Janin, M. Moje účast na československém boji... s. 39

«Мне вспоминается, что могилевские евреи довольно уже давно начали поговаривать, что к лету война закончится»¹.

На этом, впрочем, можно и остановиться. Достаточно о предрассудках времен минувших. Ставших давно частью великой комедии, как войны, так и мира, в романе Ярослава Гашека о бравом солдате Швейке. Наш же рассказ о драме. О человеческой трагедии. Поэтом вернемся к целесообразности. Прагматизму французского генерала Мориса Жанена. Равно важного как в приложении к любви, так и ненависти. Прагматизму, который ксенофобия и жизнь с ней в сердце демонстрируют самым наглядным образом. В 1919-м генерал в категорической форме требовал не только от своих подчиненных и командиров вверенных ему войск в Сибири, но и людей самого Колчака, не допускать любого рода публичных выпадов против сынов Израиля. Не целесообразны. И очень... очень были бы не ко времени.

«В моих ежедневных сношения со Ставкой [Колчака], помимо консультаций сугубо военно-технического характера, приходилось также постоянно обращать внимание на необходимость осмотрительности. Так (10 марта) мне показали прокламации, которые предполагалось сбрасывать с аэроплана, и содержащие резкие нападки на евреев, и были после этого крайне удивлены, когда я выразил мнение, что, помимо всего прочего, это до чрезвычайности опасно, учитывая то количество могущественных евреев, которые присутствуют в окружении [президент США] Вильсона»².

Да. Трезвость и только трезвость.

«В конце концов постоянно повторяемые солдатам слова “Смерь комиссарам! Смерть евреям!” ничего хорошего с точки зрения дисциплины не сулят»³.

XI

Париж – такой город, из которого не хочется уезжать. Это как покинуть Солнечную систему и, вообще, нашу уютную галактику. Пуп мироздания. Колыбель. Отправиться туда, где черные дыры и все мыслимые и немыслимые искривления пространства и времени. Такая топология города, непохожего ни на какой иной на этом многообразном свете. Города, устроенного как космос. Млечный путь. Модель галактики в миниатюре. Система многоугольных, словно звезды, площадей, с расходящимися во все стороны света, от одной к другой, лучами улиц. Встань в центре какой угодно, ну, вот хотя бы площади Камбронна, наполеоновского генерала, прославившегося тоже как раз тем, что слов особенно не выбирал. В карман не лез. И сразу оказываешься будто бы на оси, вокруг которой вращается вселенная. Ну, и зачем отсюда двигаться на край, где одни лишь глупости. То ли центростремительного, то ли центробежного характера. Суэта, попросту говоря. И мрак.

Но надо. Требуется целесообразность. И самоуважение. Честь генерала. Да и необходимость доказать всем, что ему, военному человеку, плевать на тех, кто сам изъясняется на языке дамских угодников, и от других того же ждет и требует.

«Я прибыл в Париж в самые последние дни ноября 1917-го. Несколько совершенных визитов позволили мне констатировать, что начали улетучиваться иллюзии по поводу русской революции, и о том обновлении духа, которое оно с собой принесет, сделав Россию вновь способной к войне с Германией. Но вместе с этим ни в министерстве обороны, ни у начальства генерального штаба не стало обнаруживаться больше признательности ко мне, человеку никогда эту иллюзию не разделявшему, пытавшемуся всеми силами ее развеять, и неизменно показывавшему реальное положение дел таким, как им оно и было»⁴

¹ Там же. Р. 90.

² Janin, M. *Ma mission en Sibirie 1918-1920: avec deux croquis*. Paris: Payot, 1933, p. 105.

³ Там же. Р. 128.

⁴ Janin, M. *Moje účast na československém boji...* s. 63.

И вот где снова возникает символ дружбы, протянутая рука. И снова рука чехов. Звездочка. Далекая, славянская. Возникшая на небосклоне франко-прусской войной окрашенного детства. Никогда не гаснувшая перед мысленным взором генерала. И в пятьдесят пять, для уже взрослого, зрелого, но вновь отчаявшегося человека, совсем, как некогда ребенок, загоревшаяся ярким светом. Тем самым, что называют путеводным.

«И тут я неожиданно узнаю, что Чешский национальный совет, располагающийся, как ранее уже упоминалось, на улице Бонапарта, и в состав которого входили тогда во всем сходявшиеся друг с другом Милан Штефанек и др. Бенеш, выражают желание, чтобы я взялся за организацию чехословацкой армии и стал ее командующим...»¹

Причем самостоятельным и независимым. От соотечественников. От тех самых людей, что закрывают глаза и затыкают уши, не понимая интересы в первую очередь родины. Любимой и прекрасной Франции. И потому приветствуют падение русской монархии и, полагают, что большевизм – это зараза не страшнее весеннего насморка...

Причем... речь не только о сорока тысячах бывшего Чехословацкого стрелкового корпуса в России, словно в счастливом предвосхищении, предчувствии предательского Брестского мира, уже в декабре 1917, сразу после большевистского переворота, объявленных Масариком, покинувшим русскую армию. Вышедшим из ее состава, и ставшего автономной частью (что-то вроде Иностранного легиона, только самостийного) уже французской армии. Но, кроме этого, дополнительно десятков тысяч военнопленных-добровольцев нашелся и в Италии, и они тоже готовы вступить в бой. Не меньше прибавит также агитация, проведенная все тем же Штефанеком, и среди чехов-эмигрантов в Штатах. Армия, в самом деле армия. Собрать, обучить, спать...

Тем более, что такое хорошее место для дислокации и обучения выбрано. Коньяк. Город во французском департаменте Шарант.

Одна беда: то самое ядро, что должно было явиться из России, пусть бывший, но легендарный русский Чехословацкий корпус в этой России завяз, задержался. Растянулись эшелоны с его бойцами от Волги до Тихого океана, застыли словно мухи на тонкой линии (прямой, так не похожей на паутину или сеть) дороги, соединявшей Европу с Азией, но тем не менее... и, чтобы вырваться, уйти, в конце концов вступили в бой с большевиками. Никем не предвиденный, не ожидавшийся и не запланированный. С паучком еще только-только начавшим плести от этой линии, пока единственной, густо-ячеистые тенета, в которых окажется, и очень скоро, буквально весь двадцатый век. Пока же просто не пускавшего сорок тысяч хорошо обученных и вооруженных людей на Западный фронт. Кругалем по морю. Зато очень охотно австрийских и немецких военнопленных в обратном направлении. И напрямую, сушей. Военнопленных Центральных держав. Солдат и офицеров, которых в России едва ли не миллион. Миллион! Через дыру того, что некогда было Восточный фронт отправляет на все тот же... Западный... Фронт, ставший последним и решающим в этой бесконечно затянувшейся кровавой бойне. Мировой войне... Только окопы совсем не те. Немецкие, а не французские... Немецкие... Ну, кто тут манией и паранойей называл все опасения и страхи перед германофилами и шупальцами, вездесущими и длинными, их ненасытной германофилии... Пусть выйдет, извинится.

Но извинений генерал не дождался. Просто получил еще одно назначение. Вдобавок к тому, что уже имелось от самопровозглашенного правительства еще не рожденной Чехословакии. Теперь вдогонку плюсом еще и от действующего, законами и конституцией Третьей республики установленного военного министерства уже столетия существующей Франции. Кто-то же должен прекратить в решающий момент войны эту экспансию тевтонов на восток. Вот пусть и едет командующий всеми этим чехословаками, раз они там, от Волги и до Владивостока, оказались волей судьбы главной вооруженной силой. Побудет еще и начальником французской миссии. Раз любит родину.

¹ Там же. S. 63.

XII

Роди́ну генерал любил. И не отказался, даже после того, как тут же, едва ли не сразу после нового назначения, был и унижен, и оскорблен. За что? Как водится. За верность долгу. Чести и достоинству.

«И все же без организационных изменений не обошлось, изменений, которые напрямую коснулись объема полномочий ее начальника. Первоначально, еще в первой половине августа [1918], обязанностью миссии была задача объединения для достижения военных целей как политической, так и хозяйственной сфер деятельности. Однако, незадолго до нашего отбытия, господин Бертелот сообщил мне, что принято решение сформировать в Париже отдельный Высший гражданский комиссариат. Его полномочным представителем [в России], выбран господин Реньо, бывший посол в Японии, только что отправленный на пенсию, но все еще находившийся в стране. Это решение, конечно, значительно облегчило жизнь начальника миссии, объем задач которого и без того был чрезвычайный. Но трудно было при этом отделаться от мысли, что принятое решение было еще и следствием недоверия ко мне, которое испытывали многие из-за моей всем известной репутации друга царя Николая II.

Так или иначе, но я никогда не скрывал ни своих чувств на этот счет, ни отношения, и, когда пришло известие об убийстве царской семьи в Екатеринбурге, нисколько не таясь отправился на панихиду в русский храм на рю Дарю.

Более того, я продолжал встречаться со знакомым мне еще со времен совместной работы в России

генералом Гурко, совершенно убитым этим несчастьем. Генерал стал центром монархического объединения, и кто-то из состава его членов даже приходил однажды брать у меня интервью. Сообщество, основанное генералом, издавало русскую монархическую газету, которая не стеснялась острой критики как в адрес союзников, так и русского посольства, и которой цензура не позволила опубликовать сообщение о моем назначении в Сибирь»¹.

XIII

Задержимся еще немного в Париже. В том его уголке, который менее всего похож на вселенную. Улица Дарю. Рю. Если смотреть со стороны широкого бульвара Курсель, одного из пяти длинных, звездных лучей площади Терн, три византийских купола православного храма, один высокий – воевода и два низких, лобастых сотоварища в шлемах справа и слева, кажутся замыкающими тупичок. Между тем это улица. Еще одна. Идущая не мимо, как рю Дарю, а прямо к храму. Улица Петра Великого. La rue Pierre-le-Grand. И храм, красиво, но безнадежно схлопывающий перспективу – это собор. Собор Святого Александра Невского. La cathédrale Saint-Alexandre-Nevsky.

Ровно за неделю до того, как государя со всем семейством вооруженные наганями люди завели в подвал дома Ипатьева в Екатеринбурге, 12 июля 1918 года, в русском соборе на рю Дарю, в храме Святого Александра Невского, художник Пабло Пикассо венчался с балериной Ольгой Хохловой. Принял ли великий манипулятор нашей эпохи при этом православие, неизвестно, но в партию французских коммунистов спустя какое-то время совершенно точно вступил.

Французскому генералу Пьеру Тьебо Шарлю Морису Жанену подобные душевные метания не были знакомы. Ни смены жен, ни убеждений. Он всю свою жизнь оставался монархистом и патриотом. Поэтому не так уж и сложно представить себе, что он думал во время панихиды среди русских икон и французских свечей. Что у него стояло перед глазами. Что-нибудь, наверное, простое и хорошее. Государь, играющий с гостями у фонтана в своей могиливской резиденции:

«...что-то вроде сражения начиналось вокруг каменной чаши с водой, украшенной несколько-

¹ Там же. S. 100.

ми бронзовыми дельфинами, из ноздрей которых били фонтанчики. Зажимая эти ноздри, можно было орошать водой противника, стоявшего напротив или рядом. Царь часто приходил принять участие в этом бое, обычно вызывавшем всеобщее веселье, его самого, конечно, старались щадить, но и не так уж чтобы слишком...»¹

Или цесаревич, пораженный внезапным явлением генерала по прозвищу Папаша в его спальне совсем уж поздним вечером:

«...ему смазывали йодным раствором синяк на ноге, полученный накануне...»²

Конечно. Генерал прощался. Думал, наверное, что это все. Конец. Никаких иных, других воспоминаний, образов и чувств ему судьба больше не даст. Генерал ошибся. Все еще у него было впереди. И грусть... печаль того парижского дня в русском храме последней не станет. И разочарование.

XIV

Из всех теплокровных существ с душой и телом, что составляли семью и самый близкий круг последнего русского государя, ночную стрельбу с шестнадцатого на семнадцатое июля 1918-го в подвале и вокруг дома Ипатьева пережила только собака. Пес цесаревича Алексея по кличке Джой. Эта первая не беленькая собака в нашей истории. И совершенно точно первая чистопородная. Сохранилось много фотографий этого забавного и ласкового зверька, умевшего подолгу стоять и ходить на задних лапах. Окрас – черно-пегий, как и положено русскому спаниелю.

Самое трогательное воспоминание о его нежном и верном сердце оставила фрейлина императрицы Александры Федоровны. Баронесса София Карловна Буксгевден, свою пулю не получившая исключительно как подданная иного государства. Дании. Большевики не пустили баронессу в Екатеринбург. Оставили в Тобольске. И вот спустя несколько месяцев она в поезде английского генерала Нокса, любезно предложившего по ходу своей инспекционной поездки по Сибири отвезти датскую баронессу туда, откуда будет легче и безопаснее попасть домой, в Европу. Несколько дней перед отправкой поезда она провела в столице колчаковской Сибири.

«Генерал Дитерихс сказал мне, что маленький спаниель царевича, Джой, здесь у него в Омске. Пес был неизменным компаньоном своего маленького хозяина и оставался с ним как в Тобольске, так и в Екатеринбурге. В Тобольске он необыкновенно веселил царевича своим презрением к приказам комиссаров, так всякий раз, учуяв, что я подхожу к дому, Джой умудрялся пролезть через решетку ворот и радостно приветствовать меня лаем. Бедное животное попало на глаза чехам, после взятия ими Екатеринбурга, полуголодная собака бродила во дворе дома Ипатьева. Казалось, она все время высматривает своего хозяина, и от этого вид у нее был удрученный и несчастный, она едва притрагивалась к еде, даже если ее и давали любящие руки. Я пошла посмотреть на Джоя, и он, немедленно в своей собачьей голове соединив меня со своими хозяевами, вообразил, должно быть, что я предвестница уже их появления. Я никогда не видела животное в такой степени ажитации.

Когда я позвала Джоя, он выскочил из вагона и понесся с платформы прямо ко мне, он подпрыгивал, бегал вокруг меня широкими кругами, и если не клал на меня передние лапы, то ходил на задних, словно цирковой пес. Генерал Дитерихс сказал, что Джой еще ни разу никого так не приветствовал, я это отнесла исключительно к тому обстоятельству, что на мне была та же одежда, что и в Тобольске, и от нее исходил знакомый запах. Я никогда особенно с этой собакой не играла и не была близка. После моего ухода Джой весь день пролежал у той двери, которая за мной закрылась. Он отказывался есть и вновь впал в свое обычное уныние»³.

¹ Janin, M. En mission... p. 62.

² Там же. P. 90.

³ Buxhoeveden, S. Left behind... December 1917 – February 1919». – London: Longmans, Green. 1929. <https://www.alexanderpalace.org/leftbehind/XV.html>

Удивительно, что генерал Жанен, очень хорошо знавший и тесно взаимодействовавший с Михаилом Дитерихсом, одним из высших командиров в Чехословацком корпусе, а позднее и у адмирала Колчака (которого, впрочем, Михаил Константинович, в совершенном уже отчаянии конца 1919-го счел правильным просто «расстрелять, как предателя»¹), вообще не упоминает этого русского офицера с немецкой фамилией в связи с собакой цесаревича. А равно и город Омск.

В главе воспоминаний, посвященной Екатеринбургу и визиту в штаб северной армии, мелькает загадочная запись:

«Мне встретился офицер по имени Мирза Кули Хан, которого я знал в Могилеве как одного из служащих при дворе. Он оставил у себя песика царевича Джоя»².

Необыкновенно сухо даже для всегда лаконичного и экономного по части деталей и подробностей генерала. Наверное, свидетельство того, что самого пса все же генерал не видел, и Джой вокруг него на задних лапах не ходил. Не танцевал, не прыгал, в очередной раз наивно ожидая, что из-за спины знакомой, привычно пахнущей фигуры сейчас же выйдет он. Хозяин. Алеша Романов. Цесаревич Алексей. И детскими холодными ладонями прижмет большие, мягкие уши к теплomu, волнуемyся, электрическому меху на черной голове и шее.

А если так, то все, что могло в Сибири напомнить генералу о Романовых, о Николае Александровиче и сыне его Алексее, друзьях убитых, это свастика:

«Штаб Гайды [командующего Северным фронтом] работал отлично. Он располагался на втором этаже дома Ипатьева, который стал свидетелем смерти царской семьи. Ничего ныне в комнатах, занимаемых штабом, не напоминало о тех мрачных событиях, кроме личного кабинета самого Гайды, который некогда был отведен царю и царице. Возле окна я заметил ее рукой выведенную дату “17/30 апреля” и рядом пририсованную свастику. Помню меня удивило тогда, что до сих пор ни один любитель сувениров ее не вырезал себе на память, что сделать, должен сознаться, у меня самого был сильнейший соблазн»³.

Но генерал удержался. Наверное, именно потому, что свастика. Мистический солярный знак. Чужь астральная. Потусторонняя глупость, такая далекая и чуждая его военному, ясному и прагматическому мироощущению и миропониманию. Свидетельство и символ того страшного помрачения ума жены государя, Александры Федоровны, что очень... очень может быть, в немалой степени и определило не только ужасную судьбу самих Романовых, но и всего русского государства. Трагедию начала века.

Зачем об этом хранить память? Тень наводит на игры у фонтана, на мальчика с собакой? Ни к чему. Действительно, так мог думать в Екатеринбурге зимой 1919-го генерал. Пьер Тьебо Шарль Морис Жанен.

Да, замечательно и славно помнить только хорошее и светлое. Но редко получается. Отделить чистое от нечистого. Жизнь не дает. Не позволяет. Судьба. Ведь пегий, пятнистый, разношерстый это ее собственный, подлинный цвет. Естественный. Окрас верной собаки, спаниеля по имени Джой.

XV

Сибирская миссия генерала потеряла смысл еще до того, как он ступил на русскую землю.

«13 [ноября] мы отбыли из Симоносеки во Владивосток. А накануне в Кобе узнали о подписании перемирия»⁴.

Великая война закончилась. Своя, единственная, главная. Закончилась победой войск Антанты. Франции. Задача противодействия немецкой экспансии на восток отпала сама собой.

¹ Janin, M. Moje účast na československém boji... s. 347.

² Там же. S. 190.

³ Janin, M. Ma mission en Sibérie... p.53.

⁴ Janin, M. Ma mission en Sibérie... p.12

Германия повержена. Ей будут теперь просто диктовать. Приказывать. Во всяком случае, так казалось.

Что же касается большевиков, то далеко не все в мире, что выяснилось самым естественным образом по мере движения в Россию из Парижа через Вашингтон и Токио, воспринимают красную напасть как часть все того же всемирного германского заговора. Таким же точно образом, как и генерал Жанен. Заметивший весной 1918, по поводу неудержимо нараставшего и ширившегося конфликта между большевиками, сидевшими в Москве, и чехословаками, через Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток пытавшимися уйти во Францию.

«Это последнее [конфликт с большевиками] представлялось делом само собой разумеющимся, слишком уж давними и тесными были связи между ними [большевиками] и немцами, русских социалистов слишком много всего привязывало к родине Карла Маркса, и разорвать все эти бесчисленные нити в один момент было бы просто невозможно»¹.

Щупальце. Оставшееся. Из которого должно и обязательно вырастет новое грозное тело. Спрут, вечно грозящий миру и покою, сам себя восстановит.

Нет, нет, если не говорили, то намекали генералу в различных городах и странах, министры, депутаты, президенты, вы ошибаетесь. Большевики – это всего лишь хвост. Хвост ящерицы, убитой нами. Он сам засохнет. Испарится. В отличие от ресурсов. Ресурсов этой необъятной страны, что оказались на минуточку бесхозными. Вот это вопрос дня. Как поделить. Японцам надо все, американцам надо все, и англичане не желают шанса упускать... а вы французы раз и влезли. Первыми заскочили. Пока мы победу ковали в Европе и Азии, ваши чехословаки... ведь они ваши, так?... взяли и захватили всю Сибирь. Без спроса и согласия. Не очень хорошо. Давайте уведите, чтобы все по-честному. На равных.

Такая атмосфера, такое электричество. Плюс, ставший минусом. Нечто абсолютно чуждое генералу. Военному человеку, не терпящему амбивалентности. Исчезновения ясности.

В очередной раз слепота и глухота, непонимание сути вопроса. Сначала должны идти честь и достоинство. Борьба с тевтонским духом и всеми проявлениями его, включая коммунизм. А лишь потом... затем уже каменный уголь и железная руда.

Беда! Но оказалось, не одна. И те, для кого честь и достоинство важнее жизни. Такие же прямые, как и генерал, без экивоков и задних мыслей военные люди, не могут и не хотят договориться. Фатально.

XVI

Ровно через два дня после того, как генерал ступил во Владивостоке на русскую землю, 18 ноября 1918-го, в Омске произошел переворот. Группа лихих людей, казацких полковников, а за их спиной компания темных личностей с большими финансовыми интересами и политическими амбициями, свергла, и вовсе не бескровно, единственное на тот момент в России демократическое правительство. Директорию. Последнее, что имело моральное, да и формальное право считать себя органом народного представительства. Наследницей законно избранного Учредительного собрания. Дитя согласия и компромисса всех гражданских и военных сил (включая главную на тот момент, чехословаков) между Уралом и Байкалом.

Власть передана диктатору. Адмиралу Колчаку. Человеку такого беспримесного, чистого душевного идеализма и такой абсолютной, просто нечеловеческой нерасчетливости и непрактичности, что в его тени можно делать любые, самые подлые и грязные дела.

Реакция чехов была немедленной:

«Чехословацкий национальный совет, его русское отделение, с целью прекращения распространения любых слухов о его отношении к недавним событиям заявляет следующее: Чехословацкая армия, которая сражается за идеалы свободы и народоправия, не может быть участником

¹ Janin, M. Moje účast na československém boji... s. 86

или же поддерживать, а равно никогда не будет участвовать или же выражать поддержку любому насильственному захвату власти. Мы считаем, в полном согласии с нашими взглядами на существо дела, что государственный переворот, совершившийся 18 ноября, разрушил принцип законности, который один только и может быть основанием любой власти, в том числе и русской. Мы, представители чехословацкого войска, на котором сейчас лежит наибольшая тяжесть войны против большевиков, выражаем сожаление, что в тылу действующей армии совершается насилие с участием тех самых частей, которые больше всего нужны были бы на передовой...»¹

И так далее...

Стоит ли изумляться, что самые первые слова Колчака, которые услышал генерал, когда наконец встретился с адмиралом в Омске, были решительные – «пусть убираются отсюда». Причем все.

«Мне нужны только ботинки, теплое обмундирование и боеприпасы»².

А вы, союзники, нет. И в первую очередь чехословаки. Пусть едут домой. И чем быстрее, тем лучше.

Бедняга, зимой 1919-го бросивший свою армию, окруженный со всех сторон партизанами, преданный своим собственным русским конвоем, куда он побежит? Этот русский Дон Кихот? Несчастный человек. Такой красивый и такой бессмысленный. К кому он кинется искать спасения? К тем самым людям, которых он с такой охотой и не без внутреннего удовольствия, должно быть, позволял звать чехо-собаками.

XVII

Собаки. Да. Две в самом деле жили в омской штаб-квартире генерала. В доме на углу Думской и Кокуйской. И это не фигуральное выражение. Подмахивание Колчаку и его газетчикам. Нет. Два самых настоящих здоровенных сибирских волкодава. И не потому, что ночью дикие животные могли напасть, как в русской песне на возок замерзающего ямщика, и на автомобиль французского генерала. Людей на берегах Иртыша, как и по всей колчаковской Сибири, убивали еженощно. Это правда. Малоприятный и печальный исторический факт. Но вовсе не животные. А люди. Двуногие. В погонах. А вот из тех, что без всяких знаков различия, что ходят на четырех конечностях, на лапах или копытах, ничего страшнее домашнего скота на улицах колчаковского Омска не встречалось. Как, собственно, и везде в тогдашней России. Что до всех и всяческих революций, что после. Особенно с приходом весны.

«...снег уступил свое место бездонной грязи. И несметные орды свиней, радуясь приходу весны, купались в канавах едва ли не на каждой улице...

...подобное же зрелище я видел уже в Могилеве. Где местные жители с раннего утра выпускали погулять скотину, которая, вдоволь покопавшись в отбросах, сама в назначенное время возвращалась домой и даже голос подавала, требуя открыть ворота...»³

Такая патриархальность и непосредственность, даже в месте расположения Главнокомандующего и русской Ставки. Никакой торжественности. Ни в Могилеве в 1916-го. Ни в Омске в 1919-го. На старом фото колчаковская резиденция (ныне с угрюмой торжественностью высящееся здание государственного университета путей сообщения) вся от нижних и до самых верхних этажей в каких-то неуклюжих строительных лесах. А в Екатеринбурге 1918-го на улице Вознесенской за наскоро сколоченным неровным частоколом (и тут, и там жердины выпирают вкривь и вкось), видны только печные трубы да аттики дома Ипатьева. Как Бог положит, так и живем. Все просто.

И можно предположить, не боясь особо ошибиться, что также никакой торжественностью и парадностью не отличался выгул псов из дома в стиле местного модерна на углу улиц Кокуйской

¹ Janin, M. Moje účast na československém boji... s. 153-154.

² Janin, M. Там же. S. 179.

³ Janin, M. Ma mission en Sibérie... p. 119.

и Думской. Последняя скоро станет имени Троцкого. Впрочем, сомнительно, что это перемена могла мгновенно изменить вид грязных и запущенных канав по обе ее стороны. А равно и привычки там обитающих парнокопытных. Символов неутолимого чревоугодия и торжества самых простых жизненных удовольствий.

Другое дело псы. Собаки, которых выводили на свежий воздух солдаты генеральского конвоя. Чехи. Двух больших, лохматых псов, похожих внешне не столько на сибирских алабаев, сколько на ирландских волкодавов¹. Эту пару оставил генералу Жанену, как ныне говорят, на передержку, его друг и товарищ, такой же монархист и патриот, а заодно и министр обороны только что рожденной Чехословакии Милан Растислав Штефанек. Срочно уезжая в Европу. Двух подаренных ему в Сибири псов. Другей человека.

И снова, выходит так, собаки – символ верности и чести. Причем на этот раз двойной.

Штефаник, спешно пакуя чемоданы, не сдал живодеу. И генерал Жанен берег. Как чистые листы с заранее поставленной подписью в нижнем углу. Подписью Милана Растислава Штефанека. Министра обороны Чехословакии. Такая была вера и взаимопонимание. Общее чувство долга.

Надо ли говорить, что ни один генерал не заполнил. Все так и остались девственно белыми.

XVIII

Белый. Чистый. Это не только цвет вороны, над которой все смеются. Высокой тульи генеральского кепи или до самой смерти преданной хозяину собаки. Это еще и цвет королей. Исторический цвет монархии. Конечно. Которая совсем не обязательно самодержавие и самовластье, с таким же и даже большим, может быть, успехом – это одна из форм власти народа, прямой, просто персонифицированной. Олицетворяемой одним, отдельным, общепризнанным носителем долга и чести. Пожизненно на себя взявшим эту нечеловеческую ношу. И такой бывает взгляд на государство и государей. Существует.

Милан Штефанек, друг генерала Жанена, очень любил повторять:

«Есть такие моменты, когда самый убежденный республиканец не может быть никем иным, как монархистом»².

А генерал Жанен, с видимым удовольствием, всякий раз эту фразу фиксировал в своих дневниковых записях.

Государь как камертон. Слово свои собственные воспринимающий народные чаяния, нужды, стремления и всеми силами и с Божьей помощью, конечно, пытающийся все одно за одним удовлетворить, решить и воплотить... Мечта? Ну, тогда просто прислушивающийся... хотя бы прислушивающийся к народу и стране. Вот идеал.

Николай II мог быть таким? Возможно. В известном и главное спасительном для русского государства приближении. Характер позволял, натура, склад ума, но не получилось. Что-то мешало. Не дало. Узость воспитания, религиозный фанатизм? Царица, которую любил гораздо больше, чем имеет на то право император? Человек персонифицирующий, олицетворяющий и свой народ, и свою страну?

«Я редко касался в наших разговорах внутренней политики, но могу судить по некоторым замечаниям, что если государь с таким упорством и держался за существующую форму правления, то было это в гораздо меньшей степени следствием особенностей его характера или наклонностей, нежели воспитания и привитого образа мышления, а также моральных обязательств, той нерушимой клятвы, которая, как ему представлялось, была дана самим коронованием в храме. Царица в этом убеждении всячески поддерживала царя, и как-то раз, когда вопрос зашел о польской автономии сказала:

¹ <https://argonnaute.parisnanterre.fr/ark:/14707/24x7b5jzh098/3081e6ef-0279-4e0a-b17f-723d04a22086>

² Janin, M. Milan Rastislav Štefánik: příspěvky k poznání jeho života a povahy. Praha: Orbis, 1932, s. 35.

– Что может быть лучше, чем устранить несправедливость, но мы давали клятву, и я, и царь, во время коронации, и потому не можем ничего изменить. Это все сделает наш сын, когда достигнет своего двадцатилетия, и вот тогда все будут счастливы.

Мне передавали, что буквально то же самое, слово в слово, говорил и сам государь по поводу ответственного министерства»¹.

Ответственное министерство. Парламентская монархия. Спаса бы она династию, саму страну, явившись в 1914-м, или хотя бы в 1916-м? Не дожидаясь благословенных двадцати свечек на праздничном торте царевича Алексея? 1924-го? Вопрос в пустоту. В ту самую пустоту, на которую работало, которую воспроизводило русское самодержавие в начале прошлого века. Грозного и неумолимого. Бессилие и обреченность, так пугавшие французского генерала, мечтавшего не только о верном, но и крепком... сильном союзнике Франции на востоке. Вечном.

«Однажды [государь] пожаловался, что должен подписывать какое-то неисчислимое количество документов, когда же я, осведомившись, узнал каких именно и с чем связанных, то не мог не выразить мнения, что он тратит время на такие вещи, о которых и знать не должен был бы. В ответ мне было сказано:

– Этого требует закон.

Когда же я спросил, а не для того ли и самодержавие, чтобы плохой закон исправить, ответом мне было лишь недоуменное пожатие плеч»².

XIX

Самовластие, игнорирование требований времени и страны, народа, ничего не приносило, когда в центре русской вселенной был очень уравновешенный, по-своему рассудительный, незлой и очень симпатичный в личном общении человек. Николай II. Чего же ожидать от времени, когда Верховным правителем себя объявляет вечно взвинченный, невероятно конфликтный и безмерно, болезненно самоуверенный мечтатель. Всеми без исключения обманиваемый идеалист Александр Васильевич Колчак.

«Жестокость людей, наделенных полицейским полномочиями, была обыденностью, равно как и всяческие мероприятия, все ту же жестокость провоцирующие. Мое внимание как-то обрести, среди множества прочих, на дело человека по фамилии Труп, чиновника при Керенском, который бежал от большевиков из Петрограда на Урал. Его судьбу должно было решить заседание тайной комиссии из десяти членов, семь из которых представляли полицейские службы. Если бы не мое вмешательство, и он, и его жена были бы “отправлены в расход”. Спустя какое-то время этот господин смог добраться до Омска и, предоставив все бумаги, относящиеся к своему делу, обратился ко мне с просьбой помочь ему бежать. При этом он признался: “такого рода вещи были бы просто невозможны при Николае II”. Я в свою очередь, заметив предварительно, что меня, как человека с репутацией друга царя, не могут не радовать подобные заявления, спросил у этого Трупа “так стоили ли в таком случае менять правительство?”»³

То, царское, по меньшей мере законное, что не расстреливало людей без суда и следствия, не жгло деревни вместе с обитателями, не отнимало и скот, и хлеб, на это... это колчаковское, самозванное, насилием порожденное и насилием порождавшее, и потому оказавшееся с первого дня своего существования в кольце одних сплошных народных бунтов и восстаний? Вопрос очередной раз в пустоту. В пустоту, которую отказались поддерживать чехословаки и на которую сам генерал в конце концов махнул рукой. Исходя из самой простой уже прагматики и очевидной целесообразности. Патриотизма и чувства долга.

¹ Janin, M. Moje účast na československém boji... s. 20.

² Там же. S. 20.

³ Janin, M. Ma mission en Sibérie... p. 128.

XX

Нет никаких больше надежды на Россию как союзника в борьбе с германскими интригами и алчностью. Обнажился восточный фланг. Но, может быть, его получится сбалансировать, компенсировать южным? Центрально-Европейским. Чехословацким, например? Вот ведь их сколько, только в Сибири, чехов и словаков. Уже не сорок, как пару лет тому назад, а, после проведенной Гайдой мобилизации всех поголовно военнопленных, восемьдесят. Восемьдесят тысяч. Пусть больше и не поголовно добровольцев... Но всех до одного вооруженных и обстрелянных... бывалых, опытных, прошедших, как в русской поговорке, «огонь и воду» людей. Таких же при этом всем, как сам генерал, простых, прямых, военных... без всякой задней мысли и желания кому-то чем-то угодить. Настоящих солдат. В прямом и переносном смысле слова. Все правильно и верно понимающих.

«Во время визитов чехословацких генералов Штефаника, Сирови и Гайды, а также Колчака и его генералов, обычно мы, командиры охраны, стояли в карауле у дверей [в кабинет Жанена], с одной стороны, чтобы обеспечить максимальную безопасность, а с другой, чтобы получать обо всем сведения из первых рук. Сам генерал настолько нам доверял, что часто случалось, проводив кого-то из упомянутых гостей, узнавал мнение братьев, стоявших в карауле, относительно обсуждавшихся вопросов или решений, принятых в его кабинете, особенно тех, что напрямую касались чехословацкой армии»¹.

Таким словами, спустя годы, Фердинанд Филачек, ефрейтор из омского взвода личной охраны, конвоя, подтвердит степень родства и близости чешских солдат и французского генерала. Общность душ.

И если бы все... все были такими, людьми с простыми мыслями и ясным языком, а не политиками, ловчилами, употребляющими вместо односложных и понятных слов, четких и ясных, жеманные конструкции навроде «сексуальный акт»², разве случилось бы то, что ожидало генерала впереди... «sic!», оставит он пометку в чужом письме и... забудет. Продолжит думать, что чехи и словаки, люди с улицы Бонапарта в Париже, наследники тех депутатов, что в эльзасском детстве прислали ему привет с берегов Влтавы, совсем другие, чем заседающие во французском Национальном собрании на набережной Орсе или в министерстве Иностранных дел с видом на ту же Сену.

Масарик в Нью-Йорке, Бенеш в Париже и Штефанек, который всегда в движении между одним, другим и третьим континентами, хотят, чтобы он вернул чешских солдат домой и сделал их ядром могучей армии, которая непременно станет надежным союзником Франции в борьбе с германцами, ну, что же, он, Пьер Тьебо Шарль Морис Жанен, не подведет.

Великая война закончилась. В России очередной переворот. Мир перекрашивается и перелицовывается. Ежеминутно. Но остается неизменным коренастый, среднего роста человек, в высоком светлом кепи и кокетливых ботиночка на каблучках. Он прагматичен, собран, рассудителен, и у него всегда есть дело. Цель и задача. Какой бы ветер в данный момент ни дул. Как бы ни силился. Попутный или встречный.

И с этой верой генерал будет работать в омском кабинете в красивом доме на углу Думской и Кокуйской, не устывая... не переставая удивляться своему счастью:

«Сегодня день святого Йозефа³, большой праздник у чехов. И в те минуты, как я пишу эти строки, прямо под моим кабинетом организован по этому поводу музыкальный праздник. Где они нашли все эти инструменты? Но еще больше меня поражает другое обстоятельство, сколько же в их рядах оказалось скрипачей»⁴.

¹ Filáček, F. Zápisky legionáře Ferdinanda Filáčka : Gen. Janin.s.7. <https://adoc.pub/zapisky-legionaeferdinanda-filaka.html>.

² Janin, M. Moje účast na československém boji... s.235.

³ Праздник Св. Йозефа, мужа девы Мария, воспитателя Христа, приходится в Чехии на 19 марта.

⁴ Janin, M. Moje účast na československém boji... s.237.

XXI

Колчак был грозен и нетерпелив.

Не хотят за меня жизнь отдавать, кровь проливать за мою диктатуру, бессмысленной считают, ну, пусть уходят. Таков лейтмотив всех разговоров с адмиралом. Неизменно повторяющийся. С первого дня.

«В конце концов, лучшее, что могли бы сделать чехи, если считают свою задачу выполненной, если не хотят больше воевать, так это все и сразу уйти отсюда...

...Дарю им все, что у них имеется. Могут забрать, только пусть уходят, как можно быстрее»¹.

Ну, что же, получается, по взаимному согласию. Очень хорошо, только вот это «все» и главное «сразу», очень непросто осуществить, когда речь о восьмидесяти тысячах, которых надо переместить из самого дальнего, уткнувшегося в Тихий океан уголка Азии, в самый сухопутный центр другого континента. Европы. Нужны сотни поездов, нужны десятки кораблей. И если первые в наличии, то вторые нужно ждать. Ждать месяцами. А что может быть страшнее армии, обреченной на безделье. Восьмидесяти тысяч отвоевавшихся людей? Решение, которое нашел генерал (вопреки героям, желавшим самостоятельно пробиться через Вологду к Архангельску, и демагогам, если не трусам, желавшим бросить в самом деле все, как предлагал, чем соблазнял Колчак, собраться в стадо и где-нибудь в чайных Харбина и борделях Хайлара ждать пароходов), выход оказался простым и исключительно целесообразным. Тактически и стратегически. Оставив фронт, которым так хотел единолично владеть и управлять адмирал, сосредоточиться вдоль линии Транссиба и взять его под охрану. Сберечь дорогу, магистраль жизни, среди огня стремительно разгоравшейся в колчаковском тылу партизанской войны. Продолжить службу. Иными словами, армии остаться армией.

Насколько это решение французского генерала продлило агонию русского адмирала и его власти, можно спорить. Весну и лето 1919-го Колчак простоял. А вот осенью, когда стали наконец приходить долгожданные пароходы и ненавистные Верховному правителю чехословаки в самом деле принялись уходить, адмирал буквально тут же оказался со всех сторон окружен восставшим народом. Не чехами или словаками, а такими же как, он сам, русскими людьми. И вынужден был сдаться. Его не пощадили. Ничего не спасло. Ни благородство души, ни чистота помыслов, ни любовь к родине. Крови не прощают.

XXII

Но наш рассказ не об этой драме. Не о судьбе человека, прямого, честного, военного, который все делал неправильно. Без всякой прагматики и целесообразности. А о другой судьбе. О жизни, в которой целесообразность, прагматика были основой. Нормой поведения и средством достижения цели. Поставленной и, что еще важнее, достигнутой. Чехословацкая армия вернулась из Сибири домой. Вся целиком. Заняла южный рубеж обороны, защиты от германских посягательств и тевтонского влияния.

Но генерал Жанен при этом не оказался ни ее Главнокомандующим, ни начальником Генерального штаба. Мечта не реализовалась. Надеждам не дано было сбыться. В Прагу генерала не позвали. Ему даже спасибо не сказали. Те самые люди, прекрасные и душевные, с улицы Бонапарта в Париже. Может быть, потому что единственный из них прямой и военный человек просто погиб? Разбился 4 мая 1919-го. Мечтавший, как и генерал Жанен, о стране, всегда побеждающей Германию. Союзнике и друге Франции – Чехословакии. Но погибший... погибший на подлете к ней. Пытаясь приземлиться на родную землю.

Приземление... Еще один хороший образ. И верный. Из тех, что делают картину мира объемнее. Спуск с небес на землю. Он неизменно ждет всех тех, кто хочет говорить правду, и только

¹ Там же. S.196.

правду... простыми солдатскими словами. И думает, не сомневается при этом, что белое – цвет совести...

Друг, тезка и генерал Морис Пеле, Морис Сезар Жозеф, занявший еще в феврале 1919-го, как будто бы на время, пока, пост начальника французской военной миссии в Чехословакии, сообщал в Сибирь генералу Пьеру Тьебо Шарлю Морису:

«Я буду в Праге вашим посланником, ровно столько времени, сколько Вы будете отсутствовать, я это совершенно ясно дал понять как правительству Чехословакии, так и [во Франции] генералу [и военному министру] Мордаку (мне, к сожалению, не удалось встретиться с самим господином Клемансо), и таким образом все должны а priori исходить из того, что я сдам все полномочия в тот же день, когда Вы только прибудете в Прагу, чтобы принять командование всей чехословацкой армией»¹.

Увы, благими намерениями и дружеским расположением известно куда дорога вымощена... Летом 1919-го начнется война между молодой Чехословакией и только что родившейся Советской Венгрией. Потребуется опытный военачальник, президент Масарик обратится к генералу Пеле, тот волей-неволей согласится, и вот уже он, друг и товарищ... Командующий Вооруженных сил Чехословакии. Мечталось, что будет а priori, а вышло de facto...

Генерал за всеми интригами на свете видел немецкий заговор. Можно вообразить всю степень его изумления, когда бы кто-нибудь, ехидный и злорадный, рассказал как-нибудь генералу о иной, романской подноготной, так в детстве его, эльзасского мальчишку, поразившей и очаровавшей свободой взглядов и независимости суждений Чешского Сейма. Современный историк без лишних эмоций резюмирует:

«В значительной мере самим своим появлением [чешский] протест обязан активной деятельностью в Праге французского дипломата Лефевра. Об этом можно судить по письму, адресованному Лефевром Риегру [чешский политик, депутат Сейма] из Версаля 24 октября 1871, в котором дипломат пишет о той благодарности за сделанное, которую ощущал Гамбетта [политик и будущий премьер-министр Франции] лично к нему, и о неудачных попытках [Гамбетты] добиться официального выражения благодарности от французского правительства, и чешским депутатам»².

В общем, удачно вышло. Само собой. Французские министры и депутаты получили во главе союзной армии командующего, который никому и никогда не перечит. А люди, переехавшие с улицы Бонапарта в Париже на пражский Град, погашенный зародыше конфликт с политической элитой могущественного государства из стана победителей в войне. Хранителя и покровителя. Переменяли местами кепи, как в шуточной забаве кадетов из Сен-Сира, и сколько сразу пользы, как странам, так их народам. Полезная штука. Зря царь Николай II чурался.

Урок другой прагматики и целесообразности. Той самой, что без капли благородства и галантности, зато блещит от ежедневного употребления. Только не греет? Не беда. Зато на своем месте. Всегда. Как современная доска на здании посольства Чехословакии в Париже. Что расположено... находится все там же, что сто лет тому назад. Рю Бонапарта, 18. Все получилось у политиков. Соединилось. Устаканилось.

XXIII

Ну, что же. Рука руку умыла. Та, что казалась генералу всегда к нему дружески протянутой, и та, что вечно перед ним как будто убиралась за спину. Пряталась. И в результате его собственная, простая и военная, повисла в пустоте. И скрипки ни за стеной, ни под ногами не играли. Что-то шуршало под ковром. Немного. Вот и все.

¹ Там же. С. 245.

² Pleskač, J. *Obraz prusko – francouzské války v české společnosti*. Bakalářská práce. Vysoká škola CEVRO Institut. Praha. 2015. С. 38.

Холод. Это то, что ощущает рука, не нашедшая опору. Потерявшая ее. Зато обретшая свободу. Сохранилась удивительная, необыкновенно трогательная, буквально завораживающая фотография цесаревича Алексея. Говорят, самая последняя. Сделанная в Тобольске¹.

Это не привычный всем маленький мальчик с открытки, в сапожках, в мундирчике по мерке, с медальной лентой на груди. Подросток, что кажется гораздо старше своих тринадцати. Шестнадцать, может быть, ему на вид. Семнадцать даже. Юноша. В домашней белой рубаше, просторной, застегнутой на костяные пуговицы до самой шеи. Он вскинул руки. И растопырил пальцы. Как будто желая показать. Вот они десять. Все мои. Мои.

За спиной угол окна, и свет струится между пальцами, невольно вызывая, словно холодный сквознячок, ветер эпохи, у всякого смотрящего на фото озноб, ком в горле и легкую резь в глазах.

Кто эти все? Свои? Оставшиеся? Папа, мама, сестры. Спаниель Джой. Но это семья. Только семья. А кто же прочие? Доктор Боткин? Повар Харитонов? Горничная Демидова? Можно гадать, предполагать сколько угодно...

Французский генерал Жанен, Пьер Тьебо Шарль Морис, сумеет доказать... без посторонних... сам... одним простым поступком и решением подтвердить, что он... вот он... своим остался. Был, есть и будет. Товарищем и другом.

При всех ветрах. Как встречных, так и попутных.

XXIV

Март 1920-го. Последние эшелоны чехословаков, арьергард, проходят Читу и направляются в сторону китайской границы. Дальше КВЖД, Владивосток и путь домой. Кого-то ждет Индийский океан и Суэцкий канал, других Тихий, поезд через все западные, средние и восточные штаты, а затем Атлантика. Но всех – радостная встреча в Праге. Вацлавская площадь. Парад. И многократно повторяемое «děkuji» – «спасибо».

У генерала иной путь. Пекин, Шанхай, Марсель. Несколько обязательных и неприятных встреч в Париже, а после назначение в заштатный Бурж. Командующим 8-м армейским корпусом. Четыре года досидеть до срока выхода на пенсию по возрасту. И все. Это, конечно, мало похоже на парад. И на «спасибо», какой из множества известных генералу языков не возьми. Зато он сам говорил и говорит то, что думает. Всегда. На всех ему известных языках. Говно называет говном. А шлюху – шлюхой. И в русский храм на улице Дарю приходит на панихиду по другу, русскому царю Николаю II, даже тогда, когда газеты пишут, что это был изменник, «ибо подготовлял для спасения личных и династических интересов сепаратное соглашение с врагом, т.е. их союзническую катастрофу»². Болтают. Формируют общественное мнение. У тех кто хочет отчаянно и страстно соответствовать моменту. Гибких душой и телом. Способных вечно изменяться, приспосабливаться... Удачи им. У монархистов и патриотов, негнущихся и не меняющихся, как бравый сабельный клинок, ну, или упрямый, ржавый, давно и страшно надоевший гвоздь, свой путь. Другой.

Все было готово к отъезду генерала, когда в Харбине к нему явились с просьбой два человека. Знакомый, генерал Михаил Дитерихс, и незнакомый, следователь Николай Соколов. Ему, следователю, полтора года по крупнякам собиравшему улики и свидетельства, вещественные доказательства и останки... микроскопические буквально... части тел членов царской семьи, царя, царицы, цесаревича и его сестер – великих княжон, Николаю Алексеевичу Соколову, теперь бо-
явшемуся... смертельно опасавшемуся всех заинтересованных и вовлеченных – большевиков, семеновцев, китайцев, немцев, евреев, англичан, и дадим слово:

«17 февраля 1920 года, когда погиб Адмирал Колчак, я был в Харбине. Положение было тяжелое, не было денежных средств. Я обратился в феврале с письмом к послу Великобритании в

¹ <https://www.librapress.ru/2017/01/Dnevnik-Cesarevicha-Alekseja-Nikolaevicha-za-1917-god.html>

² Соколов, Н.А. Убийство царской семьи. М.: Сирин/Советский писатель, 1990. С. 336.

Пекине г. Лямсону и просил его дать мне возможность вывезти в Европу акты следствия и вещественные доказательства. Я указывал, что в числе вещественных доказательств имеются останки царской семьи. 23 февраля ко мне прибыл секретарь посла г. Кейф и сообщил мне, что посол запросил свое правительство в Лондоне. Лямсон, видимо, не сомневался в утвердительном ответе. Мой вагон был взят в состав поезда Кейфа и охранялся. 19 марта английский консул в Харбине г. Сляй передал мне ответ английского правительства. Он был лаконичен: «Не можем». Вместе с генералом Дитерихсом мы обратились к французскому генералу Жанену. Он ответил нам, что он не станет никого запрашивать, так как помощь в таком деле считает долгом чести. Благодаря генералу Жанену удалось спасти акты следствия и вещественные доказательства»¹.

Генерал принял три объемных кофра, в Пекине смог добиться того, чтобы на каждом была поставлена охранная дипломатическая печать, а в Шанхае еще и большего, чтобы объемный груз чести под личную охрану взял капитан корабля.

Когда-то генерал настойчиво советовал, буквально умолял царя бежать, спастись и спасти... спасти все то, что только будет возможно. Думал ли он, Пьер Тьебо Шарль Морис Жанен, тогда в Могилеве, зимой 1917-го, что спасти судьба предложит ему... лично. И это все «что только возможно» будет столь малым и ничтожным...

В Марселе груз верности и чести никто не встретил.

Наверное, потому что прибывший корабль не звался «Русь», это был старый почтовый пароход «Арман Меик», и никто из прибывших не мог сойти с него на берег, чтобы начать неспешно, с тихой задумчивостью собирать цветы. Лаванду – прекрасную красу Прованса.

«В порту Марселя капитан был весьма удивлен, увидев, что ничего не подготовлено к встрече (он надеялся, что хотя бы будет поднят [русский] флаг), и все не мог забыть встречу [царя] в Шербуре в 1896, которой был свидетелем:

– Времена изменились, – я только и мог ему ответить».

XXV

Марсель Пруст, восторженный поклонник знати и аристократии, великий знаток жизни закрытых клубов, царствующих дворов и, вообще, света, такой же, в общем, монархист и патриот, как и его соотечественник, французский генерал Жанен, всю жизнь искал утраченное время. Нашел.

И среди сотен фигур и лиц, заполнивших и обживших это самое счастливо обретенное великим писателем далекое и близкое прошлое, оказался и некий восточный государь Федосий II, однажды посетивший Францию с супругой Евдокией. Значительное событие. И долгий... очень долгий след. Подсчитано². Государь упоминается в семи томах романа восемнадцать раз. Чаще всего во втором – «Под сенью девушек в цвету». Восемь. Мало кто сомневается, что прототипом этого восточного правителя, приехавшего во Францию, искать «сходства» («affinités») со своей собственной страной (или, как чудесно перевел некогда это «affinités» Николай Любимов, «сродства душ»³), послужил русской царь. Николай II.

Какую степень сходства обнаружил русский государь в итоге, какими цифрами и чем измеренной, мы точно не знаем, никто пока не подсчитал, но вот одну «сродственную душу» – уже это точно. И ее носитель тоже упоминается в романе. У него нет красивого и многозначительного имени, выдуманного мастером созвучий Прустом. Но есть и должность, и род занятий. И потому мы его легко опознаем в одном коротком эпизоде. В рассказе дипломата Норпуа о встрече в театре с Феодосием.

¹ Там же. С. 335.

² <https://proust-personnages.fr/les-personnages-de-la-recherche/personnages/theodose/>

³ <https://www.litres.ru/book/marsel-prust/pod-senu-devushek-v-cvetu-23003404/chitat-onlayn/?page=3>

«В действительности, король обладает редкой памятью на лица, а равно добротой государя, который увидев меня в партере, тотчас же вспомнил, что некогда удостоил меня чести с ним видеться в продолжение нескольких дней в пору своего пребывания при баварском дворе, когда он еще не думал о своем восточном троне... Его личный адъютант явился ко мне объявить, что от меня с радостью примут приветствие Его Величеству, и это было приказание, которому я самым естественным образом поспешил подчиниться»¹.

Да. Личный адъютант Николая II. В ту пору капитан. Капитан генерального штаба Жанен. Пьер Тьебо Шарль Морис.

XXVI

Почему верных и преданных собак, стерегущий место, приходящих на могилы своих хозяев, живущих памятью и верой, зовут кабысдохами?

Может быть, потому что память самое больное место у человека?

¹ <https://beq.ebooksgratuits.com/auteurs/Proust/xProust-03.pdf>

Николай АРЖАНОВ

ЗАПИСКА НИКОЛАЯ ГУЩИНА – МИХАИЛУ АРЖАНОВУ

«Миша, очень прошу не окажете ли содействие ушедшей из художеств. училища, Зоре Абрамовой, указанием – где бы она могла устроиться на оформительскую работу. Познакомьте её пожалуйста с Лопатыным, жена которого также работает в этой области. Может быть они знают – где есть спрос и где можно. Гушин»

Эта записка нашлась среди рисунков Михаила Николаевича Аржанова в процессе подготовки выставки к его столетию. Даты на записке нет.

Возможно, этот небольшой документ не покажется искусствоведам особенно ценным, но для нас это – возможность услышать живые голоса художников из 60-х годов.

Автор записки Николай Михайлович Гушин (1888–1965) – художник, перевернувший художественную жизнь Саратова в конце сороковых – начале пятидесятых и во многом определивший развитие искусства в этом городе на всю вторую половину века.

Оказался Николай Михайлович Гушин в Саратове в 1947 году: вернулся в СССР, но жить в Москве и Ленинграде запретили, предложили на выбор – Саратов или Пермь, выбрал Саратов: Радищевский музей, крупнейший в провинции, Волга, относительная близость к Москве, да и климат лучше Перми, где он провел детство). И сразу же столкнулся с советской действительностью – вместо стометровой мастерской комнатка в восемь квадратных метров, да и та не сразу: первое время жил в «Доме колхозника», потом в школе №8 под лестницей (преподавал черчение). Зато комнатка оказалась в одном доме со знакомым ещё с юности В.Юстицким, только что вернувшимся из заключения, сидел по статье 58-10 – «за контрреволюционную агитацию».

До того времени: в 1910–1917 годах Гушин учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у К.А. Коровина, С.В. Малютина и Н.А. Касаткина, участвовал в выставках МУЖВЗ и 44-й выставке передвижников. Дружил с футуристами, однако в живописи сформировал свою собственную стилистику, сочетающую изысканность модерна и символизма с энергией экспрессионизма и яркостью фовизма. В 1914 году Николай Гушин, закончив основной курс училища, отправился в Соединенные Штаты Америки на семь месяцев и начал подготовку к созданию самостоятельной работы для получения звания художника. С началом Первой мировой войны вернулся в Россию через Японию. Участвовал в военных действиях на Юго-западном фронте, сопровождал эшелоны через Сибирь в Китай. В 1917-м снова в Москве, ненадолго: получив звание классного художника I степени и, женившись, вернулся в Пермь. В 17–18 годах преподавал рисунок и живопись в Доме народных искусств, участвовал в организации художественного училища и «Союза свободных художников», по его проекту был сооружен памятник Борцам революции, взорванный колчаковцами в 19-м году. В 1919-м через Сибирь уехал в Китай, в 1922-м переехал в Париж. Поначалу бедствовал, но довольно быстро добился успеха. С 1934 года жил в Монако. Много выставлял: участвовал в групповых выставках в Париже, в Лондонской королевской академии, в Монте-Карло, в Германии. Не потеряв советского гражданства, участвовал в Международной выставке декоративных искусств в Париже 1925 года (советский павильон), где был отмечен Золотой медалью. Провел персональные выставки в Париже (галерея Кармин, 1927) и Ницце (1926, 1943 годы). Работы приобретали городские музеи Парижа, Гренобля, Монте-Карло,

Ниццы. В Европе был славен как блестящий портретист, в прессе подчёркивалась самобытность художника, его заметили искушенные французские искусстведы. «Вот совершенно своеобразный и очень умный художник», – писал Жорж Авриль. Луи Каппатти посвятил Гушину несколько журнальных статей, монографический очерк¹. В тридцатые пытался вернуться на родину – получил отказ. Может быть, и к лучшему, здесь в конце тридцатых был бы, скорее всего, первым кандидатом в «иностранные шпионы».

В Саратове Гушину оченьгодились навыки реставрации, полученные в молодости – нашлась работа реставратором в СГХМ им. Радищева. Устроился преподавать живопись и технологию художественных материалов в художественное училище, но немедленно получает ярлык «формалиста»² – последовал донос от преподавателей, суть которого заключалась в том, что приезжий из Франции не может учить советскую молодежь. В 1948 году вынужден оставить преподавание. Со временем вокруг Гушина сформировалась группа молодых художников, сейчас её называют «кругом художника Гушина»: М. Аржанов, В. Чудин, В. Солянов, В. Лопатин, Л. Перерезова. Обаяние большой личности притягивало филологов, физиков, музыкантов – круг общения был очень широк. Доносы, правда, не прекращались: «Саратовский союз художников пишет в Обком КПСС: директор Радищевского музея Завьялова Валентина Фёдоровна идеологического диверсанта Гушина держит на работе под видом реставратора, а тот разлагает молодежь в художественном воспитании, вокруг себя группирует формалистов. Безнадёжно испорчен Михаил Аржанов – тут уж ничего не поделать, а вот за молодого художника Виктора Чудина ещё можно побороться»³.

Адресат записки – Михаил Николаевич Аржанов (1924–1981). В то время, когда писалась записка (60-е годы), работает реставратором в Радищевском музее. В 1941–1947 годах учился в Саратовском художественном училище (педагоги И.Н. Щеглов, Е.К. Щаблювский, Б.В. Миловидов, В.В. Кисимов). В 1948–1954 гг. – учился в Московском полиграфическом институте. В 1950 году познакомился с Н.М. Гушиным. Прижизненных персональных выставок не было. Первая – посмертно, в январе 1984 года (Радищевский музей).

Первую выставку готовила Ирина Николаевна Пятницкая, экспозицию создал Владимир Алексеевич Солянов, он же вместе с Вячеславом Владимировичем Лопатиным оформил большую часть работ. Добиться возможности показать работы опального художника-«формалиста» было непросто, выставку, как тогда говорили, «пробивали». Потом «пробили» выставки Гушина, Чудина, Лопатина... Власти выставки сокращали, требовали снять часть работ, но всё-таки музей показывал такое, живое и настоящее, искусство. А дальше уже «пробивать» не пришлось, после 1991 года – выставок было много, и большая групповая «Формула цвета», и персональные, но первая, 1984-го года, открыла этот ряд, стала знаком грядущих перемен и запомнилась надолго. И эти выставки, и Аржанова, и Гушина, Чудина, Лопатина, Солянова, Перерезовой были, наверное, самыми яркими событиями художественной жизни города на рубеже веков.

¹ См.: Л.В.Пашкова Николай Изумительный Гушин // Золотая палитра. 2009. №1. Также см.: http://www.art59.ru/index.php?option=com_datagallery&Itemid=0&func=viewcategory&catid=345

² Поводом послужило участие в 1948 году в областной выставке работой «Франция в огне» (экспонировалась под названием «Голова девушки») – чем авторское название напугало выставком, теперь уже и не понять). Работа производит фурор, такого в городе не видели: «На черно-красном светящемся фоне была изображена запрокинутая в резком движении голова прекрасной девушки. Все поражаало в этом произведении – романтическое настроение, необычная живопись, мастерский рисунок и манера исполнения. Фактура полотна – то гладкая, то шероховатая, комочками красок, оставляла впечатление светящихся на темной поверхности рубинов...» (Людмила Васильевна Пашкова, там же).

³ Вячеслав Лопатин. Узреть // Волга. 2021. № 11-12; <https://magazines.gorky.media/volga/2021/11/uzret.html>

Упомянутый в записке Вячеслав Лопатин¹ неоднократно появлялся на страницах «Волги» в качестве автора². На протяжении многих лет (2008–2021), до самой смерти писал о неофициальном искусстве и художественной жизни Саратова (и не только Саратова) с середины прошлого века и до начала нынешнего.

Людмила Перерезова³ – его супруга.

Вот два фрагмента о них из воспоминаний Лопатина:

...Лопатин Вячеслав – хотел и меня Просянкин отчислить из училища. За весеннюю практику 1958 года её руководитель Успенский на предварительном просмотре ставит мне «пятёрку». Через два дня Просянкин за те же этюды «двойку»: «формалист». (...) Перенес директор мне практику на лето, осенью – опять «двойка»: «Лопатин – натуралист – формалист, хотя такого быть не может» – Просянкин сказал и засмеялся. За неуспеваемость оставлен и Лопатин второгодником на третьем курсе.

Перерезова Людмила – директор ей не утвердил практику 1958 года за подражание Борисову-Мусатову. Осенью всё же практику засчитал – новые этюды писала не на берегу Волги, как на весенней практике, а в Лесном поселке города Энгельса. В этюдах стало меньше синего, зеленого больше: Людмила переведена на следующий курс: – И чтобы никакого Мусатова...

О Зоре Абрамовой сведений мало: художница, входила в круг Гущина, возможно, была одним из его «голубых видений»⁴, тоже упоминается в трудах Лопатина:

«...В коммунальных соседях ровесница Наташи⁵ – Зора Абрамова, мать учительница. Зора с детства хорошо рисует, поступает в Саратовское художественное училище, – директор Просянкин её выгоняет с 3-го курса за знакомство с Гущиным. Хороший живописец. У меня остался её этюд головы маслом с поправками Гущина, – получилась из учебной работы творческая вещь. Не удалась жизнь у Зоры, хотя дом сломали, дали хорошую квартиру на Астраханской. «Перестройка». Сын Валерка – «безотцовщина», неустроенный, баламут запойный. Внучка по пьянке отцовской обгорела на даче, уже взрослая с изуродованным лицом – давно её не видно.

Зора под поезд бросилась».

Воспоминания Лопатина не оставляют сомнений: жизнь любого художника, оказавшегося рядом с опальным Гущиным, могла быть сломана.

Попытка датировать записку («Познакомьте её пожалуйста с Лопатиным, жена которого также работает в этой области»): Вячеслав Лопатин окончил училище в 1961 году, еще студентом за год до окончания начал работать художником-оформителем: завод «почтовый ящик № 68». Людмила Перерезова окончила училище годом раньше, тоже работала художником-оформителем. То есть можно условно предположить, что время написания записки – в максимальном интервале с 1960 по 1964 год, но, возможно, появятся новые документы, которые позволят сказать точнее.

¹ Вячеслав Владимирович Лопатин родился в 1936 году в Орловской области. В 1955–1956 гг. учился в Елецком художественном училище, в 1957–1961 гг. – в СХУ. В 1964–1968 гг. работал методистом по изобразительному искусству в Саратовском областном доме народного творчества, с 1968 г. – реставратор темперной живописи в СГХМ им. А.Н. Радищева. Участник групповых, городских и областных выставок с 1972 г. Первая персональная выставка состоялась в 1987 году.

² <https://magazines.gorky.media/authors/l/vyacheslav-lopatin>

³ Людмила Евгеньевна Перерезова (1935–2009), живописец, график. Родилась в Вольске. В 1955–1960 гг. училась в СХУ у Е. И. Макаровой, Б. В. Миловидова, В. Г. Успенского. С 1961 г. участница групповых и городских выставок. Персональные выставки состоялись в 1990, 2001, 2005, 2006, 2011 гг. в Саратове.

⁴ О «голубых видениях» из воспоминаний Лопатина: «У Гущина “дача” напротив Саратова – на Сазанке сарай. Но прима-балерина Дубровина так успешно занимается хозяйством, что восклицает Гущин: – Ну, настоящая Марфутка! Появляется на двери сарая надпись “Вилла Марфутка”, по западному обычаю давать загородным участкам имена служанок. “Вилла Марфутка. Приют моих голубых видений” – надпись на сарае. Молодые девушки льнут к Гущину, – они и есть его голубые видения».

⁵ Наталья Иннокентьевна Свищева (1938–2002) – искусствовед, театральный критик.

Валерий ГОРЮНОВ

СКЕЛЕТ ВОДЫ

Гала Узрютова. Выбор воды. – М: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2024. – 352 с.

Новый роман Галы Узрютовой «Выбор воды» – ритуал прощания. Главная героиня Кира обходит озеро Бохинь («божественное» – в пер. со словенского), чтобы, наконец, совершить ритуал, связанный с водой и прошлым: ни одна вода мира не приняла ее тайну, и Бохинь – последняя надежда Киры. За девушкой следует странный Эверетт, пишущий ей в мессенджере, потому что нашел камень с номером телефона, который Кира оставила на берегу озера, как оставляла во всех странах, где побывала.

Название романа вызывает вопрос: «Выбор делает Кира или Вода?» Героиня сомневается и не понимает, может ли какое-то место стать особенным для неё. Может, можно любить места больше, чем людей, и тем спастись? У Киры нет своего места, и потому она блуждает по странам в его поисках («Скорее хочу понять, где существую я»). И выбор, принять ли кости, делает не Кира, а Вода, посылая к ней разных людей и мешая завершить ритуал.

Вода в романе – реликтовый и бессмертный зверь («Бохинь – гигантский прозрачный глаз неведомого животного», «только начинала мыть посуду, как заглядывалась, на её [воды] невидимый скелет – и губка выпадала из рук»). Вода очерчивает собой границы и отличается от берега («Почему вода озера Эккен, со всех сторон обороняемого птичьим дерьмом, пахнет так свежо?»), просвечивается сквозь вещи и существ («вода в Бохине делает форель, уток, плавающих у берега, и камни на дне озера – стеклянными») и в отличие от городов едина во времени и пространстве («Любая река – это Волга. Отцы сидели вдоль реки и смотрели на воду. Их отцы, деды и прадеды так же сидели у той же реки, которая текла через те же города»).

Вода – воля («колесо»), в которой нет ничего человеческого. Вода наносит города на карты и делает их вечными. Наносит на карту людей.

Реки, озёра, моря, океаны в книге – образ непокорённой человеком реальности, знания о которой стёрлись, потому что люди посчитали себя превыше всего окружающего и увязли в личных проблемах и инстинктах. В романе Гала, не теряя акцента на внутреннем путешествии героини, говорит о силе, которая «целиком пришла оттуда, где человека никогда не было». Так, колесо обозрения («немое круглое животное») срывается в воду, заставляя героиню упасть в песок, а горы медленно идут к дому и вот-вот раздавят, но останавливаются, когда Кира выходит на балкон. Эта скрытая лавкрафтианская реальность не вызывает ужаса, а становится руной с потерянным значением, поиском которого неосознанно занимаются все герои романа. Линия единства поисков в «Выборе воды» чертится с помощью образа «считалки», которую шепчет и поёт маленькой Кире лес на своём языке. Когда природа застраивается многоэтажками, считалку больше не слышно. Но в книге старика на озере Бохинь героиня находит строчки из этой песенки. Одна из идей книги, на мой взгляд, – это различить влияния и слова нечеловеческой воли.

Малороты

Композиция романа напоминает солнце: Кира (имя в переводе с персидского означает «солнцеподобная») идёт по кругу. Читатель движется вместе с героиней вокруг озера в настоящем и одновременно путешествует по лучам её прошлого. Такая структура помогает не только узнать Киру, но и понять замысел воды.

Изначально роман назывался «Которые». Местоимение отлично отражает всех встреченных Кирой людей: забытых детьми стариков; проводника, который вышел на пенсию, но пытается жить и работать в поезде; фотографа из города, что не нанесли на карту; Драганов; активиста-одинокую с плакатом «Холодно»; бывшего солдата, живущего с ежом; одинокую венецианку, любительницу выпить кофе на ночь; жителей Вентспилса, сажающих тысячи подснежников ради рекорда Гиннеса, и многих других. Все эти люди не нанесены на карты – «малоротые», по словам Эверетта, – те, у которых есть только свой голос и сомнения.

Кира такая же «малоротая» и живёт в городе, не нанесённом на карту ежедневного прогноза погоды («Нет нашего города. И погоды тут, значит, никакой нет»). Но вода, не принимая кости, наделяет Киру «хорошей красотой», что «пропускает смотрящего сквозь себя и сама проходит сквозь него». И у героини появляется слух: в поисках своего места она узнаёт истории незнакомцев и порой меняет их жизни. Кажется, что в романе объединены, как в комму, голоса, которые блуждают по окрестностям социума, отчего находятся намного ближе к нечеловеческим силам.

Зверь и археолог

Световая сторона героини, проявляющая незнакомцев, – только часть её характера. Конфликт же происходит внутри Киры: она борется со своим хищническим (охотничьим) началом, стремясь перестать есть мясо. Чтобы сделать это, ей приходится превратиться в животное, стать археологом внутреннего мира и найти ключи от своей тайной комнаты, что заперта.

В одной из двух глав «Волга» (в романе есть несколько частей без указания времени, там действие происходит во внутреннем мире) Кира общается со зверем: он предлагает ей мясо, героиня сопротивляется. Множество повторений «Не ем» превращается в «нем» – в отсутствие своего голоса, в звериную немоту и животные инстинкты («Пью из колонки, как зверь»). Гала пишет: «Чтобы думать, как зверь, надо чувствовать себя зверем». На протяжении всего романа героиня борется с хищнической частью в себе и ищет место, где наступит водное перемирие.

Зверь просыпается, когда происходят стрессы. Тогда Кира инстинктивно защищает себя: выбрасывает чужой фотоаппарат в воду, куриную голень в бассейн, сжимает руку с пчелой, резко и колко отвечает неприятным незнакомцам. Зверь постоянно голоден и жаждет наесться мяса. Героине приходится успокаивать его атараксом. Она испытывает вину за всё съеденное, в теле эта вина воплощается тошнотой («Кто ты вообще такой, если самому от себя тошно?» – говорит Эверетт).

Но благодаря звериной части Киры окружающее воспринимается интенсивнее, например, через вкусы и запахи («в каждом городе пахнет по-разному»). Но рецепторы чаще всего схватывают запах мяса, как будто хищник чует и инстинктивно выслеживает свою добычу. Животное начало в романе кажется простым и ясным, что вызывает чувство тоски у одного из героев: «Завидую собакам, – сказал Ральф. – У них всё правильно. Зря мы отбросили животные инстинкты. Это могло бы нас спасти. Посмотри на пса. Он всегда знает, что делать». Люди отделили себя от колеса среды обитания, забыв о том, что нечеловеческая воля не перестала на них действовать: «Человек утоляет жажду охоты, которая лишь притворилась исчезнувшей, когда люди покинули леса. Все эти тысячелетия она только крепла...».

Животная часть мировосприятия героини совпадает с археологической. В романе присутствует своё определение археологии – это «наука о запахах и свете, пропитавших вещи». Отличие внутреннего археолога Киры от животного в том, что он указывает на существование жизни в прошлом через останки и на то, что эта жизнь не прекратилась, даже если от неё почти ничего не сохранилось. И потому мешок с костями на спине напоминает героине «раскрошившиеся археологические находки» (что обязательно возродятся), «рухнувшая пристань торчит из Волги скелетом динозавра», а «вокзал Санта-Лучия – выцветший скелет гигантского животного с высунутым ступенчатым языком». Внутренний археолог изменяет восприятие «вины» героини с холодной на тёплую и позволяет увидеть, что «мяса хотят мои предки» (Кира – из рода рыбаков),

и отправляет её в «тот день», когда случился разрыв с отцом («– Я же говорила – не могу ловить рыбу. Не могу, понимаешь? Это ты – можешь, я – не могу! – Думал, ты – дочь рыбака. И дед у нас был рыбака. И прадед...»)

Равнина и Бохинь

Отражение всего путешествия героини – глава «Равнина», где время и пространство подчинены нечеловеческой воле. День может идти неделями, а ночь – три ночи. Равнина бесконечна, но всегда можно вернуться обратно, забравшись на холм. Но ни в коем случае нельзя оборачиваться (совет деда). Героиня несёт Равнину в себе: обойти Бохинь у неё получается за три дня, а не за три часа («личные километры»), за Кирой идёт её стадо, но, если обернуться, никого нет. Эверетт также следует за Кирой, присылая, как человек-место, только свою геолокацию, а Кира, исполняя наставление деда, не поворачивает назад.

Описание внутреннего дома героини совпадает с Равниной: «Нигде не могу почувствовать себя дома. Живу не внутри дома, а снаружи. Это и есть дом, только у него нет стен; если идти по нему в одну сторону, он никогда не кончится. Остальное происходит внутри, куда можно открыть дверь. Дергаешь за ручку: там и река течёт, и деревья растут. Хотя внутри лишь несколько квадратных метров. Изнанка».

Вся горная Словения – внутренняя равнина и дом Киры: «Немота здесь – единственный способ жить, оттого шаг становится неслышным». На Равнине: «Если хочется перекинуться с кем-то парой слов, набираю в рот ветра – и наговорила». «Словения – комната в огромном доме, от которой давно потеряли ключи» – точно так же в родительском доме героини потеряны ключи от гаража, внутри которого – удочка отца и другие сокровища. Если найти ключ, можно наконец-то увидеть своё лицо.

Вода и вина

«Выбор воды» – ритуал прощания со своей виной перед предками за выбор собственного предназначения. Вода – «колесо» нечеловеческой воли – проводит Киру по сложному пути, где она должна почувствовать себя кочевым зверем, не имеющим своего места; нанести на карту жизни других людей, таких же потерянных литоральных животных, как она сама; понять, откуда взялась в ней жажда мяса, и услышать забытый человечеством настоящий язык, научившись говорить на котором, можно исцелиться.

Александр МОСКВИН

УБИЙСТВЕННАЯ СЛАДОСТЬ

Алексей Колмогоров. Сахар. – М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2024. – 448 с.

Режиссер и сценарист Алексей Колмогоров уже в своем дебютном романе «ОТМА. Спасение Романовых» зарекомендовал себя как мастер прокладывать непредсказуемые сюжетные повороты и напускать мистического тумана. В новой книге «Сахар» перипетии стали еще более тесно сплетенными и извилистыми, а потусторонняя мгла – гораздо непрогляднее. Очередной роман Колмогорова увлекает в опасный водоворот карибских страстей, где сближаются Гавана и Одесса, эпоха рабовладения и современность, обожествленные люди и боги, сошедшие на тропу человеческих пороков. И все это оваяно зловещим мороком магии крови и афро-кубинской религии сантии.

Несколько сюжетных линий поначалу кажутся совершенно оторванными друг от друга, но постепенно они сплетаются, насливаются и даже прорастают одна в другую. Колмогоров подает развитие каждой истории очень неравномерно и дозированно, отчего повествование болтается, будто яхта, угодившая в штормящий океан. Однако со временем в этой шквалистой диспропорциональности обнаруживаются некая грубоватая красота и упорядоченность. Чернокожая рабыня ненароком обольщает женатого владельца плантации, но недолгое счастье иссыхает под яростным солнцем и влечет за собой жуткие последствия. Кубинский военврач и одесский махинатор противостоят друг другу, пытаясь спасти неизлечимо больную женщину, покорившую сердце каждого из них. Элегуа, божество с ключом от всех дверей, хранитель дорог и открыватель возможностей, пресытившись сакральным пребыванием «везде и нигде, всегда и никогда», находит мучительные томления лермонтовского Демона более притягательными, чем остроумно-изо-

бличительные выходки в духе булгаковской свиты Воланда.

«Сахар» производит такое впечатление, будто «Американские боги» Нила Геймана сошлись в витиеватом шаманском танце с «Кожей» Евгении Некрасовой под незатейливую мелодию какого-нибудь типичного латиноамериканского сериала в духе «Рабыни Изауры». Древняя мифология жестоко и иронично соприкасается с современной повесткой, старинные проклятия проносятся через столетия свою разрушительную мощь, божественность и человечность меняются местами, а обрамляются эти завораживающие действия приторно-сладкими страстями любовных треугольников, стремительными погонями, роковыми потерями памяти, внезапными обретениями давно потерянных отцов и детей. И, конечно же, происходящее оваяно бурлящими, зашкаливающими, искрящимися чувствами, которые толкают персонажей на все новые безумства и страдания, ставят их на распутье между быть с тем, кто дорог, и просто быть.

Незримо повсюду присутствует и вынесенный в название книги сахар. Он предстает в облики ходового товара, всепожирающего беспощадного угнетателя, своеобразного сексуального фетиша и даже орудия возмездия – неумолимого и сокрушительного, но при этом наносящего отнюдь не точечные удары. Многочисленные человеческие трагедии, разворачивавшиеся на протяжении сотен лет, оборачиваются лишь наслоениями над «вечным сахаром». Колмогоров мыслит его вышедшим за рамки времени и пространства гиперобъектом, таящим в себе как вожделенную сладость, так и роковую убийственность. Влияние сахара сказывается и на самом тексте, наделяя персонажей сахарными улыбками и повергая их в сладкие томления, а множество важных эпизодов разворачивается под монотонный, пугающий и предательский шелест полей тростника, в котором чудится шелест страниц забытой на ветру книги судеб.

Роман Колмогорова перенасыщен действием. Лишь пребывание в коме может освободить персонажей от кипучей активности

– в остальное время они только и делают, что скрываются и сами идут по следу, совершают кражи и ищут похищенное, строят основательные планы и пренебрегают ими, решаясь на самые необдуманные поступки. А в перерывах между всей этой изнуряющей деятельностью они еще умудряются вести глубокомысленные диалоги, нанизывая на нить повествования множество рассуждений – от тяготно-банальных до взрывающе-провокационных. Пропитанная ромом гнетущих раздумий и подслащенная сахаром будоражащего порока мысль закручивается смерчем и возносится в небесные сферы. Приторно-пьянящие завихрения устремлены туда, где обожествляются люди и очеловечиваются боги.

Наводя мосты между приземленным и сакральным, герои Колмогорова обращаются и к христианству, и к сантерии, и к откровенной софистике, но отправной точкой для безудержного старта к небесной тверди становится любовь. По мысли божества Элегуа, человеку свойственно обожествлять предмет своей влюбленности, но, делая это, он возводит на пьедестал собственную похоть, а затем безуспешно пытается вернуть первоначальную чистоту. Заданная направленность чувств имеет трагический уклон, зато незавидная человеческая природа наделена свободой выбора, которой лишены боги, вечно пребывающие, «где все навсегда выбрано, в этом спрессованном Невремени и Непространстве». В результате удручающей заикленности между земным и небесным возникает угрожающая разочарованность мирозданием, уничтожающая саму идею смысла и не позволяющая раскаленному безумию соприкоснуться с ледяющим здравомыслием.

Казалось бы, обреченно-отвлеченные мышления предельно далеки от того, что происходит с персонажами в повседневной жизни, но Колмогоров органично вмешивает их в бурление земных страстей, не сбавляя заданного темпа и не снижая накала событий. Хоррор, черная комедия, магический реализм и романтическая история в романе «Сахар» стремительно несутся друг за другом, слово в какой-то безумной карусели, которая раскрутилась настолько сильно, что вот-вот сорвется с оси. В результате юмор, жестокость и чувственность

сливаются до неразличимости, а местами текст охватывает некоторое головокружение, из-за которого он от ослепительных в своей афористичности формулировок клонится к довольно неуклюжим пассажам. Однако в целом механизм выдерживает и дорабатывает до конца, пускай и с натужным скрипом и угрожающим раскачиванием.

Алексей МОШКОВ

ЗА «ЧЕРНЫМ КВАДРАТОМ» МАЛЕВИЧА, ИЛИ ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ КОНЦА ИСТОРИИ

Евгений Волков. Натюрморт. – М.: Стеклограф, 2024. – 88 с.

Нужна ли поэтической книге обложка (не в смысле более толстых листов бумаги, картона и проч., несущих традиционно-защитные функции, но – определенного дизайнерского решения, имманентного книге)? Казалось бы, повседневная практика даёт отрицательный ответ. Как правило, даже название, образующее неразрывное единство с книгой, как бы неотделимое от нее и настраивающее читательскую оптику на нужную резкость, точку зрения и так далее, – уже редкость. Из последнего можно назвать разве что «КолОкол» Евгения Волкова. И, что самое интересное, он же следующей своей книгой «Натюрморт» даже не пытается, а прямо замахивается на нечто большее, возвращаясь к авангардным практикам столетней давности и возвращая (прежде всего – поэтической) книге (через обложку) художественный смысл, кажется, навсегда уже для нее потерянный (а говоря точнее, перешедший в область маркетинга).

Итак, что представляет из себя «Натюрморт» под взглядом читателя, взявшего в руки книгу, но ещё не раскрывшего ее? Нет, никаких отсылок к каноническому пониманию «натюрморта» там нет и в помине. Под черной суперобложкой (на ней белой краской нанесены лишь имя и фамилия автора и название) располагается зеркало во всю площадь фронталь-

ной обложки. Первая ассоциация: отсылка к похоронным обрядам, когда после смерти родственника в доме занавешивают зеркала черной тканью (чтоб покойник не вернулся с того света). Но в книге не так уж и много моментов, непосредственно связанных со смертью как таковой или опытом ее переживания (скорее, это намеки на ощущение своей ненужности, лишности в мире, экзистенциальной тоски, в принципе, традиционных для поэтического мироощущения, допустим: «в твой день любой когда был жив / но мертв на самом деле...»; или: «там будущее что уже грядет – /и думает что я не существую»). Скорее, смерть можно трактовать как метафору социального среза, жизни мыслящего индивидуума при (как минимум) авторитарном режиме:

и быть готовым быть или не быть –
идти на выход без или с вещами
во тьме трудиться и во скорби жить
мобильником дорожку освещая...

Однако как это вяжется с натюрмортом как жанром живописи? И более того: как эта отсылка к похоронным обрядам соотносится с названием? При таком ракурсе ответ на оба вопроса очевиден: никак. Но не стоит ли тогда в попытке интерпретации исходить из названия: как принадлежности к миру искусства?

При таком взгляде черная суперобложка немедленно воскрешает в памяти «Черный квадрат» Малевича, символизирующий собой конец человечества (по Гиренку) и, как следствие, его, человечества, искусства. И вот уже в этот контекст идеально вписывается момент со смертью, а сама книга стихов является тем, что находится после – после конца человечества. Таким образом сама книга (с внешней стороны: объект как таковой) приобретает значение поэтического жеста, в чем, думается, и заключается ответ на вопрос, а что же после: творение нового мифа на руинах старого (конец истории, по Фукуяме, уже наступил).

(Как вариант: это тот же взгляд в бездну, представленную зеркалом и открывающуюся за «Черным квадратом», – взгляд в глубину самого себя (то, что поэт знаком с творчеством

Ницше, который тоже является для него материалом для творчества, не подлежит сомнению, к примеру: «все что делает нас крепче / нас убьет немногим позже») – что открывает уже некое метафизическое измерение.)

Эта интерпретация подтверждается и программным текстом Волкова (собственно, и давшим название):

и мне легко стоять на поле брани
из поля брани сделав натюрморт

И что там в этой новой реальности, в этом новом (реисторическом) мифе?

Трансформация того изображения, кое предполагается при писании натюрморта:

мой натюрморт как целый натюрморт
не спит и ждет и верует в меня...

То есть за концом истории (а человечество как цивилизация существует/мыслится лишь исторически) следует новое начало: новый виток. По спирали (все строго по Аристотелю). Сколько было уже натюрмортных (автократий, диктатур, репрессий, геноцидов и т.д.)? Поэтому нет ничего нового. Все то же самое, но вместе с тем и другое. Повторение с изменениями (нет, это не назвать эволюцией, ибо нет ориентиров, относительно которых можно было бы зафиксировать развитие: поэзия, как, впрочем, и искусство в целом, соотносится только со временем своего настоящего – в этом смысл актуальности).

Возможно, отсюда даже интеграция концептуальных практик (актуальных, как правило, при тоталитарных режимах), на первый взгляд, чуждых поэтике Волкова: «храни меня от бед мой полисмен» (и тут не только Александр Сергеевич («Храни меня, мой талисман»), но и Дмитрий Александрович с его милиционером). Но, в целом, симптоматичных его постмодернистской направленности: тексты Волкова буквально нашпигованы реминисценциями, аллюзиями и т.п. на предшественников (особенно сказывается пристрастие поэта к творчеству Сергея Есенина (что весьма харак-

терно: тот тоже жил и творил в переломный момент эпохи): «быть преданным нисколько не новей – / чем трупы в ямах. засыпать карболкой / и братьев меньших бить по голове / с сознанием исполненного долга»). Что, с одной стороны, есть какое-никакое, а утверждение преемственности, с другой – деконструкция/деформация указывает не только на следующий круг истории-спирали, но и на сам характер времени: форма сообщения уже есть некое сообщение.

В этом плане можно выделить несколько приёмов. Во-первых, отсутствие знаков препинания (кроме тире и многоточий в конце): как указание на недооформленность нового мифа (по принципу «казнить нельзя помиловать»), продолжающееся разворачивание его генезиса. Во-вторых, двойные пробелы между словами: тут не только намёк на музыкальный ритм, но и на дискретный характер современности (в ее движении) и атомизм как ее характерное свойство. В-третьих, все тексты поэта кончаются многоточиями: что это как не утверждение незавершённости, фрагментарности (в том плане, что любой текст может быть продолжен дальше)? И, наконец, в четвёртых, уже знаменитые (по крайней мере в определенных кругах) пантограммы: разложение слов на составные и уже самостоятельные слова (допустим: «ждет лета лорелея или рая / и мама пони чтобы пони мать»; или: «и бога нет вещает бога тырь – / евпатия на пати коловратя»), что а) придаёт высказыванию новые смыслы и б) фиксирует процесс распада некогда незыблемых ценностей (трансформация культурного кода).

Таким образом (по совокупности вышеуказанных примет) поэзию Волкова можно определить как сугубо актуальную (по отношению ко времени) и одновременно идущую в русле (постмодернизм это позволяет) пусть и авангардной (от кубофутуристов с их практиками эпатажа и постсимволизма Поплавского до концептуализма Пригова и метаметафоризма Ерёмченко), а просодически так вообще классической (поэт свято блюдет эвфонический принцип) традиции. Вбирающую в себя сам дух времени (прежде всего – через форму фиксации) и транслирующую его уже через,

казалось бы, исчерпанные формы, давая им новую жизнь, как, например, в случае с книгой (как предметом), которая становится не только частью поэтического высказывания, но и предоставляет читателю выбор: читать или использовать как зеркало. Как часть натюрмор-та. В противу – «речи». У которой и не может быть большого числа поклонников: много званных, да мало избранных.

Илья СКЛЯРСКИЙ

ЧТО ПОЗВОЛЕНО НЕПТУНУ, НЕ ПОЗВОЛЕНО БЫКУ

Антон Секисов. Курорт. – М.: Альпина нон-фикшн, 2024 – 174 с.

Центральный герой повести Антона Секисова «Курорт» терял одну идентичность за другой, и вот уже словно бы утратил все. Почти сорокалетний Митя с перепутанными органами, релоцировавшийся на побережье грузинского городка К. Он отрешился от страны и национальности. Многонародность окружающих – и клиентов – заставила его отказаться от языковой моногамии. Митя отчасти лишился даже своего пола, ведь он вынужден зарабатывать на жизнь перепиской с донатерами от лица вебкам-модели Лизы Райской. Нет у Мити и идеалов, даже самых простых и нелепых, которые дали бы ему чёткое направление жизни.

Но эта беспочвенность как раз и делает Митю идеальным центром повествования. Он как губка, развёрнутая к миру порами, через которые можно рассмотреть нутро. В нутре Мити калейдоскопом отражаются все остальные герои повести, которым этически повезло больше, но эстетически меньше. С одной стороны, они имеют свои идеалы, помогающие удержаться на плаву и сохранить себя. Например, для Рената такой защитой от мировой стихии становится спорт, для Митиной жены Оли – комфорт, для Димы и Насти – конспирология, для Олега Степановича – грибы и Лиза Райская, и так далее. С другой стороны, взгляд на героев через призму ключевого компонента

их картины мира не всегда идёт им на пользу. Это овнешняет образы и делает их стереотипическими, а в случае, например, с Димой и Настей даже безвкусно карикатурными. Секисов взял на себя задачу в небольшом тексте изобразить все типажи релокантов, и в погоне за этим превратил большинство второстепенных персонажей в картинку из учебника с реплайми из соцсети «Икс» на устах.

Благодаря этому, а также композиции повести, которая выстроена как серия взаимодействий Мити с разными проявлениями мира, с людьми, его населяющими, и с самим собой, художественной ценностью тот или иной герой обладает только тогда, когда через него мы можем что-то узнать о Мите. Как правило, речь идёт как раз об идеалах персонажей, с которыми Митя не солидаризируется, и таким образом апофатически определяется. Так как Митя является ещё и главным проводником ключевой темы повести, подобные взаимодействия с другими героями также помогают раскрыть её.

Тема взаимоотношений человека и стихии заявляется уже в одном из эпизодов экспозиции, когда Митя говорит со старым местным рыбаком Шуриком-Ладо. Тот, подобно другим героям, «молится своему богу», вот только в его случае это выражение должно употребляться без кавычек. Старый рыбак общается со стихией напрямую – он возносит молитвы Посейдону, а тот в ответ дарует богатый улов. Многократно подчёркивается древний вид Шурика-Ладо и его атрибутов, что указывает на непреодолимую дистанцию между ним и другими второстепенными героями, нарочито сегодняшними, нашими современниками. Современный человек уже не умеет обращаться непосредственно к стихии, и поэтому для защиты от неё ему приходится придумывать своих богов, таких как комфорт и спорт, которые,

безусловно, гораздо слабее, потому что могут только создавать иллюзию защиты.

Под стихией подразумевается не природа и не погода, а первородная материя, непредсказуемая и властная над человеком: «Жизнь на море зимой. Пространство, где почти нет людей, а цвета приглушены. Тут только ты и очищенная печаль. Просто сидеть и смотреть на стихию, на первобытный хаос. На великую бездну, которая однажды разверзнется. Привыкать к ней по чуть-чуть». Митя любит именно такое море, а не курортное, что говорит о его влечении к первобытным категориям. Растеряв всю идентичность, Митя лишился не человеческого облика, а следствий тысячелетнего развития культуры. Всё, что его интересует, отныне располагается в поле вневременных тем, как у древнего человека: отцовско-сыновние отношения, ревность, вождение, голод, ностальгический взгляд на детство.

Даже Посейдон признаёт в Мите «своего». Во время шторма пропадает объект иззаугольного вождения Мити – зеленуволосая девушка с сиба-ину. Отчаявшись в поисках, герой обращается к морскому богу с неконкретизированной молитвой: «Посейдон, ну пожалуйста!». Кажется, что это не приводит ни к какому результату, но на самом деле происходит главное: после этого Митя возвращается домой, не пострадав от катаклизма.

К сожалению, само явление релокации не получает в «Курорте» заслуженного осмысления, а становится всего лишь напрашивающейся плоской декорацией. Тему вебкам Секисов, напротив, преподносит остроумно, вот только этот мотив довольно быстро оказывается тоже всего лишь обслуживающим основную тему. Выходит, что автору, как и его герою Мите, больше идёт общение с вневременным хаосом водной пучины, чем с палящим солнцем сего дня.

Контакты:

Анна Сафронова (*гл. редактор, проза*): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (*зам. гл. редактора, поэзия, критика*): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (*документальные исследования*): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (*архивные публикации, критика*): rgv@mail.ru

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 3 февраля 2025 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.